Э. М. Мурзаев

ТЮРКСКИЕ географические НАЗВАНИЯ

91(56)
№ 102
М-91

Э. М. Мурзаев

ТЮРКСКИЕ географические НАЗВАНИЯ

14628

Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
1996

ББК 81
М91

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту 95-06-31932

Ответственный редактор
Н.А.БАСКАКОВ

Редактор издательства
М.И.КАРПОВА

Мурзаев Э.М.

М91 Тюркские географические названия. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – 254 с.
ISBN 5-02-016806-8

В книге впервые обобщены закономерности формирования топонимии тюркоязычных народов. Сделана попытка лексико-семантической характеристики названий; особое внимание уделено отражению апеллятивной лексики, личных имен и этнонимов в топонимии. Выделены типы и модели географических названий. Систематизированы географические термины и географические названия, общие в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, а также тюркские географические термины, заимствованные в русский литературный язык и научную географическую литературу.

М $\frac{4602000000\text{-}33}{013(02)\text{-}96}$ Без объявления

ББК 81

ISBN 5-02-016806-8

© Э.М.Мурзаев, 1996
© Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996

«По крайней мере еще не было открыто ни одного племени, настолько примитивного, чтобы оно не употребляло имен — и для людей, и для местности. Человека называют мыслителем, производителем орудий и т.п. Мы можем считать его человеком — создателем имен».

Дж. Стюарт

ПРЕДИСЛОВИЕ

В книге рассказывается о происхождении, структуре и содержании тюркских географических названий. Тема эта неисчерпаема, поэтому автор ограничил ее географическими названиями на территории бывшего Советского Союза. Но при сравнении тех или иных фактов, процессов и параллелей нередко привлекаются примеры из языков зарубежных стран: Турции, Ирана, Болгарии, Венгрии, Монголии, Китая и др.

Автор, географ по специальности, в течение многих десятилетий занимался изучением географических названий вообще и тюркских в особенности. Корни этого интереса — в многолетних экспедициях по Средней Азии, в Монголии и Китае. Первые небольшие статьи о народных географических терминах туркмен и киргизов были опубликованы в 30—40-х годах [Мурзаев, 1939; 1940]. Уже тогда была подчеркнута связь между нарицательными словами и собственными географическими названиями. Ныне стало аксиомой: народные термины, географические апеллятивы — универсальный ключ, открывающий этимологию очень многих (однако далеко не всех) топонимов и в особенности топонимов, относящихся к физико-географическим объектам, или, другими словами, к объектам, созданным природой.

Все разделы ономастики тесно переплетены между собой. Топонимика среди них занимает особое место. В ней присутствуют и личные имена людей, и названия народов, племен, родов и других этнических единиц, и имена богов, тотемов, и хозяйственные, и бытовые термины в гораздо большем объеме, чем географические названия, восходящие к антропонимии, этнонимии и теонимии. Поэтому комплексный топонимический анализ всегда многофункционален. Он должен учитывать природные особенности настоящего и прошлого ареала народов, их историческое развитие, языковую специфику, материальную и духовную культуру. Все это получает отражение в

топонимических системах. Чем глубже в веках истории корни какой-либо системы, тем больше в ней субстратных элементов и заимствований. Все это осложняет процесс познания топонимических закономерностей, а также затрудняет выяснение происхождения, языковой принадлежности и этимологии отдельно взятых географических названий или их совокупности.

К настоящему времени появилась большая литература по топонимии, насчитывающая тысячи работ. Учесть их нелегко, так как многочисленные статьи, брошюры и книги изданы малыми тиражами в областных и республиканских центрах. Топонимические материалы присутствуют и в трудах нетопонимических — исторических, этнографических, лингвистических, географических и т.п. А их безбрежное море!

Печатные труды за 1918—1980 гг. получили отражение в трех выпусках библиографического справочника «Ономастика. Указатели литературы» [Малинская—Шабат, 1976; 1978; 1984]. С того времени прошло еще пятнадцать лет. Поток публикаций не ослабевает. Это говорит о возрастающем интересе к вопросам изучения собственных имен. В научно-исследовательских организациях и высших учебных заведениях появились отделы, лаборатории, сотрудники которых специализируются в области ономастики. Успешно работают ученые Москвы, Петербурга, Екатеринбурга, Томска, Уфы, Казани. На Украине ученые Киева, Одессы, Донецка. Много сделано по топонимии Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Армении, Туркменистана, Узбекистана, Киргизстана, Казахстана, Молдовы. Отметим заслуги ученых Барнаула, Нальчика, Иркутска, Петрозаводска, Владикавказа, Махачкалы, Нижнего Новгорода, Улан-Удэ, Элисты, Сыктывкара, Перми.

В потоке топонимической литературы тюркоязычная в количественном отношении занимает одно из первых мест. Помимо общих вопросов в ней хорошо представлены региональные исследования. Многие кандидатские диссертации были защищены на материалах каких-то административных или физико-географических областей. Появились топонимические словари как высший этап регионального обобщения географических названий. Среди них упомянем словари по Казахстану, Азербайджану, Туркменистану, Башкортостану, Балкарии, Алтаю. Кроме того, появились списки географических названий Киргизии и рек Украины и Татарстана. В Ереване начал выходить четырехтомный «Словарь топонимов Армении и прилегающих областей», не имеющий аналогов по охвату материала. Опубликован первый том (1986, 991 с., названия Аал—Далек), в котором немало тюркизмов. Топонимы переданы в армянской, русской и английской формах. Содержание словарных статей изложено только на армянском языке, а предисловие—на трех языках.

Кажется закономерным, что в конце сентября 1986 г. во Фрунзе (ныне Бишкек) состоялась Первая Всесоюзная конференция по тюркской ономастике. В ней приняли участие двести представителей

всех тюркоязычных союзных и автономных республик, Москвы, Ленинграда и других городов. Прибыли ученые Венгрии и Болгарии. Было заслушано 135 докладов по этнонимии, антропонимии, топонимии, космонимии и другим отраслям ономастики. Преобладала топонимия (50 докладов). В течение трех дней работы продолжалась оживленная дискуссия вокруг общих проблем тюркской ономастики, методов ее изучения, а также специфики региональных исследований. На пленарном заседании обсуждались проблемы взаимосвязи между разными разделами ономастики и принципах номинации. Все это говорит о большой работе, которая проведена по исследованию тюркской ономастики в целом и топонимики в частности.

И в то же время нельзя назвать ни одной обобщающей работы, которая осветила бы вопросы истории формирования тюркских географических названий, их семантики, морфологии, закономерностей номинации, топонимических универсалий.

Между тем в 1979 г. на немецком языке была опубликована большая работа по тюркской топонимике Хартвига Шейнхардта [Scheinhardt, 1979]. Автор хорошо знает русский язык и литературу, охотно ссылается на наши источники. Их большой список (827 названий, с. 855—963) пестрит фамилиями русскоязычных авторов. Внимание Х.Шейнхардта сосредоточено главным образом на выяснении фонетической и морфологической специфики тюркских географических образований (с. 99—214). Исходя из этого, автор составил их типологическую классификацию. Семантика и причинность зарождения топонимов, их этимология занимают в монографии подчиненное место. Им не отведены специальные разделы, но в тексте эти важные и интересные аспекты топонимики все же получили некоторое освещение. Следует отметить строгую и выдержанную систему изложения материалов, последовательную четкую рубрикацию тем и подтем.

В другом плане построена предлагаемая работа. Автор постарался показать тюркскую топонимию в комплексе разных факторов ее формирования и эволюции. Географические названия рождаются, живут и отмирают. Процесс этот бесконечный и беспрерывный.

В тексте собственные географические названия даны в формах, закрепленных в нашей картографии. Слова, заимствованные в русский язык из тюркских или через их посредство из других языков, передаются в принятом у нас написании. Тюркские гласные переднего ряда обозначаются как *ö*, *ÿ*; согласные *k*, *q* передаются через *к*, *г*; *г'* — через *г*, заднеязычный *нг* — через *н* и *н(г)*. Долгота гласных обозначается их удвоением: *оо, öö, уу, ÿÿ*. Эта графика сохраняется в случае воспроизводства оригинала. Примеры, иллюстрирующие те или иные собственные географические названия, даются в русской традиционной транскрипции, не отражающей долготы. О неодинаковом написании одних и тех же названий будет специально сказано в конце книги (см. раздел «Вечные вопросы транскрипции»).

Наконец, здесь уместно упомянуть о разных формах географических названий и терминов, а также других слов, встречающихся в составе тюркских топонимов. Известно, что в разных тюркских языках и форма, и написание многих слов, обозначающих одни и те же понятия, различны. Сравним: узб. *иссик*, кирг. *ысык*, азерб. *исти*, туркм., каз., ккалп. *ыссы*, ног. *иссит* 'горячий, жаркий, знойный, очень теплый'. Другой пример: тур. *ayak*, каз., кирг. *аяк*, азерб. *аяг*, узб. *оёк*, алт. и тув. *адак*, якут. *айах*, татар. и башк. *азак*, хакас. *азах* 'нога'; 'низовье реки, подножие горы; устье', восходящие к др.-тюрк. *ajaq, adak* 'нога' [ДТС, 1969 с. 27—28].

Отдельные положения и план настоящей работы обсуждались на Топонимической комиссии Московского филиала Русского географического общества. С благодарностью учтены замечания, сделанные тюркологами и топонимистами: Н.А. Баскаковым, И.Г. Добродомовым, Г.И. Донидзе, Н.В. Подольской, Е.М. Поспеловым, А.З. Розенфельд, Э.Р. Тенишевым, Х.Х. Хасановым. Отдельные темы были доложены на пленарном заседании Первой Всесоюзной конференции по тюркской ономастике во Фрунзе, на заседании Топонимической комиссии Географического общества в Ленинграде. Три раза автор выступал с докладами на заседаниях Топонимической комиссии Московского филиала этого общества и один раз на семинаре группы ономастики Института языкознания РАН в Москве.

Топонимика требует привлечения научных достижений языкознания, истории и географии. Только при этом условии можно надеяться получить удовлетворительные ответы на трудные вопросы зарождения и эволюции географических названий. Смысл некоторых из них нередко спрятан «за семью замками». Комплексный метод в топонимическом анализе позволяет более обоснованно подойти к изучению такого феномена народного творчества, как совокупность собственных имен. Еще В.И. Вернадский отметил специфику научного познания нашего времени: «Мы все больше специализируемся не по наукам, а по проблемам. Это позволяет, с одной стороны, чрезвычайно углубляться в изучаемое явление, а с другой — расширить охват его со всех точек зрения» [Вернадский, 1977, с. 54]. Автор в пределах своих возможностей старался руководствоваться этой мыслью. Каков итог такого подхода к раскрытию темы, судить не ему.

Неоценимую помощь своими замечаниями оказали автору Н.А. Баскаков, Г.Ф. Благова и Г.И. Донидзе. Всем им великая благодарность. Конечно, они ни в коей мере не могут разделить с автором ответственность за возможные ошибки и допущенные неточности. В таких случаях всегда виноват написавший эти строки.

ИЗ КЛАССИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Начиная с XI в. в трудах среднеазиатских ученых можно заметить интерес к происхождению географических названий. Уже тогда великие мыслители мусульманского мира обратили внимание на их эволюцию во времени. Об этом писал узбекский ученый Х.Х. Хасанов (см. [Хасанов, 1962; 1964; 1972]). Он приводит высказывание Абу Райхана Бируни (Беруни) о замене местных топонимов арабскими под влиянием исламизации и частичного внедрения арабского языка и письменности на Кавказе и Средней Азии. В одних случаях арабы переводили географические названия, калькируя их, в других — искажали до неузнаваемости оригинал «...это делают арабы при передаче (чужих) названий на арабском языке. Названия при этом искажаются, например Пушанг они пишут в своих книгах (в форме) Фусандж, а Сакилканд они пишут в своих налоговых книгах как Фарваза. Но еще более непостижимое и необычное дело, когда мы обнаруживаем, что один и тот же язык у одного и того же народа претерпевает изменения и в результате в нем появляются странные вещи, которые способен понять лишь редкий человек» (цит. по [Хасанов, 1972, с. 116]). Этот же автор указывает, что Бируни подтверждает наличие гидронима Хасарт (ныне Сырдарья) в рукописи «Худуд-ал-алам», что дает основание считать греческое название реки Яксарт переоформлением исконного Хасарт, так же, как греческое Оксус для Амударьи восходит к др.-тюрк. *окуз, угуз* 'вода, река'. Если так, то возраст тюркских названий в Средней Азии оказывается весьма древним.

О замене и исчезновении топонимов писали и другие мусульманские авторы. Арабский ученый-энциклопедист Якут (Йакут ибн Абдаллах ар-Руми ал-Хамани, умер в 1229 г.) составил большой географический словарь, задуманный во время его пребывания в Мерве (ныне Мары в Туркменистане). Он писал о географических названиях, которые «по давности времени» делаются непонятными [Бартольд, т. 8, 1973, с. 512]. Якут призывал изучать географические названия, так как они представляют большой интерес. Кроме того, «поэтам и ученым-филологам необходимо точное знание произношения названий мест, рек, гор, колодцев, чтобы не ошибиться и не стать посмешищем у образованных людей» (цит. по [Крачковский, 1957, с. 337]). Якуту принадлежит и список географических омонимов, где перечислено 1091 название для 4261 объекта.

На смену топонимов указал и В.В. Бартольд на основании свидетельства математика, астронома и географа Мухаммада Хорезми (IX в.): «рядом с географическими названиями мусульманского периода еще встречаем большое число древних названий, впоследствии эти названия стали быстро исчезать» [Бартольд, т. 8, 1973, с. 512].

Х.Х. Хасанов уделил особое внимание свидетельствам Махмуда Кашгарского (XI в., полное имя Махмуд ибн ал-Хусайн ибн Мухаммад ал-Кашгари). В.В. Бартольд охарактеризовал его как единственного автора, который писал о Средней Азии не по книжным источникам, а на основе личного знакомства с этой страной [Бартольд, т. 2, ч. 1, 1963, с. 558]. Средневековый ученый совершил несколько путешествий, собирая языковой и географический материал. Его диалектный словарь получил всеобщее признание не только среди тюркологов, но и у географов.

«В лингвистическом отношении его книга, — писал академик И.Ю. Крачковский, — представляет совершенно исключительное значение, ее открытие... явилось целым событием в тюркологии. Однако она и с географической точки зрения важна: она дает очень большие материалы по турецкому (тюркскому. — *Э.М.*) фольклору и ряд сведений о расселении тюркских племен с данными по исторической географии занятых ими стран. Факты, сообщаемые автором, обыкновенно оказываются заслуживающими доверия и очень часто подтверждаются новыми археологическими открытиями в Средней Азии» [Крачковский, 1957, с. 268].

Это же подтверждает и Х.Х. Хасанов [Хасанов, 1962, с. 31—36], специально изучавший географическое наследие первого тюрколога. В его статье приведен ряд тюркских топонимов и даны их интересные этимологии. Две реки, орошающие Хотанский оазис, — Орунгкаш и Каракаш — названы: одна — по светлому прозрачному, другая — по черному камню. Каш — чистый без пятен камень, драгоценный камень (подразумевается нефрит, обладающий таинственными лечебными свойствами и якобы защищающий от стихийных бедствий). У Махмуда Кашгарского приведены разные названия для Ташкента: Тошканд ‘город, построенный из камня’, Тонкенд, Озкенд, Тарканд, Шаш, Чач. Слово *таркан* означает ‘подчиненный’. «Хаканы правителей подчиненных себе вилайетов называли таркан» [Хасанов, 1962, с. 33].

Из других географических терминов названий отметим: *алтын* ‘золото, монета’; *арт* ‘высокий перевал’; *бурун* ‘нос’, но и ‘мыс, выступ горы’; *как* ‘место с лужей, зимой высыхающее’; *сув* ‘скопление воды’; *оз* ‘ущелье, долина’, *сайрам сув* ‘мелкая вода’ (*сайрам нур* ‘неглубокое озеро’); *тамга* ‘проток, рукав, приток, место стоянок лодок’, *окуз* — «Вообще слово *окуз* применяется в смысле текущей воды. Поэтому название ущелья и реки на Тянь-Шане Джеты-Огуз, — замечает Х.Х. Хасанов, — лучше осмыслить как ‘семь рек’ (семиречье), а не ‘семь быков’» [Хасанов, 1962, с. 33]. Попутно укажем, что гидрониму Джеты-Огуз посвящена специальная статья С.У. Умурзакова [Умурзаков, 1968, с. 62—69]. В долине реки автор находит семь арашанов, горячих минеральных источников, отсюда перевод «семь вод». Зарождение гидронима он относит к раннему средневековью.

Заметим, что Махмуд Кашгарский не избежал народно-этимологических объяснений, обычных и в наше время и, видимо, присущих всем эпохам.

В XIX в. пионером систематического сбора и толкования тюркских географических названий был известный ученый, академик В.В Радлов (1837—1918), интересы которого тесно переплетались с географией и Русским географическим обществом. Будучи учеником знаменитого немецкого географа Карла Риттера и неутомимым путешественником, В.В. Радлов посетил многие районы Сибири, Туркестана, Монголии, Западного Китая, собирал тюркские слова, в том числе географическую терминологию и топонимы. «Путешествия В.В. Радлова и его последующие, основанные на этих путешествиях труды представляют... первостепенный интерес не только для лингвиста, но и для географа, историка и археолога», — писал академик В.В. Бартольд [Бартольд, т. 9, 1977, с. 665]. Двенадцать лет В.В. Радлов прожил в Барнауле, откуда совершал различные путешествия и более всего интересовался изучением Алтая, его этнографией, языками и географией. Топонимические материалы В.В. Радлова частично вошли в его известный труд «Опыт словаря тюркских наречий» (четыре тома, восемь книг, 1893—1911; новое издание, 1963) и другие сочинения, в особенности «Aus Sibirien» (1893). На русском языке книга вышла в 1989 г. [Радлов, 1989]. Анализу его топонимических интересов посвящена обстоятельная статья Г.Ф. Благовой [Благова, 1972, с. 102—131]. Она обращает внимание на тщательность записей географических названий В.В. Радловым, фиксацию их вариантов и изменений фонетического облика имени собственного в русском употреблении. Так, сагайские топонимы Паза суг превращаются в рус. База, Пурасуг — в Бюра, Сус — в Шуш и Шушенское. Исследователь отмечает калькирование русскими тюркских топонимов: Кызыл Чар — Красноярск, Арасан — Тепло-Ключинская и частично в топониме Ак Ус — Белый Юс (полукалька).

Г.Ф. Благова пишет: «Надо сказать, что всегда, где бы ни путешествовал В.В. Радлов, к гидронимам он проявлял особенно пристальное внимание. Если проследить и суммировать его наблюдения в этой части топонимии, получается, что В.В. Радлов первым заметил особо важную роль гидронимии в сибирской топонимии, — позднее В.Б. Шостакович, не знакомый с работами В.В. Радлова, назовет эту особенность сибирской топонимии „ориентировкой по гидрографической сети края”» [Благова, 1972а, с. 102].

В трудах ученого можно найти немало интересных замечаний о связи между тюркскими топонимами и этнонимами, взаимоотношени-

ях разных категорий топонимической лексики: гидронимов с названиями населенных мест и оронимами, о чем будет сказано в соответствующих местах этой работы. Отметим также, что именно В.В..Радлов был зачинателем изучения географических имен древних тюрков из надписей на камне и, что существенно, пытался их локализовать, показав тем самым большую их сохранность (Селенга, Тогла/Тола в Монголии). Интересно, что в своем четырехтомном словаре тюркских наречий ученый уже в XIX в. выяснил истинное значение слов *карасу* (он пишет *кара су*) 'источник, родник', (хотя буквальный перевод 'черная вода') и *сары* 'желтый' в сочетании *сары тала* 'сухая степь'.

В.В. Радлов обратил внимание на разноименность одной и той же реки или какого-либо населенного пункта, местности. Г.Ф. Благова считает эти разные названия топонимическими эквивалентами. Кроме того, ученого привлекал факт фонетической вариантности географических названий, калькирование и адаптация при освоении их нетюркскими народами. Большое внимание В.В. Радлов уделил анализу прилагательных *ак, кара, кок, сары, ала* в составе топонимической лексики.

Начиная свою статью о роли В.В. Радлова в изучении тюркской топонимии, Г.Ф. Благова писала: «Василий Васильевич Радлов не оставил и не мог оставить после себя специальных топонимических работ. Это естественно: топонимика как самостоятельная дисциплина оформляется буквально на наших глазах. Тем не менее труды В.В. Радлова насыщены богатейшим фактическим материалом по топонимии, собранным им преимущественно в полевых условиях. Понятно, что уже самый сбор топонимии, ее подача в тюркологических публикациях ученого подразумевали постепенно складывающуюся систему топонимических взглядов. Воззрения В.В. Радлова на топонимию выявляются в отдельных метких наблюдениях, как блестки, разбросанные в его многочисленных тюркологических трудах» [Благова, 1972а, с. 102].

По существу, именно В.В. Радлова следует считать отцом тюркско-монгольской топонимии XIX в.

Значительный ономастический материал содержится в двухтомном «Сравнительном словаре турецко-татарских наречий» Л.З. Будагова (1812—1871). Однако материал словаря специально не изучался и пока не систематизирован (первое издание — 1869 и 1871 гг., второе — 1960 г.).

Талантливый ученик В.В. Радлова П.М. Мелиоранский (1868—1906) принимал активное участие в работах Подкомиссии по транскрипции географических названий Русского географического общества, написал несколько статей о передаче тюркских топонимов средствами русской графики. Его интересовали тюркские топонимические апеллятивы и этимологии. Он был одним из первых авторов, чье внимание привлекли тюркские элементы в «Слове о полку Игоре-

ве». Роль П.М. Мелиоранского в истории русской топонимики показала Г.Ф. Благова, которая призывает ввести в научный обиход наследие этого выдающегося ученого [Благова, 1973].

Географические названия Средней Азии собраны в словаре Армения Вамбери [Vambery, 1891]. Известно, что этот венгерский ученый, опубликовавший немало трудов по истории и филологии Туркестана, в середине XIX в. совершил путешествие якобы для поклонения мусульманским святыням Хивы, Бухары, Самарканда. Под видом дервиша Хаджи Решида, рискуя жизнью, он прошел по караванным путям через пустыни и оазисы Туркменистана и Узбекистана. Свой словарь автор открывает следующими словами: «Изучение географических названий по-прежнему является слабым местом географической науки, бурно развивающейся в последнее время. Наши путешественники исследуют самые отдаленные уголки земного шара, количество астрономических, орографических и гидрографических съемок увеличивается беспрестанно; однако географические названия, которые фигурируют в этих материалах, представлены по-разному, часто так искажены, что при сравнении различных картографических материалов мы находим сплошную путаницу. Напрасно старались бы мы выявить правильное произношение и написание того или иного слова» [Vambery, 1891, с. 263].

А.Вамбери, полагая возможным дополнить свои материалы, приводит слова В.Гёте: «Такая работа никогда не бывает готовой. Ее нужно считать законченной, когда сделано все возможное в зависимости от времени и обстоятельств» [Vambery, 1891, с. 264].

В словаре А.Вамбери приведены не только тюркские, но и ираноязычные топонимы. Первые решительно преобладают. Указаны географическая привязка и перевод. Многие толкования не вызывают возражений, другие сомнительны, третьи просто искусственны, надуманны. Среди них, например, Ак-Ленгер 'белый бассейн', Алай (Алайская долина, Алайский хребет) 'масса, толпа, куча, группа'. Толкование этих слов — пример народной этимологии. Она отчетливо проявляется и при объяснении таких широкоизвестных, но так и не получивших удовлетворительной этимологии топонимах, как Андижан — из тюрк. *and* 'клятва, союз' и *dschan* 'душа, дорогой, любимый'. Раньше Андижан назывался *Adak* 'обет, клятвенное обещание'. Но известно употребление последнего слова в тюркской топонимии в значении «нижний, низовье, подножье». Иргиз — река в Казахстане, букв. 'бродяга, путешественник' от *ir* 'земля, место' и *giz* 'путешественник'. Кунгес — река в бассейне Или, букв. 'тихо'. Сайрам 'песня, пение'. Чиназ 'кокетство'.

И в то же время А.Вамбери привел вполне достоверные этимологии. Среди них Ишантепе 'монашеский холм', Яманяр 'плохой склон', Янгихисар 'новая крепость', Яшильтепе 'зеленый холм', Капланкыр 'тигровое поле' (лучше — 'плато'), Караулкую 'колодец-форпост', Карши 'дворец, замок', Кашкайол 'пустынная дорога',

Кошарал ‘двойной (парный) остров’, Такла-Макан ‘опустошенное, пустынное место’, Узунада ‘длинный остров’, Устюрт ‘верхняя страна’ и др.

В.В. Бартольд (1869—1930) — крупнейший историк Ближнего Востока, Средней и Центральной Азии. Прекрасное знание источников и талант исследователя позволили ему написать много капитальных работ, в которых рассыпана масса топонимических комментариев и этимологий географических названий. Специальных топонимических работ у В.В. Бартольда нет, но он охотно пользуется местными географическими терминами: *арык, балык, кыр, тархан, тугай, туртkуль, юрт* и др. Объясняя их, В.В. Бартольд писал о чрезвычайной важности изучения терминов, так как некоторые из них, возможно, сохранились с глубокой древности. Его трактовки тюркской, ираноязычной, арабской, монгольской топонимии отличаются простотой, ясностью, убедительно и прочно опираются на исторические данные.

Большим вкладом в тюркологию оказались работы В.В. Бартольда о древнетюркских рунических надписях, обнаруженных в бассейне р. Орхон в монгольских горах Хангая. В текстах этих и других памятников, а также в мусульманских источниках, как известно, упоминаются географические названия. Ученый постарался локализовать их. Он говорит о средневековом городе Атбаш в бассейне р. Нарын на Тянь-Шане, где ныне остались развалины Кошой-Курбан; о городах Иссык-Куль и Илибалык, повторяющих соответствующие гидронимы. В.В. Бартольд свидетельствует, что имя р. Чу не встречается в мусульманских источниках в домонгольское время, однако «название города Суяб (*суй* + перс. *аб* ‘вода, река’), несомненно, связано с названием реки» [Бартольд, т. 3, 1965, с. 568]. Имя оз. Балхаш он считает монгольским, казахи называли его Актенгиз ‘белое море (озеро)’ [Бартольд, т. 3, 1965, с. 360—361]. У Махмуда Кашгарского оно встречается под именем Теринг-куль. У огузов *теринг* ‘нечто обильное’. Ср. др.-тюрк. *терин(г)* ‘глубокий’, *терин(г) уры* ‘обширная долина’ [ДТС, 1969, с. 554]. Близ озера был город Ики-Угуз ‘двуречье’. Попутно заметим, что междуречье Карадарьи—Нарына в Средней Азии в тюркской номенклатуре именовалось Икису арасы, т. е. ‘между двумя водами (междуречье)’, что получило отражение у арабского географа Истахри в форме Миянрудан (ср. тадж. *миён* ‘середина’). В.В. Бартольд указывает, что «Семиречьем (Джеты-су) первоначально называлась только область к северу от Или; на горную область к югу от Или это название было распространено только при русских» [Бартольд, т. 2, ч. 1, 1963, с. 511]. Название города Карши считают монгольским наследием. Но, по мнению В.В. Бартольда, оно уйгурского происхождения, «вероятно, заимствованное из местных языков Восточного Туркестана, а позже усвоенное монгольским языком; означает ‘замок, дворец’» [Бартольд, т. 3, 1965, с. 450].

Объясняя термин *балык* ‘город’ и топонимы Бешбалык ‘пять городов’ (город в Западном Китае) и Ханбалык ‘царский город’ (т. е. Пекин), ученый пишет: «...слово *балык* по-турецки значило ‘глина’; „город”, следовательно, получил название по материалу, из которого воздвигались постройки, подобно тому, как арабы в смысле кочевники и оседлые употребляли термины люди войлока и люди глины» [Бартольд, т. 5, 1968, с. 44]. Из некоторых топонимов, упоминаемых в мусульманских источниках, В.В. Бартольд отмечает р. Чу (Шу), города Суяб, Кочкар-баши, Баласагун. Этимология последнего неясна (ср. монг. *балга-сун* ‘город’, что оспаривается). Баласагун назывался и Куз-орду. Примерами народной этимологии ученый считает объяснение имени города Узгенда: «*уз кент* ‘наш собственный город’, хотя город существовал и до турецкого завоевания»[1] или Самарканда из тюрк. *самизкент* ‘жирный, т. е. богатый, город’ [Бартольд, т. 5, 1968, с. 78]. Столица Чача/Шаша — Бинкен получила тюркское название Ташкент ‘каменный город’, хотя, добавляет автор, «каменных пород в этой местности почти совсем нет, в литературе есть несколько попыток объяснить этот странный факт, но эти попытки остаются произвольными догадками» [Бартольд, т. 5, 1968, с. 78].

В терминологию тюркских языков Средней Азии в средние века внедрялись арабские и персидские слова для обозначения тех или иных типов населенных мест. У арабских географов X в. употребляются термины: «1) *медина* (перс. *шахристан*) — внутренний город, т. е. первоначальное городское поселение, большею частью домусульманского периода; 2) *кухендиз* (по-перс. ‘старая крепость’; редко заменяется арабским словом *кал‘а*) — цитадель, находившаяся иногда внутри медины (как в Мерве), иногда вне ее; 3) *рабад* — арабское слово, служившее для обозначения как стены, окружавшей город вместе с пригородами, так и самих пригородов в противоположность „внутреннему городу”; 4) *белед* — город в обширном смысле, т. е. внутренний город вместе с пригородами; 5) *рустак* — группа селений в окрестностях города; все рустаки вместе образуют культурную полосу, прилегающую к данному городу и большею частью отделенному от культурной полосы следующего города степным пространством» [Бартольд, т. 4, 1966, с. 173—174].

В.В. Бартольд в своих многочисленных больших и малых работах не пользуется терминами «топонимика, топоним», но его внимательное отношение к географическим названиям чувствуется постоянно, они помогают осмыслить и локализовать те или иные события исторической географии. С большой осторожностью он подходит к этимологиям. В этом отношении характерна его позиция в рецензии на книгу Л.Каёна (*L.Cahun.* Introduction à l’histoire de l’Asie. Paris, 1896), в которой можно прочитать: «...во всей книге г-на Каёна нас неприятно поражает пристрастие автора к этимологическим объяснениям личных, географических и этнографических названий. Более чем

[1] Новая этимология названия Узген ‘город на холме’, см. у С.Умурзакова [Умурзаков, 1985, с. 11—13], о чем ниже.

сомнительные догадки (большей частью принадлежавших Вамбери) везде приводятся в качестве несомненной истины; столь же категорическим тоном высказываются еще более сомнительные толкования самого г-на Каёна» [Бартольд, т. 5, 1968, с. 240].

Делает честь ученому мысль относительно необходимости сравнительного изучения финальных составляющих в географических названиях. При анализе списка имен селений бассейна Зерафшана по арабским источникам он обобщает: «Особенно важно определить произношение окончаний, повторяющихся во многих названиях и без сомнения имевших нарицательное значение» [Бартольд, т. 2, 1963, с. 172]. Ему же принадлежит и указание на близость окончания *-кат* и *-кас* в названиях городов Ахсикас, Бинакас, Тункас. Известно, что современная топонимика использует такие часто повторяющиеся элементы (форманты) географических названий для комплексного анализа. При этом нередко подтверждается мысль В.В. Бартольда о том, что некогда такие форманты обладали нарицательными значениями, другими словами, в большей мере являлись географическими терминами, порою уже утратившими первоначальный смысл.

Известный монголист академик Б.Я. Владимирцов (1884—1931) опубликовал две статьи (1911; 1929), посвященные тюркским элементам в монгольской лексике и географическим названиям. Еще в 1911 г. он отметил, что название р. Тола, в долине которой находится г. Улан-Батор, встречается в орхонских надписях в форме Tugla/Tugula. Б.Я. Владимирцов отвергает чтение Томсена и Радлова в форме Togla, где звук *о* заменил звук *у* сравнительно поздно, уже в русской транскрипции. Ср. *ула/ола* 'гора', *нур/нор* 'озеро'. Мой вопрос: если гидроним Tugula тюркского происхождения, то нельзя ли здесь видеть связь с узб. *тукилмок*, кирг. *тогул* 'разливаться, рассыпаться'? Река Тола не раз затапливала низкие террасы, где расположена бóльшая часть столицы республики. Точку зрения Б.Я. Владимирцова о форме Тугла/Тугула подтверждает современный монгольский вариант Туулгол, сложившийся в результате редукции *г*, последующего стяжения и образования долгого гласного: Тугула → Туул.

Среди географических названий, обнаруженных в орхонских надписях и сохранившихся в монгольском языке, Б.Я. Владимирцов находит: Алтай, г. Бай-Балык, р. Иртыш, р. Кем (верховья Енисея), р. Орхон, р. Тола, р. Селенга, р. Ага [Владимирцов, 1929, с. 169—174]. Все эти названия домонгольские, но какие? Они, конечно, генетически восходят к разным языкам: тюркским, тунгусо-маньчжурским, индоевропейским.

Классическая монография Б.Я. Владимирцова «Общественный строй монголов» (1934) содержит богатый материал по этнонимике и географической терминологии, помогающий на сравнительной основе осмыслить некоторые вопросы тюркской ономастики, что получило отражение, в частности, и в этой работе.

Было бы несправедливым забыть большую работу А.Лекока [Le Coq, 1922] о восточнотюркских географических названиях. В ней автор справедливо пишет о разнообразии языков, принимавших участие в формировании топонимической системы Восточного Туркестана, где наряду с тюркскими элементами могут встречаться заимствования из арабского, персидского, монгольского, тибетского и китайского языков; ныне почти забыто название Восточный Туркестан. Это южная часть Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. Подтвердилось наблюдение А.Лекока о том, что населенные пункты часто именовались по названиям базарных дней недели, могил святых, колодцев, по тем или иным значительным событиям. Интересно его указание на искусственное окончание *р* в топонимах, оканчивающихся на гласный *а*, в результате влияния персидско-арабского письма: Куча→Кучар; на разночтение одного и того же географического термина *корум* и *корам* и на притяжательную форму топонимов: Маралбаш→Маралбаши (Маралбашы), Агзы→Агзыы.

В своем списке «Восточно-тюркских названий с их объяснением» А.Лекок исходит из апеллятивной лексики, в основном из географических терминов и прилагательных: *aqin* 'ручей, течение воды', *aral* 'остров', *basqan* 'наводнение, переполнение', *döng* 'холм', *qamar* 'нос', *qotan* 'хлев', *orta* 'середина', *sary, sarïq* 'желтый', *tirsäk* 'локоть', *toluq* 'полный, наполненный', *yilan* 'змея', *yardang* 'лёссовый бугор' и т.д.

В перечне таких слов есть толкования, не приемлемые с позиций современных представлений: Тарим 'пашня, нива', Иркештам 'мужчина проходит мимо стены (утеса)'. Интересно, что пишет он о названии всемирно известной пустыни Такла-Макан, пески которой занимают огромную площадь в Таримской впадине. Турфанцы называли ее просто Чöлы гоби: *чöл* 'пустыня' + монг. *гоби* 'пустыня' (вернее, 'засушливая земля', так как тюрк. *чöл* соответствует монг. *цöл* 'пустыня'). Но жители Андижана, Афганистана, Кашмира, а в Синьцзяне жители Кучи, Яркенда, Хотана знают имя Такла-Макан, «где есть места с черепками». А.Лекок не раскрывает этимологии, замечая, что оно может быть джунгарское. Такое предположение не подтвердилось.

А.Лекок не показал роль этнонимов в формировании географических названий Таримской впадины и почти не отразил антропотопонимию. В начале XX в. эти направления в топонимике еще не получили необходимого развития.

Из наших современников, которых можно отнести к выдающимся ученым-тюркологам, интересовавшимся вопросами топонимики, упомянем академика А.Н. Кононова (1906—1986). Его толкование географических терминов и названий, а также исследования по географической ориентации тюркских народов широко использованы при работе над этой книгой.

АРЕАЛЫ И ВОЗРАСТ

В бывшем Советском Союзе народы, говорящие на тюркских языках, по численности занимают второе место после славянских. По данным переписи и по оценкам на середину 1983 г., количество тюркоязычного населения составляет 43 450 тыс. [Брук, 1986, с. 777].

По данным на середину 1983 г., самый многочисленный народ — узбеки (15 520 тыс.), самый малочисленный — тофалары (0,8 тыс.) [Брук, 1986, с. 823, 824].

Тюркские языки, кроме чувашского и якутского, близкородственны. Носители их понимают друг друга, несмотря на некоторые фонетические различия и семантические расхождения.

Существует несколько классификаций тюркских языков. Остановимся на одной, которая приведена Н.А. Баскаковым в работе «Тюркские языки (Общие сведения и типологическая характеристика)» [Баскаков, 1966, с. 7—16]. По его схеме, все языки подразделяются на две ветви: западную и восточную. Первая из них включает булгарскую группу (куда из современных языков относится только чувашский); огузскую группу (современные — туркменский, гагаузский, азербайджанский, турецкий языки и горные диалекты крымско-татарского языка); кыпчакскую (современные — кумыкский, карачаево-балкарский, караимский, татарский, башкирский, каракалпакский, казахский, ногайский языки и степные диалекты крымско-татарского языка); карлукскую (современные — узбекский и новоуйгурский языки). Восточная ветвь объединяет две группы: уйгурскую (современные языки Сибири — тувинский, тофаларский, хакасский, шорский, камасинский, язык чулымских татар, северные диалекты алтайского, якутский и долганский) и киргиз-кыпчакскую (киргизский, алтайский языки).

В других, более поздних работах Н.А.Баскаков останавливается на географической интеграции языков [Баскаков, 1980, с. 3—6; 1981], выделяя пять ареалов. Первый из них — булгарский — охватывает Поволжье, где чувашский язык характеризуется ламбдаизмом, соответствием *л* ↔ *ш* и ротацизмом *р* ↔ *з*, наличием протетических согласных *й* и *в* в начале слов.

Второй — огузский — протянулся по южной окраине Евразии от Балкан до Туркменистана, частично Узбекистана. В языке этого ареала наличествуют звонкие согласные *д*, *г* в начале слов (*даг, гёл*) вместо глухих в других тюркских языках (*таг, кёл*), а также специфичны

некоторые модели словообразования. В языках этой группы велико число ираноязычных заимствований.

Третий ареал — кыпчакский — включает Среднее и Нижнее Поволжье, Северный Кавказ и Северный Крым, Казахстан, Каракалпакию, Киргизию, Горный Алтай. Сюда же относятся караимский и башкирский языки. В языках этой группы в конце слов в сочетании гласных с согласными *г, г'* заметен переход в дифтонги или долгие гласные: *таг, тау, тоо, туу* и переход *й* в начале слова в *ж, дж, дь* (*жайляу, джайляу*). Для татарского и башкирского языков характерен булгарский субстрат.

Четвертый ареал — карлукский — занимает восточную часть Средней Азии и Восточный Туркестан. Языки этого ареала имеют свою специфику в словообразовании и словоизменении. На узбекском языке сказывается влияние таджикских говоров и арабского языка, в Синьцзяне — дунганского и китайского, а в более раннем периоде — санскрита, тибетского и тохарских языков.

Пятый ареал — уйгурский — включает языки Южной, Восточной и частично Западной Сибири. Они испытали воздействие финно-угорских, монгольских, палеоазиатских и тунгусо-маньчжурских языков.

Древность тюркских языков подтверждается наличием их в алтайской эпохе, когда отмечается слабая дифференциация тюркско-монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейского и японского языков. Трудно определить время возникновения этой эпохи.

Вторая эпоха — хуннская, в течение которой наблюдалась начальная консолидация основных групп тюркских языков (III в. до н.э. — V в. н.э.), тогда тюрки распространялись на громадных пространствах от Центральной Азии до границ Римской империи. Языки хуннов известны мало, но считают, что некоторые из них генетически близки к чувашскому.

Третья эпоха — древнетюркская (VI—IX вв.), когда происходит дальнейшая дифференциация тюркских языков и когда возникают племенные союзы хазар и булгар на западе и Тюркский каганат на востоке. Это время донесло до нас каменные памятники с орхоно-енисейскими руническими письменами и ставшими известными географическими названиями.

Четвертая эпоха — среднетюркская (IX—XV вв.) — время становления языков, которые легли в основу всех современных тюркских языков.

Пятая — новая эпоха (XVI—XIX вв.), в течение которой окончательно сформировались диалекты тюркских языков. Некоторые из них приобрели письменность.

Шестая эпоха (XX в.) — эпоха, когда происходит консолидация диалектов и племенных языков в национальные, разрабатывается письменность, появляются литературные языки. Письменность, основанная на арабской графике, была переведена на латинскую, а затем в

СССР — на русский алфавит [Баскаков, 1981, с. 109—115]. Турецкая письменность и сегодня остается на основе латинской графики, а новоуйгурская — на основе арабской. Для тюркских народов, объединенных в самостоятельные политико-суверенные образования, единым языком межнационального общения стал русский. Его лексика с закономерной адаптацией во многом обогатила тюркские языки, стала органической частью их речи, особенно в терминологических сферах. Влияние русского языка на тюркские в XX в. оказалось гораздо более сильным, чем влияние персидского или арабского языков, значение которых и до этого времени было мало ощутимым у тюркского населения Сибири, но весьма заметно в Средней Азии и на Кавказе, в частности в Азербайджане.

И в Центральной Азии, и Южной Сибири сами тюркские географические названия наложились на какой-то субстрат, предположительно — индоевропейский. Известно, что древними насельниками в Восточном Туркестане были тохары, два языка которых (А и Б) относятся к индоевропейской семье. Наличие индоевропейских топонимических элементов в Южной Сибири показано в работах А.П. Дульзона [Дульзон, 1964, с. 14—17] и Э.М. Мурзаева [Мурзаев, 1964, с. 3—13]. Археологи считают, что алтайцы в прошлом — крайняя на северо-востоке ветвь скифо-сакских племен (VII—III вв. до н.э.). Вспомним также ираноязычных юечжей (культура Пазырыкских курганов). Первый из этих авторов очертил ареалы гидронимов в Южной Сибири с компонентами *кем, об, ман, тари/дари*, а на севере Казахстана и юге Сибири ареал названий с элементами *теке* и *чага*, что сравнимо с западнотохарским словом *такe* и восточнотохарским *цаке* ‘река’ [Дульзон, 1969, с. 3—5]. Второй указал на наличие гидронимических формантов *кем, хем, кам, кан, хан,* .восходящих к индоиранским языкам. Такое предположение подтверждается наличием индоевропейских названий в Центральной Азии: р. Кран, хр. Ханхухэй (ср. иран. *хöх, кух* ‘гора’, нем. *hoch* ‘высокий, возвышенный’), оз. Эби-Нур из *аб-и нур* ‘сверкающая вода’ (*аб* ‘вода’, *нур* ‘луч, сверкание, прозрачность’).

Тюркские географические названия в Средней Азии наложились на согдийский, бактрийский и хорезмийский, а позже на таджикский субстрат, на Среднем и Ближнем Востоке — на персидский, греческий, арабский. В Поволжье и на Урале наложились на финно-угорский, на западе России — на славянский и отчасти на балтийский субстрат, в Западной Сибири — на угорскую или самодийскую основу.

Тюркская топонимия обогатилась заимствованной лексикой, в первую очередь из иранских и арабского языков на западе и юге; из монгольского, самодийских и тунгусо-маньчжурских — на востоке. В наше время русский язык стал вторым языком у многих нерусских народов. Такое положение частично получило отражение в номинации населенных мест. Однако гидронимы и названия других физико-

географических объектов (горы, равнины, перевалы, озера и т.д.) испытали относительно малое влияние русской географической номенклатуры, что объясняется сравнительно поздним ее проникновением в Среднюю Азию и Кавказ, когда там в течение нескольких столетий успела сформироваться устойчивая топонимическая система.

Так что же считать тюркскими географическими названиями? Включать ли в них только исконно тюркские топонимы и пренебречь заимствованиями? Или же, если они воспринимаются современным населением как свои слова, вполне могут рассматриваться как тюркские? Правильным будет второе. И это понятно. В Узбекистане нередки топонимы со словом *гул* ‘цветок, роза’. Словари узбекского языка уже не указывают, что это слово — заимствование из таджикского или персидского языка. Ср. тадж. *гул* ‘роза’, *гулистон, гулзор* ‘цветник’, перс. *гол* ‘цветок, роза’. В узбекском от основы *гул* уже давно возникло много производных: *гулчи* ‘цветовод’, *гулистон* ‘цветущий край, цветник’. Ныне есть г. Гулистан в Узбекистане. Топоним повторяется в ряде мест Средней и Передней Азии.

Другой пример. В конце киргизских названий рек нередко можно видеть термин *кол*. Его лексическое значение не раскрывается удовлетворительно средствами современного киргизского языка, в котором *кол* ‘рука’, что не очень помогает выяснению этимологии гидронимов. К.К. Юдахин указывает: «*кол* (самостоятельно не употребляется, встречается только в географических названиях) — русло реки, речная долина: Каракол, Нарынкол, Кенкол и др.» [Юдахин, 1965, с. 396]. Ойротско-русский словарь Н.А. Баскакова и Т.М. Тощаковой приводит: *кол* ‘рука, кисть, передняя нога у животного [Баскаков—Тощакова, 1947, с. 85], но в списке географических названий на с. 201 читаем: Коолдор — р. Колдор (протока). Древнетюркский словарь фиксирует: *qol* ‘долина, вади’ [ДТС, 1969, с. 453]. Тюрк. *кол, коол, хол* можно сравнить с монг. *гол* ‘река, родник’; ‘сухое русло, наполняющееся водой во время ливней в Гоби’. На алт. *коол, кол, хол, гол* обратила внимание О.Т. Молчанова: «В настоящее время данный элемент в основном не воспринимается местным населением как имеющий какое-то географическое значение» [Молчанова, 1979, с. 65—67]; она считает его вторичным и метафоричным (более подробно см. ниже).

Третий пример. Слово *кара, хара* ‘черный’ очень употребительно в тюркской и монгольской топонимии. В качестве определяющего прилагательного оно присутствует в первой позиции географического названия, предваряя нарицательный термин: Гарадаг, Каратау и Харатаг, Харул ‘черная гора’; Карадарья и Хараджул, Харгол ‘черная река’. На вопрос, к какому языку первоначально относилось слово *кара/хара*, определенно ответить невозможно. Оно общее для обоих языков в силу близости какой-то части лексики. Отдать приоритет тюркскому или монгольскому началу неправильно, да и не нужно.

Как было упомянуто, лексика Кавказа и Средней Азии включает иранские и арабские элементы. В тюркских языках Сибири их очень мало. «Алтайского языка почти не коснулось влияние арабского и иранских языков, которые, особенно таджикский язык, сыграли большую роль в формировании тюркских языков Средней Азии... В составе современного алтайского языка имеется весьма незначительный слой арабских и таджикских (а также персидских) слов, которые в большинстве своем были заимствованы значительно позже через среднеазиатские тюркские языки, главным образом через казахский» [Баскаков, 1958, с. 35]. Если в алтайском языке таких заимствований очень мало, то еще меньше их можно обнаружить в тувинском, шорском, хакасском, чулымском языках, в которых прослеживаются слова монгольского, самодийского, финно-угорского происхождения, а в якутском — тунгусо-маньчжурского. Как можно охарактеризовать тюркскую топонимию без привлечения заимствованных слов? Это значит обеднить ее, чему не может быть оправдания.

Далеко на востоке Сибири и в Монголии легко обнаруживаются топонимические тюркизмы. М.Н. Мельхеев указал на многие тюркские топонимы в Забайкалье и Прибайкалье [Мельхеев, 1974, с. 3—27]. Среди них Байсуг, Байтал, Байтаг, Байгыр, Хашкай, Шаракул. Нередки якутские формы с термином *юрях* 'река': Бес-Юрях, Тарым-Юрях, Урях-Тээх (за пределами Якутии) и др.

Нужно сказать и о другом положении, когда в тюркоязычных среднеазиатских республиках названия многих древних городов, рек, оазисов оказываются субстратными, необъяснимыми из тюркской лексики. Названия многих городов, расположенных вдоль подножия Копетдага в Туркменистане, — Ашхабад, Бахарден, Безмени, Каахка и другие — оказываются иноязычными. То же можно утверждать для Семиречья и Ферганской котловины. В списке городов Чуйской долины и Таласа у мусульманских писателей мало названий, которые можно было бы отнести к тюркским. Здесь упоминаются Тарас (Талас), Нузкет, Исфиджаб, Хамукат, Суса, Тебакет. Но среди других топонимов встречаем названия городов Куль, Сарыг, восходящие к тюркским апеллятивам [Умурзаков, 1959, с. 47—49]. У Бабура (начало XVI в.) все семь городов Ферганы носят нетюркские названия: Андижан, Ош, Маргилан, Исфара, Ходжент, Ахсы, Касан, так же как и гидронимы — Исфара, Сох, Варух, Сейхун и горы Баракух близ Оша.

Об устойчивости тюркской лексики, за исключением чувашской и в меньшей степени тувинской, писал Дж.Клоусон: «Тюркские языки оказались сверхстойкими к изменениям. В узбекском до 9%, а в турецком только 10% слов, использовавшихся 1000 лет тому назад, стали полностью устаревшими» [Клоусон, 1969, с. 31].

Любая топонимическая система испытывает воздействие времени. И все же было бы ошибкой отрицать относительно длительное существование тюркских географических названий даже в тех областях

Евразии, где уже давно не обитает тюркоязычное население. Три века прошло со времени, когда закончилась турецкая экспансия в Европе, и с тех пор Турция постепенно теряла свое влияние на Балканском полуострове, на Дунае и Ближнем Востоке. Однако турецкие топонимы в какой-то мере сохранились здесь, и еще сегодня их можно обнаружить на географической карте. При маньчжурской династии, в середине XVIII в., произошло завоевание Восточного Туркестана и Джунгарии императорским Китаем, однако уйгурское, казахское и киргизское население, создавшее свою топонимическую систему, продолжает ею пользоваться. Китайские географические названия только частично наложились на местные имена, в таких случаях возникала двойная номенклатура.

Конечно, устойчивость тюркской топонимии не абсолютна, она тоже подвержена переменам. По данным Л.П. Зеленко, в бассейнах Днестра и Южного Буга в XVIII в. было 39 тюркских гидронимов (29%), а в XX в. их осталось только 4 (1,1%); названий тюркского происхождения, трансформированных на славянской почве, было 14 (10,4%), а ныне три (0,8%). Некоторые гидронимы в славянских языках являют собой примеры народной этимологии, например Сарыкая → Сороча балка [Зеленко, 1986, с. 30—34].

Г.К. Конкашпаев указывает, что смена названий в Казахстане была вызвана кочевым образом жизни населения с древних времен, а также войнами, вторжением монголов, а позже, в XVII—XVIII вв., — джунгаров, что привело к неоднократной смене топонимов. Многие примеры, которые приведены, больше говорят о замене одного тюркоязычного названия другим, тоже тюркоязычным (Атракколь, Кокчетениз на Балхаш и Актениз), или монгольского тюркским (Коргонор, Алактугулнор — ныне Алаколь и Сасыкколь). В отдельных случаях наблюдается обратная замена: западная часть хребта Тарбагатай называлась Хабардабан (из монг. Хамардабан, где *хамар* 'нос, рыло, отрог горы, мыс'; *даваа/дабан* 'перевал'), а затем получила название Хабарасу, что плохо осмысливается как араб. 'известие, новость', ныне монг. Тарбагатай '(горы), изобилующие сурками' [Конкашпаев, 1968, с. 307—309].

Итак, тюркские географические названия сегодня читаются на карте обширных пространств Северного полушария. Их можно обнаружить от берегов Дуная, Вислы, Средиземного моря на западе, а на востоке — до Якутии включительно. На юге Европы они легко выявляются в Югославии, Болгарии, Румынии, Греции; далее — от Молдавии, Украины и Кавказа до Таймыра; в Азии: на Кипре, в Турции, Ираке, Сирии, Иране, Афганистане, Западном Китае, Тибете, Монголии.

При анализе распространения и частотности тюркских топонимов следует различать два типа ареалов. Первый, где они господствуют в подавляющем количестве, и второй, где тюркоязычные названия образуют либо небольшие компактные топонимические поля, либо встре-

чаются отдельными вкраплениями. К первому типу относятся шесть суверенных государств: Азербайджан, Казахстан, Киргизстан, Турция, Туркменистан и Узбекистан; республики, входящие в состав Российской Федерации: Алтай, Башкортостан, Балкария, Карачай, Татарстан, Тува, Хакасия, Чувашия, Саха-Якутия. В Китае — Синьцзян-Уйгурский автономный район.

Второй ареал охватывает значительные площади Евразии. На них среди преобладающих нетюркских названий заметны и тюркские. Так, например, они обнаруживаются за рубежом в странах Ближнего Востока, на Балканах и в придунайских государствах, в Польше, Монголии, Грузии, Армении, Молдавии, Украине, Белоруссии, в центральных областях России, Поволжье, на Урале, Сибири, Подонье, Северном Кавказе, Таджикистане.

При рассмотрении границ ареалов нужно помнить об их расплывчатости. «В любом топонимическом ареале запрограммирован выход за пределы этого ареала. Этот выход осуществляется путем миграции названий, образованиями по аналогии и другими менее заметными топонимическими процессами. Можно, таким образом, констатировать, что топонимическим ареалам свойственна принципиальная нечеткость и что со временем эта нечеткость возрастает» [Карпенко, 1980, с. 49].

Наличие тюркских топонимов в ареалах второго типа покажем на небольшом количестве конкретных примеров.

Барци Геза [Bárczi Géza, 1968, с. 142—162], анализируя систему географических названий Венгрии, пишет о спорности наличия турецких топонимов: местные названия, возникшие из турецких личных имен (а таких порядочно), могут быть результатом присвоения венграми названий даже в том случае, если мы знаем, что владельцами местности были, например, печенеги. Все же, по-видимому, турецкое происхождение имеет название Кюкюле 'терновник', а возможно, и Карасо от турецкого *кара су* 'черная вода'.

В Венгрии следует различать два пласта тюркоязычных топонимов: хронологически более ранний печенего-кыпчакский (например, Коман) и турецкий (XVI—XVII вв.).

Ю.Немет обратил внимание на два кыпчакских топонима в Венгрии, первый — название города Карсаг, которое произошло от широко распространенного антропонима Карсак, ведущего к *курсак* — вид мелкой азиатской лисицы (рус. *корсак*) и получившего отражение в топонимии: г. Карсакпай в Казахстане, ур. Карсакбаш в Оренбургской обл. Ср. тюрк. *карсак* 'коротышка, маленький человек' и рус. Корсаков. Второй кыпчакский топоним — г. Дебрецен, этимологию которого связывали со слав. *добр* 'хороший, добрый' или со словом *береза, do breziny* 'в березняк', венг. *debro* 'яма'. Другая форма Debresün происходит от личного имени Тебресин 'он должен двигать, должен жить', связанного с глаголом *тепре* 'двигаться'. Семантически это оправдано, если вспомнить тюркские антропонимы: Дурсун, Турсун, Токтасун 'он должен остаться, он должен жить'. Ю.Немет упоминает еще нп Балмаз 'он не существует' как «защитительное имя против злых духов» (глагольный топоним с отрицанием) [Немет, 1969, с. 26—33].

В топонимии Балканского полуострова обнаруживаем гидронимы Куруцай (из Куручай), Ярдимли и название селения Дедеагач в Греции. В Югославии города Тузла и Куманово, Кумановска река, Кумановска околица. В Болгарии в недалеком прошлом турецкие географические названия были обычны, да и теперь они легко обнаруживаются при чтении карты: Бунар, Акбунар, Острия-Чатал, Кырджали, Казанка, Казанлык, Балчик, Делиорман и более древний этнотопоним р. Кубанлык.

Делиорман повторяется и в Румынии в форме Телеорман (Тилеорман) для номинации реки, а в прошлом и леса, о чем писали румынские ученые И.Коня, Ш.Драгомиреску и Г.Няму [Коня и др., 1962, с. 112—116] как о наследии половцев (ср. наш Тиллермановский лес в Воронежской обл.). Несколько раз повторяется Комэнешти с характерным для румынской и молдавской топонимии суффиксом *-ешти*.

Следует заметить, что за последние полвека многие турецкие топонимы, например в Болгарии, сменились славянскими. Курорт Золотые Пески в прошлом — Узункум 'длинные пески'; горная вершина Вихрен в прошлом — Ельтепе 'ветряная вершина'; Жылтец в прошлом — Сарыкая 'желтая скала'; Вратник в прошлом — Демир-Капия 'железные ворота'; Изворец в прошлом — Бешбунар 'пять родников'; Лиса Планина в прошлом — Сакар-Балкан 'Лысые Балканы'; Плешивец в прошлом — Сакара. Все это болгарские кальки либо полукальки. Да и само название гор Балканы (Древний Хемус) восходит к тур. *балкан* 'горная цепь, покрытая лесом', слово, заимствованное из персидского (ср. горы Большой и Малый Балхан на западе Туркменистана). Болгары ныне предпочитают Балканский хребет (горы) именовать Стара-Планина, где *планина* 'гора' (в болгарской топонимии это слово появилось сравнительно поздно, в XV—XVI вв.), а *гора* в болгарском соответствует нашему слову *лес*.

Нетрудно выявить тюркизмы в топонимии стран Ближнего и Среднего Востока: Демирчай, Сарычай, Аджичай, Карансу, Карасу, Кызылузен, Акболак в северо-западной части Ирана. В Ираке текут небольшие реки Нарынчай, Куричай, Аксу в бассейне р. Тигр. В Афганистане в Амударью впадает полноводная р. Кокча. Не от этнонима ли *курама* произошло имя Курам — правого притока р. Инд в Пакистане? В Индии, в Кашмире, отмечается селение Кызыллянгар.

Топонимические тюркизмы заметны в Северном Китае, за пределами Синьцзяна, в Ганьсу, во Внутренней Монголии. Так, в Ганьсу Казахский автономный уезд именуется Аксай, а ороним Сулусинтаг в Бэйшане оформлен частым орографическим термином *таг* 'гора'. Хр. Алашань (и одноименная пустыня), видимо, первоначально име-

новался Алатаг, а позже *таг* в результате калькирования сменился китайским *шань* ‘гора’ (ср. Тенгритаг → Тянь-Шань).

Следует заметить, что встречается и другое объяснение: Алашань от тюрк. *алаша* ‘плохая лошадь, кляча’, что менее убедительно.

На западе от излучины Хуанхэ расстилаются крупногрядовые пески Сыртэ (ср. *сырт*), а на севере, уже во Внутренней Монголии, протянулся хребет Шейтенула. Это гибридное название, где монг. *ула (уул)* ‘гора’, а первое слово — араб. *шайтан* ‘черт’, ‘место, трудное для преодоления’ — занесено тюрками и неизвестно в монгольском и китайском языках. На севере пустыни Алашань есть песчаный массив Ямалык (Яманлык?) — имя, оформленное продуктивным в тюркской топонимии суффиксом *-лык*.

Мало кому известно, что тюркские географические названия есть в Тибетском нагорье, в его западной и северной частях.

В конце X и начале XI в. тюрки господствовали в Западном Тибете и даже в Кашмире. По свидетельству Бируни, истоки р. Инд лежали в пределах их владений [Григорьев, 1873, с. 284]. Отголоски этого и сегодня звучат в названиях перевала Каракорум (первичный топоним) и величавого одноименного хребта, а также в новообразовании Каракорумское шоссе, кажется, самой высокогорной автомобильной дороги в мире, связывающей Китайскую Народную Республику и Пакистан. Названия рек, берущих начало в горах Каракорума, — Юрункаш и Каракаш — тюркские. Тюркским оказывается и название нп Кызылрабат в Западном Тибете. Гидронимы озер между Каракорумом и Куньлунем типично тюркские с прозрачной этимологией: Аксайчинколь, Сарыджилгаколь, Ешиль; также равнина Сыртым и хр. Бокалыктаг. На западе, где сближаются эти могучие хребты, карта пестрит топонимами Карлыктаг, Ташкуртан, Музтаг, Музтагата, Агыл, Каранг и др. В центральной части Тибета тюркские топонимы уступают место монгольским: Тэнгринур, Уланула, Уланмурэн (верховья Янцзы), Карамуран. Особенно много тюркских топонимов в нагорье между Куньлунем и Алтынтагом: Аягкумкуль, Сасыкяр, Темирликсу, Бельсай, Тактюбе, Ачиккуль, Аркатаг, Улугсу, Улугмузтаг и др.

В Монголии также находим тюркские названия: о-в Акбаш на озере Хара-Ус-Нур, озеро Айраг-Нур, отчленившееся от озера Хиргис-Нур (ср. *аир, айыр* ‘разделить, ответвиться’; *айры* ‘раздвоенный, ветвь, угол’; *айрык* ‘раздвоенный, разделенный’), р. Байдраг (Байдараг) в горах Хангая, исторический топоним Байбалык. Видимо, в разряд тюркизмов следует отнести гидронимы Булган (их несколько в Монголии) и название аймачного центра Булган, что связывается монголами со значением «соболь». Однако более надежно тюркское начало. В древнетюркском словаре находим: *булган* ‘перемешиваться, мутить, пачкаться’; *булганук* ‘мутный, грязный’; ‘волнение (на воде)’ [ДТС, 1969, с. 122]. Нередки гидронимы Булганак в местах, заселенных тюркскими народами. Впрочем, следует указать на сопоставление тюрк. *була, булга* с тунг. *була* ‘болото, топь’ и монг. *bulga* ‘мятеж, волнение’, а также на тюркский этноним *булган*.

Примеры из топонимии Турции и Западного Китая, где тюркоязычное население живет уже много веков, приводить излишне, укажем только, что тюркские названия в Турции наложились на субстратные индоевропейские формы — иранские, греческие, армянские и древние хеттские — и в значительной мере вытеснили их из современной номенклатуры. В Синьцзяне также можно обнаружить индоевропейский субстрат. Здесь наряду с восточнотюркскими географическими названиями легко выявляются ираноязычные и, конечно, китайские.

О тюркизмах в топонимии России и Украины общеизвестно. Они присутствуют не только в южных причерноморских, а тем более прикаспийских землях, но заметны и далеко за их пределами.

Для последующего освещения тюркизмов на территории Русской равнины следует уяснить некоторые спорные вопросы классификации. Что считать тюркизмами в топонимии?

1. Можно ли к ним отнести названия, в составе которых присутствуют местные термины — *елань, курган, урема, яр* и др. — или заимствованные *базар, майдан,* которые давно стали русскими и известны в других славянских языках и уже прочно вошли в их словарный фонд из тюркских или через их посредство из иранских и других языков?

2. Можно ли считать тюркизмами отантропонимические топонимы из русских фамилий тюркского происхождения? Таких топонимов много, примеры: Ушаковка, Ушаково, Ушаковское, Ушаки от Ушаков (тюрк. *ушак* ‘мелкий, малый, невысокий; мальчик, сын’); Кутузовка, Кутузово, Кутузовский от Кутузов (*кутуз, кутур* ‘бешеный’); Куракино, Кураково от Куракин (*курак, кургак* ‘сухой, мрачный, пустой’; ср. топонимы — Кураксу в Талды-Курганской обл. и Куракляр в Хорезмской); Сабурово, Сабуровка от Сабуров (*сабур,* исходное араб. ‘терпеливый, выносливый’, что перекликается с топонимом Сабур-Булак в Ферганской обл.); Бибики, Бибиково от Бибиков (Би — собственное имя и *бек* — титул); Аксаково, Аксакова, Аксаковщина от Аксаков (*аксак* ‘хромой’); Тургеневка, Тургенево от Тургенев (тюркско-монг. *тургэн/тюрген* ‘скорый, быстрый, вспыльчивый’, что сопоставимо с топонимом Тургень в Алма-Атинской обл., гидронимами Тургенсу на Алтае и Тургэнгол в Монголии). В этом перечне фамилий этимологии апеллятивов даны по работе Н.А. Баскакова «Русские фамилии тюркского происхождения» [Баскаков, 1979].

3. Можно ли назвать тюркизмами этнонимические прилагательные типа «татарский, туркменский, башкирский» и др.? Примеры: Татарский Брод в Орловской обл., Казанский и Туркменский проезды в Москве[1]. Такие имена даны явно не тюрками.

[1] По устному сообщению И.А. Голубкова от 30.01.86, здесь в первые годы советской власти был организован Дом просвещения, в нем жили и учились 200 туркменских детей. Затем создали туркменский рабфак.

Как ответить на эти вопросы? Кажется, будет вполне оправданным исключить из последующего изложения фамильные топонимы и этнонимические прилагательные. Но апеллятивная географическая лексика типа *елань, орман, урема, тугай* не может быть игнорирована.

Здесь уместно привести слова известного русского тюрколога Н.К. Дмитриева: «Анализ славянской топонимики и отчасти ономастики не может обойтись без тюркологической экспертизы» [Дмитриев, 1962, с. 505].

Тюркоязычные географические названия встречаются на карте центральных областей России не одиночно, а в значительном количестве, что особенно заметно на востоке и юго-востоке — в Пензенской, Тамбовской, Воронежской областях и в Мордовии. Так, Б.И. Зимин пишет: «Тюркское население оставило значительный след в топонимике Тамбовской области, чаще всего это слова татарского происхождения» [Зимин, 1965, с. 109]. К ним он относит: Энтуразово, Карай-Марьино, Карай-Салтыки, ср. *кара* 'смотреть вдаль, осматривать'. Гидроним Балыклей не вызывает сомнения; *балык* 'рыба' и отсюда бесконечные Балыкчи, Балыксу, Балыклы, Балыкдере, Балыктыколь. Тамбовское Балыклей оформлено формантом *-лей* 'река' (морд.), по аналогии с тюркским аффиксом *-лы*. В той же области Кутли от *кут* 'счастье', Чамлы от *чам* 'хвойное дерево, ель, сосна'.

По словам В.П. Загоровского, в бассейне реки Битюг в Воронежской области «...почти все названия рек даны тюркоязычными племенами. Следовательно, если города и села названы по имени рек, то почти всегда их названия имеют тюркское происхождение (половецкое, татарское)» [Загоровский, 1966, с. 39], и «...в восточных районах Воронежской области осталось много географических названий тюркского происхождения. Они даны не только хазарами, но и другими тюркоязычными народами, пришедшими в Подонье позже, — печенегами, половцами, татарами» [там же, с. 22]. К таким именам он относит Битюг из *бедюк* (*биюк*) 'великая, большая', Тишанка из *ташан* 'изобильная', Яманча 'плохая, маленькая (речка)', Токай (ср. *тугай, токой*), Тойда из *тойдаг,* Чигла 'сырое глинистое место' из *чиг* 'сырой, незрелый', *чык* 'влажный' и др.

В Пензенской области всем известен Лермонтовский заповедник Тарханы. *Тархан/дархан* — титул правителя, 'человек, освобожденный от налогов, человек высшего сословия' (тюрк.); 'священный, неприкосновенный'; в прошлом — 'свободное от повинностей лицо', ныне — 'мастер, кузнец' (монг.). На Руси были известны тарханные грамоты; в географии — тарханные земли, т. е. заповедные, свободные, не облагаемые налогами. Со временем семантика слова расширилась: *тарханы, тарханщики* 'прасол, торговец, скупщик сельскохозяйственной продукции'. Этот термин оставил глубокий след в топонимии многих стран. В Пензенской же области можно видеть и другие топонимические тюркизмы: Кашка, Кичкене, Каргалейка и Донгузляй. Последние два, «изобилующие воронами» и «изобилующие дикими свиньями», опять же оформлены формантом *-ляй* (морд.) по аналогии с первичными тюркскими суффиксами.

В Рязанской области, в районе Касимова, находим название нп: Мурзы, Ташенка (от *таш* 'камень') и рядом р. Каменка, оз. Большие Сауры (*саур* 'круп лошади', перен. 'холм, вершина округлой формы'). В Тамбовской области из учтенных 3107 топонимов оказалось 30 тюркских: Балыклей, Бузулук, Чемлык, Елань, Карачан [Морозова, 1966, с. 73].

Благодаря работам А.И. Ященко [1974а, с. 1—118; 1974б, с. 95—102] можно утверждать о наличии ясных или неясных тюркских топонимов в Курской области. Среди них Олым (тюркско-монг. *олым, олом* 'брод'), Алака, Кшень (*кша, кош* 'стоянка, лагерь, стан'), Сула (*сулау* 'мокрое, влажное место'), Аулы (аул), Аксай, Кашара, Байраки, Юрты. Некоторые этимологии восходят и к нетюркским языкам: Обоянь (из *боян, баян* 'богатый'), Суджа и Сулак (от *су* 'вода')? Этимологии нередко бывают лишь гипотезами.

В Смоленской области названия населенных мест Басманово, Баскаково, Татарка вторичны по отношению к антропонимам или этнониму.

Было бы несправедливым умолчать о тюркизмах в Москве и Московской области. В.Г. Фоменко относит к ним Коломну и Каширу. Для Коломны, известной с XII в., он отрицает славянскую этимологию от диалектного *коломень* 'окрестность' (ср. *коло* 'круг, окружность'), а также фин.-угор. *колм* 'могила', слово, известное и в русских диалектах в форме *коломище* 'могилище'. В.Г. Фоменко предлагает половецкую версию: *коллома* 'охранение, обеспечивание', поскольку Коломна, расположенная при впадении Москвы-реки в Оку, была укрепленным городом, преграждавшим путь к северным русским землям. А в конце XVI в. здесь стоял сторожевой пост «большого разряда».

Кашира упоминается в летописях с середины XIV в. в форме Кошира. М.Фасмер вполне удовлетворительно связал этот топоним с тюрк. *кош* 'юрта, шалаш, стоянка, молочная ферма, стан' [Фасмер, т. 2, 1967, с. 215]. Но В.Г. Фоменко, оставаясь на тюркской почве, объясняет: *кешир* 'переправа через реку', так как известно, что именно здесь была оживленная и удобная переправа через Оку, которая охранялась сторожевыми войсками [Фоменко, 1970, с. 17—19].

Среди названий улиц в Москве обычно вспоминают тюркские по происхождению Балчуг, Арбат, Ордынку, Таганку. *Балчуг* 'грязь, болото', ср. имя болгарского города Балчик. Не случайно рядом с московским Балчугом протянулась Болотная набережная. Здесь часто было топко и грязно, до тех пор пока в 1786 г. не прорыли водоотводной канал. О происхождении названия Арбат спорят. Арбат, Арбатец повторяются. Однако правы те, кто считает, что они восходят к араб. *арбат, рабад,* появившимся в Москве через тюркское посред-

ство. Последнюю форму не следует смешивать с арабским же *рабат* — первоначально 'место для привязывания коней, коновязь', а позже 'укрепленное место, пограничный пункт', откуда имя туркменского города Кызыл-Арват, по народной этимологии «красная женщина», что лишено смысла. *Рабад* 'предместье, иногда окруженное внешней стеной' [Бартольд, т. 2, 1963, с. 120-121][2]. Таганка названа по слободе мастеров, изготовляющих *таганы* 'треножники для котлов', тюрк. *таган* 'козлы для подвешивания чего-либо, качель'. Слово вошло и в русский язык. В тюркские языки оно попало из греческого: *теганон* 'сковорода с ручкой'. Наличие значительного количества оронимов с участием слова *таган* заставляет видеть географическое значение «гора, холм». В Новосибирской обл. отмечено *таган* 'болото, зыбун, топкое место', что может быть связано со значением «качели». Вспомним имена Таганрог в Ростовской обл., Таган в Новосибирской обл., Таганча в Киевской и Черкасской обл. и т. д. В Москве же типичные тюркизмы — название улицы Ордынка, откуда начиналась дорога на Орду, рядом Толмачевский переулок, где жили переводчики-толмачи, помогавшие русским общаться с татарами. Такие названия даны жителями Москвы. Имя Китай-город пытались связать с монг. *китай* 'средний' (но в монг. *дундад, дунд* 'средний', *төв* 'центральный'); с итальянским *cita* 'город' (ср. англ. *city* 'большой город') или с корзиной *кит,* в которой носили землю при строительстве. Но такого слова со значением «корзина» нет ни в словаре русских народных говоров, ни у В.И. Даля. У него, правда, есть *кита* 'стебли вьющихся растений, пучок, связка'. Все приведенные этимологии кажутся искусственными, надуманными. Между тем топоним Китай не одинок и неоднократно повторяется на юге нашей страны, в частности на Украине. Есть также нп Катайск в Курганской и Читинской обл. Г.Я. Романова [Романова, 1964, с. 434—441] отметила присутствие в названиях печенежских крепостей слова *катай,* что сравнимо с чагатайским *катаг* 'крепость, укрепление'. Последняя форма приведена в словаре В.В. Радлова и повторяется в нескольких топонимах Катаган в Средней Азии. В объяснении Г.Я. Романовой название Китай-города, укрепленной части центра Москвы, хорошо отвечает этимологии и оказывается по происхождению тюркским. Но есть еще и собственно тюркский этноним *китай.*

Названия некоторых улиц Москвы восходят к тюркским антропонимам. Черкизовские улицы — от названия с. Черкизова, принадлежавшего татарскому царевичу Серкизу, улица Алымова — из араб. *алим* 'ученый', Мансуровский переулок (ср. араб. *мансур* 'победитель'), Азаковская улица (по имени Озакова, выходца из Золотой Орды), Карамышево (ср. *корумыш* 'защищавший').

В Поволжье явный тюркизм — название города Саратова; хотя и есть несколько этимологических версий, по-разному трактующих его,

[2] Подробно о происхождении имени Арбат см. [Добродомов, 1992].

все же наиболее простой и убедительной, подтвержденной географическим положением на правом нагорном берегу Волги, оказывается тюрк. *сары тау* 'желтые горы'. Опять же вне территории Татарстана и Чувашии поволжские тюркские топонимы образуют большие ряды: Камышин, Ахтуба, Новый Аксай, Чиганак в Волгоградской области; Отар, Майдан (повторяется несколько раз в разных конструкциях) в Горьковской области; Новый Сарбай, Балыклы, Токмакли, Четырли в Куйбышевской области; Чердаклы, Ерыкли, Юрткуль в Ульяновской обл. Излишне приводить примеры тюркизмов в географической номенклатуре в Саратовской области. Они очевидны. Вспомним только города Аркадак, Новоузенск, рабочий поселок Базарный Карабулак. В Астраханской области отметим г. Ахтубинск, нп Актюбе, Чулпан. В Нижнем Поволжье протекают реки Большой и Малый Узень.

В географической номенклатуре Молдавии и Украины заметны явные тюркизмы: Аджикой, Карагач, Буджак, Тараклия, Ташлык, Тузлы, Татарбунары, Еникой, Кременчуг (из первичного Керменчук). Е.Г. Отин показал древность тюркской гидронимии в южной части Украины. Он перечисляет названия рек: Самара, Каяла, Миус, Кальмиус, Сутсу, Торкая, Дортоба, Ташенак (из первичного Ташчанак) и др. [Отін, 1977, с. 16—86].

В Крыму, естественно, очень многие названия физико-географических объектов татарские: Сасык, Аюдаг, Чатырдаг, Карабийяла, Романкош (из Орманкош), Карасу, Узунлар, Демерджи, Сарысу. Сохранились они и в названиях нескольких населенных пунктов: Джанкой, Бахчисарай, Кичкине, Карабах, Балаклава. То же самое относится и к нп Карасан, расположенному между Алуштой и Гурзуфом (бывшее имение Раевских). Этот очевидный иранизм проявился через татарский язык: *хар, хор* 'солнце', *хорасан* 'восток', букв. 'восход солнца', ср. Туркмено-Хорасанские горы.

Капитальный словарь гидронимов Украины [Словнік..., 1979] включает большой список названий рек и озер с ясной тюркской семантикой. Вот некоторые из них: Аджиголь, Аджису, Аксу, Ахсудере, Акчокрак, Алабаш, Алакозивка, Ангара, Байдарка, Байрак, Булганак, Бунар, Донузлав, Ескиюрт, Кайнар, Кайраклия, Карагач, Карасу, Карасубаши, Караул, Карачокрак, Кашкачокрак, Курлюсу, Куруузень, Сарачин, Салхынсу, Саурбаярак, Саут, Субаш, Сухой Ташлык, Сухой Яланец, Сууксу, Ташбунар, Ташлок, Токмак, Узень, Учансу, Чаир, Чатал, Чатырлык, Чокрак, Яланец и много других.

А.И. Еремия [Еремия, 1982, с. 34—38] насчитал 130 тюркских географических названий, наличествующих в южных районах Молдовы, что составляет 7% всей совокупности топонимов, учтенных в республике. Он видит два стратиграфических горизонта: древний, наследие печенегов и половцев: Кахул, Кундук, Чухур, Чулук, Ялпуг, Буджак и поздний, турецкий: Аккерман, Бендеры, Измаил. Этнические топонимы ясны: Татар-Копчак, Тэтарка, Тэтэрешть, Комрат, Шамалия, Токуз. Татаро-ногайские топонимы наиболее многочислен-

ные: Акуй, Конгаз, Тараклия, Чимишлия. Гагаузские названия физико-географических объектов живут и сегодня: Баир, Батак, Даалар (из Даглар), Кулак, Ташпынар, Сель, Чукур.

На Урале, даже если исключить Башкортостан, географических тюркизмов предостаточно: Курган, Каргала, Карабаш, Карагайкуль, Саракташ, Сарыкуль, Акбулак, Айдынкуль, Ямантау, Качканар, Каратыш и др. А.А. Фомин [Фомин, 1982, с. 72—74] только в Челябинской области нашел 50 тюркских гидронимов озер. Среди них Ярлыкуль и Ерлыкуль 'обрывистое озеро', Сартабак 'желтая чаша' и др. В словаре орографических объектов А.К. Матвеева приводятся тюркские названия гор на Урале. Само это имя имеет несколько этимологических вариантов, но «так или иначе, предположение о тюркском происхождении названия Урал более правдоподобно, чем мансийская версия, хотя полной ясности пока нет» [Матвеев, 1984, с. 15]. На севере преобладают ненецкие, мансийские и коми топонимы, но по мере продвижения на юг все больше выявляются тюркские. Естественно, их более всего в Башкирии. В другой работе — «Топонимия Урала» — А.К. Матвеев говорит о наличии тюркской топонимии на значительных пространствах Челябинской, Пермской, Свердловской и Оренбургской областей. Он выделяет два пласта: первый — башкирский, татарский и казахский и второй — субстратный. Последний представлен западносибирскими и другими языковыми элементами, а также элементами, не совсем ясными по происхождению: «этническая принадлежность части тюркских субстратных названий спорна» [Матвеев, 1985, с. 45]. На западе Урала возможно булгарское наследство. По мнению А.К. Матвеева, тюркские топонимы легко опознаются. В них отсутствует начальный *р*, редко встречается начальный *л*, отсутствуют группы согласных в начале слова, они характеризуются гармонией гласных, ударением на последнем слоге. Многочисленные конкретные примеры уральских названий подтверждают преобладание модели «прилагательное + существительное» (Ташкуль, Янаул) с широким использованием географической терминологии и прилагательных, обозначающих цвета: Карасу, Каратау, и антропонимов (Халилово). На Среднем Урале тюркизмы — сравнительно позднее явление, они преобладают в номинации мелких объектов. «В конечном счете оказывается, что тюрки поставили себе на службу местную дотюркскую гидронимию» [Матвеев, 1985, с. 50].

Часть Сибири заселена тюркоязычными народами. Это прежде всего алтайцы, шорцы, тувинцы, хакасы, чулымские тюрки, татары, якуты. Поэтому их территории следует отнести к ареалу с господством тюркизмов в общем топонимическом ландшафте. Правда, следует оговориться, что в результате большой подвижности населения еще в недавнем историческом прошлом на просторах Сибири тюркские топонимы перемежаются с тунгусо-маньчжурскими и палеоазиатскими в Якутии, угорскими (ханты-мансийскими) и самодийскими в Западной Сибири, на Алтае, в Туве и Хакасии. Заметим: монгольские

географические названия сохранились и в Казахстане, и в Киргизии, и в Узбекистане, и даже в Азербайджане и на Северном Кавказе.

К ареалам второго типа следует отнести Западную Сибирь, где тюркские (татарские) топонимы встречаются на территории Тюменской, Омской, Томской, Новосибирской областей, а также на восток от них, где они занимают подчиненные места в совокупности собственных имен.

В Западной Сибири у нижнетомских татар М.А. Абдрахманов [1965] находит такие тюркские топонимы: Кайыннаркїїле 'береговое озеро', Лачинтавы 'соколиная гора', Турнабаш 'журавлиная голова', Кїїллейылгы 'озерная речка', Карагъайлусу 'сосновая речка', Таштамир-Йыла 'река каменного железа'. М.Т. Муминов [Муминов, 1969, 1971] составил список татарских названий населенных пунктов и гидронимов в Тюменском и Ялуторовском районах Тюменской области. В названиях рек обычны термины *елга* 'река': Елга, Каргайелга, Кецеелга, Туванелга, озер — *гуль/куль* 'озеро'. Ойконимы нередко оформлены словом *аул*: Есаулы 'весенняя деревня', Кашаул 'деревня на возвышенности'. И конечно, среди гидронимов присутствует вездесущее Карасу. М.Т. Муминов приводит прозрачные микротопонимы: Ацы 'солонцы' (ср. *аджи* 'горький'), Кыра 'пашня' (ср. *кыр* 'поле, плато, гора' и т. д.), Утрау 'остров' и Улуутрау 'большой остров', Ялбакуль 'широкое озеро', Куртамак 'сухое устье', Аксас 'белое болото', Улуялан 'большая елань' и т. д. Среди названий нп, рек, озер и болот: Калмаклар 'калмыки', Уштюбя 'три холма', Каргайелга 'сосновая река, река с берегами, заросшими соснами', Кецеелга 'малая река, речка'. Обращает внимание переход общетюркского *ч* в *ц* (*агач/агац*). То же видим в названии Кицкинагуль 'маленькое озеро'. И далее: Куюксаз 'горелое болото', Плок 'родник' (из *пулак/булак*). М.Т. Муминов находит специальные местные гидронимические термины в языке тобольских татар: *бурян* 'старица, речной рукав, стоячая вода, озеро'; *калым/галым* 'небольшое озеро, водоем'; *агыт* 'река, пролив, проток', *ирем* 'омут'; *кувак/куак* 'лес' [Муминов, 1969, с. 89—92].

Интересно отметить, что в Западной Сибири многие тюркские топонимы под влиянием русского языка фонетически видоизменяются: Караса из Карасуг, Чилиса из Чылыксуг, Аргазы из Аргысуг и т. д. [Воробьева, 1977, с. 100].

Граница между тюркскими и тунгусо-маньчжурскими топонимическими образованиями в Средней Сибири устанавливается по Енисею. На запад от него преобладают тюркизмы (Мурта, Айтат, Карбала). На восток они сменяются эвенкийскими и кетскими (Богучаны, Бакчет, Тенчет). Достаточно ясно проявляется самодийский субстрат в Красноярском крае, где нередки географические названия на *-да, -та, -ча, -ба*: р. Енда [Волохова и др., 1983, с. 87—95].

Но, конечно, в Восточной Сибири, в бассейне реки Лены вновь во множестве появляются тюркские топонимы.

Г.Ф. Гриценко [Гриценко, 1974, с. 19—34] сделала обзор топонимических исследований Сибири А.П. Дульзона и его учеников, создавших уникальную топонимическую картотеку в Томском педагогическом институте. Основное внимание было уделено гидронимии и гидронимическим апеллятивам, что позволило выявить интересные этнические и исторические связи и общности, взаимодействие между народами и, в частности, ясный индоевропейский субстрат. Среди этнолингвистических ареалов были выделены угорский, самодийский, кетский, тюркский, монгольский. В частности, выяснилось, что некоторые тюркские апеллятивы восходят к кетским: хакас. *юл, чул* 'речка', к ассанским *кул, уль* 'река'. По данным А.П. Дульзона, тюрки появились в Туве, Хакасии и бассейне Чулыма из южных, центральноазиатских областей, главным образом с юго-востока. А.П. Дульзон [Дульзон, 1971, с. 198—208] по данным топонимики выделил первоначальный ареал якутов между Енисеем и Ангарой, откуда они мигрировали на северо-восток, в бассейн реки Лены. К.Ф. Гриценко, анализируя якутские народные термины, слова и форманты *юрях, кюэль, -лах, -быт,* установила места былого расселения якутов не в долине Лены, а в Ленско-Алданском междуречье, откуда они переместились на северо-восток [Гриценко, 1966, с. 34—46; 1968, с. 1—20; 1970, с. 193—198].

Многие авторы в своих исследованиях указывают на наличие тюркских географических названий в Средней Азии в античное время. Греческий географ, уроженец Малой Азии Страбон (середина I в. н. э.) написал знаменитый труд «География в семнадцати книгах». В нем читаем об Амударье: «По словам Аристобула, Окс — самая большая из виденных им в Азии рек, за исключением индийских. И он, и Ерастофан со слов Патрокла говорят, что эта река судоходна...» [Страбон, 1879, с. 519]. О связи античного названия Окс, Оксус (Амударьи) с тюркскими *окуз, укуз, угуз* писал С.П. Толстов, когда отождествлял гидронимы Акес Геродота, греко-латинское Окс, Оксус с таджикским Вахш и тюркским Окуз. В этой работе читаем: «В тюркских языках слово *огуз* имеет два нарицательных смысла: «река» и «бык». Греки Окуз превратили в Окс, у Геродота Акес. Население Средней Азии до XVII века Амударью называло Окузом» [Толстов, 1947, с. 39—59]. В другом месте С.П. Толстов указывает на сопряженность диалектных вариантов Окс — Акес — Вахш и тут же добавляет: «Доныне имя Окуз сохранилось как название одного из западных протоков дельты Амударьи» [Толстов, 1962, с. 18]. Такая точка зрения была развита Х.Х. Хасановым, который пишет: «Древнегреческое *окс, оксус* — тоже искаженное местное слово *окуз* 'река'» [Хасанов, 1962, с. 35]. С.К. Караев продолжил тему о древних тюркских топонимах Средней Азии, ссылаясь на упоминаемые Геродотом географические названия Алтунтаг и Мастаг [Караев, 1985, с 24]. В статье А.А. Абдрахманова «Вопросы топонимики Казахстана» находим: «Самого серьезного изучения заслуживает легенда, запи-

санная Геродотом. Геродот пишет, что у Таргитая было три сына: Урсахсай, Колаксай, Липосай. Они жили в горах Алтунтаг, кочевали на яйлах в области Мастаг и т. д.» [Абдрахманов, 1962, с. 49]. В Алтунтаге легко понять Алтынтаг, а в Мастаге — Музтаг.

В.В. Бартольд указывает на Геродотову большую долину на границе земель хорасмийцев, где течет многоводная р. Ак (Акес), откуда брали начало многочисленные ирригационные каналы: «Название реки довольно близко подходит к древнему названию Амударьи (Вахш)» [Бартольд, т. 3, 1965, с. 25—26]. Однако тут же ученый выражает сомнение в возможности такого доказательного сопоставления, исходя из рассказа великого грека.

Более надежно гидроним Окс фигурирует у историка Полибия (II в. до н. э.): «Аспасиаки живут в местности между Оксом и Танаисом, из которых первый впадает в Гирканское море, а Танаис — в Меотийское болото» [Бартольд, т. 3, 1965, с. 29]. В данном тексте Танаис не Дон, как это было принято в античной географии (из ираноязычного *дан/дон* 'река'), а Сырдарья. Гирканское море — Каспий, а Меотийское болото не Азовское, а Аральское море.

Заметим, что в дельте Амударьи были известны гидронимы Асафугузу [Бартольд, т. 3, 1965, с. 67, 175 и др.] и Эскиокуз [Гулямов, 1957, с. 186], т. е. «староречье». В этот же ряд можно поставить имя линейно-расположенного долиноподобного понижения Унгуз, отделяющего Северные Каракумы от Южных, и чинк (обрыв), возвышающийся над ними.

Можно ли принять название реки Акес у Геродота как самое раннее известие о тюркских географических названиях? Очень заманчиво положительно ответить на такой вопрос. Тем более упоминаемые им же Алтунтаг и Мастаг не оставляют Акес в одиночестве как представителя тюркской топонимии. Все же отметим необходимость дальнейшего исследования ее хронологии.

Каков же абсолютный возраст тюркских географических названий?

В своих «Двенадцати лекциях по истории турецких народов Средней Азии» академик В.В. Бартольд называет первый, ставший известным тюркский гидроним Яик. «Уже во II в., при географе Птолемее, хунны находились в небольшом расстоянии от Волги... Итиль в то время еще не упоминается, но река Яик тогда носила это турецкое название, которое упоминается у Птолемея в форме *Даикс... Даикс* Птолемея может считаться древнейшим хронологически установленным турецким словом» [Бартольд, т. 5, 1968, с. 37—38].

Напомню, что Клавдий Птолемей жил в самом начале II в. н. э.

Имя Яик, казахская форма Жаик, Акжайк (ныне р. Урал), обычно этимологизируется как: 1) *яй, йай* 'лето' и суффикс *-ык*; 2) *йай + ик* 'широкое русло реки' [Койчубаев, 1974, с. 89]; ср. др.-тюрк. *jaj* 'лето'. Однако привлекает еще и сопоставление с прилагательным *jajiq* 'неустойчивый, непостоянный'. Укажу, что 80% стока реки при-

ходится на время весеннего снеготаяния, когда резко поднимается ее уровень и широко заливается долина. Последняя версия косвенно подтверждается В.В. Радловым, который объединил в одной словарной статье *jajыk* ‘разливающий, разостланный’ и гидроним Урал (т. е. Яик) [Радлов, 1905, с. 75].

Тюркоязычные хунну, позже ставшие ядром гуннов, были известны в Центральной Азии гораздо раньше — во втором тысячелетии до н. э. Л.Н. Гумилев свидетельствует: «Хунны впервые упоминаются в китайской истории под 1764 г. до н. э. Следующие упоминания о них идут под 822 и 304 гг. до н. э. Почти полторы тысячи лет истории хуннов остаются в глубокой тени» [Гумилев, 1960, с. 23]. И далее: XIII в. до н. э. — «Образование державы Хунну» (с. 254).

Интересно свидетельство С.П. Толстова [Толстов, 1961, с. 142] о том, что краниологический материал, относящийся к IV в. до н. э., ясно говорит о наличии монголоидных элементов в Средней Азии. В конце античности на развитии культуры сказалось влияние гуннов.

Значительное количество древнейших тюркских топонимов стало известно сравнительно недавно, после дешифровки тюркского рунического письма. Эти письменные источники орхоно-енисейских памятников датированы VI—IX вв. В нашей стране их анализом занимались В.В. Радлов, В.В. Бартольд, Б.Я. Владимирцов, С.Е. Малов, А.Н. Кононов, А.Н. Бернштам, И.А. Батманов, З.Б. Арагачи, Г.Ф. Бабушкин, С.Г. Кляшторный, Д.Д. Васильев. В кратком виде история изучения памятников изложена А.Н. Бернштамом [Бернштам, 1946, с. 11—29].

«Руническая письменность получила распространение среди тюркоязычных племен Южной Сибири, Центральной и Средней Азии в тот исторический период, когда они входили в состав крупнейшего центральноазиатского государства раннего средневековья — Тюркского каганата (551—744 гг.)» [Кляшторный, 1964, с. 18].

Этот автор специально останавливается на топонимии рунических памятников. Так, он находит: гора Бянглигяк — ставка сына Тинси; Кенгю Тарбан — западная граница каганата (715—716); Согд — страна, откуда прибыл посол на похороны Кюль-Тегина (732 г.); Жемчужная река (*jанчу игиз*) — восточная граница Согда; Железные ворота (*Тämир капиг*, VI в.) — западная граница расселения тюрков в VI в. и западный предел похода Кюль-Тегина и Бильге-кагана (712—713). Наиболее часто упоминаются Железные ворота и Жемчужная река, которая в античное время была известна под именем Jaxartes (Яксарт, первоначальное среднее течение Сырдарьи), гидроним, восходящий к древнеиранскому *jaxšarta* ‘истинный жемчуг’. У скифов река называлась Силис, откуда возникла современная форма Сыр — так первоначально обозначалось нижнее течение [Кляшторный, 1964, с. 73—77].

В дальнейшем, анализируя содержание рунических памятников, С.Г. Кляшторный упоминает топонимы Ыдукбаш ‘священная голова (вершина)’ и некоторые другие, но уже за пределами тюркской прародины.

Следует заметить, что в текстах орхоно-енисейской письменности географические названия встречаются гораздо реже, чем антропонимы. Это легко понять. Каменные плиты, подобно надгробным памятникам, украшены эпитафиями, в которых больше упоминаются личные имена богатырей, военачальников, беков. Так, у С.Е. Малова в переводах текстов памятников можно обнаружить: на памятнике № 3 с р. Уюк-Туран: «Я умер (букв. отделился) на шестьдесят третьем году на своей земле Эгюн-Катун»; на памятнике № 24 на скале Кемчикая-бажы упоминается Кара-Сэнгир ‘черный хребет’, на втором памятнике № 36 с Тубы — «земля моя Идиль», и на памятнике № 38 из Ак-Юса — «Алту-шан мое государство». Наконец, приведем эпическую надпись с памятника № 29 с Алтын-Кёля: «Ради геройской доблести (все) так было: Я, Эсин (или благополучно) ходил для добычи золота (или в Алтун-Капар)» [Малов, 1952, с. 19—20].

Как уже отмечалось, древнетюркская лексика впервые систематизирована в известном словаре Махмуда Кашгарского (XI в.). Для топонимиста интересны списки городов, деревень, стран, округов и физико-географических объектов, показанные на с. 397—405 в качестве приложения к индексу словаря «Девону лугот-ит-турк» (1967 г.).

Так же поступили редакторы киргизского героического эпоса Манас (XI — XII вв.), где в третьей книге приведены указатели географических названий, встречающихся в эпосе. Здесь среди тюркских топонимов упоминаются Алтай, Арал, Каракум, Карасуу, Кулан-Жайлак, Марал-Баши, Адыр, Ала-Бел, Ала-Тоо, Ара-Талаа, Арпа, Жылдыз, Кара-Тоо, Кашка-Суу, Кызыл-Суу, Отуз-Адыр, Сырт, Тескей, Чатыр-Кел, Чечек, Эки-Баш, Кетмен-Тебе, Ысык-Кёл. Этот перечень приведен выборочно, в него включены только те имена, которые без колебаний можно отнести к тюркским [Манас, 1981, с. 314—317, 329—333, 342—345].

В словаре Махмуда Кашгарского находим названия населенных мест Баласа-Гун, Бешбалïк Орду, Сajрам, Ташкäнд, Кум, Букур, овраг Карajалга, крепости Каргалïг, долины Кïзïл, реки Jккi öкÿз, озера Iсiг кел, реки Каракаш и Öкуз, горы Алтункан. Озеро Сон-Куль у Махмуда Кашгарского упоминается под именем Сизин-Куль, Чатыр-Куль как Кюрень-Куль, Иссык-Куль как озеро Бархан. Однако есть указание, что последнее (т. е. Иссык-Куль) было известно еще в VII в. под именем Иси-Куль [Умурзаков, 1959, с. 33, со ссылкой на рукописную работу Н.А. Аристова «Западный Тянь-Шань», 1893]. Между тем у В.В. Бартольда можно прочитать, что гидроним Иссык-Куль встречается в персоязычной географической рукописи «Худуд-ал-алам», в главах об озерах. На берегу озера был город Барсхан [Бартольд, т. 8, 1973, с. 528]. В другом месте тот же автор пишет, что название Иссык-Куль «неоднократно упоминается у мусульманских

писателей домонгольского периода. Из литературы этого периода нам известны три географа, у которых имеются сведения об Иссык-Куле: 1) анонимный автор „Худуд-ал-алам" (X в.); 2) Гардизи и 3) автор „Джахан-наме"» [Бартольд, т. 2, 1964, с. 301]. Напомним, что Гардизи, персидский историк, жил в XI в., а сочинение «Джахан-наме» («Описание мира») Мухаммеда Бекрана на персидском языке написано в XIII в. В европейских источниках название этого озера можно прочитать на Каталонской карте 1375 г.

Древняя тюркская лексика собрана в Древнетюркском словаре [ДТС, 1969]. К сожалению, его составители не выделили в отдельный раздел ономастику, тем самым затруднив поиски собственных имен. ДТС включил наряду с нарицательными словами и имена собственные. В значительной степени они повторяют топонимы, приведенные Махмудом Кашгарским, на что указывает помета МК: Sajram *геогр.* название города (МК III 176); Taškänd *геогр.* название города (МК I 443, III 150); Qatun sïni *геогр.* название города (МК III 138). В древнетюркском языке слово *сын* имело несколько значений: 1) 'туловище, тело, стан, составная часть, член'; 2) 'могила'. Таким образом, последнее название можно объяснить: стан госпожи (женщины), что может быть связано с фигурой каменной бабы или с могилой госпожи (ханши). В Орхонских надписях и ДТС упоминается и город Бешбалык 'пятиградье' близ Гучена в Синьцзяне. Ötukan *геогр.* название местности (МК I 138). Горы Отюкен, где была ставка тюрков. В надписях в честь Кюль-Тегина читаются топонимы Маги курган — название места зимовки войска Кюль-Тегина перед походом на огузов. Здесь же упоминается река Jenču, т. е. Сырдарья, и страна (земля) племени Bajïrqu. В Орхонских памятниках встречаем гидронимы Иртыш, Тогла (Тола), Jашил ӱгӱз 'зеленая река', через которую переправлялись тюрки во время похода в Китай. Как указал В.М. Наделяев [Наделяев, 1961, с. 193—197], в тюркских языках Сибири слово *jашил* означает не только «зеленый», но «светло-желтый», почему гидроним Jашил ӱгӱз следует считать калькой китайского названия Желтой реки — Хуанхэ. В памятнике в честь Тоньюкука близ Улан-Батора (начало VIII в.) упоминается местность Кара кум [ДТС, 1969, с. 424]. О гидрониме Иртыш В.В. Бартольд пишет, что он в Орхонских надписях фигурирует несколько раз, но название «несомненно, не турецкое, хотя есть несколько турецких народных этимологий» [Бартольд, т. 5, 1968, с. 98].

Как же ответить на поставленный вопрос о возрасте тюркских географических названий? Становление державы хуннов относится к времени около 1200 г. до н. э. [Гумилев, 1960, с. 30]. Д.Г. Савинов пишет, что сложение прототюркского субстрата следует приурочить к концу первого тысячелетия до н. э. Около 120 лет до н. э. центр хуннов перемещается в Монголию, хотя на ее землях они появились раньше [Савинов, 1986].

Общепринято, что прародиной древних тюрков была Центральная Азия. Надо думать, что и зарождение тюркской топонимии происходило именно здесь. Отсюда, как из родового гнезда, тюркоязычные географические названия вместе с их носителями распространялись на север до берегов Северного Ледовитого океана, на восток до Забайкалья и Большого Хингана, на запад до Восточной и Южной Европы, на юг до Тибета, Индии, Каракорума и Северной Африки. И естественно, возраст тюркской топонимии весьма различен: чем дальше от центра, тем он моложе. Если в Центральной Азии его можно определить примерно в три с половиной тысячи лет, то на западной периферии — только в несколько столетий. Турецкие топонимы, связанные с экспансией Османской империи, относятся к XIV—XVI вв. Повсеместно, даже в Центральной Азии, тюркские географические названия наложились на какие-то иноязычные, ставшие субстратом даже в областях, плотно заселенных носителями тюркских языков. Следы более древних топонимических образований выявляются повсеместно и далеко не всегда поддаются однозначной расшифровке, оставаясь загадкой.

Современная тюркская топонимия формировалась, конечно, как диахроническое образование. С одной стороны, до настоящего времени сохранились архаичные географические названия, упоминаемые в орхоно-енисейских памятниках, с другой — внедрение в тюркскую топонимическую систему угорских, иранских, арабских, монгольских и славянских элементов обогатило ее. В одних случаях тюркские топонимы наложились на какой-то иноязычный субстрат, в других — происходило заимствование географической терминологии, ставшей основой для образования собственных названий географических объектов.

Все это позволяет говорить о стратиграфии тюркской топонимии как о многослойной формации. Казахские топонимисты Е.Койчубаев и А.Абдрахманов попытались построить стратиграфическую шкалу. Е.Койчубаев выделяет в топонимии Казахстана пять слоев: 1) древнейший, характеризующийся наличием элементов древних языков (*тал, сал, гар, кан*); 2) древний слой с тюркско-монгольскими, тюркско-иранскими элементами (*ал, ала, бай, бала, тогай, шар, кар, көк*) и древними окончаниями (*-ты, -сы, -ын, -ум*); 3) тюркоязычный слой, отражающий в себе в основном признаки тюркских языковых семей с их различными признаками: йокающими, чокающими, джокающими, жокающими и др.; 4) слой, отражающий особенности современных тюркских языков: казахского, киргизского, алтайского, каракалпакского, башкирского, узбекского, уйгурского; 5) слой, отражающий русские напластования. Первые три слоя, как правило, присущи тюркской топонимии на пространстве от Малой Азии до Сибири включительно [Койчубаев, 1974, с. 5].

А.Абдрахманов [Абдрахманов, 1975, с. 31—33] строит свою хронологическую шкалу в другом плане. По времени образования он

выделяет в Казахстане алтайские топонимы: Алтай, Алтынэмель, Баканас, Калба, Ертіс (т. е. Иртыш), Мукыр, Сайрам, Талас, Шабарты, Капшагай и т. д.; др.-тюрк. Алматы, Ор, Байраккум, Казакстан, Кыпшак, Карталы, Орал, Отар, Отырар, Текес, Торгай, Музтаг, Ыргыз (т. е. Иргиз), Шу (т. е. Чу) и т. д.; др.-каз. Буктырма (т. е. Бухтарма), Капал, Каркаралы, Музарт и др. и н.-каз. Алатау, Каратау, Аксу, Сарысу, Шортанды и др. Все указанные топонимы образуют собственно тюркский пласт; второй пласт — заимствования: иранские: Ангрен, Бадам, Шымкет (т. е. Чимкент), Ленгер, Кобда, Талгар, Фараб и др., арабские: например, Казалы; арабско-иранские: например, Газалкент; монгольские: Баянаулы, Байынкол, Даганты, Доланкара, Хамар, Зайсан, Нарын, Толагай, Уласты, Шарлак и др.; финно-угорские: Мугажар (т. е. Мугоджары), Сургут; русские.

И еще одна попытка стратиграфического расчленения казахской ономастики предпринята С.К. Кенесбаевым и Т.Д. Джанузаковым, когда они предложили трехступенчатую шкалу: 1) древнейшие названия, в основном труднообъяснимые, восходящие, по-видимому, к разноструктурным мертвым языкам; 2) древние названия, отражающие как исконно собственные казахские имена, так и монгольские, арабско-иранские, а частично и тибетские заимствования; 3) новые названия, составляющие современную ономастическую систему [Кенесбаев — Джанузаков, 1976, с. 78—88].

Подытоживая попытки стратиграфического расчленения тюркской топонимии, К.М. Мусаев предлагает такую трехчленную схему: 1) неизвестный пласт, состоящий из топонимических элементов, которые в результате дальнейших исследований могут быть отнесены к тюркским или к тем языкам, с которыми тюрки контактировали в течение тысячелетий, — индоевропейским, тунгусо-маньчжурским, финно-угорским, иберийско-кавказским, дравидийским. Большинство названий очень древние, многие из них изменились по форме, структуре и семантике; 2) исконно тюркский пласт, состоящий из непроизводных основ, исконно тюркский характер которых иногда вызывает сомнение, а также из производных основ прозрачной или устанавливаемой этимологическим анализом структурой. Именно непроизводные основы образуют древний слой. Топонимы, слагающие его, позволяют сторонникам алтайского, урало-алтайской и ностратической гипотез апеллировать к некой общности языков, объединяемых в большие лингвистические группы; 3) пласт заимствований, имеющий свою специфику по ареалам: сибирский, среднеазиатский, поволжский, кавказский, балканский [Мусаев, 1984, с. 196—197].

Обозревая эти стратиграфические схемы, можно видеть их сходство в следующих чертах. Все они выделяют какой-то субстрат, указывают на большую роль заимствований, специфичных в региональном плане, и абсолютное господство тюркских элементов в районах, заселенных тюркоязычными народами.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ НОМИНАЦИИ

Тюркские народы на разных фазах становления и консолидации — скотоводы-кочевники и частично земледельцы. В значительной мере скотоводство и земледелие — важные отрасли хозяйства и в XX в., хотя все тюркоязычные республики стали развитыми и в промышленном отношении.

Основная масса тюркоязычных географических названий формировалась в историческом прошлом. Она отражала социально-экономические условия тех времен, когда господствовал кочевой тип хозяйства. А для правильного ведения кочевого животноводства нужно было обеспечить процесс воспроизводства и прибыльного выхода товарной продукции. Другими словами, скотовод должен быть географом, знатоком мест своих перекочевок, качества подножных кормов по сезонам года, наличия водопоев и ритмики метеорологических явлений. Продуктивность сельского хозяйства вообще в значительной мере зависит от погодных условий, а кочевого скотоводства в особенности, так как при этом типе хозяйства домашние животные круглый год содержатся под открытым небом. Достаточно одной зимы с обильными осадками, закрывающими пастбища толстой пеленой снега, как начинается падеж скота от голода. К такому же результату приводит мороз после оттепели, когда снег покрывается ледяной коркой. Устойчивая засуха препятствует вегетации растений, а также вызывает длительную голодовку скота, его истощение и смерть. Не случайно в тюркских и монгольских языках находим специфический природно-хозяйственный термин *джут/дзуд* ‘массовый падеж скота от бескормицы, неурожай, голод вообще’. Монголы различают *хар зуд* ‘черный дзуд’, когда погибает скот на голых высохших пастбищах, и *цаган зуд* ‘белый дзуд’, когда скот погибает из-за многоснежья.

Тюркская топонимия, зародившись в условиях кочевого хозяйства, богата и разнообразна. Отдельные географические понятия, связанные с использованием пастбищ и характеризующие ценность ландшафтов с точки зрения скотовода, передаются не одним, а несколькими терминами, позволяющими оттенить те или иные особенности, важные для кочевника. Поэтому дифференциация и специализация нарицательных географических терминов в тюркских языках достигли большого развития. Эту особенность географической терминологии отметил еще Александр Гумбольдт в работе «Центральная Азия»: «Татарские языки очень богаты выражениями, относящимися к рельефу и виду земной поверхности» [Гумбольдт,

1915, с. 304]. Такой вывод знаменитого географа и энциклопедиста XIX в. явился следствием его личного знакомства с обширными землями, протянувшимися от Волги и Каспия до Алтая, которые ему удалось посетить в 1829 г. Естественно, следует предположить, что под «татарскими» языками А.Гумбольдт, как это было тогда принято, подразумевает все языки тюркских, а также монгольских народов, населявших бескрайние степи, полупустыни и пустыни Азиатской и частично Европейской России.

В недалеком прошлом в тюркской топонимии отсутствовали собственные названия для горных хребтов в целом. Именовались отдельные горные вершины, а части хребтов повторяли названия перевалов или рек, стекающих с них. Но тюрки давно объединили многие горы в горные системы, получившие и обобщающее имя. Здесь прежде всего нужно вспомнить Алтай, Алатау, Каратау. Они повторяются многократно. Алтай упоминается в орхонских письменах в форме Алтун-Йыш 'золотая чернь', т. е. золотая черневая тайга. Известно, что др.-тюрк. *jiš* имеет значение «нагорье с долинами, удобными для поселений» [ДТС, 1969, с. 268]. О происхождении имени Алтай уже писали не раз. В.В. Радлов выделил словосложение *ал + тай* 'высокие горы'. Г.К. Конкашпаев придерживается старой версии: Алтай от монг. *алт* 'золото' + словообразующий суффикс *-тай* 'место, где есть золото', т. е. 'обладающий золотом, золотоносный' [Конкашпаев, 1974, с. 48—49]. Кит. Цзиньшань 'золотая гора', что является калькой. Есть и народная этимология *алты ай* 'шесть месяцев'. В.А. Казакевич пишет: «Алтай — горная страна, изобилующая снеговыми вершинами, грандиозными хребтами и высокими долинами, где всегда прохладно и сыро, а растительности мало; альпийские луга: горные кочевья (Западная Халха, Западная Монголия). Основное значение 'золотой'» [Казакевич, 1934, с. 15]. Таким образом, топоним Алтай приобретает типологический смысл, отражающий природные аспекты высокогорий. Топонимы Алтай и Алатау имеют семантическую связь. Казахи именуют тяньшанские горы *алатау*, киргизы — *алатоо* 'пестрые горы'. Этими словами обозначаются величественные горы с ландшафтной высотной поясностью, где снега и ледники уступают место лугам, островным лесам, горным степям и сухим полупустыням у подножия внешних склонов, падающих к окружающим равнинам.

Много суждений было о происхождении названия Урал. Здесь не место пересказывать все этимологические версии, так как их обзор сделан А.К. Матвеевым [Матвеев, 1980, с. 261—267]. Русские услышали это название от башкир в середине XVI в. в форме Уралтау, что на русской почве было передано как Аралтова или Оралтова гора, почему считают, что она связана с тюрк. *арал* 'остров' или с глаголом *уралмак* 'опоясывать, огораживать' (ср. рус. *пояс*). Указывают также, что Уралом башкиры называли только водораздельный гребень, даже если он присущ низким горам, а не высоким вершинам. При взгляде

на орографическую карту Урала хорошо видно большое количество местных названий отдельных хребтов и хребтиков, иногда повторяющих имена наиболее выдающихся точек: гора Таганай, хребет Таганай. Совпадают названия хребта Сабарский Увал и горы Сабарский Увал. Интересно свидетельство болгарского топонимиста Васила Микова: «В староболгарском *гора* — в новоболгарском *планина*, отуреченное персидское *балкан* — тюркское *даг*. Имя Балкан нигде самостоятельно не встречается, а только как составная часть, входящая во много наименований, обычно обозначающая высокие и обширные горы, как-то: Коджа-Балкан, Кара-Балкан и др.» [Миков, 1943, с. 193]. В статье Л.С. Берга «Рельеф Туркмении» читаем о горах Балхан в западной части этой республики: «Авторы употребляют безразлично Балхан и Балханы. Термин этот в русской литературе встречается со времени Бековича (1715). У мусульманских писателей мы его находим с древнейших времен. Значение термина неизвестно. На двухверстной карте стоит Балхан — очевидно, народное словопроизводство (с персидского *балахана* — высокое строение)» [Берг, 1929, с. 37]. У В.В. Бартольда: «То же название — Балхан (утверждают, что оно происходит от перс. *балахане*) было занесено турками в Европу и присвоено горам Хемус древних; таким образом возникли принятые в новой географии названия Балканы (для гор) и Балканский полуостров» [Бартольд, т. 3, 1965, с. 359]. В современном турецком языке *balkan* 'горная цепь, покрытая лесами'. Такое определение позволяет опять-таки говорить о типологическом значении термина: *балкан* не просто 'горы', а 'лесистые горы'.

«Основными признаками, избранными алтайцами для наименования гор, являются признаки, определяющиеся природными окружающими условиями, фауной, флорой гор, цветовыми впечатлениями, различными качественными особенностями, характеризующими горы, а также соседним рельефом земной поверхности и в том числе озерами, реками, протоками и т. д., реже встречаются названия гор, связанные с наименованием людей, их коллективов (племен, родов) и их свойств» [Баскаков, 1974, с. 26—27].

Практика номинации отдельных вершин при отсутствии названия горного хребта, к которому они привязаны, обычна и у монголов: «...монголы в редчайших случаях обозначают длинную горную цепь или горный массив одним именем, а обычно присваивают каждой вершине, входящей в состав этой цепи или массива, отдельное название. Русские же и европейские исследователи чаще всего переносили название самой крупной вершины на весь массив» [Казакевич, 1934, с. 8].

Очень ярко проявляется обычай переноса названия реки и озера на ближайшие горы. Примеров таких можно привести множество. Ограничимся некоторыми. На Урале протянулся Уфалейский хребет, и рядом течет р. Уфалей, берущая свой исток в этих горах. Хребты на Тянь-Шане: Какшаал-Тоо, Джумгал-Тоо, Нарын-Тоо, Сусамыр-Тоо,

Чаткальский, Пскемский, Сонг-Кель-Тоо; Илийские горы повторяют имена рек и озер. В Южной Сибири наблюдается аналогичная картина: хребты Чулышманский, Чуйские, Кок-Суйский, Нарымский, Убинский, Сайлюгем —все названы по рекам. То же самое видно на примере Абаканского, Хемчинского и Удинского хребтов. На Кавказе — Самурский и Терский. На такую закономерность обратил внимание еще В.В. Радлов.

Эту особенность одноименности гор и рек отметил Н.А. Баскаков и на Горном Алтае: «Интересны названия гор, общие с гидронимами, например: Юлдуз-Коль → *юлдуз кол* 'звездное озеро'. Толгуяк → *толойок* 'изгиб реки', Балтир-Ойок → *балтир ойок* 'впадина у соединения рек', Сал-Кечю → *сал кечуу* 'переправа на плотах' (букв. 'плот, переправа')» [Баскаков, 1969б, с. 40].

М.Ф. Розен пишет: «Названия главным горным хребтам давали по рекам, вдоль которых они вытянуты, или по речкам, с которых они стекают. К первой группе относятся хребты: Ульбинский, Убинский, Ануйский, Чергинский, Семинский, Катунский, Северо-Чуйский, Абаканский. Ко второй группе относятся хребты: Тигирецкий, Коргонский, Коксуйский или Коксинский, Теректинский, Бащелакский или Талицкий, Самультинский, Айгулакский, Курайский» [Розен, 1974, с. 31].

Одноименность рек, гор, перевалов находит объяснение и в следующем факте. Жители гор нередко одинаковым названием обозначают две или несколько рек, стекающих с одного хребта в противоположные стороны и имеющих близкие истоки, примыкающие к какой-то седловине или вершине. Горные тропы и караванные пути связаны обычно с долинами рек. Поэтому две реки и разделяющий их перевал носят имя прохода. Если одноименных гидронимов несколько, то к ним прибавляется прилагательное. Так, на тяньшаньском хребте Кюнгей-Ала-Тоо берут начало шесть рек. Все под названием Койсу, но две из них, стекающие в противоположные стороны, имеют определение *орто* 'средний', две другие — *чон(г)* 'большой' и *кичи* 'малый'.

Примеров, иллюстрирующих одноименность всех природных слагаемых, образующих название горного прохода, много. Отметим также такие триады (две реки + перевал): Каракол чуйский и Каракол сусамырский в Киргизии, Шамси, Карабалты, Аксу, Кегеты как на южной, так и на северной стороне Киргизского хребта. В Ферганском хр. — Кугарт, в Заалайском — Акбайтал, в Туркестанском — Шахристан. В Монгольском Алтае — Сумдайрык и Джангызагач.

Перенос названий рек на горы — явление, видимо, сравнительно позднее. Тюркской номенклатуре вообще не свойственны родовые названия гор: горы, хребты имеют много местных, локальных имен (видовых), относящихся к какой-либо вершине, массиву, группе пиков и т. д. Вспомним Дыхтау, Бештау, Шахдаг, Бабадаг на Кавказе; Романкош, Бабуган-Яйлу и Таракташ в Крыму; Хан-Тенгри и Музтаг на

Тянь-Шане; Курумды в Заалайском хребте; Ямантау на Урале; горы Талды-Аир на Алтае и Улытау в Центральном Казахстане; Хорум-Тайга в Хакасии; Ку-Тайга на Восточном Саяне, в Туве.

В течение последних полутора столетий возникло много «книжных» названий. География в целях систематизации орографических объектов на громадных пространствах Евразии вынуждена была по мере увеличения их изученности вводить новые названия, которые, как правило, принимались наукой. Для книжной номинации используются обычно местные имена. Так появляются Сырдарьинский Алатау, Заилийский хребет, Чу-Илийские горы, гора Южный Актау и горы Южный Алтай в Казахстане, пик Западный Аламедин в Киргизии, Южно- и Северо-Чуйские хребты на Алтае, Северные (или Заунгузские) и Юго-восточные Каракумы, Южный Урал в Башкирии и Челябинской обл., Западный и Восточный Саян в Южной Сибири, Западный и Восточный Танну-Ола в Туве. На Урале появляется Уфимское плато, на Алтае — Чулышманское нагорье, хр. Бийская Грива, Чуйская степь.

Как видно из приведенных примеров, в основу этих книжных образований взяты гидронимы: Чу, Или, Аламедин, Чулышман, Бия, Чуя — либо оронимы: обрыв и впадины с солончаками Унгуз, Урал, Саян, Танну-Ола[1].

Рассмотрим связи между названиями рек и населенных мест.

В прошлом тюркские гидронимы редко переносились на названия населенных мест, как это часто можно видеть в славянской топонимии, когда имена рек отражаются в названиях городов, поселков. Яркие тому примеры — Москва, Пинск, Иркутск, Уральск, Ингулец, Новый Буг, Волгоград, Днепропетровск. Такой переход гидронима в ойконим имел место и в тюркской топонимии, но нечасто: Карасубазар (ныне Белогорск) в Крыму, Аксу в Киргизии и Синьцзяне, Стерлитамак в Башкирии.

Наоборот, названия городов, оазисов нередко отражаются в гидронимии, например: г. Наманган — р. Намангансай, г. Андижан — р. Андижансай, г. Талас — р. Талас, г. Гузар — р. Гузардарья, г. Ходжент — р. Ходжентдарья (одно из названий Сырдарьи). Эта закономерность особенно проявляется в уйгурской номинации: названия оазисов и городов в Таримской впадине — Хотан, Яркенд, Кашгар — отразились в названиях рек Хотандарья, Яркендарья, Кашгардарья; в Джунгарии г. Манас — р. Манас.

Такую закономерность в обобщенной форме отметил и С.Г. Кляшторный: «В средневековой историко-географической литературе господствовал принцип обозначения реки по отдельным участкам именем крупнейшего города, расположенного на каждом из

[1] Оставляем в стороне книжные образования типа: хр. Петра Первого, ледник Федченко, хр. Пржевальского, пик Победы, хр. Черского, Обручевская степь, поскольку они выпадают из нашей темы.

них (например, река Шаша, река Узгена и т. п.), в связи с чем местные названия реки... исчезают в сочинениях арабских и персидских авторов» [Кляшторный, 1964, с. 76].

Древние тюрки считали реки священными, но у тюрков они никогда не играли той большой хозяйственной роли, как у народов Европы, где реки издавна использовались в качестве оживленных транспортных артерий. Достаточно вспомнить, как русские землепроходцы из европейской части Руси проникали через просторы Сибири до берегов Тихого океана. Насколько известно, тюрки всегда шли по суше в обратном направлении — с востока на запад. У русских важнейшим видом транспорта была лодка, у тюрков — конь.

Хозяйственное значение рек в Восточной Европе и Центральной Азии несравнимо. Можно возразить, что в Туркестане все оазисы, все крупные города, основные очаги цивилизации были привязаны к рекам либо к их живым или слепым дельтам. Это так. Но орошаемое земледелие, которое было экономической базой древних государственных образований, первоначально велось главным образом ираноязычными народами, в Средней Азии, в частности, хорезмийцами, согдийцами, бактрийцами. Не случайно почти вся терминология, связанная с орошением, здесь оказывается ираноязычной, частично арабоязычной и в меньшей степени тюркоязычной. Об этом свидетельствует В.В. Бартольд, который приводит такие гидрографические термины: *руд, рудбар, рудхана* ‘река’; *джуй, джуйбар* ‘проток, канал’; *кяриз* ‘подземный канал’; *нахр* ‘канал или проток как естественный, так и искусственный’; *канат* ‘подземный канал, кяриз’; *сака* ‘орошать’; *дуляб* ‘водоподъемное сооружение, чигирь’, *яб* или *яп* ‘арык, канава’. Из тюркских терминов этот автор отмечает *арык, чигирь*. Кроме этого, возможно, к иранским относится термин *арна* ‘канал, образованный рекой’ и *кам* — слово, известное в Бухаре в значении ‘арык’ [Бартольд, т. 3, 1965, с. 117—118].

Другая картина просматривается в Чувашии, где издавна ее жители вели оседлый образ жизни. Вот что по этому поводу пишет В.А. Нестеров в работе «Над картой Чувашии»: «В основе своей ойконимия Чувашии, включая названия чувашского происхождения, копирует местную гидронимию и оронимию. Не существует между ними принципиальной разницы и в схеме образования» [Нестеров, 1980, с. 92]. Или: «По составу названий населенных пунктов Чувашии видно, например, что их основную часть образуют перенесенные на селения и города имена расположенных рядом рек, речек, оврагов, озер и других природных объектов: р. Алатырь — город Алатырь, р. Чебоксарка — город Чебоксары[2], р. Шатьма — селение Шатьма, р. Сурнар — деревня Сурнар и т. д... Игнорировать этот факт — означает обречь себя на ошибочное объяснение происхождения и семантики многих населенных пунктов» [Нестеров, 1980, с. 71].

[2] Здесь, видимо, обратная связь: река получила имя от города.

Правда, в последние полвека количество одноименных рек и городов в тюркоязычных республиках заметно увеличилось, в чем сказалось влияние практики номинации в европейской части России. Так, в Узбекистане на р. Зерафшан появился г. Зарафшан (1972)[3], г. Касансай (1973) на р. Касансай, г. Сырдарья на р. Сырдарья (1971), города Ангрен (1946) и Ахангаран (1966) на р. Ангрен, г. Чирчик (1935) на р. Чирчик. В Казахстане вырос г. Илийск на р. Или, г. Балхаш (1973) у оз. Балхаш, Аральск (1938) у Аральского моря. В Киргизии г. Нарын (1927) на р. Нарын, г. Майли-Сай (1956) на р. Майли-Сай. В Туркмении: г. Теджен (1925) на р. Теджен, поселок городского типа Мургаб на р. Мургаб, поселок городского типа Амударья на р. Амударья.

Такое совпадение частично может быть объяснено принятой практикой номинации железнодорожных станций. Им, как правило, присваивается название рек, которые пересекает дорога, либо озера, к чьим берегам она подошла. Так, когда железная дорога Оренбург—Ташкент достигла залива Сары-Чаганак Аральского моря, здесь была построена станция Аральское море. При станции вырос г. Аральск. При сооружении Турксиба железная дорога пересекла реки Аягуз, Лепсы и Чу. В 1931 г. появились станции Аягуз, Лепсы, Чу, а затем города Аягуз (1939) в Семипалатинской обл. и Чу (1960) в Джамбульской обл., поселок городского типа Лепсы (1938) в Талды-Курганской обл. На р. Тобол при пересечении ее Целиноградской железной дорогой возник в 1943 г. поселок городского типа Тобол. В Ульяновской обл. на р. Барыш расположены железнодорожная станция и город Барыш.

Во всем мире известны случаи изменения названия одной и той же реки. Но такая вариантность в Европе не правило, а исключение. Гидроним Волга сохраняется с истока до устья реки. То же самое можно сказать о Днепре, Доне, Дунае, Висле, Рейне, текущем в истоках двумя составляющими: Передним и Задним Рейном. Западная Двина начинается из озера Двинец, и до устья в Рижском заливе ее знают под одним этим названием. В приведенном списке гидронимов сознательно опущены национальные формы: Ра, Кам, Итил, Идел для Волги; Дуна, Дунареа, Донау для Дуная; Даугава для Западной Двины. Это языковые параллели, а не смена имен.

Но вот другой, более редкий пример. Северная Двина образуется слиянием Сухоны и Юга. Здесь видно, казалось бы, необъяснимое явление полной замены двух гидронимов на новый — третий.

В тюркоязычных республиках нередко одна и та же река имеет два, три и более названий. Первым, кто отметил эту особенность множественности названий рек и речек в Средней Азии, был В.В. Радлов: «Река или ручеек носит у всякого селения название са-

[3] Указан год образования города. До этого времени мог быть населенный пункт, не имеющий статуса города и носивший другое имя.

мого селения или селение — название речки, вследствие чего река в разных местах носит различные названия. Так, например, называется Кара-абдал в своем верхнем течении Кара-абдал-булак, потом Ярбулак, потом Чарык-булак, наконец Джума-базар-булак — всегда по названиям селений, находящихся на ее берегах» [Радлов, 1880, с. 6]. В качестве примеров можно привести еще несколько гидронимических рядов. Река Чу в Киргизии начинается под именем Каракол (восточный). Каракол, сливаясь с рекой Суек, образует реку Кочкор. Кочкор, в свою очередь, принимает р. Джуван-Арык, после чего уже возникает гидроним Чу: Каракол — Кочкор — Чу. Река Сусамыр в истоках имеет два названия: Алабель и Утмек. Сусамыр и Каракол (западный), сливаясь, дают начало р. Кокомерен. В нее слева втекает Джумгал. Он возникает после слияния Базар-Турука и Кыз-Арта. Река Чирчик, орошающая Ташкентский оазис, получает такое имя после слияния Чаткала с Пскемом. Сырдарья образуется после соединения Нарына с Карадарьей. Но название Карадарья сохраняется только на небольшом отрезке ее течения. В верховьях она принимает воды Каракульджи и Тара и после этого именуется Карадарья.

Все приведенные гидронимические ряды привязаны к Средней Азии. Но такое же изменение названий рек можно видеть и в других местах: например, р. Или образуется реками Кунгесом и Текесом, текущими в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая (истоки Текеса в Казахстане).

В Киргизии, в высокогорьях Центрального Тянь-Шаня, начинается бурная Сарыджаз, собирающая воду из ледников Хан-Тенгри. В Синьцзяне она известна под именем Аксу, которая, принимая остаточные воды Яркенддарьи и Хотана, формирует Тарим — большую центральноазиатскую реку. В свою очередь, эти две реки в среднем и верхнем течении меняют свои имена: Яркенддарья на Раскемдарью, а Хотан на Юрункаш и Каракаш.

Тувинская котловина была известна у сибирских тюрков как область Секиз-Мурэн, другими словами, Восьмиречье (монг. *мөрөн* ‘река, полноводная река’). Здесь формируется сток Енисея. Проследим его номинацию сверху вниз. В Монголии, на запад от Дархатской котловины, собирает воды р. Шишхид-Гол. В Туве она уже именуется сначала Кызыл-Хем, а затем Ка-Хем, который, сливаясь с Бий-Хемом, образует Улуг-Хем, т. е. Енисей. Бий-Хем, в свою очередь, начинается истоками Карабалык и Отрым.

Верховья Оби лежат на Алтае. Эта река, как считают, получила такое имя в низовьях, откуда оно распространилось до Алтая, до слияния рек Бии и Катуни. Но р. Бия в верховьях называется Чулышманом. Она впадает в Телецкое озеро (Алтын-Коль). А уже из озера вытекает Бия. Большая западносибирская р. Чулым начинается в Кузнецком Алатау двумя истоками: Белый и Черный Июс.

В Якутии та же картина. Реки Сартанг и Дулгалак образуют Яну, Туора-Юрях, Буор-Юрях — большую, мощную Индигирку, а

Колыма начинает свой длинный путь после слияния рек Аян-Юрях и Кулу.

Подобное явление характерно и для монгольской и тунгусо-маньчжурской гидронимии. Самая большая река Монголии Селенга формируется слиянием двух потоков — Дэлгэр-Мурэном и Идэром. Река Хара — правый приток Орхона — в верховьях известна под именем Куй-Мандал. Другой крупный приток Орхона — р. Иро берет начало в горах Хэнтэя двумя реками Хонгин и Шарлун. В Восточной Монголии течет короткая и маловодная речка Мухур. И все же она четыре раза меняет свое название: Мухур, Шинэ, Моготын-Гол, Хадатын-Гол.

Какие признаки лежат в основе такого изменения названий? Первый — слияние двух более или менее равных составляющих потоков, после чего рождается как бы новый, полноводный. Второй — резкое изменение направления течения. Третий — выход реки с гор на окружающие равнины. Первый признак оказывается доминирующим, второй — менее действенным. Здесь можно вспомнить киргизские реки Сусамыр-Кокомерен. Третий признак объясняет изменчивость в триаде: р. Матча → р. Зерафшан → р. Каракульдарья в Таджикистане и Узбекистане, напомним и о языковых гидронимических формах, порою весьма отличающихся друг от друга.

Выше говорилось о типологическом значении оронимов Алтай, Алатау. Но таким значением обладают не только горные топонимы, но и некоторые тюркские географические названия водных источников. Названия колодцев Аккую, рек или речек Кашкасу, Карасу, Аксу несут определенную физико-географическую информацию. То же самое можно утверждать в отношении названий песчаных массивов Каракум и Аккум. Во всех этих топонимах присутствуют прилагательные *ак* ‘белый’, *кара* ‘черный’, *кашка* ‘лысый’. Слова эти полисемантичны. Обратимся к характеристике их географического содержания.

У В.В. Бартольда читаем: «Ак-су (тюрк. ‘белая вода’) как название реки чрезвычайно распространено в странах, где говорят на тюркских языках. Обычно при разделении реки часть ее, текущая в первоначальном русле, называется Аксу или Ак-Дарья, а искусственный канал — Карасу или Кара-Дарья (‘черная река’); однако и отдельные реки и ручьи часто носят название Аксу» [Бартольд, т. 3, 1965, с. 316]. Топоним Аксу помимо буквального перевода ‘белая вода’ может быть истолкован и как «хорошая, чистая вода». Так называют реки, истоки которых лежат в высоких снежных горах. Вода в таких реках может быть мутно-серая, зеленоватая, красноватая, белесая, содержащая ледниковую муть (ледничковое молочко), так как многие из них имеют истоки у окончания горных ледников и имеют ярко выраженное летнее половодье. А.Н. Кононов [Кононов, 1954, с. 83—85] показал, что в данном слове *ак* — не прилагательное ‘белый’, а глагол ‘течь, протекать, литься, сыпаться’. Однако казах-

ский топонимист Г.К. Конкашпаев [Конкашпаев, 1969, с. 75] не согласен с такой трактовкой и настаивает на цветовой характеристике. По его суждению, реки Аксу имеют большой уклон и стремительное течение, поэтому вода их покрыта белой пеной. Они, как правило, встречаются в горах и редки на равнинах и в пустынных горах и не характерны для гор Сибири. Между тем на севере Казахстана, где простираются равнины, *аксу* называются речки с постоянным течением, не пересыхающие летом, что подтверждает точку зрения А.Н. Кононова.

То же глагольное значение слова *ак* можно видеть и в многочисленных названиях скоплений, развеваемых ветром, лишенных растительности барханных песков *аккум*. *Аккум* (в Туркменских Каракумах — *акгум*) 'развеваемые, осыпающиеся пески'. Они встречаются у колодцев, где образовались в результате чрезмерного выпаса, вытаптывания животными поверхности близ водопоя и заготовок топлива. Правда, следует отметить, что такие пески несколько более блеклые, чем основная часть песков, слагающих пустыню. Как же решить данный вопрос? *Аккум* — это: 1) 'осыпающиеся, развеваемые ветром пески' или 2) 'белые, чистые пески, лишенные растительности'? Как будто географические показатели разрешают говорить о правомочности и той и другой версии. В данном случае, кажется, нужно отдать предпочтение первой, хотя это и может вызвать возражения.

В том же Туркменистане нередко встречаются названия колодцев Аккую (Акгуйи) 'белый колодец'. Они питаются конденсационными и инфильтрационными водами, а в приамурской полосе — подземным пресным потоком, идущим от реки на запад и северо-запад в пустыню. В этих колодцах всегда хорошая пресная вода. Таким образом, *аккую* — это 'тип колодца с пресной (хорошей) водой'.

Типологический анализ топонимов со словом *кара* позволяет сделать следующие интересные выводы. Горы Каратау, Каратаг, Кара-Тоо в Средней Азии — пустынные горы. Кара-Туу на Алтае — горы, покрытые черневой тайгой. Но помимо этого часто повторяются топонимы Карасу и Каракум. Слово *кара* в тюркских языках обладает многими значениями: 'черный, плохой, злой, несчастный'; 'простой народ, чернь'; 'нечистоты'; 'земля, суша'; 'чужой человек' [Радлов, 1899, с. 132—142]. Добавим: каз. 'большой, крепкий, сильный'; 'сопка, возвышенность, сложенная твердыми горными породами', а в киргизских диалектах — 'не покрытое снегом место в горах'. Для топонимов Карасу и Каракум А.Н. Кононов предложил этимологию: 'земляная вода', 'земляные пески'. Карасу называются только родники, немноговодные речки и ручьи, берущие воды из них, т. е. имеющие питание за счет выклинивающихся подземных, или грунтовых, вод. В Казахстане — 'озерко, плесы пересыхающих рек, пойменный водоем'. В Туве — *карасуг*. Каракум же — 'пески неподвижные, закрепленные растительностью'. Ландшафтный термин, определяющий тип песчаной пустыни [Кононов, 1954].

Но и в этом случае встречаем сомнения относительно подобной трактовки терминов и топонимов *аксу* и *карасу*. Так, готовивший к изданию третий том сочинений В.В. Бартольда О.Г. Большаков пишет в примечаниях: «На наш взгляд, эти названия все-таки связаны с цветом воды: прозрачная ключевая вода в глубоких протоках выглядит черной, а мутная вода ледниковых рек кажется светлой, белой» [Бартольд, т. 3, 1965, с. 118, примеч. 73]. Казахский топонимист Е.Койчубаев посвятил специальную заметку «Нецветовая сущность топонимических компонентов *ак, кара, көк, сары*» [Койчубаев, 1965, с. 185—187]. По его данным, *ак* в ряде топонимических образований появилось в результате выпадения определительного аффикса *-ык: акыксу* 'текущая вода' (теперь *аксу*); *акыккёл* 'текущее, проточное озеро' (теперь *аккёль*), *акыккум* 'текущие пески' (теперь *аккум*). Слово *кара* в определении гор восходит к словам *кыр, кыра, кырат* 'сопка, останец, платообразная гора' и т. д., а в гидронимах означает 'земля, суша', что подтверждает точку зрения А.Н. Кононова.

Слово *көк* омонимично, оно может означать 'синий' и 'небо, небесный'. *Сары* может восходить к тадж. *сар* 'головной, главный', к тюрк. *сара* 'ясный, ясноочерченный'. В своем словаре Е.Койчубаев приводит ряд примеров подобной этимологии: Аккемер 'подмытый водой берег, круча', Акколь 'проточное озеро', Аккудук 'колодец, переполненный водой, льющейся через край'. Кроме того, каз. *ак* выступает в значении 'корм, сочная трава' в топонимах Аккия, Акжайлау и др. [Койчубаев, 1974].

Кара 'черный': в ряде топонимов меняет значение на 'чистый'; 'множество': *карамолла* 'кладбище'; в значении «земля», Карасаз 'земля + болото', Караоткель 'земляной брод', Караколь 'озеро, питающееся грунтовыми подземными водами'. Слово *кара* употребляется также в значении «густой»: Каракамыс 'густой камыш', Каратурук 'густонаселенное место, стоянка'; в значении «бескормица на пастбищах»: Каракудук 'колодец в бескормном месте'. Слово *кок* в словаре также многозначно: Коктас 'синий камень', Коксенгир 'ясновидимый обрыв, мыс', Коктау 'высокая гора', Коктобе 'небесный холм', Кокбулак 'небесный ручей', Кокжайляу 'высокогорное (небесное) джайляу'. *Сары* помимо значения «желтый» выступает в значениях «широкий, распростертый»: Сарытау, Сарыбель, Сарыдала, Сарысу, Сарыкамыс, а также — в значении «ясновидимый»: Сары-кулак 'ясновидимый провал'. Как понимать значения «небесный холм», «небесный ручей» с позиций географических реалий?

На примерах из азербайджанской топонимии Э.К. Мехралиев [Мехралиев, 1973, с. 71] опубликовал небольшую заметку о локальных изменениях значений слов *кара* и *ак* в топонимии: *кара* 'запад' (Карагюней, Караязы), *ак* 'восток' (Агтюней, Агязы); *кара* 'плохое качество' (воды в названиях Карасу, Карачай, Карабулак); *кара* 'темновато, нездорово' (Каранлык, Караджик, Караджалар); *ак* 'белый'; *агджа* 'беловатый, светловатый' (Агджабеды, Агджаязы); *кара*

‘простор’ (Каратугай, Карадюзлю; Карачала, Карачаная); *кара* ‘большой, самый большой’ (Карадаг, Караагадж, Каракала); *кара* ‘узловой, головной’ (Карадехне); *кара* ‘много, множественность’ (Карабаг); *кара* ‘храбрость’ (Караманлы, Карадамирчи), Кара — личное имя (Караери, Карабулаги, Каралы); *кара* ‘тяжелый’ (Карабалдыр); *аг* ‘хороший’ (Агдабан); *кара* ‘низкий, плохой, отражающий уровень жизни’ (Карагюнлу); *ак* ‘высокий и хороший’ (Аггюнлу); *кара* ‘крепкий, сильный’ (Караберк, Карадонлу); *кара* ‘высокая степень страха’ (Карадив).

Как видно, слово *кара* многозначно, однако все ли его значения отвечают географическим реалиям и топонимической продуктивности? Ведь названия Каратугай, Карадюзлу лучше и проще раскрыть при помощи *кара* ‘черный’.

Р.Юзбашев изучал топонимию Нагорного Карабаха. Он считал, что это название отвечает значению «множество садов, утопающий в сплошных садах». И здесь *кара* означает ‘много, множество’, т. е. количественная оценка, определяющая географический объект, в данном случае — поселение. Ныне в области нет нп с таким названием, «но он существовал до первой половины XVII века на берегу р. Аракс, на большом торговом пути, идущем из Ирана в глубь Малого Кавказа. Поселение исчезло, а название сохранилось в топонимах: Карабахская равнина, Карабахская степь, Нагорно-Карабахская область и пр.» [Юзбашев, 1969, с. 93]. Напомню, что топоним Карабах повторяется в Крыму, где близ Алушты функционирует туристский комплекс с таким названием.

В дискуссию о полисемантичности прилагательных *кара* и *ак* включилась и О.Т. Молчанова. На примере алтайской топонимии она устанавливает у слова *кара* не только значения «черный цвет, север, плохой, злой, земля, суша», но также «главный, великий» (Кара-Каан ‘богатырь’, ср. *кара-хакан* ‘великий хан’) и «не покрытые снегом горы и горы с густым (часто) хвойным лесом». «Из почти 400 географических объектов территорий, содержащих *кара* в составе названий, более 120 именуются Карасу» [Молчанова, 1985, с. 32]; «прилагательное *ак* в алтайском перегружено информацией» [Молчанова, 1985, с. 37]. Помимо основного значения оно отвечает понятиям: «светлый, чистый, невинный, честный, священный, безлесный, чистое поле, поляна». Участвует в образовании названий растений и животных. Есть еще глагол *ак* ‘течь, протекать’. Оронимы на Алтае со словом *ак* могут обозначать «белóк» и «голец». На Алтае белóк не обязательно покрыт вечным снегом, но зимой такая вершина резко контрастирует с темной полосой расположенного ниже леса. Прилагательное *кара* гораздо более продуктивно в тюркской топонимии, чем *ак*. Вот интересная статистика: в киргизском языке *кара* участвует в образовании 131 названия, *ак* — в 81; в хакасском — 103 названия с *кара* и 22 с *ак*, в шорском — 78 названий с *кара* и 38 с *ак*, в тувинском соответственно 200 и 114.

В монгольском языке другая картина: топонимов с *цаган* ‘белый’ — 437, с *хара* — 305. Преобладание белого цвета здесь объясняется географическими особенностями Монголии, где в первом случае преобладают пустынно-степные ландшафты [Молчанова, 1985, с. 41].

На примере Башкирии пара Акидел и Караидел, по мнению Р.З. Шакурова, «пожалуй, служит для определения течения этих рек в меридиональном и широтном направлении: *ак* — с востока на запад, с юга на север, *кара* — с севера на юг» [Шакуров, 1986, с. 36].

Прилагательное *кызыл* ‘красный’ в алтайской топонимии по частоте употребления занимает четвертое место, уступая словам *кара, ак, сары*.

В русских географических названиях прилагательное *красный* нередко синонимично понятиям «красивый, хороший, великолепный» (ср. «прекрасный»): Красная площадь в Москве, Красная Горка в разных местностях, Красновидово под Москвой, Красное Село в Ленинградской обл., но может и прямо отвечать цветовому значению: Красноярск, Красный Бор в разных местностях, р. Красная в бассейне Северного Донца. Третье значение слова *красный* символическое, отображающее революционные преобразования в бывшем Советском Союзе. В тюркской топонимии второе и третье значения слова полностью соответствуют русским. В Киргизии, в Алайской долине протекает р. Кызылсу, ее воды действительно несут красноватую воду. Ниже, уже в пределах Таджикистана, она называется Сурхоб, опять же ‘красная вода’. Гидронимы Кызылсу обычны во многих тюркоязычных республиках. Нередки топонимы Кызылкия, Кызылташ, Кызылтоо, информирующие об окрашенности горных пород. Однако Е.Койчубаев в названиях озер и рек отмечает другое значение прилагательного *кызыл* — ‘мелкий, неглубокий’ [Койчубаев, 1974, с. 161—162].

О названии большой пустыни Кызылкум существует несколько мнений. Этимология, казалось бы, прозрачна: «красный песок». Топоним не одинок, он часто повторяется в Средней Азии, Казахстане и в Центральной Азии.

Название пустыни Кызылкум упоминается впервые в 1816 г. на архивной карте, составленной Депо карт, а в литературе — в 1818 г. в отчете горного чиновника Тимофея Бурнашева, который в 1794—1795 гг. прошел через пески в Бухару. В его отчете читаем: «Между Сыром и Яной (Яныдарья, Жанадарья. — *Э.М.*) лесу саксаулевого довольно, но воды и подножного корма весьма недостаточно; а далее от Яны дорога идет через пески, называемые Кизил-кум (красный песок), лишенные воды и травы, единственно только саксаул растет в них в изобилии» (цит. по [Югай, 1961, с. 104]). По мнению последнего, первоначально имя Кызылкум относилось только к пескам между Яныдарьей и Букантау, а на упомянутой карте встречается в двух местах — южнее Яныдарьи и на месте современной Чардарьинской степи.

Почему же пески называются «красные»? Большинство исследователей объясняли это название оранжевой, красноватой окраской песков, но в целом они не очень отличаются по цвету от Каракумов. По этому поводу я уже имел возможность высказываться: «Терминологическое значение (топонима Кызылкум) мне неизвестно, пески получили название по красноватому оттенку, а возможно, от названия Кызылдарья, как раньше называли Джаныдарью, дельтовый приток Сырдарьи, доходящий до дельты Аму» [Мурзаев, 1957, с. 248]. Р.Л. Югай поддерживает первое предположение.

Еще в XIX в. некоторые исследователи природы пустыни отмечали, что местные жители только северную ее часть называют Кызылкум. Известный зоолог М.Н. Богданов перенес это имя на всю пустыню.

По-видимому, первоначальное название Кызылкум было действительно локальным, относящимся к каким-то отдельным красноватым песчаным массивам, а затем распространилось на большую среднеазиатскую пустыню. В связи с этим интересно свидетельство того же Р.Л. Югая, который в юго-восточной части Кызылкума не слышал от местных жителей такого имени, но на юго-западе «песчаные пространства называются просто *кызыл,* а вся равнинная часть, не покрытая подвижными песками, называется *чулем* (термин *чуль* здесь имеет самое широкое распространение)» [Югай, 1961, с. 104].

Первое значение рус. *красный* — «красивый, пригожий, хороший» (красная девица, красный молодец, красная рыба и т. д.) в тюркских языках неизвестно. А вот символическое значение «революционный» довольно прочно вошло в номинацию географических объектов всех тюркоязычных республик в послеоктябрьский период. Но об этом будет сказано в другом месте.

При анализе весьма различной семантики некоторых прилагательных в географических названиях в каждом конкретном случае невольно возникает вопрос: одно ли это слово с рядом близких значений или это омонимы? Вероятно, в приведенных примерах присутствует и то и другое. Прилагательные *ак, кара, кök, сары* могут прямо указывать на цветовые особенности называемого объекта, но могут соответствовать и типологическому обобщению. Так, для раскрытия топонимов Актау, Акдаг было бы неверным отрицать первую функцию: это горы, холмы, сложенные известняками или мергелями либо покрытые вечным снегом. При правильном понимании слова *кара* ‘черный’ в топониме Каратау ‘черная пустынная гора’ в Средней Азии и ‘гора, покрытая черневой тайгой’ в Южной Сибири нужно вспомнить также Карасу ‘родниковая вода; вода, выклинивающаяся из земли’ и бур. *кара усан* ‘чистая, прозрачная вода’. И вот еще одно интересное свидетельство испанского путешественника Хосе Мануэла Фелиса, который прошел по маршруту Александра Гумбольдта от реки Ориноко в бассейн Амазонки через соединяющую их водную артерию Касикьяре. Он пишет: «От устья Касикьяре до Манауса ре-

ка, по которой мы плыли, носит название Риу-Негро, вверх по течению она называется Гуайния. По Гуайнии проходит граница с Колумбией. Вода в реке „черная”. Это значит, что она кристально чистая с оттенком „черного” янтаря в глубоких местах и темно-коричневым у берегов» [За рубежом, 1985, № 31]. Пример, не имеющий отношения ни к тюркской, ни к монгольской топонимии, но ассоциации те же.

Таким образом, в ряде тюркских гидронимов слово *кара* может указывать на прозрачность воды, а слово *ак* — на ее мутность. При анализе семантики географических названий с цветовыми прилагательными нельзя не учитывать и другие значения: *ак* ‘юг’, *кара* ‘север’, *кök* ‘восток’, *сары* ‘запад’. Иногда *кара* ‘запад’.

Закончим характеристику цветовых прилагательных в топонимии словами Вяч.Вс. Иванова: «Большинство ученых в настоящее время склоняются к точке зрения, согласно которой в Центральную Европу характерная для азиатских культурных традиций цветовая символика проникла под влиянием степных кочевников Евразии во времена переселения народов» [Иванов, 1981, с. 164]. Этот автор пишет о триаде в символике цветов: черный, белый и красный, но может существовать и минимальная двучленная система — черный и белый, — обязательная для всех языков.

Теперь о типологическом содержании топонимов Кашкасу, Кашкатау, Кашка, Каска: *Кашка* букв. ‘лысый’, ‘белое пятно на лбу лошади’. В географической терминологии «голое, не заросшее растительностью место, голец в горах». В.В. Радлов [Радлов, 1899, стб. 395] указывает и на значения «сухой»; «кипеть с шумом», которые позволяют этимологизировать топоним Кашкасу как «пересыхающие вода, речка, родник» либо «бурливая и шумная речка», «родник, подающий воду с напором». У Е.Койчубаева читаем: «*каска* во множестве топонимов Казахстана имеет значение: прямое, ровное, видимое издали» [Койчубаев, 1924, с. 129—130]; Каскажол — прямой путь с хорошей видимостью, Каскасу — белопенная или ясновидимая (издали) река. И мне в пустынях Туркменистана приходилось слышать выражение *кашга ёл* в значении ‘торная, хорошо заметная караванная дорога’. Но ведь такая дорога лишена растительности, она оголена, почему и хорошо выделяется на фоне окружающей местности, покрытой низкорослыми полукустарниками. К.К. Юдахин [Юдахин, 1965, с. 418] приводит *кök кашка булак* ‘родник с чистой прозрачной водой’. М.К. Мусаев пишет о семантике топонимов Каскасу и Каскабулак как о речке и источнике, выделяющихся светлыми полосами, которые заметны «с определенного расстояния или из определенной точки... Топонимы Кашкатау — гора со светлой полосой, вовсе не лысая» [Мусаев, 1984, с. 199] и ссылается при этом на глагол *каскай* ‘ярко выделяться, ярко выступать’. С последним примером трудно согласиться. Правомерно ли отрицать значение названия горы Кашкатау как «голец, гора, на склонах которой растет лес, а вершина об-

нажена»? Конечно, нет! Сколько лысых гор знает оронимия! Только в «Словаре названий орографических объектов СССР» [1976, с. 164] перечислено 36 Лысых гор и две Лысые сопки, Лысуха и Лысогорский перевал. Топоним Лысая Гора типичен не только для русской номенклатуры. Надо думать, что он характерен и для тюркской, такая аналогия прослеживается во многих языках.

В Узбекистане течет иссякающая р. Кашкадарья. По гидрониму названы Кашкадарьинская обл. и поселок городского типа. Интересны две взаимоисключающие этимологии гидронима. В.В. Бартольд пишет о Кашкадарье: «Название Кешк-руд, очевидно находящееся в связи с нынешним названием реки, по Ибн-Хаукалю, носила волость, где находились истоки реки, протекавшей мимо северных ворот Каша» [Бартольд, т. 2, ч. 1, 1963, с. 187—188]. В другом месте он замечает, что географы X в. знают имя Кешк-руд для названия рустака и, «как показывает прибавление слова *руд* ('река'), было собственным названием реки (в истории Тимура — Хашка)» [Бартольд, т. 3, 1965, с. 205—206].

Кеш (ныне Шахрисябз) стоит на Танхаздарье, притоке Кашкадарьи. Как видно из приведенных цитат, где сведены показания мусульманских географов, река называлась Кешкруд, т. е. рекой Кеша, что характерно для топонимики Средней Азии, когда реки именуются по населенным местам. Только со времен Тимура (XIV в.) появляется форма Хашка, которая и дала современный гидроним Кашкадарья. Однако К.М. Мусаев [Мусаев, 1984, с. 199] видит в такой версии отражение традиции отдавать преимущество иранским языкам по сравнению с тюркскими. Так ли в данном случае?

Необходимо остановиться и на топонимических метафорах. В тюркоязычном ареале при номинации географических объектов они широко используются. Это общеизвестный прием, применяемый многими народами мира, хорошо примечающими сходство географических объектов с какими-то предметами быта или отдельными частями тела человека или животных. Метафора как бы проекции одного понятия на другое: *бармак* 'палец' → *бармак* 'горный пик'.

В тюркских языках своеобразие заключается в наборе слов, смысл которых соответствует экономическому укладу и этнографическим особенностям прошлых эпох. Топонимы Чатыр-Куль на Тянь-Шане или Чатырдаг в Крыму, Чатыртау в Татарстане и Шатырлы в Актюбинской обл., возвышенность Чадырдепе в Чарджоуской обл. говорят о форме объектов по конфигурации береговой линии озера или по очертанию гор, напоминающих шатер. Само это слово заимствовано русскими из тюркских языков, где *чадыр, чатыр, шатыр* 'палатка, жилище кочевников'.

В тюркских языках Сибири известно монг. *малахай* 'высокая меховая шапка-ушанка'. Оно есть и в русском языке, а в Восточной Сибири несколько раз повторяется в названиях гор: Малахай в Ангарском кряже, Малахай в Анюйском хребте.

В казахской географической терминологии есть слово *буйрат* 'мелкосопочник, местность, усеянная невысокими сопками, холмистая местность', Казак буйраты 'казахский мелкосопочник'. В русской географической литературе принята форма *бюрат*. Легко сравнить: *буйра* 'кудри' [Конкашпаев, 1951, с. 12]. И здесь напрашивается параллель из русской геоморфологической терминологии: скопление округлых, овальных скал, бараньих лбов образует неповторимый тип рельефа курчавых скал.

В Средней Азии, в Казахстане часто встречаются названия нп и урочищ Койтас/Койтаси, Кара-Койтас, Кызыл-Койтас. Буквальный перевод «бараньи камни», в геоморфологии — скопление гранитных глыб, разбросанных на поверхности сглаженной возвышенности. Издали они напоминают стадо пасущихся овец. Ср. рус. *бараний лоб* 'сглаженная скалистая глыба, округлые невысокие холмы, сложенные твердыми, часто кристаллическими породами, свидетели древнего оледенения'. В Нуратинских горах в Узбекистане словом *койтас* обозначают фигуры выветривания гранодиоритов [Хашимов, 1966].

В Туркменистане есть колодец Тезеказан, в Азербайджане — нп Казанбулак, в Казахстане — котловина Казанбасы. Продолжим ряд на *казан*: мыс Казантип в Крыму, р. Казан в Джунгарском Алатау, Казанак в Новосибирской области. Много таких названий на Балканском п-ове, наиболее известное из них Казанлык в Болгарии. Топонимы этого ряда повторяются в Турции, Иране. Происхождение названия столицы Татарстана Казани вызывает споры, но наиболее распространенная этимология позволяет поставить его в один ряд с другими восходящими к тюрк. (а ныне и рус.) *казан* 'котел', в географической терминологии «котловина, впадина».

Слово *босага* 'дверной косяк, порог' в топонимии указывает на сопку, возвышенность, круто спускающуюся к широкому продольному понижению между горами или холмами: горы Босагаадыр, Босага (в Казахстане). Антитезой к *босага* оказывается *туюк* 'тупик'. Оронимия Тянь-Шаня демонстрирует продуктивность этого термина: Туюк-Колот, Туюк-Тёр, Туюк-Таш, Туюк-Джилга [Конкобаев, 1980, с. 87]. В верховьях таких логов, долин, ущелий нет перевалов или проходов из долин в долину, они непроходимы.

Топонимы ряда: пески Сарыишикотрау, заливы и протоки на озере Балхаш Сарыисек и Караисек, ущелье Иссык (Есик) между горами Манрак и Тарбагатай — образованы термином *есик* (*ийшык, ишик*) 'дверь, вход', в географии — «глубокое горное ущелье, по которому течет река», «перевальная долина», «залив».

В ДТС [ДТС, 1969, с. 420] отмечены слова *қарақ, қарға, қарға* 'ворота, дверь', каз. *капка* 'ворота' (ср. *капы* 'прорезанное ущелье с крутыми скалистыми склонами'): ущелье Капка на р. Талас в Средней Азии, теснина Ташхапу в Крыму, г. Капыджик в Зангезурском хр., ущелье Темиркапыг в Сурхандарьинской обл. Последний топоним упоминается в орхонских текстах. Тюрк. *капаг* соответствует тадж.

дарваза ‘ворота’, в том же топонимическом значении известное в некоторых тюркских языках Средней Азии и образующее немало собственных названий. Ведь и в славянской топонимии используется слово *ворота* для образной передачи понятий «проход, глубокое ущелье, насквозь прорезающее горную гряду, узкий участок долины, через который прорывается с большой скоростью река, короткий морской пролив между островами и между материком и островом, горный перевал». Примеры: Железные Ворота на Дунае, Железные Ворота в районе Новой Земли и в Онежской губе, Жигулевские Ворота на Волге и др. Упомянем о-в Ворота (Vorota) на Аляске.

Топонимы ряда: оазисы Атек (Этек) на подгорной равнине Копетдага, то же Итек у Джунгарского Алатау, р. Эдеккыр на Алтае — связаны со словом *етек/итек/етак* ‘подол, пола, платье, одежда’, а в географии: ‘подгорная равнина, сложенная рыхлыми четвертичными отложениями, предгорье, подножие горы’; ‘устье, низовье реки’ (ср. рус. *подол* ‘подгорная равнина, подгорье, терраса, пойма, низменность’: Подол, Подольск).

Частые гидронимы Койсу, Койбулак, Сарыкой обычно связывают со словом *кой* ‘овца’. Однако в основе большинства таких названий лежит, видимо, другой термин *коин, койын* ‘пазуха’, в географии: «небольшой защищенный от ветра залив, бухта, небольшая горная долина». В ДТС [ДТС, 1969, с. 453] *qoj* ‘пазуха, грудь’, ‘дно долины’. Из предметов домашнего обихода в номинации орографических объектов используется слово *ӱкӧк* ‘столовая гора, высоковершинная возвышенность, плоская высокогорная долина сырт’, кирг. *ӱкӧк* ‘шкафчик, сундучок для хранения съестных припасов’. Топоним Укок повторяется несколько раз для обозначения гор, перевалов и даже рек на Тянь-Шане.

Слово *чирак/чыраг* ‘светильник, свеча’ заимствовано из иранских языков. Ср. тадж. *чирог* ‘светильник’. В топонимии употребляется для номинации фигур выветривания, стоящих маленькими столбиками на Памире, Куньлуне, Кавказе. Словосочетание *чиракташ,* букв. ‘свеча-камень’, хорошо передает характер такой формы рельефа, присущего аридным горам. Отсюда имя нп Чирагидзор (арм. *дзор* ‘ущелье’) в Азербайджане на юг от Гянжи.

В Древнетюркском словаре [ДТС, 1969, с. 433] находим *qat* I ‘слой, пласт, ярус’; ‘складка’, добавим — ‘этаж’, тув. *кат* ‘солнечный безлесный склон горы’, алт. ‘слой’. Эти слова отложились в топонимии: гора Улуг-Кат и р. Кадыр-Кат в Туве, гора и нп Кат-Кайа на Алтае.

Нередко топонимы оформлены словом *тарак/дараг* ‘гребень, гребешок’, в топонимии: «многозубчатые вершины, изобилующие пиками; ломаная горная водораздельная линия; размытые, резко расчлененные возвышенные гряды»: гора Тастарак в Заилийском Алатау, горы Таракташ, Таракла и Тараккаяла на Северном Кавказе; Тараклы в Молдавии, гора Таракташ в Крыму.

В топонимических метафорах обычны слова, обозначающие части тела человека и животных, одни из них общие для человека и животных (голова, нога, глаз, ухо и т. д.), другие употребляются только для обозначения частей тела животных (грива, хвост, копыто, крыло). Все они выполняют функции географических апеллятивов: *баш/бас/пас* ‘голова’, но и «верховье реки, вершина горы»; *мурун/бурун* ‘нос’, но и «мыс, отрог горы».

Анатомические термины оказываются активными строителями топонимии. Это положение хорошо подтверждается тюркскими географическими названиями. Тюркоязычные народы сумели все слова, обозначающие части тела человека и животных, в качестве метафор перенести на те или иные географические объекты.

Лингвистический анализ названий частей тела человека в алтайских языках выполнила В.Д. Колесникова [Колесникова, 1971, 1972]. В этих работах показаны лексические и семантические параллели тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских анатомических терминов. Однако их соответствия в местной географической терминологии, за редким исключением, отсутствуют. Отметим тюрк. *кол* ‘рука’, но и «сторона, овраг, русло, рукав, ответвление долины».

Кажется, первым, кто обратил внимание на анатомическую лексику в топонимии тюркско-монгольских языков и построил параллельные ряды, был Ц.Д. Номинханов [1962а], но и он не показал переносные значения в географической номенклатуре.

Приходится удивляться изобретательности и наблюдательности народа, который смог использовать анатомические термины для обозначения географических объектов с большой меткостью и обоснованностью. Перечень анатомических терминов, употребляемых для обозначения географических объектов, дан в алфавитном порядке, все фонетические варианты даются при первом слове через косую черту.

аас/агыз/агыс/авыз/авус/ауз/огис/оос ‘рот’, в топонимии: «устье реки, исток, начало арыка»: равнина Агзыдашт в Туркменистане, Аузорпа в Казахстане, Тырны-Ауз на Северном Кавказе, Он-Оос на Алтае.

адак/азак/айак/аяг ‘нога’, в топонимии: «подножье горы, низовье реки, ее конец». Ср. монг. *адаг* ‘конец, низовье реки, ее устье’: Аяг-Кырвенд в Азербайджане, Кызыл-Аяк в Киргизии, оз. Адагин-Цаган-Нур в Долине озер в Монголии.

алын ‘лоб, лицо’, в топонимии: «передняя сторона», «бугор, выступ горы, вершина».

ана ‘полость рта’, в топонимии: «карстовый ход»; «устье реки, ручья» (чуваш.).

арга/арка ‘спина, спинной хребет’, в топонимии: «удлиненная возвышенность, водораздел», «холм, горный хребет», «задний склон горы», «север, северный, теневой склон горы»; якут. «запад», ср. монг. *ар* ‘спина, тыл’, ‘север, задняя сторона’ и эвенк. *аркан* ‘спина,

плечо': хр. Улуг-Арга и р. Арга-Хем в Туве, гора Арка в Дагестане, гора Аркатур на Алтае, Аркалык — в Казахстане.

арт 'спина', но и «задняя сторона, перевал, горный проход», ср. *арга, арка*: гора Музарт, перевал Кызарт на Тянь-Шане, перевалы Семисарт на Алтае и Эшекарт 'доступный для ослов' в Киргизии.

багыр/боор 'печень', в других языках 'грудь', но и 'склон горы, боковая сторона': Багырлы в Азербайджане, перевал, урочище Текеборр в Киргизстане.

баш/бас/пас/паш 'голова'. Слово широко распространено для обозначения горных вершин, верховьев и истоков рек, скал, утесов в значении «начало», «конец»: Акбаш, Улубаш, Башкенд, Башюрях, Бошбулак и мн. др.

бармаг/бармак/пармак 'палец'. В топонимии: «острая вершина, горный пик, сопка, столбчатые отдельности, фигуры выветривания горных пород»: Бешбармак и Бешбармаклар в Туркменистане.

бел/бил букв. 'талия, поясница'. В топонимии: «грива, горная гряда, пологая возвышенность, склон, гора, перевал, седловина, средний пояс гор, увал». Другие формы: хакас. *пиль,* шор. *пель,* якут. *бейл,* чуваш. *пилек,* монг. *бэл* 'склон'. В литературе по Центральной Азии *бэл* — 'наклонная равнина, подгорный шлейф, сложенный рыхлыми отложениями, окружающий в нижних частях склонов горные хребты', что характерно для рельефа местности, где преобладает пустынная денудация (*бэл* в Гоби). Топонимы Карабель, Алабель, Тузбель, Сарыбель, Бельарал в разных тюркоязычных областях. Сюда же — возвышенность Карабиль в Туркмении; возможно, р. Бельбек в Крыму.

бет 'щека, лицо'. В топонимии: «склон горы, откос»: хр. Ташлыбет в Дагестане, Беткудук в Восточно-Казахстанской обл.

богаз 'горло, глотка'. В топонимии: «горный проход, перевал, пролив, канал, ложбина, устье реки, теснина, ущелье». Другие формы: *бугаз, богоз.* В карстоведческой литературе — карстовый желоб или ров на голом карсте. Из топонимии: Бугазский лиман и Бугазская коса, нп Бугаз на Таманском п-ове, залив Кара-Богаз-Гол на восточном берегу Каспийского моря, пер. Ангар-Богаз в Крыму, нп Каролина-Бугаз в Одесской обл. Богаз — турецкое название Босфорского пролива.

бөйрөк 'почка'. В географии: «впадина на склоне горы»: р. Бейрек-Булак в бассейне Чаткала на Тянь-Шане.

бойун/буйын/мойун/мойын/моюн 'шея, горло'. Географические значения: «коса, перешеек, горный перевал, узкая полоса воды, изгиб горы, отмель, узкое место реки»: Тюямуюн на Амударье, гора Боюндаг в Азербайджане. Многократно повторяются названия песчаных массивов Муюнкум, Мойынкум, Моюнкум в Казахстане, гора Буин в Бухарской обл.

бурун/мурун 'нос, клюв'. В географической терминологии в значениях: «мыс, отрог горы, горный выступ, песчаная гряда, утес, морской прибой, морская волна с завихрением, небольшой ручей во вре-

мя снеготаяния». Отсюда рус. *забурунье* 'мель вдоль берега, образованная прибоем'. На Белом море, на Каспийском — «глубокое место, лежащее между берегом и подводной грядой на Каспийском море; пески Терские Буруны, повторяется топоним Кызбурун на Северном Кавказе, мыс Ай-Бурун в Крыму, гора Мурунтау в Кызылкуме, гора Мурун в Олекмо-Черском нагорье в Восточной Сибири. Многочисленны топонимические образования с *бурун* в Турции.

гёз/кёз 'глаз'. Устойчивая метафора: «дыра, источник, ручей, горное озеро» (ср. слав. *морское око* 'горное, глубокое озеро'): хр. Гяздаг в Азербайджане, Гез и Гезбаши в Туркменистане, р. Гез в Иране, р. Гездарья в Сарыкольском хр. в Западном Китае, перевал Гезбель через горную цепь Центральный Тавр в Турции.

депе/дöпе/тепа/төбө 'темя, макушка'. В географической терминологии: «холм, бугор, плоская возвышенность». Ср. азерб. *тепелик* 'мелкосопочник'. Соответствие в монг. *добо* 'холм, небольшая гора, курган'; ср. также хинди *тибба, тиба* 'холм, горка, небольшая возвышенность'. В русской географической литературе принятые термины *тепе, тюбе; тепелик* 'мелкосопочник', а на Алтае *тебелер* 'наледные бугры пучения'. Отметим топонимы в Таджикистане: Курган-Тюбе, г. Ура-Тюбе; Актюбинск и одноименную область в Казахстане; в Туркменистане Котурдепе — крупный нефтепромысел и г. Геок-Тепе; Хухэдобо в Бурятии.

джал/жал/йал/ял 'грива лошади'. В географии: «горная грива, гряда, вытянутый увал, низкая, но четко оформленная возвышенность». Ср. халха-монг. *дил* 'грива', но и «горный пик, каменистая возвышенность»: горы Сырыял и Мейданъял в Азербайджане, оронимы Акжал, Кызылджал, Караджал в Средней Азии и Казахстане.

дил/тил 'язык'. В географической терминологии: «коса, мыс»: Курдили — Куринская коса на побережье Каспийского моря в Азербайджане.

дöш/төс 'грудь'; в топонимии: «склон горы, косогор».

кабак/гобак/хабак/хабах/хамак 'бровь, веко', 'крышка'; 'вытянутая возвышенность, уступ, обрыв, горный карниз над пропастью, впадина, пригорок'. Очень много тюркских топонимов образовано от этого термина. Укажем только: горы Кавактоо, р. Кабак в Киргизии, гора Габагтепа в Азербайджане, хр. Кабак-Тайга на Алтае.

кабырга/ковурга/хабырга 'ребро'; озвонченная форма — туркм. *гыпырга.* В географической терминологии: «скала, скалистый кряж, отрог горы, склон, скалистый неровный берег»: Кабырга в Казахстане, р. Кабырга на Алтае, хр. Ирен-Хабирга в Восточном Тянь-Шане.

кас/каш/гаш 'бровь'. В топонимии: «бровка, холм, возвышенность, берег, опушка леса, рубеж, предел»; якут. *хас:* Кашаул в Тюменской обл., Кашбулак в Азербайджане, р. Хастах в Якутии, р. Ямак-Каш на Алтае. Не следует смешивать со словом *каш, гаш* 'полудрагоценный камень, нефрит, яшма', ср. монг. *хас* 'яшма, нефрит'.

киндик ‘пуп, пуповина’; ‘середина, центр’: р. и пер. Киндик, нп Киндик-Таш в Киргизии.

кол/къол ‘рука’; балк. ‘рукав реки’, ‘овраг, длинная балка с пологим падением’. В других тюркских языках также ‘долина’. В ДТС *qol* ‘долина’, но и ‘рука’ [ДТС, 1969, с. 453]. В орхоно-енисейских памятниках *гол* ‘бассейн реки, низменность’. Азерб. *гол* ‘рука, рукав реки’; тур. *kol* ‘рука, рукав реки, пролив’; татар. *кул* ‘овраг с речкой’; туркм. *кэл* ‘плохо выраженное русло в дельтах Мургаба, Теджена и Амударьи’; шор. *кол/гол* ‘речка, ручей’, *колчак* ‘ключ, скудный родник’; тув. *кол* ‘река, заболоченное озеро’; алт. *кол* ‘река, приток’; в Самаркандской обл. *кол* ‘горная долина с протекающей речкой’. Многочисленны гидронимы Сарыкол, Нарынкол, Музкол, Каракол, Аккол в горах Средней Азии и Казахстана; р. Ачиккол в Дагестане, Иткол — туристский комплекс на Северном Кавказе, р. Холтас и нп Аххол в Хакасии, Агачлыкол на Северном Кавказе, р. Коолдор на Алтае. Возможно, в этом же ряду гидронимы Воргол, Оскол, Ворскла (в прошлом Ворсгол) в междуречье Днепра и Дона [Никонов, 1966]. Об этимологии гидронима Оскол см. [Добродомов, 1986, с. 123—125], который отвергает связь со словом *скала* и соотносит с тюрк. *кол,* а начальное *ос* с этнонимом *ас/яс* ‘алан’.

кулак ‘ухо’. В топонимии: «балка, ущелье, что-то четко выдающееся в рельефе». Хакас. *кулак* ‘заметная вершина, глубоко вдающийся в сушу залив реки, озера’; узб. *кулак* ‘место ответвления арыка’; татар. и башк. *калкулак* ‘холм, возвышенность’: Ташлы-Казан-Кулак в Дагестане, гора Гузыкулагдаг в Азербайджане, р. Кулагаш на Алтае.

култук/култык/голтук/голтуг/култак/колтык ‘подмышка’ (из *кул* ‘рука’). В топонимии: «залив, бухта, старица, слепой конец залива, затон»: нп Култук на Байкале, Култуки на Мещере; Мертвый Култук — залив Каспийского моря, Култук на Камчатке.

мий/мей/мия ‘мозг’. В казахской топонимии: «топкое место с жидковатой глиной бело-серого цвета, встречается на солончаковых почвах в западинах».

сын ‘тело, стан, фигура, наружность, лицо, вид’ [Радлов, 1911, стб. 628 и 692], но и ‘горный хребет’. Др.-тюрк. *sïn* ‘туловище, тело, стан’, ср. *сын тас* ‘каменная баба, идол’. Слово хорошо представлено в оронимии Южной Сибири в значениях: «горный хребет, гребень горы, перевал», ср. шор. *сын* ‘грива, хребет, горная вершина, гора’: Саянсыны — Саянские горы, горы Харасын и Сынтаг в Хакасии, горы Ортоайры-Сын и Кураганнынг-Сыны на Алтае, хр. Сын-Тайга и Хемчик-Сыны в Туве. Слово редко встречается в оронимии Средней и Центральной Азии и на Урале.

тамак ‘горло’. В топонимии: «устье реки, вход в ущелье, небольшое ущелье, проток, речка»: г. Стерлитамак в Башкирии, нп Кактамак в Тюменской обл., Тамак — местность у горла Сиваша в Крыму, р. Тюе-Тамак (‘верблюжье горло’) в Ошской обл.

таман ‘подошва, ступня’; в топонимии: «дно озера, реки, ущелье»: пер. Ай-Таман, р. Кара-Таман в Ошской обл., р. Табанкаба — приток Черного Иртыша.

тигей ‘темя’ в тюркских языках Сибири; в топонимии: «вершина, холм, сопка»: гора Харатигей в Хакасии, станция Тигей Восточно-Сибирской ж.д.

тогой/тохой ‘локоть’. В топонимии: «излучина реки, меандра, лука, полуостров». См. *тугай* на с. 149.

тумшук/тумсык/томшок/думчук/тумзук/тумчук ‘клюв, нос, морда’. В топонимии: «мыс, утес, отрог горы, полуостров»: возв. Актумсук на Устюрте, Тумшук в Самаркандской обл., возв. Кзылтумшук в южной части Таджикистана.

чӱрек/юрек/юрак ‘сердце’. В топонимии: «небольшой холм», в Туве — «холм, заросший лесом»: гора Чуректайга.

эмчек ‘женская грудь’. В географической номенклатуре: «возвышенность, заметный холм»: гора и нп Эмчек в Киргизии [Конкобаев, 1980, с. 96].

ян/жан ‘бок’; в топонимии: «склон горы, сторона, нижняя часть горного склона, косогор»: нп Янбаш в Самаркандской обл., Енгиян в Азербайджане.

Обозревая приведенный далеко не полный перечень устойчивых метафор в тюркской географической терминологии и номенклатуре, можно прийти к выводу, что почти все они, за малым исключением, применяются для обозначения типов и форм рельефа и, как исключение, — для водных объектов (*агыз* ‘рот’, *гёз* ‘глаз’, частично *богаз* и *тамак* ‘горло’). Такая закономерность прослеживается в топонимических системах различных языков. Здесь налицо еще одна топонимическая универсалия.

Коротко остановимся на особенностях и способах ориентирования тюркоязычных народов по сторонам горизонта и местным признакам.

У древних тюрков восток считался передней стороной горизонта. Поклонение восходящему солнцу было свойственно не только им. Древние народы Средиземноморья с молитвами встречали восход солнца. В мифологии древней Эллады была богиня зари Эос. Не случайно слова *ориентир, ориентировка, ориентация* и *ориенталист* восходят к лат. *orientalis* ‘восточный’, *oriens* ‘восходящее солнце’ и отражают традицию определять свое местоположение от передней восточной стороны.

Исследования в этой области уже публиковались в литературе. Г.М. Василевич [Василевич, 1971] напечатала небольшую статью о терминах ориентации в пространстве в алтайских языках. Она пишет об ориентации по солнцу, которая свойственна древним тюркам и некоторым тунгусо-маньчжурским народам. Так, например, в ульчском и нанайском языках передней считается восточная сторона, а в маньчжурском — южная. Кроме того, многие тунгусо-маньчжурские

племена ориентируются по склонам гор, течению больших рек и по тому, в каком направлении они продвигались в давние времена. У китайцев и халха-монголов передняя сторона всегда южная. Но П.К. Козлов свидетельствует, что у монголов Цайдама (провинция Цинхай в Китае) господствует древняя тюркская традиция: «В объяснении названия Цзун следует сказать, что слова *цзун* и *барун* здесь, в Цайдаме, понимаются совершенно иначе. В Халхе и у других северных монголов под словом *цзун* подразумевается восток, а под словом *барун* — запад. Там почетной стороной считается юг, и потому все монголы ставят свои юрты дверями на юг. В Цайдаме же слово *цзун* служит для обозначения севера, а *барун* — юга; передней почетной стороной считается восток, и здесь монголы ставят свои юрты дверями на восток» [Козлов, 1947, с. 135]. В этом случае становится ясным, почему цайдамские монголы называют Тибет Барунтала 'южная или правая сторона', а Джунгарию (от *цзунгар*) — 'северная или левая сторона' (точнее — 'рука').

В литературе есть указание о том, что киргизы в отличие от других народов считают передней стороной север. «Подобно монголам, киргизы делились на два крыла — правое (*он*) и левое (*сол*); первых было гораздо больше; левые занимали крайний запад территории киргизов, именно местность у Таласа. Из этого можно заключить, что киргизы при определении стран света становились лицом на север, а не на восток, как древние турки...» [Бартольд, т. 2, ч. 1, 1963, с. 532—533]. Но этому как будто противоречит лексика. Ср. кирг. *арка* 'спина, задняя сторона, задняя часть, тыл' и *арка кыргызы* 'северные киргизы', тоже *аркалык*. К.К. Юдахин объясняет происхождение таких слов только историческим событием: «Название осталось от времен ойратского нашествия, когда киргизы массой двинулись на юг» [Юдахин, 1965, с. 67]. И действительно, кирг. *сол* 'левый', но и 'северный'. Отсюда ясно, что лицевой стороной и у них считалась восточная четверть горизонта.

Наиболее полно вопросы ориентации на местности у тюрков освещены А.Н. Кононовым [Кононов, 1978]. Он видит четыре способа линейной ориентации: 1) лицом на восток; 2) лицом к солнцу, когда оно в зените; 3) лицом к Полярной звезде; 4) по вертикали: верх — низ.

У якутов сохранился признак определения стран света по вертикали, что отражено в словах *согору* 'юг' (тюрк. *йокары* 'верх'); *ӱсӓ* (тюрк. *ӱст*) 'высота, глубь, вершина, верховье', но и 'юг'; *хоту* 'покатое положение, север, полночь, вниз, по течению' (тюрк. *коды, койы* 'вниз', бур. *хойто* 'север', монг. письм. *коіту* 'северный'). В якутском слове *аллара* 'низ, нижний мир, внизу, вниз по реке, на север' значения также совпадают. У чувашей, отмечает А.Н. Кононов, *мал* 'передняя сторона, юг'.

Таким образом, две позиции определения стран света по солнцу (солярная) оказываются основными. Преобладает восток, на втором

месте юг. Третья позиция обосновывается указанием на свидетельство В.В. Бартольда о положении правого (восточного) и левого (западного) крыла у киргизов, о чем уже было сказано. Четвертая позиция подтверждается следующими лексическими материалами туркменского языка: *ёкары* 'верх, восток', *ашаак* 'вниз, запад', *илери* 'вперед, юг', *гайра* 'назад, север'. В заключении А.Н. Кононов пишет: «Сложная картина определения стран света у современных тюркских народов связана с историей формирования этих народов, вбиравших на разных этапах своего сложения разные племенные образования, которые имели различные, привычные для них способы ориентации на местности» [Кононов, 1978, с. 89].

О способах ориентации у якутов сообщает Н.К. Антонов [Антонов, 1975], который тоже указывает на восточную переднюю сторону *илин* и северную *хоту* (ср. халха-монг. *хойт,* бур. *хойто*); *хоту* имеет также значение «по направлению, вниз по...». В данном случае и «север», и «вниз» обозначаются одним словом, поскольку основная водная артерия Якутии — р. Лена и ее главные притоки текут на север. Тот же автор видит подобные лексические факты и у хакасов: *ӱстинзарых* 'верхний бок, сторона', но и 'юг'; *алтынзарых* 'нижний бок', но и 'север'.

Илери 'передняя сторона' в разных тюркских языках имеет несколько значений: 'вперед, будущее, восток, юг, сторона, куда обращена дверь кибитки' и др. «Что касается значения корня-основы *ил,* то более первичным представляется 'передняя сторона' и затем 'восток'» [Севортян, 1974, с. 347]. Здесь же указывается на общность со словом *илк* 'первый, ранний, прежний'. Устанавливается связь с калм. *il(e)* 'открытый, ясный', халха-монг. *ил* 'ясный, открытый, легальный'. Интересно свидетельство ДТС [ДТС, 1969, с. 95], где слово *berdin* объединяет два значения: 'южная сторона' и 'правая сторона'. Юг всегда будет направо, если человек лицом обращен на восток. Сидящий глава семьи или уважаемый гость был обращен лицом также на юг и на восток. Заметим, что в некоторых западных районах Монголии у западномонгольских народностей торгоутов и дэрбэтов, ближе других общавшихся с алтайцами, казахами, отмечается нарушение южной ориентировки и передней стороной оказывается юго-восточная. В тувинском языке в слове *мурнуу* объединены значения 'южный' и 'передний', т. е. преобладает монгольская модель.

Вот еще языковые факты, подтверждающие восточную ориентировку древних тюркских племен. В древней Кошо-Цайдамской надписи можно прочитать: «Вперед (т. е. на восток) я прошел с войском вплоть до Шантунгской равнины, немного не дошел до моря» [Кляшторный, 1964, с. 86]. В памятнике в честь Кюль-Тегина сказано: «Сзади (т. е. с запада), от народов, живущих в странах солнечного заката...» [Кляшторный, 1964, с. 126].

Кӱн 'солнце', одновременно и 'день', а *кӱн ортu* 'полдень', но и 'юг' [ДТС, 1969, с. 326]. Отсюда распространенный топоним Кюнгей

для обозначения горного склона южной экспозиции, т. е. солнечного. Кюнгей противопоставляется топониму Терскей ‘склон северной экспозиции’ от *ters* ‘неправильный, сложный, трудный’ [ДТС, 1969, с. 555].

Х.Х. Хасанов обратил внимание на описание Китая у Махмуда Кашгарского: «В действительности имеется три Чина: 1) Верхний Чин, который на востоке называют Тавгач; 2) Средний Чин, его называют Китаем; 3) Нижний Чин, его называют Барханом. Это есть Кашгар. Однако в настоящее время Тавгач называется Мачин, Китай называется Чин. Расстояние между Мачином и Чином четыре месяца дороги... При такой характеристике Махмуда Кашгарского можно предположить, что слова верхний и нижний применялись для обозначения востока и запада. Ведь Верхний Чин вовсе не гористая страна, а широкая равнина. Наоборот, Нижний Чин — высокогорная часть Китая» [Хасанов, 1962, с. 33—34]. Махмуд Кашгарский в данном тексте употребляет слова *юкары* ‘верх’, *куйи* ‘низ’. Его карта мира ориентирована также: восток показан в ее верхней части. Верхняя часть мира — где восходит солнце, нижняя — где оно заходит. На полях заметим, что на древних русских картах (чертежах) южная сторона изображалась в верхней части.

В.В. Бартольд писал: «Как заметил уже Рубрук, ворота монгольских юрт и ставок всегда были обращены к югу; к югу, очевидно, были обращены и стоявшие у ворот ставок изображения, в отличие от каменных баб, обращенных, как известно, на восток. Культ Юга, в противоположность прежнему культу Востока, резко отличает монголов от турецких народов домонгольского периода, что нашло себе отражение и в языке. Орхонский турок при определении стран света становился лицом к востоку... Едва ли мы имеем право считать это отличие племенной особенностью монголов сравнительно с турками. Культ Востока, связанный с культом восходящего солнца, был, повидимому, широко распространен у самых различных народов; мы находим следы его как в индоевропейских, так и в семитических языках» [Бартольд, т. 4, 1966, с. 392].

Важный ориентир — Полярная звезда — *Демир газыг* у туркмен и азербайджанцев, *Темир козик* у узбеков, *Темир казык* у казахов — «железный кол», — путеводная звезда всех народов северного полушария, самая известная и самая почитаемая, ориентир у кочевников Азии. В немецком языке она так и называется Leitstern ‘путеводная звезда’. Наряду с определением *темир* ‘железо, железная’ употребительно и *алтын, алтан* ‘золото, золотой’; у казахов, киргизов и алтайцев *Алтын казык, у* халха-монголов *Алтан гадас* ‘золотой кол’, у бурят *Алтан хадаага* ‘золотой гвоздь’, у хакасов *Алтын теек* ‘золотая коновязь’. Не случайно один из монгольских орденов называется Алтан Гадас — опять же ‘Золотой кол’, т. е. орден Полярной звезды. Интересно, что русские народные названия Полярной звезды по смыслу частично повторяют тюркские и монгольские: Кол, Небесный

Кол, Прикол, но и Полночная (или Северная) звезда [Карпенко, 1981, с. 67—68]. Полярная неподвижна на небосводе (точнее, малоподвижна), поэтому именно она оказывается наиболее надежным ориентиром. Легенды говорят, что к железному (золотому) колу привязаны домашние животные, кормящиеся на небесном пастбище. Они делают полный круг в течение суток в поисках хороших трав.

Тюрки в разной степени испытали влияние ислама. Алтайцы, шорцы, хакасы, тофалары, якуты вовсе не знали его. В какой-то степени ислам сказался на идеологии башкир, татар, казахов и киргизов. В остальных среднеазиатских республиках, на Кавказе и Турции мусульманство пустило более глубокие и сильные корни. В связи с исламом появился новый ориентир — направление на священный город правоверных — Мекку. Это направление именуется арабским словом *кибла* ‘юг, направление на Мекку’; в разных странах мусульманского мира оно может иметь и разное простирание. Под влиянием нового направления *илери* у туркмен в настоящее время с южной стороны переместилось по горизонту на юго-юго-запад или на юго-запад. У татар *кыйбла* ‘юг’, у киргизов *кыбыла* ‘сторона Мекки, запад’: «Сторона, к которой мусульмане обращаются во время молитвы, во время сна, также кладут покойников в могилу» [Юдахин, 1965, с. 475]; узб. *кибла* — то же. Азерб. *шарг,* узб. *шарк* и тур. *шарк* ‘восток, восточный’ — также арабизм. Нетюркское по происхождению и азерб. *джэнуб,* узб. *жанып,* тур. *сепир* ‘юг’. Последнее соседствует параллельно с тюрк. *güney* ‘юг’. Ср. кирг. *күн* ‘солнце’, др.-тюрк. *kün* ‘солнце, день’.

Таким образом, из сказанного видно, что тюрки прекрасно ориентируются по Солнцу и Полярной звезде. В пустыне или в степи истый номад всегда правильно приведет свой караван к намеченной цели: к колодцу, к реке или к кормному месту. Подобно тому как островитяне в Тихом океане на своих утлых судах без компаса переплывают неоглядные морские просторы от острова к острову, так и народы, населяющие обширные равнины Внутренней Азии, безошибочно находят нужный объект.

Помимо определения стран света по сторонам горизонта еще нужно сказать об ориентировке по местным признакам. Они используются при номинации географических объектов, указывая на соотношение последних по высоте (верх — низ), по расположению (середина), по размерам (большой — малый), по времени (старый — новый).

Др.-тюрк. *ortu* ‘середина, средний’. Если в Азербайджане есть нп Ортакенд, Ортакишлак, Ортасахахлы, то можно с уверенностью говорить о расположении последних или на среднем уровне, т. е. между выше- и нижележащими горными селениями, или на половине пути между какими-то значительными населенными пунктами. Слово *орта* ‘середина, центр, промежуток’ в названиях информирует об этом. Такие же названия можно обнаружить и в других регионах: Ортатюбе

в Дагестане, Орта-Дересин в Джезказганской и Ортаэспе в Мангышлакской, Ортаузек в Талды-Курганской областях, Орто-Балаган в Якутии, Орто-Сырт в Нарынской и Орто-Токой в Иссык-Кульской обл. И действительно, нп Орто-Токой и Орто-Токойское водохранилище лежат на полпути от г. Иссык-Куль и районного центра Кочкор. В Ошской обл. Орто-Кыштак, Орто-Мечит. На торной караванной дороге от г. Кызыл-Арват в Туркменистане до Хорезма, пролегающей через Каракумы, близ древнего русла р. Узбой есть колодец Ортагуйы — точный ориентир половины пройденного пути. Заметим, что в алтайском языке от слова *орта* с помощью суффикса *-лык/-лук* образовано слово *орталык/ортолук* 'остров', т. е. середина между двумя водами (протоками, реками) — синоним слова *арал*. Узб. *урта* присутствует в именах нп Уртаул и Уртасарай в Ташкентской обл., Уртасалма в Хорезмской обл.; о-в Ортатугай на р. Пяндж в Кулябской обл. В словаре топонимов Башкирии [СТБ, 1980, с. 155—156] перечислены 24 названия нп и гидронимов с начальным *урта*, среди них Уртаул, Уртакуль, некоторые из них имеют и русские параллели: Уртаака (Средняя Ока). Близкие по смыслу *орто* 'средний' и *ярым* 'половина'. Последнее слово представлено по имени нп Ярымлы в Азербайджане.

Древнетюркский словарь [ДТС, 1969, с. 284] фиксирует слово *jügärü* 'верх'; в топонимии прилагательное *югары/юхары* говорит о верхнем положении объекта по отношению к нижележащим. И здесь за примерами ходить далеко не надо. В словаре топонимов Башкирской АССР [СТБ, 1980, с. 174—180] указаны девять названий к начальным *югары*: Югары Карга (Верхнекаргино), Югары Юлдаш (Верхнее Юлдашево) и др. В Татарстане: гидронимы Йугары Киндыз, Йугары Тарлау, Йугары Авыл Чишмесе [Гарипова, 1984, с. 55 и 160]. Ряд топонимов с прилагательными «верхний», «нижний» нужно ждать в условиях горного рельефа. Это подтверждается примерами из топонимии Азербайджана: Юхары-Агджикет, Юхары-Зейхур, Юхары-Караманды, Юхары-Нейметабад, Юхары-Сакахлы, Юхарытала, Юхары-Кышлак и др. В Дагестане — нп Юхари-Яраг. В киргизском языке *жогорку* 'верхний'. К.Конкобаев [Конкобаев, 1980, с. 102] указывает нп Жогорку-Ак-Булак в Ошской обл. В Туркмении р. Екары Сумбар, нп Екары-Мугал. С.Атаниязов [Атаниязов, 1980, с. 270] приводит названия нескольких озер в западной части республики: Юкары Топятан, Орта Топятан и Ашакы Топятан 'верхний, средний и нижний Топятан'.

Для прилагательного *ашагы/ашакы* 'нижний' в словаре Э.В. Севортяна [Севортян, 1974, с. 214—215] зафиксирован ряд производных значений: «низ, нижняя часть, низкий, подножие горы, низина, северо-запад». В ДТС [ДТС, 1969, с. 62] *ašaq* 'подножие горы'. В топонимии обычны названия с этим прилагательным. У С. Атаниязова отмечено восемь таких топонимов. В словаре Е.Н. Бушуевой перечислено также восемь названий нп Азербайджана, среди них: Ашагы-

Кышлак, Ашагы-Астанлы, Ашагы-Кумлу, Ашагы-Дашагыл и др. [Бушуева, 1971, с. 28—29].

Др.-тюрк. *улы* 'большой, великий'. Это прилагательное обычно в тюркских топонимах. Две горы в Туркменистане — Улы Балкан 'Большой Балхан' и Кичи Балкан 'Малый Балхан'. В Башкирии гора Бейектау/Биектау 'высокая гора', нп Бейегусак (Бикусак) 'высокая осина'. И антитеза: р. Кесе Ык 'Малый Ик', р. Кесешарлу 'Малый водопад'. В СТБ топонимов с *кесе* насчитывается 22. На Алтае пер. Улу-Арт 'великий перевал' и Кичик-Сору 'малый солончак'. В Южной Сибири Енисей называют Улугхем 'великая река'. В Туве высится горный хр. Улуг-Тайга и течет р. Бичи-Бельдир 'малое устье'. В Хакасии горы Улуттаг и Хаялыгкичиг, т. е 'большая гора' и 'скалистая малая (гора)'. В Казахстане известна Улутау 'большая гора'. Ср. нп Кишиеспе 'малая пересыхающая река, степная худосочная речка'. В казахской топонимии употребительна и форма *кишкене* 'малый, маленький'; оз. Кишкене-Аралтобе 'озеро с малым островным холмом' (ср. Кичкене — санаторий на южном берегу Крыма). В киргизском языке также есть слово *улуу/улук* 'великий, высший': нп Улук-Катын и Улук-Чат. Но в топонимии более употребительно прилагательное *чон(г)* в значении 'большой, огромный, старший': нп Чон-Арык и Чон-Каракол, р. Чон-Булак. Антитеза — *кичи/кичик* 'малый, маленький': нп Кичик-Каракол, Кичик-Алай, р. Кичи-Тёр. Здесь не место останавливаться на характеристике прилагательных в тюркской топонимии, не имеющих отношения к пространственной ориентации, например: *суук/соок* 'холодный', *ысти/исык* 'горячий', *ак* 'белый', *кара* 'черный', *көк* 'голубой, синий, зеленый' и др. Их роль в образовании географических названий велика. О них часто говорится во всех разделах настоящей работы. Специально сказано и о многозначности прилагательных, обозначающих цвета.

Прилагательные «старый», «новый» формируют географические названия во всем мире. Тюркская топонимическая система не исключение: *ангы/янги/джангы/жангы* 'новый', *эски/ески* 'старый' обычны во многих названиях населенных пунктов. Так, подсчеты, выполненные по разным источникам, показывают соотношение между этими двумя определениями. В Туркменистане топонимов с прилагательным *янгы* — семь: Янгыарык, Янгыгала, Янгыгуйы и др., с прилагательным *эсги/эски* — четыре: Эсгиарык, Эсгихожа и др. [Атаниязов, 1980, с. 327, 334—335].

В Башкирии топонимов с прилагательным *янгы* — 302: Янгыаул, Янгыакбаш, Янгыкарга, в том числе рус. Янгы Алексеевка (т. е. Новоалексеевка) и другие подобные образования; с прилагательным *иске* — 192: Искебалаклы, Искекамышлы, Искеусман, в том числе Иске Васькино, Иске Ивановка [СТБ, 1980, с. 58—65, 185—195]. Обращает внимание значительное количественное расхождение в номинации при помощи прилагательных. Топонимов со словом «новый» значительно больше, чем со словом «старый». Чем это объяснить?

Такое неравенство как будто противоречит закономерности в парности названий: верхний — нижний, белый — черный и т. д. Но в действительности здесь нет исключения, если учесть, что многие топонимы с временны́ми показателями противопоставляются названиям без прилагательных. Так, в той же Башкирии есть нп Янгыалдар, но нет Искеалдара. В данном случае Новому Алдар противопоставлен просто Алдар (Алдарово).

В Азербайджане отмечено: топонимов со словом *ени/енги* — 12, в том числе Ениабад, Ениёл, Енгиян и др.; со словом *кöхне* (ср. перс. *kohne* 'старый') — пять, в том числе Кёхне-Кышлак, Кёхнекала, Кёхнекенд и др. [Бушуева, 1971, с. 69, 91], ср. узбекское название Куня-Ургенч. В Казахстане топонимов с прилагательным *жана* 'новый' — три: Жанасу, Жанаарык, Жанакудук; *ески* — три: Ескитам, Ескимолла, Ески-Камыслыбас [Титова, 1960, с. 17—18].

Приведенные цифры не говорят об абсолютном количестве топонимов с прилагательным «старый», «новый», так как данные о частотности таких топонимов, как правило, далеки от действительных.

Народная (ложная) этимология в топонимии заслуживает внимания и изучения как фольклорная категория, мало привлекавшая до последнего времени внимание исследователей. У разных народов бытуют ложные толкования темных топонимов. Они возникают из потребности как-то осмыслить непонятное имя, исходя из его фонетической близости к слову родного языка. Народная этимология уводит в сторону от исторических или географических реалий и способствует возникновению новых ассоциаций. Типичный пример, давно известный в литературе: г. Волгоград в прошлом — Царицын, что связывали, конечно, со словом «царь». Вспомним также усадьбу Царицыно в Москве. Однако волжский Царицын ничего общего с царями и московским Царицыном не имеет. В Волгограде протекает небольшая речка, приток Волги — Сарысу, часто повторяющийся тюркский гидроним «желтая (мутная) вода». Речка получила название Царица. В собрании книг «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» приводятся легенды о возникновении «царских» топонимов, которые, «по всей вероятности, основаны на созвучии татарских слов *сарысу*, что значит 'желтая вода или желтая река', со словом Царица и Сарычин — желтый остров — со словом Царицын» [Россия..., 1901, с. 518]. Н.А. Баскаков предложил другую этимологию: Царицын от *сары сын* 'желтый памятный камень, могила' [Баскаков, 1985в, с. 19].

В нашей работе нередки примеры, показывающие разные возможные толкования отдельных географических названий. Здесь же специально скажем о спорных и бесспорных примерах народно-этимологического творчества как в историческом прошлом, так и за последнее столетие.

Первая, фиксированная в письменности, народная этимология в тюркской топонимии восходит к Махмуду Кашгарскому, когда он еще

в XI в. объяснил гидроним Иртыш (каз. Ертис, монг. Эрчис): «Значение слова таково: от слова *эртишмак*, что имеет смысл, кто быстрее пройдет» (цит. по [Хасанов, 1962, с. 31]). Название высокого и протяженного хребта Алтынтаг в Центральной Азии Махмуд Кашгарский связал с легендой о золотниках в кисете убитого воина, обагренных его кровью: *алтын кон* 'золотая кровь'. Имя древнего, явно дотюркского города Самарканда этот первый тюрколог возводил к слову *самиз, семиз* 'жирный, толстый, упитанный' (цит. по [Хасанов, 1962, с. 96]). Значительно позже и в наше время народная этимология нередко встречается в разных источниках, где есть попытки как-то объяснить на почве тюркских языков аналогичные древние топонимы. Так, в словаре А.Вамбери [Vambery, 1891] можно обнаружить весьма сомнительные толкования географической номенклатуры Средней и Центральной Азии. Гидроним Ajagöz этимологизируется как «плоский глаз», но более достоверно «нижняя долина» (где *ajaq* 'нога, низ, нижний', *öz* 'долина'), Altun Emel 'Золотая грудь'(?) — лучше, 'низкий перевал (седловина)'. Ср. *алтын* 'нижний, внизу' и монг. *эмээл* 'седло'; *irgiz* 'бродяга, путешественник'. Замечу, что Иргиз — одно из звеньев длинного гидронимического ряда: Ирсу, Иркуль, Иргиз, Иртыш, Ирбит и т. д., ждущего своего научного анализа. Можно вспомнить тур. *ырмак* 'река', узб. *ирмок* 'приток реки', тюрк. *ир* 'излучина, меандра реки', *йыр* 'рыть, прорывать'.

Новые публикации позволяют пополнить и как-то понять загадочный гидронимический ряд с начальным *ир*. В гагаузском *ирик* 'овраг, балка, ручей', что может быть сопоставлено с др.-тюрк. *ерик* 'быстрый, стремительный' [Дрон, 1992]. В якутском языке *іара* 'малый ручеек, со временем высыхающий, заливчик с полой водой; полянка в лесном захолустье', что заимствовано в русских забайкальских говорах: *ир* 'высыхающий ручей', *ира* 'небольшая поляна' [Аникин, 1987]. У якутов *юрях,* но и *ирек* 'река'. «Не вызывает сомнения, что в прошлом в языках тюрков *ир* широко использовался, в частности, при образовании имен собственных. В качестве корня, сопровождаемого различными словообразовательными аффиксами, этот термин живет и ныне» [Малолетко, 1992, с. 77]. В Средней Азии Н.Г. Маллицкий [Маллицкий, 1945] находит *ирсу* 'мужская вода'. Здесь *ирсу* уже типологический термин. Он указывает на значение 'горный стремительный поток, обладающий большой энергией' в отличие от *хатынсу* 'женская вода, река с медленным спокойным течением'. Отсюда ясно, что *ир* в гидронимии отвечает разным значениям.

Еще пример: *sairam* 'песня, пение'. Махмуд Кашгарский хорошо показал значение тюркского слова *сайрам сув* 'мелкая, неглубокая вода', например оз. Сайрамнур 'мелкое озеро' на Тянь-Шане (*нур* монг. 'озеро'). Арчман — название и ныне существующей станции Средне-Азиатской железной дороги в Туркменистане — переводится как «липовый лес». Географические реалии не подтверждают такой

перевод. Липовых лесов в Средней Азии нет. Липа здесь экзот, она сравнительно поздно появилась в парках оазисов и городов. Топоним раскрывается, если вспомнить о минеральных источниках Арчман у подножия Копетдага и курорте, возникшем на их основе. *Арчман* входит в единый ряд тюркско-монгольских терминов, обозначающих минеральные источники с целебными водами: *аршан, арасан, арашан,* — слово, восходящее к санскриту.

Широко известно имя Тарим — большая центральноазиатская река, собирающая воду со склонов Куньлуня и Тянь-Шаня. А.Вамбери объясняет: Тарим, букв. 'посев, всходы'. Шведский тюрколог Г.Ракетт [Raquett, 1928, с. 156] пишет, что это слово означает «возделанное, пригодное для возделывания» и образовано от глагола *teri-mäk* 'возделывать, засевать, сажать (растения)'. Он считает, что название первоначально относилось к берегам реки, а не к самой реке. Так ли?

Действительно, в словаре В.В. Радлова [Радлов, 1905, с. 845, 849] приведены слова *тарі, тері* 'пахать, сеять', *тарім* 'пашня'. Ср. *таранчи* 'земледелец, пахарь'. Но нигде нет указаний на связь с гидронимом Тарим. Зато находим *тарам* 'разветвление реки у устья, дельта'. Между тем у Махмуда Кашгарского есть исчерпывающая и вполне удовлетворительная этимология: «Значение слова Тарим — река, которая впадает в озеро или в пески» (цит. по [Хасанов, 1962, с. 33]). Ср. *тар* 'рассеивать, распускать, разгонять' и *тарым* 'рукав, приток рек' [ДТС, 1969, с. 536—537] со ссылкой на Махмуда Кашгарского. В современных языках: узб. *тормок/тармок* 'ответвление, ветка, рукав реки, проток', *тармокча* 'проток'; кирг. *тара* 'разбредаться, распространяться', *тармак* 'ответвление', ккалп. *тармак* 'протока, рукав реки, ветвь'. Таким образом, Тарим — 'тип реки, разбивающейся на протоки, многочисленные рукава, иссякающей в пустыне или доносящей свои остаточные воды до озера'. Гидроним Тарим точно отражает специфичную гидрологию реки, текущей по плоской пустынной равнине, сложенной рыхлыми отложениями, которые легко размываются, что позволяет потокам воды разрушать старые русла, создавать новые, разбиваться на протоки. И не случайно в «Указателе географических названий» к атласу Центральной Азии Свена Гедина его составители ограничились сухой справкой: «Тарим, река, кит.: Талимухэ, Ойхард Птолемея» и добавили: «тюрк. *tarim 'river'*, т. е. просто 'река'», что явно недостаточно, но простительно в инвентарном списке картографической номенклатуры [Farguhar, 1967, с. 77].

На Тянь-Шане течет р. Чичкан, правый пр. Нарына. Обычно связывают с кирг. *чычкан* 'мышь', что, конечно, неудовлетворительно. Между тем имя этой реки находится в едином гидронимическом ряду с *-кан.* Ср. р. Канызак в Ошской обл., реки Абакан и Кан в Южной Сибири, Канас, Бутеу-Канас, Ара-Кан, Ак-Кан на Алтае, р. Кана — пр. Белой на Урале.

В.В. Бартольд упоминает название горы и кишлака Тюлькю-баш 'лисья голова' (ныне поселок городского типа Тюлькубас в Чимкентской обл.). Гора пользовалась славой, была местом поклонения и почтительно именовалась Тюлькубашата. Местные жители утверждали, что на горе некогда жил тюркский хан, поэтому правильнее называть Тюрку баш 'глава тюрков'. «Этимология, конечно, искусственная, но предание во всяком случае любопытное» [Бартольд, т. 4, 1966, с. 113].

В Юго-Западной Туркмении расположен небольшой городок Каракала — центр сухих субтропиков Средней Азии. Казалось бы, смысл топонима прозрачен — «черная крепость», что и может быть оправдано в ряде случаев. Но туркмены произносят Гаррыгала 'старая крепость'.

Сколько споров вызвало выяснение, казалось бы, прозрачного названия Ташкент — древнего города в культурной полосе Шаш (Чач). Старые источники (Махмуд Кашгарский, Бируни) толкуют однозначно: «каменный город». Нужно удивляться прозорливости Абу Рейхана Бируни и его пониманию ономастических закономерностей, когда он писал: «Названия изменяются быстро, когда какой-либо местностью овладевают иноплеменники с чужим языком. Их органы речи часто коверкают названия, и в таком виде они переносят их в свой язык, как это в обычае греков. Они берут первоначальное значение, но названия претерпевают изменения. Разве ты не видишь, что Шаш взято из названия этого города на тюркском языке, а именно Ташканд, то есть 'каменное селение' и точно так же в книге (Птолемея) „Джография" он называет Каменной башней» (цит. по [Хасанов, 1972, с. 116]). Мысли, высказанные еще в X—XI вв., и сегодня звучат свежо и могут считаться основополагающими в современной топонимике.

Но этимология Ташкент 'каменный город' не всеми принималась как единственно правильная. О втором компоненте *-кент/-канд/-кед/-кет/-кат* спора нет: 'дом, усадьба, группа домов, селение, город'. В Хорезме *кат* 'пространство на равнине, окруженное валом, стенами'; на Ягнобе *кат* 'дом'. «Географы X в. при описании Туркестана приводят большое число названий сложных с *кет* и *кед,* причем эти названия, еще не встречающиеся в районе Мургаба, появляются в районе Зеравшана и в значительно большем числе в бассейне Сыр-Дарьи, особенно в районе Ангрена и Чирчика. Географ Истахри дает для области Илак, т. е. культурной полосы Ангрена, 14 названий городов и селений, из них 7 сложных с *кет*; для области Чач, т. е. культурной полосы Чирчика, — 27 названий, из них 14 сложных с *кет.* Из этих названий видно, что один и тот же термин применялся к городу и селению, как в Коране „селением" (*карйа*) назван и такой большой город, как Мекка... Употребление слова *кент* в смысле „селение" сохраняется до сих пор в Хорезме и в Кашгарии» [Бартольд, т. 2, ч. 1, 1963, с. 210].

Первый компонент названия Ташкент — слово *таш* ‘камень’, которое ученые считают позднейшим осмысливанием более раннего и фонетически близкого названия. Настораживало, что в окрестностях Ташкента нет камней и старый город был построен из глины. Поэтому появилось иное толкование: Ташкент из Шашкента, т. е. город области Шаш. Но Е.Д. Поливанов [Поливанов, 1927, с. 395—400] был не согласен с такой этимологией, ибо переход *ш* в *т* вряд ли возможен. По его мнению, гораздо правильнее считать, что первая часть названия имела основу *таж* или *тажи* — современное *таджик*. Этот этнический термин претерпел большую эволюцию. В эпоху арабского владычества местное население Средней Азии так называло арабов-завоевателей (ср. арм. *точик* ‘араб’, кит. *да-ши*), а позже вообще мусульман, поскольку первоначально понятие «арабы» и «мусульмане» в языке не различались и были синонимами. Затем термин «таджик» был перенесен на мусульман, говорящих на иранских языках. Поэтому Е.Д. Поливанов приходит к такой гипотезе: Ташкент — город арабов-завоевателей, город мусульман, город таджиков. Всего несколько столетий назад господствующим языком в Ташкенте был таджикский. Такое название могло присвоить местное население в VII—VIII вв., как считал этот ученый.

Точка зрения Е.Д. Поливанова в последующих работах историков и топонимистов не получила поддержки.

Казалось бы, ясная этимология — Ташкент ‘каменный город’ — подверглась большой ревизии, что и осложнило вопрос. Узбеки имя своей столицы объясняют: ‘каменный город, город, построенный из камня’, а не город таджиков и не город Шаша. При этом ссылаются на свидетельства Бируни и Махмуда Кашгарского.

В Джунгарской Гоби в Центральной Азии, на южной границе Монголии высится пустынно-степной хребет Байтагбогдо-Ула. В названии вычленяются четыре слова. Основа тут тюркская: *бай* + *таг* ‘богатая гора’ (имеются в виду хорошие пастбища, нечастые в Гоби) и монг. *богдо* ‘святой, божественный, чистый’ — эпитет в оронимии, наследие культа гор + *уул* ‘гора’. Но у В.В. Радлова [Радлов, 1911, стб. № 29] читаем: *байтак* ‘обширный, широко раскинутый, просторный’, что вполне соответствует характеристике этого хребта. Впрочем, *бай* и *байтак* этимологически взаимосвязаны.

А вот несколько более сложный вопрос. В тюркской топонимии нередко можно встретить казалось бы неоправданные по смыслу названия отдельных вершин или перевалов Караайгыр, Кызылайгыр, Бозайгыр, Акбайтал. Почему гора носит название «черный, гнедой, серый жеребец», а перевал — «белая молодая кобыла»? В Словаре В.В. Радлова можно обнаружить много значений этого слова: «грубость, ярость, темперамент, горячий, удалой, высокомерный, муж» и т. д., но нет ни одного такого, которое отвечало бы географической реалии. Необходимо помнить, что *айгыр* может быть тотемом. У кочевых народов Центральной Азии существовал культ коня, что получило отражение в эпических народных сказаниях — Манас, Гесер (Гэсэр), Джангар.

Г.К. Конкашпаев остроумно предположил: слово *айгыр* ‘жеребец’ в составе сложного географического названия приобретает значение «большой», и далее он этимологизирует: Айгыркум ‘большие пески’, Айгыршагыл ‘большая песчаная возвышенность’ [Конкашпаев, 1963, с. 10, 134]. Такое объяснение подкупает логичностью и простотой. Е.Койчубаев видит в каз. *айгыр* название травы: Айгырколь ‘озеро, на берегах которого растет трава айгыр’, Айгыркум ‘пески, заросшие травой’ [Койчубаев, 1974, с. 18].

А как быть со словом *байтал* в топонимах? И в Киргизстане, и в Казахстане оно, как правило, первое в составе двусложных названий: Байтал, Байтал-Баши, но есть Акбайтал и Алабайтал. Возможен и другой вариант: р. Сары-Бие ‘желтая кобылица’ в бассейне Карадарьи; есть и в Туркменистане: Байталгиден, Байталгуйы. Можно ли во всех случаях считать, что слово *байтал* соответствует значению «кобыла», а *айгыр* — значению «жеребец»? Кажется, что на этот вопрос ответить непросто без специального изучения. Нет ли в данных примерах народной этимологии? Нельзя ли видеть в *байтал* слово *тал* ‘ива, тальник’? На это не берусь ответить. Противоречия между общепринятыми этимологиями и географическими реалиями налицо. Отметим, что позиция слова *айгыр* в топонимах разная.

В пользу предположения Г.К. Конкашпаева о том, что слово *айгыр* ‘жеребец’ приобретает в топонимии значение «большой», говорит следующий факт. В халха-монгольских географических названиях тюрк. *айгыр* соответствует *азрага*, слово, широко представленное в топонимии. И в других монгольских языках тюрк. *айгыр* имеет точные соответствия: бур. *азарга*, калм. *азгыр* ‘жеребец’. На Прикаспийской низменности, в Волго-Уральском междуречье, выделяется останцовая гора Азгир, известная ботаникам как убежище реликтовых видов флоры; в Бурятии есть нп Шара-Азарга, р. Азарга, падь Хухэ-Азарга и др. Семантическую роль нарицательного *азрага* в топонимах показывает монг. *азраган бороо* ‘сильный дождь, ливень’, тогда как *бороо* просто ‘дождь’. Об этом же пишет Э.В. Севортян: *айгыр* (вторичные и переносные по происхождению значения): «1. Темпераментный, горячий (турк.); боевая, удалая, смелая женщина (ногайск.); 2. Отличающийся большой величиной, крепостью, силой, властью (якут.)» [Севортян, 1966, с. 107]. В качестве параллели вспомним русское выражение *лошадиная доза*, в котором прилагательное *лошадиная* выступает в значении «очень большая».

В русской географической терминологии есть словосочетание *конь-камень*, т. е. большие каменные валуны, которые считаются свидетелями древнего оледенения. В прошлом почитались как священные. Отсюда название острова Коневец на Ладожском озере. На острове выделяется громадная глыба серого гранита Конь-Камень.

Несколько странным и малоубедительным кажется часто приводимая этимология гидронимов Кансу, Канлысу ‘кровавая река, кровавая вода’. В конкретных случаях они могут быть объяснены по-разному: 1) как восходящие к слову *кан* в значении «главная, большая», ср. кирг. *кан жол* ‘большая, главная дорога’, *кан көчӧ* ‘главная, большая, оживленная улица’; 2) наиболее просто — река, несущая красноватую воду, напоминающую по цвету кровь (о этнотопонимах *канглы* см. ниже); 3) субстратный термин *кан* ‘река’.

В географических названиях встречается слово *киз/кыз* ‘девушка, девочка, дочь’. Вполне объяснимо: Кызкаласы ‘девичья башня’, но ср. *quz* ‘часть горы, не освещаемая солнцем’ [ДТС, 1969, с. 475]. На такое сопоставление обратил внимание Т. Нафасов, который указал на тур. *куз* или *kuzey* ‘теневая сторона, место, куда не попадают солнечные лучи’, азерб. *гузей* ‘теневая сторона’, кирг. *куй/куз* ‘глубокий овраг’. Этот автор интерпретирует Кизбулак как «источник в горах», Учкизтепа — как «местность, где есть три и больше холмов». В этом же ряду Кизкудук, Кизларсой, Кизкургон, Кизтош, Кизтепа, Бешкиз в Кашкадарьинской обл. [Нафасов, 1968, с. 6]. Конечно, последнее название «пять гор» (ср. Бештау — Пятигорск на Кавказе) более убедительно, чем Бешкыз ‘пять девушек’.

Среди тюркских гидронимов нередко встречается слово *катун/хатун/хатын/хотун*. Обычно переводят ‘женщина, знатная дама’. И действительно, ДТС фиксирует: *qatun* ‘госпожа, вельможная дама, женщина знатного происхождения, жена правителя, знатного человека’ [ДТС, 1969, с. 436]. В халха-монг. *хатагтай* ‘госпожа, дама’, *хатан* ‘госпожа, ханша, повелительница’. Еще параллель: эвенк. *катун/котун* ‘хозяйка, жена богатыря, госпожа, дама в картах’. Есть это слово и в якутском языке: *хатын/хотун* ‘госпожа’, откуда оно заимствовано эвенками [ТМС, 1975, с. 384—385]. Впервые четверть века назад было высказано предположение, что в тюркско-монгольской гидронимии это слово восстанавливает значение «река» [Мурзаев, 1964, с. 9—11; 1974, с. 190—191]. Основанием для такого предположения послужило два факта. Первый — длинный гидронимический ряд с *катун* в названиях, встречающихся на территории Азии. Второй — наличие этого слова в глоссарии книги «Современная и древняя енисеика» [Батманов и др., 1962, с. 224] со значением «река».

Против такого заключения выступил И.Г. Добродомов [Добродомов, 1984, с. 138—143], который указал на недостаточность подобной версии. Слово *катун* в значении «вода» было записано К.Маннергеймом у желтых уйгуров в провинции Ганьсу во время его путешествия по Китаю. С.Е. Малов пишет: «У Маннергейма этому слову придано еще значение ‘вода’, но я этого слова с таким значением не слышал. Ср. названия рек: Катунь или тувин. Тора-Кадын» [Малов, 1957, с. 55]. Однако в его более ранней работе, где он переводит текст памятника с р. Уюк-Туран, можно прочитать: «Я умер (букв. отделился) на шестьдесят третьем году на своей земле Эгюн-

Катун» и в примечании к переводу: «Хатун ‘река’ — название очень многих рек Южной Монголии» [Малов, 1952, с. 19—20]. И здесь же ссылка на источники, в первую очередь на работу известного монголиста А.Д. Руднева, который пишет: «Несмотря на то, что подобные „олицетворения” реки и придание им образа мужчины и женщины довольно обычны, я хочу здесь указать на случайность совпадения двух различных слов. Турецкие племена Алтая, например, сопоставляют две реки — Бия и Катунь — как господина и госпожу. Между тем приходится допустить, что слово Катунь значило первоначально просто ‘вода, река’. Хатун значит в южной Монголии просто ‘река’; но монголы создали про Желтую реку легенду, что жена Чингисхана бросилась в эту реку, и с тех пор стала река называться Хатун-гол; наряду с этим много рек называется Баин-хатун, Улан-хатун и пр. без добавления другого слова в значении ‘река’; по справке Г.И. Рамстедта в записях барона Маннергейма, в числе шара-йогурских (шары йогур) слов есть слово *катын*, значащее ‘вода’. В «Опыте словаря тюркских наречий» Радлова есть слово *кат* (барабинское), означающее ‘маленькое озеро, пруд, лужа’. На эти два слова я обращаю внимание туркологов» [Руднев, 1911, с. 238].

Действительно, у В.В. Радлова [Радлов, 1899, стб. 277] *кат* ‘маленькое озеро, пруд, лужа’. Следует акцентировать внимание на замечании А.Д. Руднева, что гидронимы Баин-Хатун, Улан-Хатун и другие приводятся без добавления другого слова в значении «река», т. е. эти названия рек не имеют конечного номенклатурного термина, в данном случае слова *гол* или *мурэн* ‘река’, а заменяются словом *катун*. Но алт. Катунь (Кадын) не лишено сопровождающего гидронимического апеллятива: Кадын-Суу.

Построим топонимический ряд. На том же Алтае есть река и гора Кадын, лог Кадынду-Ой. На Западном Саяне в р. Казыр отдают свои воды реки Катун и Катанца. Все три Тунгузки, правые притоки Енисея, эвенки называют Катэннга (где *-нга* — суффикс множественного числа при именной основе). В Бурятии нп Хатан, в Азербайджане нп Хатынлы; в Киргизии нп Улук-Катын; в Нуратинских горах Узбекистана нп Хатинрабат. Ханты именуют Иртыш Катанас. Река Катанца пр. Чикоя течет в Читинской обл. и Монголии. В Заалтайском Гоби высится останцовый холм Хатан-Суудал. В Восточно-Гобийском аймаке есть сухое русло (сайр) и нп Хатан-Булаг. Во Внутренней Монголии нп Хатын-Сумэ. В Северо-Восточном Китае р. Хатунхэ пр. Тумынцзяна. В монгольском героическом эпосе Гесериада многократно упоминается р. Хатун; например, Гесер говорит своей стреле: «Порази ты караульную заставу ненавистных врагов и обратно упади на том берегу Хатунь-реки, там потом я найду тебя... Едет Гесер долиной Шара-Тала. Не успел он перейти по ту сторону Хатунь-реки, а стрела Иманта тут как тут» [Козин, 1935, с. 189—190].

На карте Турции читаем нп Хатунсарай близ г. Конья в юго-западной части страны, Кадынхан на юго-запад от оз. Туз (отметим,

что в турецком языке присутствуют две формы *kadïn* и *hatun* ‘женщина, дама, госпожа’). Наконец, укажем на наличие нп Хатунабад на юго-западе от г. Кермана, Хатун близ берега Персидского залива в Иране и Катундже в предгорьях Гималаев на севере Индии. Из этого, конечно, далеко не полного перечня видно, что слово *катун/хатун* активно используется в номинации как рек, так и населенных мест.

Вопрос об омонимии *катун* ‘река’ и *катун* ‘женщина’ осложняется еще обычаем почтительного обращения к географическому объекту. Сошлюсь на замечание Э.К. Пекарского по поводу слова *хотун*: «Прибавляется к названию местности (города, реки), пользующейся почетом, и к именам божеств женского рода. Булун-Хотун ‘мать Булун (река)’, Джангы-Хотун ‘мать Яна (река)’, Өрүс-Хотун ‘матушка-река’» [Пекарский, 1930, стб. 3535—3536]. Семантика якут. *хотун* практически совпадает с общетюркским значением. Подобная фразеология присутствует и в русском языке *матушка-Волга, мать-сыра земля, Амур-батюшка.* Реки в сознании человека на первых этапах цивилизации представлялись живыми существами, они имели своих духов (ср. рус. *водяной*) и персонифицировались в легендах, сказаниях и верованиях.

Т.А. Тадыкин [Тадыкин, 1990] исходит из глагола *кат* ‘твердеть, густеть, смешивать, присоединяться, лить вдобавок’. Отсюда *катын* ‘жена, женщина’, первоначально ‘присоединенное, добавленное к мужчине’. Так образовалось новое значение ‘река впадающая, льющая вдобавок’. Другими словами — приток, т. е. опять же река, но второго порядка. Алтайская Катунь, соединяясь с Бией, образует Обь. И, наконец, Э.К. Мехралиев [Мехралиев, 1992] в азербайджанском языке находит *катын, катун* ‘река’. На это слово обратил внимание и А.М. Малолетко: «Совершенно случайно произошло наложение понятий *катун* ‘госпожа’ на более раннее (субстратное) понятие *катун* ‘река’. Ареалы этих понятий совпадают только в Алтае-Саянской области. Здесь находится восточный фланг ареала ‘госпожи’ и западной ‘реки’. Ареал *катун* ‘госпожа’ развивается на запад, до Азербайджана и Турции, ареал *катун* ‘река’ — на восток до Амура (р. Катэн)». И ниже: «Итак, *катын* и др. — самостоятельный термин ‘река’, очень древний, не вышедший за пределы Северной Азии» [Малолетко, 1992, с. 23—24]. Этот автор считает, что тюркское *катын* ‘госпожа, царица’ — древнее заимствование из иранских языков, возможно, из согдийского *хутен* ‘царица’. Однако заметим, что наличие азерб. *катын, катун* ‘река’ противоречит указанным ареалам слова со значениями ‘женщина, госпожа’ и ‘река’.

Какие же выводы можно сделать из всего сказанного о топонимических образованиях со словом *катун/хатун*?

Первое. Нельзя отрицать, что в большом ряду географических названий оно выступает в значении «женщина, ханша, госпожа, жена начальника» и т. д., примеры: Хатинрабат ‘женское укрепление’,

Хатан-Суудал ‘женская скамья (сиденье)’, Хатын-Сумэ ‘женский монастырь’, Хатунсарай ‘женский дворец’.

Второе. В названиях рек слово *катун/хатун* прямо отвечает восстанавливаемому значению «река». Об этом говорят: а) отсутствие номенклатурного термина в значении «вода, река» в большинстве гидронимов; б) присутствие этого слова в речных гидронимах и отсутствие его в озерных; в) бессмысленность таких, например, названий, как Катэнга ‘женщины’. Как это понимать? Такой перевод противоречит логике народной номинации. То же самое можно сказать и о переводе названия алтайской реки Катунь ‘женщина’.

Третье. В результате одухотворения вод, земли, гор как пережитка анимистических представлений слово *катын* могло отложиться в гидронимах как почтительное обращение: Джангы-Хотун, Өрүс-Хотун.

Сколько этимологических версий существует о происхождении названия озера Байкал! Их обстоятельный обзор выполнен С.А. Гурулевым в книге «Что в имени твоем, Байкал?» [Гурулев, 1982]. Старая этимология — Байкал из тюрк. Байкуль ‘богатое озеро’ — многократно подвергалась опровержению, предлагали различные варианты, исходя из разных языков. Используя большой исторический и этнографический материал, С.А. Гурулев доказывает происхождение гидронима из якут. *байгал/баягал.* Еще Э.Р. Рыгдылон [Рыгдылон, 1955, с. 76—78] видел исходную тюрк.-монг. форму *байгаал* ‘большой водоем, множество воды’. У Ф.К. Комарова читаем: «*баягал/байагал* ‘обилие, богатство вод, большая и глубокая вода, море’. В говоре якутов Кобяйского района — *байгал* и *байхал.* Встречается как самостоятельное географическое название относительно крупных озер. На картах закрепилась форма *байкал.* Нп Байгал, озеро Баягал» [Комаров, 1964, с. 22]. Таким образом, гидроним Байкал не одинок. Точку зрения, которую С.А. Гурулев называет «тибетской версией», исходя из позднейшей полной формы названия озера Байкал-Далай (тавтологическое название), разделили Э.М. Мурзаев и С.У. Умурзаков [Мурзаев—Умурзаков, 1974, с. 94]: все народы Восточной Сибири величают Байкал морем: якуты (*баягал*), эвенки (*ламу* и, как собственное название озера, Байкал Ламу) [ТМС, 1975, с. 490], буряты и монголы (Байгал-Далай). В ДТС этого гидронима нет. «В тюркских орхонских надписях (VIII в.) обитатели этой местности называются „байирку”, предположение Хирта... что Байкал получил свое название от этого народа, более чем сомнительно» [Бартольд, т. 3, 1965, с. 349]. Отсюда, кажется, можно предположить, что древним тюркам гидроним Байкал был вообще неизвестен. По устному сообщению Н.А. Баскакова, слово *бай* в географических названиях может выступать в значениях «запретный, священный». Ср. алт. *бай соз* ‘запретное слово’, *бай куш* ‘святая птица’. Это позволяет раскрыть этимологию гидронима Байкал как «святое озеро». Вспомним старинное русское название Святое море.

«Возможно, это калька дорусского названия», — пишет В.А. Никонов [Никонов, 1966, с. 40].

Несомненным кажется, что широко известное название озера Иссык-Куль возникло в результате переосмысления: общепринятая этимология связывает его со словом *иссык* 'горячий, жарко, жар', некоторые авторы предпочитают перевод 'теплый', что неточно. Однако географические и физические параметры, а также режим озера не позволяют принять такую версию. Оно совсем не теплое, тем более не горячее, а скорее холодное вследствие высокого расположения в горах и очень большой глубины, отчего его воды под действием ветров перемешиваются. Такая характеристика озера заставила ученых искать новые объяснения происхождения этого гидронима. Киргизский лингвист Д.Исаев [Исаев, 1972, с. 106—123] предложил исходить из второго, переносного значения слова — *исык* 'симпатичный, приятный, милый, красивый, прекрасный'. Казалось бы, найдена удовлетворительная этимология. Панорама озера очень живописна: оно расположено в кольце снежных гор Терскея и Кюнгея. Но, кажется, и эта версия неубедительна. Топонимическая лексика весьма специфична и в какой-то мере ограничена. Бесконечно повторяются в разных языковых средах слова с одними и теми же значениями, обязателен набор прилагательных, географических народных терминов. Среди них не находят места прилагательные «симпатичный, приятный, любимый». Они не характерны для топонимии вообще и тюркской в частности. Нами предложена другая этимология (см. [Мурзаев—Умурзаков, 1974, с. 92—95]).

В словаре В.В. Радлова находим *ызык таг* 'жертвенная гора', *ыjык ту* 'священная гора' [Радлов, 1893, т. 1, стб. 1360 и 1397]. Добавим к этому якут. *ытык* 'почитаемый, уважаемый, святой, священный, жертва' и якутские топонимы: оз. Ытык-Кюель, р. Ытык-Тит, нп Ытык-Бие, Ытых-Хатынг [Комаров, 1964, с. 120]. Хакас. *ызык* и тув. *идык* имеют примерно то же значение: 'священный, святой'. Алт. *ыйык* имеет три значения: 1) мифологическое: духи рек, гор, долин; 2) фетиш, предмет поклонения, почитания (это может быть гора, дерево, жертвенное животное); 3) священный, приносящий счастье [Баскаков—Тощакова, 1947, с. 187]. Древняя форма *iduq* 'священный, святой' [ДТС, 1969, с. 217]. Озеро Иссык-Куль почитается местными киргизами. Еще недавно порицалось купание в озере, ловля рыбы, загрязнение воды. Исходное значение гидронима Иссык-Куль ← *ызык (ызых) куль* 'святое, священное озеро'. В такой форме он окажется в длинном топонимическом ряду: Ызых-Чуль — железнодорожная станция близ Ачинска в Сибири, гора Ызых в Батеневском кряже и нп Ызыхские Копи в Хакасии, гора Ызых в Западном Саяне. Все эти названия относятся к местам обитания тюркоязычных народов. Итак, намечается цепочка: *ийык~ызых~ысык.*

Возникает вопрос — как можно оправдать переход *ызых* в *ысык*, когда в киргизском есть свой эквивалент *ыйык*? Вполне возможно, что

форма *ызык/ызых* досталась киргизам в наследство от их предшественников на Тянь-Шане — древних тюрков, языку которых было присуще «зокание». Известно, что в киргизском языке звук *з* малоупотребителен и встречается в заимствованных иранских, арабских и отчасти русских словах.

Можно было бы привести еще немало примеров, показывающих наличие народных этимологий в тюркской топонимии. Однако ограничимся сказанным, и в качестве концовки предлагаю курьез народно-этимологического осмысления на этот раз русскими шорского названия реки Игесу 'двойная вода, река, сформированная из двух составляющих примерно равных потоков'. Игесу у русского населения — Егоза [Абдрахманов—Бонюхов, 1966, с. 164].

СТРУКТУРА НАЗВАНИЙ

Наиболее полный материал по структуре тюркских географических названий представлен О.Т. Молчановой в монографии «Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая» [Молчанова, 1982]. Книга эта, регионально ограниченная в названии, по содержанию гораздо шире, так как в ней в поисках параллелей и сравнений привлечены данные других тюркских топонимических систем.

В нашей работе анализ структуры тюркских географических названий входит только как часть их общей характеристики.

Раскрытие структуры имени собственного часто позволяет уяснить его семантику и этимологию, что, конечно, не всегда возможно, однако на примере тюркской топонимии такие связи нередко устанавливаются довольно четко.

Нельзя согласиться с теми, кто считает, что имя собственное не несет смысловой нагрузки и с точки зрения лексикологии не является полноценным, так как обладает только номинативной функцией. Действительно, она первая и самая важная функция географического названия. Но в то же время такие топонимы, как Ленинград или Волгоград, гидроним Мутная (бас. Чусовой и Амура) любому оказываются вполне понятными в семантическом отношении. То же самое можно сказать и о тюркских топонимах: Гёйгель (азерб. 'голубое/синее озеро'), река Каинды (каз. 'березовая'), урочище Тал-Ойык (алт. 'тальниковая котловина'), Сявракюль (чуваш. 'круглое озеро'), Агидель (башк. 'белая река'), семантика которых ясна каждому говорящему на этих языках.

Нет в мире топонимических систем, которые формировались бы без участия географических апеллятивов. Тюркская топонимия не исключение. Многие географические термины активно участвуют в формировании собственных имен, указывая на природу называемого объекта. Азербайджанское название селения Дамбулак или киргизское название перевала Кайын-Арт, алтайское название реки Кара-Арык, башкирское название населенного пункта Таштамак, балкарское название ледника Чубур-Чыран, чувашское название оврага Шорсырма хорошо демонстрируют положение апеллятива во второй позиции, т. е. в функции определяемого: родник, источник (у дома, хлева), перевал (березовый); теснина (черная); проход букв. 'горло' (каменный), овраг (болотистый).

В тюркских топонимических системах преобладают сложные, главным образом двухкомпонентные, конструкции. Они соответствуют

двум основным синтаксическим единицам — определительному именному словосочетанию и глагольной конструкции. В именных словосочетаниях определение всегда стоит первым, за ним следует определяемое. В этом отношении тюркская топонимическая система отличается от ираноязычной или славянской, в которых возможны структурные варианты: перс. *сийах*, тадж. *сиёх* 'черный', в топонимах: Сиахкух, Сиахдере, Сиёхчешме, Сиахруд, но и Сенгсиах, где прилагательное оказывается в постпозиции; тадж. *сафед* 'белый' в топонимах: Сафедоб, Сафедкамар, но и Дараисафед, Обисафед, Сангисафед; *сурх* 'красный' в топонимах: Сурхоб, Сурхкух, но и Обисурх, Чашмаисурх, Гулисурх.

Русские топонимы демонстрируют такое же разнообразие моделей: Высокогорное, Ясная Поляна, Красный Холм, Польное Лапино, но и Гора Высокая, Речка Переемная, Горки Ленинские.

В тюркских географических названиях обычны формы Кызылджар, Кокдала, Ташлыкуль, и перестановка компонентов словосочетания невозможна. В этом отношении тюркская система сходна с монгольской и китайской. Монгольские топонимы Цаган-Худаг 'белый колодец', Харгол 'черная река' так же имеют устойчивый порядок слов. Китайские географические названия Бэйшань 'северные горы', Хуанхэ 'желтая река', Наньцзин (Нанкин) 'южная столица' семантически ясны. В китайских географических названиях при изменении порядка слов меняется и смысл: Хэси 'западнее реки', Сихэ 'западная река', Хунань — название провинции, земли которой расположены «к югу от озера» (под *ху* подразумевается озеро Дунтинху), и Хубэй — тоже название провинции «к северу от озера». Но есть в Ганьсу г. Наньху 'южное озеро'.

Когда в тюркских топонимах представлены глагольные конструкции, тогда в соответствии с правилами тюркского синтаксиса подлежащее предваряет сказуемое, а нарицательный географический термин нередко бывает утрачен, и, таким образом, имя собственное оказывается эллипсным, а глагольная конструкция приобретает видимость предложения.

Топонимическая лексика всегда часть языкового богатства. В.Н. Топоров отметил отличие топонимической системы от общеязыковой рядом особенностей: «Речь идет, в частности, о весьма слабой степени организованности топонимических структур, о минимальном количестве информации в каждом отдельном топониме: для каждого из них чаще всего достаточно отрицательной характеристики типа „А не есть В..."» [Топоров, 1962, с. 61]. Действительно, одно географическое название мало что объясняет: Кызылсу 'красная вода', причина окраски остается нераскрытой; Каратау 'черная гора', можно, не зная природы горы, подумать: 1) о черноземах, залегающих на ее поверхности, 2) о черневой тайге, покрывающей ее склоны. Но нельзя согласиться с якобы малой информативностью совокупности географических названий, топонимической системы в целом, когда анализи-

руемый материал дает многое для понимания как языковых, так и экстралингвистических явлений и процессов.

В тюркской топонимии географические названия формируются по разным грамматическим конструкциям. Попытаемся их классифицировать по следующей двучленной схеме, в которой выделяются два таксономических ранга: тип и модель. Наиболее распространенный тип — двусловный безаффиксный сложный топоним: Карабогаз, Сарысу, Улахан-Алас и т. д. В нем выделено четыре модели. Глагольные топонимы даны по грамматическим признакам, разработанным Г.И. Донидзе [Донидзе, 1964, с. 39—48]. После этих предварительных замечаний покажем предлагаемую схему в обобщенном виде:

тип первый: безаффиксный топоним тождествен апеллятиву;
тип второй: топоним в аффиксальном оформлении тождествен апеллятиву;
тип третий: двусловный безаффиксный топоним;
модель 1: прилагательное + существительное;
модель 2: существительное + существительное;
модель 3: числительное + существительное;
модель 4: прилагательное + прилагательное;
тип четвертый: двусловный топоним в аффиксальном оформлении;
тип пятый: многословный безаффиксный топоним;
тип шестой: многословный топоним в аффиксальном оформлении;
тип седьмой: глагольные.

В типах четвертом, пятом и шестом нет нужды выделять модели, так как они повторяют их перечень, приведенный для третьего типа. Укажем только, что в многословных географических названиях первая модель «прилагательное + существительное» оказывается господствующей. В глагольных конструкциях прилагательные, как правило, отсутствуют или встречаются очень редко.

Известно, что вопросы классификации сложны и противоречивы, особенно если они относятся к такому феномену, как совокупность географических названий. Предлагая указанную схему, автор стремился к простоте ее построения и выявлению четких различительных признаков между типами и моделями. Кроме того, каждая классификационная схема требует системы и логики соподчинения выделенных таксономических единиц. Удалось ли удовлетворить эти требования? Кажется, да, но не полностью. Глагольные образования столь специфичны и сложны в аналитическом отношении, что их пришлось выделить в особую группу, которая по своему содержанию несколько отличается от предыдущих.

Тип первый: топоним тождествен апеллятиву. Однокомпонентные простые названия, когда нарицательное имя становится собственным без каких-либо модификаций. Их нередко называют непроизводными. Примеров таких немало. Термин *чат/шат* ‘отрог горы; ее выступ; скалистая возвышенность; кряж, испещренный оврагами, ущельями; устье, слияние рек; междуречье’; др.-тюрк. *čat* ‘колодец’; основное значение ‘угол, раздвоенный, расщепленный’. На Северном Кавказе — это «замкнутая балка, тупик, образующийся смыкающимися под острым углом хребтами, дугообразная балка». Нарицательное имя *чат/шат* выступает в тюркоязычном ареале в качестве топонима, что зафиксировано в ряде словарей: нп Чат на Алтае; р. и нп Чат в Таджикистане; горы Чат на Северном Кавказе; кишлак Чат в Туркмении; ущелье Шат в Казахстане.

Широко известный апеллятив, частый элемент географических образований *кум/гум* ‘песок’ выступает и самостоятельно: рч. Кум в Таджикистане; г. Кум в Северных Каракумах в Ташаузской обл., г. Кум в Шиндинском хр. в Красноярском крае. Слово *тахта* ‘доска, равнина, плоское место в горах’. Поселок Тахта в Ставропольском крае; г. Тахта в Азербайджане. Известны топонимы Айдин в Туркмении. Айдын на Алтае, Айдын на западе азиатской части Турции. Ср. *айдын* ‘открытая водная поверхность’, букв. ‘блеск, сияние’. Слово *бурун/мурун* ‘нос, мыс, отрог горы, утес’ переходит в топоним: г. Мурун в Олекмо-Чарском нагорье в Восточной Сибири. Термин *булак* ‘источник, родник, ручей’ евразийского ареала. Помимо тюркских известен в монгольском, тунгусо-маньчжурских языках. Топонимический ряд: р. Булак — приток Камы, р. Булак на Алтае, оз. Пулак в Тюменской обл., родник Булак в Туве, нп Булак в Семипалатинской и Южно-Казахстанской областях. Общеизвестно слово *тайга* ‘горный лес, высокая гора, покрытая лесом или без него’ — хр. Тайга на Алтае. Слово *саз/сас* ‘болото’ образует топонимы: нп Саз в Алма-Атинской обл. и Саз (Сазово) в Башкирии; в форме *сас* повторяется несколько раз при наименовании логов, нп, урочищ и горы на Алтае. Продуктивен в топонимии термин *даш/тас/таш* ‘камень’: гора Таш в бассейне Телецкого озера на Алтае, гора Даш в Азербайджане, ур. Даш на п-ове Челекен в Туркмении, местность Тас в Кустанайской обл. И наконец, укажем нарицательное *арал* ‘остров’ — местность Арал в дельте Амударьи между ее протоками; нп Арал в Таджикистане; местность Арал при слиянии р. Кёкё-Мерен и Джумгала в Киргизии; ур. Арал у слияния р. Аксу, Яркенда и Хотана в Западном Китае.

Тип второй: топоним в аффиксальном оформлении тождествен апеллятиву.

Многие топонимисты писали о роли аффиксов в образовании тюркских собственных имен. И все же полной ясности в вопросе об их продуктивности нет. Очевидно одно — масштабы суффиксации в тюркской топонимии заметно уступают славянской, в частности русской, где она решительно преобладает. «Господствующая аффиксальность — основная черта славянской топонимии, обусловленная грам-

матическим строем славянских языков <...> Главный, безраздельно господствующий тип славянского топонимообразования — аффиксация. Но это — господство не аффиксов вообще, а единство суффиксов. Именно суффиксы — основное словообразовательное средство славянской топонимии всюду, где звучит славянская речь» [Никонов, 1962, с. 21—22]. По данным этого автора, названия нп Ивановской обл. оформлены суффиксами на 94%, в Тульской обл. — на 91%.

По статистике О.Т. Молчановой [Молчанова, 1982, с. 125—151], в Горном Алтае из 1058 одноосновных географических названий безаффиксальных 597, аффиксальных 461; из 1833 двухосновных соответственно 1211 и 622; из 244 трехосновных 147 и 97; из 8 четырехосновных по 4. Всего учтено 3143 алтайских топонима, из них оформлено аффиксами 1184, другими словами, несколько больше 37%, или, в грубом исчислении, одна треть. Наибольшей аффиксации подверглись одноосновные (461). Для двухосновных соотношение оказалось 1:2, для четырехосновных 1:1. Но абсолютное их количество столь малое (всего восемь названий), что делать какие-то заключения преждевременно.

Большой список киргизских аффиксов составила Б.О. Орузбаева [Орузбаева, 1964, с. 284—303]; об азербайджанских аффиксах см. монографию Э.В. Севортяна «Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования» [Севортян, 1966]. Перечень словообразовательных и словоизменительных аффиксов узбекского языка дан в Узбекско-русском словаре [УРС, 1959, с. 716—727]. В качестве приложения к Древнетюркскому словарю [ДТС, 1969, с. 649—668] указаны многочисленные аффиксы по древнетюркским памятникам VII—VIII вв.

В книге К.Конкобаева «Топонимия Южной Киргизии» [Конкобаев, 1980, с. 110—112] охарактеризованы 14 киргизских аффиксов, не считая их вариантов. Так, например, продуктивная в киргизской топонимии словообразовательная морфема *-лок* встречается в вариантах: *-лук, -лик, -лык, -дук, -тук,* а показатель множественности *-лар* имеет и формы *-лӧр, -дар, -тар, -тӧр.* Х.Шейнхардт в своей монографии посвятил главу морфологической типологии тюркских топонимов. Он выделяет 12 простых суффиксов: *-lyg/-lig/-li, -lyk/-lik, -lar, -či/-čy, -ak, -čak/-čyk/-čik* и три сложных: *-l^{o}ca, -cali,-luman* [Scheinhardt, 1979].

Многие тюркские аффиксы вообще не участвуют в формировании географических названий, а производительность других очень разная. Г.И. Донидзе считает необходимым изучение топонимообразующих аффиксов, к которым безусловно относятся лишь *-лык/-лик, -лы/-ли, -лак/-лок,* «выражающие значение места наличия или обилия предметов, обозначающих существительные, а также аффикс множественного числа *-лар/-лер,* встречающийся в названиях населенных пунктов» [Донидзе, 1972, с. 214].

В другой, более поздней работе Г.И. Донидзе пишет, что только одна треть однословных тюркских топонимов оформлена аффиксами. В двух- и трехсловных названиях они редки [Донидзе, 1980, с. 89—96]. Примерно к такому же выводу в результате структурного анализа топонимии Алтая приходит и О.Т. Молчанова [Молчанова, 1982, с. 125—151].

Топонимисты часто уделяют большое внимание аффиксу *-лик/-лык* с вариантами *-лук, -ды(к), -ты(к/г), -ныг.* С его помощью топоним характеризует пространственную принадлежность, местожительство, указывает на присутствие, наличие, изобилие чего-либо: Арпалык от *арпа* ‘ячмень’; ‘место, изобилующее посевами ячменя’, т. е. ‘ячменное’. В Башкирии есть нп Кайынлык ‘березняк’, в Синьцзяне г. Каргалык ‘изобилующее воронами, воронье’ (возможно, и от этнонима). В Узбекистане г. Алмалык от *алма* ‘яблоко’.

Слово *чат/шат* при помощи аффикса образует собственные имена нп Чатлык в Свердловской обл. и гидроним Шатлык в Башкирии; *тахта* — ‘плоскость, равнина’ формирует ороним Тахталык в Ошской обл. Вариантные формы присутствуют в собственных названиях Казахстана: Булакты ← *булак* ‘источник, родник’, Сазды ← *саз* ‘болото, топь’, что корреспондирует с алт Састу. Отметим, что аффиксом *-лык* оформлено название Гиссарлык, где известный археолог и полиглот Генрих Шлиман (он хорошо владел и русским языком и многие годы жил в России) во второй половине XIX в. открыл античную Трою. Сам топоним Гиссарлык несет важную для археолога информацию: араб. *хисар, хесар* ‘укрепление, за́мок, крепость’, он заимствован в иранские и тюркские языки, ср. Гиссарская долина, Гиссарский хр. в Таджикистане. Аффикс *-лык* образует название местностей от прилагательного (субстантивация): узб. *текис* ‘ровный, плоский’, *текислик* ‘равнина’. Б.О. Орузбаева пишет: «*-лык* (функционально генетически соотносится с др.-тюрк. *-лыг, -ты/-лы*, а также *-лак/-дак* и *-луу*). Продуктивный именной аффикс образует имена с отвлеченным значением (*тынчтык* ‘мир’; *беш жылдык* ‘пятилетка’) и принадлежности к определенной местности, стране и т. д. (*алайлык* ‘алаец’)» [Орузбаева, 1964, с. 284].

Естественно, что такие слова, как *тынчтык* или *беш жылдык*, перенесенные на названия населенных пунктов, не могут рассматриваться как топонимы, оформленные этим аффиксом, поскольку они восходят к уже готовым формам в полной конструкции.

Интересные мысли о роли аффикса *-лык* в образовании топонимов высказывает О.Т. Молчанова: «Данный аффикс выступает в топонимах не в своей прямой функции образования относительных прилагательных, а указывает на то, что исходная лексема — имя собственное. Думается, что выбор именно этого аффикса в качестве средства топонимизации не был случаен в тюркских языках. Именной характер образований с *-лы(к),* их неполная историческая отчлененность от существительных — вот объяснение широкого участия ана-

лизируемого аффикса в оформлении топонимов» [Молчанова, 1982, с. 127, со ссылкой на работы А.М. Щербака и О.П. Анжигановой].

Аффикс *-лы/-ли/-луу* генетически связан с предыдущим. Его функция — образование относительных прилагательных от существительных. Узб. *тог* ‘гора’, *тогли* ‘гористый, горный’ — Тогли Алтай — Горный Алтай; *тош* ‘камень’, *тошли* ‘каменистый’; *илон* ‘змея’ — Илонли ‘змеиное’; *жийда* ‘джида, лох’ — Джийдали ‘лоховое место, место, заросшее джидой’. Кирг. *арча* ‘можжевельник’ — Арчалы ‘можжевеловый’. По подсчетам Г.И. Донидзе [Донидзе, 1980, с. 93], это наиболее продуктивный аффикс в топонимии, он оформляет более 75% географических названий. Среди них Токойлуу ‘лесистый’ из *токой* ‘лес’, Бакалу ‘[место], где много лягушек’ из *бака* ‘лягушка’; Камышлы из *камыш* ‘камыш’. Его роль универсальна — он формирует названия как физико-географических, так и экономико-географических объектов, этнотопонимы и антропотопонимы, например: Кумлуг ‘песчаный’, Дашлы ‘каменистый’ в Азербайджане, Тамлы от *там* ‘дом’, Гумлы ‘песчаный’ в Туркменистане, Карагайлы ‘сосновый’ в Казахстане, Ташлы в Балкарии, последнее часто встречается и в Башкирии, Текели от *теке* ‘горный козел’ в Киргизии. Тюрк. *лай/лой* ‘ил, грязь, мягкая, жирная глина; муть’, кирг. *ылай* ‘муть, жидкая глина’. Это слово входит в названия колодца и такыра Лайлы в Туркменских Каракумах, р. Лайла в Калбинском хр. на Алтае, нп Лайли в Ошской обл. В Турции есть город Айдынлы из *айдын* ‘светлый, сияющий, сверкающий, ясный’. При помощи этого аффикса от личных имен и этнонимов образуются географические названия: Гасанлы, Валиханлы, Давутлу, Татлы, Казаклы и Казаглы, Хазарлы, Канглы в разных тюркоязычных республиках. Он может обозначать и места изготовления, производства каких-то орудий. Например, название нп Балталы информирует не столько о месте нахождения топоров, сколько о месте, где живут изготовители топоров [Моллазаде, 1978, с. 17].

С.С. Губаева выражает сомнение, что все географические названия с финалью *-лы* есть только аффиксальные формы [Губаева, 1972, с. 102]. Она считает, что в этнотопонимах Каргалы, Шагалы, Жидели это не аффикс, а часть основы. Тем самым такие географические названия, возникшие на этнической базе, уже нельзя отнести к аффиксальным образованиям.

Еще один аффикс *-лаг/-лак* указывает на «местность или место, где имеются предметы природы или предметы, созданные трудом человека» [Севортян, 1966, с. 50]. Поселение Кумлаг в Азербайджане, Кышлак в Иране. Варианты этого суффикса *-дак/-так* формируют имена типа Тастак ‘с камнями’ в Казахстане. Узбекский вариант *-лок* может образовать имена существительные: *тош* ‘камень’ — *тошлок* ‘каменистое место’, Тошлок районы — Ташлакский район; *кум* ‘песок’ — Кумлок ‘песчаное место’. Общетюркскому *-лаг/-лык* соответствует якут. *-лах(-лаах)* и его варианты *-лээх, -таах* и др., «выражающие признак обладания тем, что обозначено основой» [Гриценко, 1966, с. 36]. Она приводит многочисленные примеры: оз. Билилях (*билии* ‘перешеек, протока’), оз. Хочолох (*хочо* ‘долина’), р. Урасалах-Юрях (*ураса* ‘летнее жилище’, *юрях* ‘река’).

Г.И. Донидзе сомневается в топонимичности этого аффикса, так как собственные имена типа Кумлок, Тошлок, Гышлаг (Кишлак), Яйлаг практически совпадают с нарицательными географическими терминами [Донидзе, 1980, с. 92].

Аффикс множественного числа *-лар/-лер* (варианты *-дар/-тар*) также участвует в образовании топонимов, например: *ада* ‘остров’, производные от этого термина: Адалар — скалистые островки у Гурзуфа в Крыму, курорт Адлер от *адалар* ‘острова’; *адыр* ‘предгорье, холм’, *адырлар* ‘предгорья, холмистая местность’ — перевал Адырлар на Алтае. Алт. *туу* ‘гора’ → Туулар ‘горы’, ‘многогорье’; азерб. *тепе* ‘холм, бугор’ — гора Тепеляр ‘холмы, бугры, холмогорье, мелкосопочник’. В региональной географической литературе употребителен туркменский термин *депелер* ‘останцы (и останцовый рельеф) на поверхности древней дельты Амударьи’, и здесь аффикс *-лер* на месте. В Азербайджане кочевье Дашлар ‘камни, обилие камней’.

О продуктивности аффикса *-лар* в топонимии существуют разные точки зрения. Одни авторы пишут о нем как о редком в составе географических названий, другие, наоборот, указывают на его распространенность. Думается, что истина находится посередине, но его частотность разная в разных языках: в азербайджанском она высокая, в алтайском, например, малая. Считают также, что топонимы с финалью *-лар* далеко не всегда соответствуют множеству географических реалий. Как видно из приведенных ниже примеров, показатель множественности в них вполне оправдан: Туулар ‘много гор’, мы также говорим «многогорье»; перевал Адырлар может быть действительно двойным, т. е. образованный двумя седловинами либо проложенный через два параллельных увала, а нп Кумлар, возможно, расположен среди нескольких песчаных скоплений.

С.Караев [Караев, 1969, с. 23] указал на специфику данного аффикса, который есть только в географических названиях Узбекистана, происходящих от наименований какой-то общности людей, коллектива, возникших на основе экономической или этнической консолидации, и поэтому характерен в номинации населенных мест.

Аффиксы уменьшительности используются, кажется, во всех топонимических системах, в том числе и в тюркской: *-ча/-че, -чык/-чик/-чак*. Есть нп Чункур на джунгарском склоне Алтая, Чукур в Туркменистане, Чокур в Иране. В южной части Алтайской долины морены древнего оледенения создали прихотливый рельеф холмов и ям — чукуров. Но термин *чукурчак* указывает на небольшие размеры ям, котловин. А.А. Бонюхов [Бонюхов, 1976, с. 149] отмечал специфичность этого аффикса. Так, в Шории есть гора Калбачак, название которой происходит от растения калба. Окончание *-чак* в этом случае

указывает на малые размеры горы, а не растения. Другими словами, этот аффикс информирует о малых размерах называемого географического объекта, а не апеллятива. На Алтае есть гидроним Юлучак (*јул* 'река, речка'). При этом, как замечает О.Т. Молчанова [Молчанова, 1972, с. 3], такие топонимические конструкции состоят из одного слова, и всю нагрузку несет аффикс. И еще интересное замечание. Топонимы-прилагательные, оформленные аффиксом *-ча,* — Кызылча, Окча (Акча), Карачатог вовсе лишены значения уменьшительности [Нафасов, 1968, с. 12]. Так ли? В этом случае непонятна необходимость в аффиксе, и приведенные названия могли бы оставаться в обычной, наиболее распространенной модели: *кызыл, ак, кара* + какой-то нарицательный географический термин, как, например, Каратог. На северо-западе Туркменских Каракумов расположены две глубочайшие сухие впадины Акджакая (*акджакая* 'белесоватая скала'). Дно одной из них лежит на 81 м ниже уровня океана. Впадины окаймляются обрывами, сложенными блеклыми, сероватыми и желтоватыми осадочными породами. И еще вспомним Кокчетав — название областного центра в Казахстане. Аффикс *-ча* указывает на малую интенсивность окраски: 'синеватый'.

С помощью аффикса *-чы/-чи/-чу* образуются также имена деятелей по специальности: кирг. *балык* 'рыба' → *балыкчи* 'рыбак' → Балыкчы — г. Рыбачье (ныне г. Иссык-Куль). Но А.А. Бонюхов [Бонюхов, 1976] утверждает, что аффикс *-чи/-джы* отражает также особенности природы объекта: р. Палыкчи 'рыбная', р. Шаргаджы 'хариусная', р. Корумджыгол 'каменные осыпи (по берегам реки)', р. Аймакчыгол 'поселение на речке'. Из сказанного ясно, что функции этого аффикса разнообразны.

Г.И. Донидзе [Донидзе, 1972, с. 124] отрицает его роль в топонимообразовании, утверждая, что она ограничивается только выражением значения имени деятеля: *демир* 'железо', *демирчи* 'кузнец', и в таком виде слово может стать географическим названием. К тому же, как замечает С.С. Губаева [Губаева, 1972, с. 100], профессиональное объединение производителей со временем может стать этнической общностью, а слово, обозначающее такое объединение, трансформироваться в этноним.

Ниже указываются еще три аффикса, которые, строго говоря, не являются тюркскими в генетическом плане, но уже давно вошли в топонимический лексикон многих тюркоязычных стран. Во всяком случае, Узбекско-русский словарь [УРС, 1959, с. 716—727] включает их как узбекские, на равных правах с исконно тюркскими, даже не указывая на первоисточник, это: *-кент/-кänд, -обод(-абад), -стон (-стан, -истон, -истан).* Может быть, правильно именовать их более нейтральным термином «формант».

Наиболее широко распространенным оказывается *-стан/-стон,* указывающий на местность, область, страну, место жительства, изобилие чего-либо. В тюркских языках Средней Азии, Казахстана и Кавказа является заимствованием из иранских, в тюркских языках Сибири отсутствует. Весьма продуктивен в прошлом и в настоящем времени: Гулистан 'цветущая страна, цветник'; узб. Тожикистон — Таджикистан, Арменистон — Армения, Узбекистон — Узбекистан, г. Шахристан 'место города', Кухистон 'горная область'.

Строго говоря, *-кент/-кänд* тоже не тюркский аффикс. Однако многие названия городов и селений в Средней Азии и на Кавказе оформлены им. Первоначально ираноязычное слово «город, поселение». Отмечено в ДТС: *känd* 'город' как заимствование из согдийского [ДТС, 1969, с. 290] и *ken* 'город' — окончание, присоединяемое к названиям городов в восточных областях [ДТС, 1969, с. 297]. Но в настоящее время слово самостоятельно не употребляется, а встречается только в составе географических названий. Поэтому *-кент/-кänд* можно рассматривать как формант. В Средней Азии и Казахстане: Чимкент, Ташкент, Самарканд, Коканд. В Азербайджане: Агджикенд, Абадкент, Башкент, Пиркент; по данным Р.Х. Мамедовой [Мамедова, 1984, с. 79], элемент *-кент* встречается в названиях нп этой республики 127 раз. В Дагестане — Каякент; на Северном Кавказе — Бабугент.

-обод(-абад). С некоторым сомнением включаю этот ираноязычный термин в список тюркских аффиксов. Отмечен в ДТС [ДТС, 1966, с. 1] как заимствование из персидского в значениях «населенный; благоустроенный; процветание». Слово употребительно в тюркоязычных республиках Средней Азии и Кавказа в составе названий населенных пунктов, главным образом городов, образует топонимы и с тюркской основой и поэтому может выступать в роли аффикса (или форманта), указывающего на благоустроенное местожительство. Примеры: нп Бекабад и Ханабад в Средней Азии, Ханабад в Азербайджане.

По тем же данным Х.И. Мамедовой, в азербайджанских ойконимах *-абад* формирует 59 названий. Любопытно, что в этой республике есть нп просто Абад и составной Абадкенд. В этих топонимах слова выступают как собственные географические имена.

В некоторых тюркоязычных словарях можно обнаружить *-абад/-обод* в значениях «благоустроенный», «населенный». Слово этимологически восходит к *аб* 'вода'.

Тип третий: двусловный топоним. Эта конструкция безаффиксного оформления наиболее часто встречается в географических названиях. По данным О.Т. Молчановой, из 3143 учтенных алтайских безаффиксных и аффиксальных топонимов одноосновных оказалось 1058, а двух- и многоосновных — 2085, т. е. в два раза больше. А из 1959 безаффиксных — однословных 597, многословных 1362 [Молчанова. 1982, с. 124].

Рассмотрим наиболее обычные модели словосочетаний в топонимах. Модель первая: прилагательное + существительное (часто географический термин). Примеры: Ала + Тоо, Ак + Су, Сары + Озен,

Боз + Жар, Янги + Ават, Кара + Даг, Кызыл + Чай, Юхары + Кышлак, Узун + Даг, Кехне + Кала. Эти названия легко раскрываются: ‘пестрые (или высокие, великие) горы’, ‘белая вода’, ‘желтая (мутная) река (поток)’, ‘серый яр’, ‘новое селение’, ‘черная гора’, ‘красная река’, ‘верхний кишлак’, ‘длинная гора’, ‘старая крепость’.

Модель вторая: существительное + существительное. Подобная конструкция получила название изафета. По существу, в этой модели выделяются три подмодели: 1) имя + имя в именительном падеже: Тамир баш ‘железная голова’, букв. ‘голова из железа вообще’; 2) имя + имя с аффиксом принадлежности: *ат баши* ‘голова коня’ или ‘голова коней’ как родового понятия; 3) имя в родительном падеже + имя с аффиксом принадлежности: *атын(г) башы* ‘голова коня’ какого-то определенного. Во всех случаях первое из существительных выполняет функцию определения. Можно было бы эти три классификационные единицы показать в разных разрядах нашей схемы, но тогда нарушится единство второй модели: существительное + существительное.

Приведем конкретные примеры формирования географических названий данной конструкции.

1. Оба слова сложного топонима остаются в именительном падеже: Толкын + Коль, Терскен + Сай, Жилан + Тау, Демир + Тепе, Каан + Кайа, Сын + Таг, Черен + Арт, Кашка + Кум, Темир + Тау, Кум + Су, Чатыр + Даг.

При переводе постараемся сохранить структуру оригинала: ‘волна + озеро (волнующееся озеро)’; ‘растение тереск + овраг, сухое русло (где много тереска, многолетнего низкорослого кустарника Eurotia из семейства маревых)’; ‘змея + гора (змеиная гора)’; ‘железо + холм, бугор (холм с наличием железной руды или крепкий, как железо, железный бугор)’; ‘хан + скала (алт. ханская или большая скала)’; ‘хребет, перевал + гора (хакас. перевальная гора, хребтовая гора?)’; ‘дзерен + перевал’ (тув. *чэрен* ‘антилопа-дзерен’, ‘дзереновый перевал’); ‘голые, незаросшие пески светлых оттенков’; ‘железо + гора, железная гора’; ‘песок + вода’; ‘шатер + гора’. Подчеркнем оригинальность этой тюркской модели, когда первый компонент топонима — имя существительное — может рассматриваться в качестве определения: джайляу Донгуз-Сырт, букв. ‘свинья + сырт’ в Киргизии; хр. Таскыл-Тайга ‘голец + тайга’ на Алтае; р. Кюель-Юрях ‘озеро + река’ в Якутии. Такие конструкции невозможны в русском языке, где в этих случаях неизбежен переход первой части названия в прилагательные: «гольцовая тайга, озерная речка». Тюркская модель Темир-Тау (город в Казахстане), букв. ‘железо + гора’ немыслима в русском языке. Она может быть образована либо сочетанием «железная гора» (гора Железная в Ангарском кряже в Иркутской обл.), либо сложным словом с суффиксом (г. Железногорск в Курской обл. или г. Медногорск в Оренбургской обл.).

2. Определение неизменно, определяемое принимает местоименно-притяжательный аффикс: *шехир каписи* ‘городские ворота’, *дениз хамами* ‘морская купальня’ [Боровков, 1935, с. 165—177]. Дополним: Кум адасы ‘песчаный остров’, Асанбай кудыгы ‘колодец Асанбая’ [Донидзе, 1972, с. 122—126].

3. Изменяются оба члена конструкции, т. е. определение и определяемое. Первое из них оказывается в родительном падеже, а второе с местоименно-притяжательным аффиксом: *шехрин капуси* ‘ворота данного города’. В трехсловном крымском топониме Учкаянынбурну ‘мыс (нос) с тремя скалами (утесами)’ второе слагаемое *кая* стоит в родительном падеже [Исхакова, 1980, с. 170].

К.Ф. Гриценко [Гриценко, 1969, с. 218—219] наблюдала изафетные конструкции в якутской топонимии в следующем параллельном ряду: р. Чайдаах-Урах ‘галечная река’ и р. Чайдаах-Урэуэ ‘река, протекающая по определенной галечной местности’. В первом случае слово *чайдаах* имеет описательный характер, а во втором важны оба компонента: именно та река, которая протекает по местности Чайдаах. Конструкцией притяжательности оформлены якутские гидронимы: оз. Алы-Кюеллере, р. Балаган-Юряге, р. Кысыл-Хая-Юряхе, р. Урасa-Юряхе, оз. Сис-Кюеле.

А.А. Ахундов [Ахундов, 1980, с. 104] приводит такого же рода примеры из топонимии Азербайджана: Арпадере ‘ячмень + долина’ и Арпадереси ‘долина ячменя’; Бабачай ‘дедушка + река’, Бабачайы ‘река дедушки’. В татарской гидронимии изафетная конструкция с аффиксом принадлежности обычна: Аксай йылгасы, Атбаш йылгасы, Субаши йылгасы, Саз йылгасы.

В топонимах, заимствованных из иранских языков, возможен персидский изафет: Кухистан ‘горная страна, горная область’, Гулистан ‘цветущая местность’, Чашмаикудук ‘источник + колодец’, Кулидахан, где тюрк. *кöл* ‘озеро’ + тадж. *дахана* ‘устье реки, проход, перевал, ущелье’.

Первое существительное, часто играющее роль определяющего прилагательного, может обозначать, как видно из приведенных примеров, вещество, материал (*кум, таш, тӓмыр*), растения (*терескен, арпа*), животных (*донгуз, ат*), типы рельефа (*мурун, сын, таскыл*), может говорить о форме (*чатыр*) и т. д.

Отдельную группу образуют топонимы второй модели «существительное + существительное», в которой первый компонент оформлен суффиксами *-ду/-ту, -лы/-лы, -ды/-ты*, указывающими на наличие чего-либо или на принадлежность к чему-либо. Второй, а может быть и третий, компонент представлен апеллятивом без аффиксов.

Таких топонимов в общей массе не так уж много, но все же их наличие хорошо демонстрируется рядом примеров, заимствованных из разных источников. На Алтае: Кайнду-Кыр ‘гора с березами’, Бичикту-Кайа-Боом ‘обрыв скалы с писанницами’, Тытту-Ярык ‘ущелье с лиственницами’, Кулчалу-Карасу ‘родник, речка с зарослями дикого

лука (по берегам)'. В Туве: Туруглуг-Даг 'гора с отвесными скалами', Бижиктиг-Хая 'скала с писанницами', Чирилыг-Хем 'река с ивняковой (уремой)'. В Казахстане: Егиндыбулак 'родник, (орошающий) пашню', Камыстыколь 'озеро, заросшее камышом', Карагандысай 'овраг с зарослями караганы', Талды-Курган 'курган, заросший ивой, тальником', Тастыкудук 'колодец среди камней', может быть, правильнее — 'колодец, шахта которого закреплена камнями'. В Азербайджане: Яглыдере 'жирное, маслянистое (плодородное) ущелье', Демирлису 'речка с железом (железистой водой)', Бадамлысу 'речка с зарослями миндаля (по берегам)', Баллыкая 'медовая скала (скала, где растут медоносные растения?)'. В Туркменистане: Гуюлыдере 'ущелье с колодцем', Гушлубурун 'отрог (горы) с птицами', Гумлугала 'крепость среди песков' или 'городище, занесенное песками', Черкезлигум 'пески, заросшие черкезом' (кустарником из рода солянок Salsola Richteri), Сазаклыдепе 'возвышенность, холм с зарослями саксаула', Иландыдере 'ущелье, изобилующее змеями'. В Узбекистане в горах Нурата: Тонгузлисай 'сай, где обитают дикие свиньи'. В Башкирии: Теркелетау 'гора, заросшая сосной', Тиряклеелга 'река с осокоревыми (берегами)'.

Модель третья: числительное + существительное. В ряде случаев в тюркских географических названиях присутствуют числительные. В этом факте нет ничего специфического. Вспомним русские Пятихатки, Двуречье, Семипалатинск, югославский ороним Триглав, город на берегах Средиземного моря Триполи (три полиса — Триград), Пенджаб 'пятиречье' в Индии, Пенджикент 'пять поселений' в Таджикистане и т. д. Тюркским числительным посвящен ряд публикаций, но все они посвящены этимологическому анализу числительных и не рассматривают их участия в топонимии. Однако роль числительных в составе географических названий весьма существенна и не так проста и однозначна, что и будет показано на приведенных ниже примерах.

Можно ли буквально понимать такие, в общем как будто прозрачные имена, как: Джетысу 'семь рек, Семиречье', Учкурган 'три кургана', Алты-Кудук 'шесть колодцев', Он-Тамчи 'десять скудных родников', Джеты-Огуз 'семь рек', Уч-Эжик 'три двери', Ети-Баш 'семь вершин', Онбир-Джилга 'одиннадцать оврагов', Едыарымлар 'семь рвов', Минбулак 'тысяча родников, ручьев', Бинбашкоба 'тысячи голов пещера', Минкуш 'тысяча птиц', Бештерек 'пять тополей' или Бешэтек 'пять склонов (горы)', Экибастуз букв. 'двухголовая соль', но по смыслу — 'два холма, сложенные соленосными породами' или 'солончак с двумя заливами (головами)', Жузарал 'сто островов', Джеты-Сандык 'семь сундуков', в географии — 'семь хребтов'. Как закономерность отмечается частота нечетных числительных, четные в составе первой десятки сравнительно редки.

Кто знает, из каких и скольких рек в действительности образуется Джетысу или Джеты-Огуз? В литературе можно встретить несколько вариантов ответа на такой вопрос и ни одного убедительного. Какие именно и сколько межкотловинных гряд в местности Едыарымлар в Туркменских Каракумах? Там их очень много[1]. Разве можно подсчитать тысячу родников в урочище Минбулак, тем более тысячу птиц в тянь-шаньской долине Минкуш или тысячу диких козлов в горах Минтеке? Обычно такие количественные показатели говорят о порядке величин: множество, обилие, некоторое число, несколько.

Вопрос о числительных осложняется еще тем, что некоторые из них формируют тюркские этнонимы и через них оказываются уже во вторичной ономастической категории — географической. Как указал Н.А. Баскаков [Баскаков, 1977, с. 109], числительные участвуют в тюркских этнонимических образованиях *džeti uruw* 'семь родов', *beš bala* 'пять сыновей', *on tört uruw* 'четырнадцать родов' у кыпчаков или др.-тюрк. *тогуз огуз* 'девять огузов', *tört as* 'четыре аса'. В отдельных случаях названия племен представлены субстантивными числительными, оформленными аффиксами множественного числа *-лар, -ар;* уйг. *un → unlar;* башк. *мын(г) → мын(г)лар,* ног. *qyrq → qyrqlar,* алт. *djus → djüster* (о тюркских этнотопонимах см. ниже).

Большой интерес вызывает дискуссия о числительном «семь» в тюркских языках. Уже более 40 лет назад С.К. Кенесбаев писал: «Значительное количество устойчивых сочетаний слов (идиомы, пословицы, поговорки и др.) группируются вокруг некоторых числительных: семь, три, девять, сорок — как вокруг своего рода „стержневых" слов, что связано с древними верованиями и обрядами. В идиомах и других фразеологизмах они не имеют точного числового значения» [Кенесбаев, 1954, с. 23].

Эту мысль продолжил Е.Койчубаев. Он считает стержневыми числительными в тюркской топонимии числительные «семь», «девять», «сорок», «сто», «тысяча», которые указывают на неопределенно большое количество, на понятие «много», например Токузбулак — в буквальном переводе 'девять родников, речек', в действительности указывает на множество речек или на речку, образованную большим количеством ручьев. Название аула Кыркру 'сорок родов' говорит о многоплеменности его населения. Название колодца Кырыкчелек 'сорок ведер, сорок бочек' информирует о его многоводности [Койчубаев, 1974, с. 9].

Более подробно этот автор рассказал о значениях числительных в топонимии Казахстана в специальной статье [Койчубаев, 1969], где приведены примеры: Джетысу, Джетыарал, Джетыджал, Джетыогуз, Тогузтарау, Тогузбулак и т. д. Он обращает внимание на значение слова *кырк* 'сорок' в казахских фразеологизмах и сопоставляет с русскими: *сороконожка* 'многоножка', *сорок сороков* 'число, превосхо-

[1] Топоним Едыарымлар может быть истолкован в значении «семь шагов», а в переносном значении «семь переходов». Пересечение крупных песчаных гряд и глубоких котловин сопряжено с трудностями и требует не одного дня.

дящее всякое воображение', пословица *видела сорок лет, высадила сорок рел.* Числительное *сто* представлено в топонимах Джузарал, Джузагач, Джузкудук, а *тысяча* — Мынгарал, Мынгбулак. «Во всех этих названиях какое-то количество... не дает определенного числа, а выражает чрезмерное множество чего-нибудь» [Койчубаев, 1969, с. 263].

Вернемся к числу «семь». Напомню, что в ДТС [ДТС, 1969, с. 259] находим *jeti* 'семь', *jetiz* 'широкий, обширный' и словосочетание *jetinčsiz jetiz* 'беспредельный'. Такое сопоставление проливает свет на роль числительного в топонимии.

Географ и этнограф Г.И. Потанин, путешествуя по Алтаю, отметил, что в географических названиях числительным «семь — двенадцать» присуща некая мистичность, что «семь» может указывать на количество объектов от 3 до 7, а «двенадцать» — на величины от 7 до 12: «В некоторых названиях встречается цифра 'семь', как, например, Семибраты (быки на Иртыше выше Устькаменогорска), другие Семибраты (быки на Ануе), Семипалаты (первоначальное название места, на котором теперь стоит Семипалатинск). Что это цифра мистическая, доказывается тем, что в действительности нет ни семи быков, ни семи палат; о последних из Паласса известно, что их было только четыре. В другом месте встречается другая цифра — двенадцать; в Томской тайге, на дороге из Тамвара на Толусуил, стоит полуобгоревший кедр, который народ отметил за его величину особенным собственным именем «Двенадцать братьев». Название было основано на числе ветвей, но их было всего восемь, а не двенадцать. Кажется, что семь употребляется вместо всех чисел, которые находятся между тремя и семью, а двенадцать вместо находящихся между семью и двенадцатью» [Потанин, 1864, с. 47].

Числительному «семь» специальную статью посвятил К.И. Петров [Петров, 1980, с. 149—184]. Она начинается так: «Число „семь" имело сакрально-обрядовое значение у народов Евразии, Аравии и за их пределами с отдаленных времен... Мы обращаем внимание на широкое распространение у тюркоязычных народов этнонимов и топонимов от этого числительного...» Автор приводит много названий тюркских племен и родовых подразделений, восходящих к *jeti, jetu, йети, джети, ете* и т. д. Даже многие этнонимы со словом *ит,* восходящие по народной этимологии к понятию «собака», в действительности произошли от *jetu* 'семь'. Это же числительное было использовано для наименования кыпчакско-казахско-киргизского населения южной части Прибалхашья: Семиплеменное объединение во главе с собратьями Еты-Кашка, родственного с киргизским племенем Каркары. Это также персонифицированный топоним, т. е. имя «деда киргизского богатыря Манаса... Средневековый этнотермин Джете Прибалхашья со временем стал, по-видимому, малопонятным и потому был ассоциирован с некими семью реками, стал Семиречьем. В действительности же его происхождение связано с многочисленной этнотерминологией от сакрального числа семь без дополнительного элемента суу — река» [Петров, 1980, с. 160]. Таково, по мнению К.И. Петрова, происхождение широко известного топонима обширной области Джетысу, или Семиречья.

Исключительное значение числительного «семь» присуще и русскому языку. Вспомним фразеологические выражения и поговорки: *семь шкур спустить, на седьмом небе, семь бед — один ответ, семи пядей во лбу, у семи нянек дитя без глазу, семеро одного не ждут, седьмая вода на киселе, за семь верст киселя хлебать, глухому семь раз обедню не служат* и т. д. И наконец, чисто топонимический фразеологизм: Москва стоит на семи холмах. Но ведь и Рим построен на семи холмах! Можно ли все такие словосочетания понимать буквально? Конечно, здесь присутствует обобщение. Эта традиция уходит в далекое прошлое. Еще в древнем Вавилоне знали семь подвижных небесных тел: Солнце, Луну, Меркурий, Венеру, Марс, Юпитер, Сатурн — места обитания семи главных богов. Откуда и семидневная неделя, мера времени, прошедшая через тысячелетия и сегодня принятая во всем мире. Число семь стало магическим [Маковец, 1974, с. 150—153].

Относительность количественных показателей (определений) в тюркской топонимии подтверждается многими примерами, а также авторами топонимических исследований. Но было бы неверным утверждение о том, что количественное определение всегда не соответствует прямой характеристике называемого объекта. В Туркменских Каракумах есть колодец Екедже 'одинокий, единственный'. Но если со временем рядом выроют второй, а название, как это часто бывает, сохранится прежним, то оно превратится в обычный количественный топоним. Его семантика уже не будет соответствовать слову, а подскажет другую формулировку: какое-то малое число. Произойдет смысловой сдвиг.

На Алтае есть районный центр Кош-Агач. В тюркской топонимии нередко присутствует лексема *кос/кош* 'сдвоенный, пара, парный'. Ее легко спутать с термином *кош* 'лагерь, становище, приют пастухов, кочевье'. Последний заимствован из персидского и наличествует не во всех тюркских языках. Поэтому непросто, не зная местных условий, правильно понять названия со словом *кош.* Кош-Агач в Чуйской степи — легко объяснимое название «пара деревьев». Именно они, как признак, определили рождение названия. В.Л. Попов писал: «Это место получило название Кос-Агач от двух единственных отдельных больших деревьев, находящихся вблизи названного селения» [Попов, 1903, с. 15].

Ну, а что, если одно или оба дерева погибнут или вырастет со временем еще несколько? Признак исчезнет, название, надо думать, останется. О.Т. Молчанова [Молчанова, 1979, с. 227—228] на Алтае насчитала 14 географических названий с начальным словом *кос/кош.*

Как известно, парность вообще была частой в количественных определениях на ранней степени развития цивилизации, что следовало из парности органов человека: пара ног, пара рук, глаз, ушей; представлений о мире: земля и небо, солнце и луна, суша и вода, день и ночь и т. д. О бинарности в мифологии древних тюрков: земля — вода (*йер су* 'родина'), небо — земля, верх — низ, вперед (восток) — назад (запад), огонь — вода, день — ночь и т. д. (см. [Стеблева, 1972, с. 206—226]).

Неясно в отдельных случаях значение числительного *бес/беш/биш* 'пять'. Оно созвучно с перс. *бäс/бäса* 'достаточно много'. Об этом пишет С. Атаниязов. Туркменское имя аула Бишчыкыр можно соотнести с тюрк. «пять чигирей» (водоподъемных колес) либо с перс. «много чигирей», т. е. с наречием, а не числительным [Атаниязов, 1980, с. 66]. К. Конкобаев отмечает, что *беш* в названиях также часто означает 'много'. Он приводит географические названия Узбекистана: Бешбала, Бештентек, Бешкала, Бешкашка; в Казахстане: Бескара, Бескемпир; в Киргизии: Беш-Бажа, Беш-Жыгач, Беш-Белчир, Беш-Арал, Беш-Булак и др. [Конкобаев, 1980, с. 105—106]. В ДТС [ДТС, 1969, с. 97] можно обнаружить имена городов Беш-Балык, Беш-Кечен. На Алтае есть р. Беш-Белтир. В таких случаях числительное *беш* вряд ли соответствует точному количеству «пять». И конечно, в последних примерах ссылка на ираноязычное начало вряд ли может быть принята.

В Географо-статистическом словаре Российской империи П.П. Семенова читаем о городе Пятигорске: «На северо-западе горизонт ограничивается остроконечными вершинами горы Бештау, т. е. пятигория, давшей название городу» [Семенов, 1873, т. 4, с. 260]. Можно ли принимать буквально такую характеристику?

С. Кудайбергенов [Кудайбергенов, 1980, с. 164—170] указывает на наличие в горах Тянь-Шань топонимов Тёрткол и Тёрткул 'четыре озера' и 'четырехугольник, крепость, городище', Кырк-Казык 'сорок колышков', Отуз-Адыр 'тридцать холмов', Алтымыш-Ат 'шестьдесят лошадей', где морфологический элемент *-мыш* исторически восходит к числительному «десять», т. е. 6 × 10 = 60, ср. *жетимиш* 'семьдесят', т. е. 7 × 10 = 70. Этот автор последовательно проводит параллели между указанными тюркскими и соответствующими монгольскими числительными: тюрк. *төрт* и монг. *дорбон* 'четыре'.

Интересные и трудоемкие статистические показатели привела О.Т. Молчанова [Молчанова, 1976а, с. 151—155]. Она составила список алтайских географических названий (2043 единицы), киргизских (2900), тувинских (3000 единиц). По ее подсчетам, получается такая картина частоты и распространения числительных: в алтайских названиях единица встречается один раз, двойка — 8 раз, тройка — 12 раз, пятерка — 6 раз, шестерка — 3 раза, семерка — 7 раз; в киргизских соответственно: единица — один раз, двойка — 5 раз, тройка — 25 раз, пятерка — 17 раз, шестерка — 2 раза, семерка — 4 раза, девятка — 3 раза, десятка — 3 раза, сорок — 7 раз; в тувинских: единица — один раз, двойка — 3 раза, тройка — 3 раза, шестерка — 4 раза, семерка — 4 раза, восьмерка — один раз, девятка — 4 раза, десятка — 3 раза, двадцать — 4 раза, сорок — 2 раза. Малой продуктивностью отличаются числительные «один» (три названия), 4, 8, 20, 30, 50, 60, 100. Частотность по убыванию географических названий с числительными представлена такими цепочками:

в алтайских названиях:	3, 2, 7, 9, 5, 6, 10;
в киргизских:	3, 5, 40, 2, 4, 7, 9, 10;
в тувинских:	6, 7, 20, 2, 3, 9, 10, 40

Числительные топонимы на Алтае и в Киргизии в совокупности составляют 2,4% от общей суммы учтенных названий, а в Туве только 0,9%.

По топонимическому словарю Туркменистана С.Атаниязова [Атаниязов, 1980] мною подсчитано количество сложных названий, в первой позиции которых фигурируют числительные. Результаты подтверждали мысль об особой продуктивности числительных «три» и «пять»: *уч* 'три' — 40 названий, *беш* 'пять' — 26, *еке* 'два' — 26, *еди* 'семь' — 23, *дöрт/дöрд* 'четыре' — 17, *он* 'десять' — 13, *секиз* 'восемь' — 8, *йуз* 'сто' — 8, *алты* 'шесть' — 6, *докуз* 'девять' — 4 названия.

Такие же подсчеты выполнены по словарю казахских географических названий Г.К. Конкашпаева [Конкашпаев, 1963]. Наибольшую частотность показывают числительные *уш* 'три' — 23 названия, *бес* 'пять' — 13 названий, *алты* 'шесть' и *жеты* 'семь' — по 8 названий. Несколько иные показатели в словаре Е.Койчубаева [Койчубаев, 1974]: *уш* 'три' и *бес* 'пять' — по 25 названий, *жеты* 'семь' — 11. Следует заметить, что последний автор некоторые топонимы на *уш-* и *жеты-* раскрывает из этнонима *уш* или из слова *угуз* 'вода'. Таким образом, частотность числительных по убыванию выглядит на этот раз так: в туркменских названиях 3, 5, 2, 7, 4, 10, 8, 100, 6, 9, в казахских (по Конкашпаеву) 3, 5, 7, 6, 4, 9, 10, 1; (по Койчубаеву) 3, 5, 7.

Интересно, что в книге Т. Нафасова [Нафасов, 1985] из числительных, активно участвующих в формировании географических названий Южного Узбекистана, перечислены только пять: *уч* (Учарык, Учтапа, Учтош и др.), *беш* (Бешарых, Бештерек, Бешкутон и др.), *етти* (Еттикиз, Еттисой, Еттикамар), *кырк* (Киркбулок, Кырккиз и др.), *мынг* (Мынгбулок, Мынгчукур, Мынгчинор и др.).

Какие же выводы можно сделать из приведенных данных?

1. Подтверждаются наблюдения об активности в тюркской топонимии нечетных числительных.

2. Почти повсеместно в тюркской топонимии первые два места в образовании топонимов с числительными принадлежат «тройке» и «пятерке».

Как объяснить относительно частое повторение числительного «пять» в топонимии Туркмении и Киргизии? Следует высказать предположение о влиянии ираноязычного *бес, бäс* ‘много, достаточно’, о чем уже было сказано. Для Алтая О.Т. Молчанова [Молчанова, 1976, с. 154] приводит объяснение: *беш* не просто ‘пять’, а какое-то компактное количество, находящееся вместе, как в горсти, в пятерне. На такое же значение слова указывает и З.М. Мухамедова [Мухамедова, 1973]: *беш* ‘горсть, пригоршня, пятерня’.

3. Среди топонимов с числительными «семерка» оказывается отнюдь не на первом месте. Она обосновалась на третьем—шестом местах. Исключение опять же составляют тувинские названия, где господствуют «шестерка» и «семерка, а «пятерка», повторяю, не обнаружена. Правда, в словаре географической терминологии Тувы [Волостнова—Тюрин, 1971, с. 27] можно прочитать: Калбак-Беш-Бажи-Арт ‘широкий (плоский) пятиглавый перевал’.

4. И еще напрашивается существенная мысль о том, что малое количество географических объектов (гор, рек, близко текущих друг от друга, холмов, курганов и т. д.) легко обозримо и может быть четко охарактеризовано в самом названии: Уч-Курган ‘три кургана’, Кош-Агач ‘парные деревья’. При бóльших количествах объектов зрительное восприятие их затрудняется и появляются представления о порядке величин: некоторое количество, много, очень много, необозримо много.

Модель четвертая: прилагательное + прилагательное. Такие топонимы, как правило, эллиптированы, в результате чего существительное отпало. О.Т. Молчанова [Молчанова, 1979] приводит имена р. Кара-Алаха ‘черно-пестрая или прозрачно обильная’, р. Кара-Ийир ‘обильно родниковая, извилистая’, р. Ак-Ачык ‘чистое, открытое (место, долина)’, Ак-Турген ‘белая (пенистая) быстрая (река с быстрым течением)’. В Южной Киргизии есть нп Кок-Жаман ‘голубой (синий), плохой’, гора Кок-Ийрим ‘голубая, извилистая’ [Конкобаев, 1980, с. 99, 100]. В Азербайджане: гора Карагузей ‘черная, теневая (северная экспозиция горы)’, хр. Сарыгуней ‘желтый, солнечный (южный склон)’ [Бушуева, 1971, с. 81, 126].

По устному замечанию Г.И. Донидзе, такие географические названия нельзя отнести к модели «прилагательное + прилагательное». Второй компонент здесь опять существительное (имя собственное или нарицательное), и, может быть, процесс усечения имел место не в тюркоязычной среде. Так, в топониме Карагуней слово *-гуней* может выступать в значении ‘склон горы, обращенный к солнцу’; в Ак-Ачык слово *ачык* значит ‘поляна’. Гидроним Ак-Турген, возможно, потерял номенклатурный термин *кол/гол* или *су/суг* ‘река, вода’.

Тип четвертый: двусловные топонимы, где аффиксами оформлены оба слова. Двусловные топонимы в разных тюркоязычных регионах и даже в пределах одной республики или области могут иметь разные конструкции. Так, в Азербайджане: горы Коюндаги и Агдаг;

гора Пирсултан и нп Шахсолтанлы; гора Карачобан и нп Меликчобанлы [Бушуева, 1971, с. 57, 130, 156]. На Алтае: гора Кайыр-Бажи и нп Кайыр-Бут. В Казахстане: урочища Коктас и Коктасты, озера Шолаккаин, Шолаккаинды [Конкашпаев, 1963, с. 74 и 130]. Двусловные аффиксные топонимы покажем на примере разных языков: башк. Ичкекайындык ‘старое березовое’ и Ичкекамышлы ‘старое камышовое’; туркм. Сарыдамлы ‘с желтым домом, с желтым сараем, постройкой’, такыр Докузкаклар ‘девять ям для сбора и хранения дождевой воды’; каз. р. Улькенкундызды ‘большая бобровая’; алт. р. Кара-Маллы ‘река крупного рогатого скота’; тув. Кара-Даштыг ‘черная каменистая’, хакас. хр. Сарыгхаялар ‘желтые скалы’, якут. р. Хангас-Харыялах ‘северный (левый) ельник’.

Тип пятый: многословные безаффиксные топонимы. Количество трех- и особенно четырехосновных географических названий относительно невелико на Алтае: р. Уй-Кара-Таш, лог Ак-Коль-Кара-Ойык; в Якутии: р. Улахан-Бес-Юрях; в Азербайджане: р. Сарыкбулакчай, гора Кичикбоздаг, нп Баш-Дашагыл; в Киргизии: яр Чон-Кызыл-Жар.

Тип шестой: многословные топонимы, где аффиксом оформлено каждое слово, примеры: на Алтае гора Кызыы-Кышту-Өзөк-Бажы, что трудно переводимо: букв. ‘теснина, зимовье, устье, верховье’, может быть, ‘зимовье в верхней части ущелья, у устья’. На Северном Кавказе есть пятичленное географическое название: Тонгуз орун гитче чат башы ‘свиней место малое дугообразное верховье’ и Тонгуз орун чегет къара баши ‘свиньего места теневая черная вершина’ [Коков—Шахмурзаев, 1970, с. 122]. Такие определительные словосочетания относятся, конечно, к микротопонимии.

Тип седьмой: топонимы глагольные.

Весьма своеобразной моделью тюркских географических названий оказывается их глагольная конструкция. Она была известна давно (глагольные конструкции можно найти уже в «Бабур-наме»). Популярный топоним Барсакельмес ‘пойдешь, не вернешься’ употребляется для наименований труднодоступных или непроходимых песчаных массивов и топких солончаков в пустынях Средней Азии. Такие названия читаются на картах прошлого столетия.

Первым исследователем, кто обратил внимание на глагольные топонимы как на классификационную единицу, была Дж.Кармышева [Кармышева, 1950, с. 98—110]. Д.Г. Киекбаев привел конкретные примеры таких географических названий в Башкирии: Айгырбаткан ‘жеребец утонул’, Ташбаткан ‘камень утонул’, Кумеркazган ‘уголь копали’ [Киекбаев, 1956, с. 230—247].

В Азербайджане находим гидроним Джейранбатангель ‘озеро, где утонула газель’, а в Карачае отмечены горная вершина и ледник Буёльген ‘олень погиб’; гора и речка Домбайёльген ‘зубр погиб’.

Глагольную конструкцию как топонимическую закономерность исследовал также шведский тюрколог Гуннар Ярринг [Jarring, 1961,

с. 467—478], который назвал глагольные топонимические образования названиями полного предложения. В Западном Китае он нашел уйгурские названия местностей: Куланольди 'кулан умер', Капакаскан 'повесили тыкву', Атольгендаван 'перевал, где умерла лошадь', Калмакольгенбулак 'источник, где умер калмык' — события необычные полные драматических переживаний, а потому оставившие след в топонимии.

Этой теме посвящена статья Г.И. Донидзе «Глагольные топонимы в тюркских языках». В ней автор находит возможным все глагольные конструкции свести к семи типам (по нашей классификации — подтипам).

Первый тип — названия, выраженные одним словом, представленным причастиями на *-ан, -мыш, -ган* или *-р*: Кескен от каз. *кес* 'резать', Кайнар от каз. *кайна* 'кипеть, бурлить', Сыгырар от алт. *сыгыр* 'свистеть', Чыгырган от азерб. *чыгыр* 'кричать'.

Второй тип — сочетание имени существительного в основном падеже, обозначающего объект действия, с формами глагола, обозначающего действие: Дашкесан от азерб. *даш* 'камень' и *кес-* 'резать'; Жезказган от каз. *жез* 'медь, латунь' и глагола *кан-* 'копать, рыть'; Ат-Аткан от алт. *ат* 'лошадь' и *ат-* 'стрелять, бросать'.

Третий тип — названия, выраженные сочетаниями имени существительного в основном падеже, обозначающего субъект действия с теми же причастными формами глагола: Дашучан от азерб. *даш* 'камень' и глагола *уч-* 'валиться, обрушиться'; Кызкеткен от ккалп. *кыз* 'девушка, дочь' и глагола *кет-* 'идти, уходить, уезжать', Уй-Тушкен от алт. *уй* 'корова' и глагола *туш-* 'падать'; Турыбейбаткан от башк. *туры* 'гнедой', *бейе* 'кобыла' и *бат-* 'тонуть'.

Четвертый тип — название в виде целого предложения с подлежащим и сказуемым, обозначенное личной формой глагола в прошедшем времени на *-ды/-ди* или глаголом в повелительном наклонении: Малкелди от каз. *мал* 'скот, домашние животные' и *кел* 'приходить'; Гызгајытды от азерб. *гыз* 'девушка, дочь' и *гајыт* 'вернуться, возвращаться'.

Пятый тип — названия, образованные определительными словосочетаниями, первый компонент которых выражен причастием на *-ан, -ган, -р*: Дурандаг от азерб. *дур-* 'стоять' и *даг* 'гора'; Кесентас от каз. *кес-* 'резать, рубить' и *тас* 'камень'; Янгантау от башк. *ян-* 'гореть' и *тау* 'гора', Кайнарбулак от каз. *кайна-* 'кипеть, бурлить' и *булак* 'источник'.

Шестой тип — названия с определительными сочетаниями, первый компонент которых выражен причастием в сочетании с предшествующим ему словом, обозначающим объект действия: Демирапаранчай от азерб. *апаран* прич. от *апар-* 'нести', *демир* 'железо', *чај* 'река'.

Седьмой тип — названия, образованные определительными словосочетаниями, первый компонент которых выражен причастием в сочетании с предшествующим ему словом, обозначающим объект действия: Довкесенгала от туркм. *кес-* 'резать, рубить' с предшествующим *дöв* 'див', *гала* 'крепость' [Донидзе, 1964, с. 39—46].

Наличие глагольных форм в топонимии Казахстана А.Г. Битанова объясняет господствующей ролью глагола в казахских словосочетаниях с широким распространением таких конструкций в тюркской ономастике вообще: мужские имена Хангилде = *хан* + *килде* 'хан пришел', Худайберды 'бог дал' (ср. рус. Богдан). Глагольные топонимы, по ее данным, оформлены аффиксами прошедшего времени *-ды, -ты*: Аманкелды 'здоровым (хорошим) пришел', Жекетурды 'одиноко жил'; давно прошедшего времени *-кан, -ган, -ген*: Аккуаткан 'стреляли в лебедя', Арыкарган 'искали пчелу', Кемперольген 'умерла старуха', Найзакескен 'рассекла молния'. «Глагольная часть этих топонимов (*-аткан, -карган, -берген, -ольген* и т. п.) указывает на то, что описываемое действие происходило давно. Это самый распространенный вид глагольных образований в казахской топонимике» [Битанова, 1965, с. 235].

О глагольных гидронимах Якутии писала К.Ф. Гриценко. По ее данным, они оформлены аффиксами настоящего времени *-ар* (*-ыыр, -эр, -ор, -уур*): р. Хатарар-Урэгэ 'где вялят рыбу' (*хатар* 'сушить, вялить рыбу') и аффиксами прошедшего времени *-быт* (*-бит, -бут, -пыт, -пит, -мыт, -мут* и др.): оз. Балыгырбыт 'где развелась рыба', оз. Атыр-Олбют 'жеребец пропал', оз. Хаспыт от *хас* 'копать, долбить, откапывать корм из-под снега копытами'. К.Ф. Гриценко пишет об эллиптичности глагольной конструкции, когда нередко отсекается нарицательный географический термин: р. Балыктыр, т. е. '(река,) на которой рыбачат', от *балыктаа* 'ловить рыбу' [Гриценко, 1976, с. 208—213].

Географические названия без номенклатурного нарицательного термина кажутся неестественно «повисшими в воздухе», незаконченными. Например: Илимнир 'ставить рыболовные сети', Атыр-Ольбют 'жеребец умер', Тимир-Башпыт 'железо плавили'. И совсем необычным представляется словосочетание в гидрониме Илин Туостуур 'восточный, где обдирают бересту'. Пример подобного усечения привел А.А. Абдрахманов [Абдрахманов, 1965, с. 158]: первоначально имя колодца было представлено полным предложением: Токай казган кудук 'колодец, выкопанный Токаем'. Позже усеченная форма стала Токайказган 'Токай выкопал'. Нарицательный термин *кудук* 'колодец' исчез.

При отнесении топонимов к глагольным конструкциям следует учесть замечание С.С. Губаевой о том, что некоторые топонимы при внимательном рассмотрении оказываются производными от личных имен: Хангельды, Худойберген, Мурзагельды, Евкочар, т. е. 'хан пришел', 'богом данный', 'мурза пришел', 'враг бежит'. Формально эти глагольные конструкции — названия населенных пунктов, но одновременно и широко распространенные личные имена, от которых и

произошли географические названия. В таких случаях говорить о глагольности нельзя, так как они «образованы семантическим способом, т. е. уже из наличного готового слова. В этих случаях топоним и не составной, и не глагольный» [Губаева, 1972, с. 103]. На этом примере видно, что одного анализа словообразования географических названий явно недостаточно.

Наличием географических названий — глагольных конструкций — тюркская топонимическая система существенно отличается от многих других систем, например от славянской, романской или китайской. Категория полного предложения в топонимии — категория эфемерная, и прежде всего потому, что такие названия очень громоздки: Тохта ахун ку аткан коль 'озеро, где Тохта ахун подстрелил лебедя'. Такого рода название не может жить долго. Вступает в силу правило речевой экономии, название эллиптируется, упрощается. Географические названия полного предложения — категория микротопонимическая. Г. Ярринг отметил, что они относятся либо к пустыням, либо к сельским местностям и отсутствуют в районах с высокой плотностью населения, где топонимия уже отстоялась. И в этом можно видеть подтверждение высказанного замечания об эфемерности таких топонимов, возникших как ориентиры в пустынных безлюдных нагорьях и равнинах Внутренней Азии. В пустыне Такла-Макан с ее бесплодными песками и безводьем, например, не существовало и не существует детализированной географической номенклатуры, подобной той, которая присуща любой населенной местности земного шара.

Много или мало глагольных тюркских топонимов в общем их числе? Г.И. Донидзе считает, что одно такое название приходится на 100 неглагольных. Другими словами — один процент. Такая величина получена по картографическим и справочным источникам. В действительности должно быть несколько больше, так как эти источники очень часто игнорируют микротопонимическую лексику. В заключение укажем, что конструкции с глаголами встречаются и в некоторых нетюркских географических названиях: ханты-мансийских, селькупских, ненецких. Специально о глаголах в лакской топонимии Дагестана писал С.М. Хайдаков [Хайдаков, 1964, с. 203—204]. Ср. также рус.: скала Пронеси Господи на Военно-Грузинской дороге, г. Гуляйполе в Запорожской и Киевской областях, г. Копайгород в Винницкой обл. Но в славянских географических названиях они исключение, в тюркских — обычны.

Следует сказать еще об одной структурной единице — топонимах с отрицанием. Они были известны давно по классическому названию Барсакельмес, содержащему отрицательную форму *-мес/-мез* от глагола *кел-* 'приходить'. На материалах уйгурской топонимии примеры привел Г. Ярринг [Jarring, 1961]. Г.И. Донидзе в 1978 г. опубликовал статью, специально посвященную этой топонимической конструкции. По его данным, в Киргизии их 0,7%, в абсолютных цифрах это 47

топонимов. Кроме того, суммированы топонимы с отрицанием в Киргизии, Азербайджане, Якутии и Казахстане. Их оказалось 114 единиц, из них 86 относятся к физико-географическим объектам и 28 — к населенным пунктам. Названий с отрицанием не более 1%.

Еще одна особенность топонимов с отрицанием: из 114 названий только 21 образовано существительным, а 93 представлены глаголами: кирг. Кайтпас 'не возвращается'; азерб. *Ахмаз* 'непроточная', 'стоячая вода, пруд', Башсыз 'не имеющая вершины' или 'без вершины' [Донидзе, 1978, с. 49—50]. На Алтае можно наблюдать географические названия с отрицанием *йок* 'нет': Сал-Йок, Кургак-Сал-Йок, Сулу-Сал-Йок, где *сал* 'плот', *кургак* 'сухой', *су(суу)* 'вода' + аффикс наличия *-лу*. Другие алтайские примеры: долина Ады-Йок 'имени нет', лог Бай-Йок 'небогатый', скала Тыт-Йок 'не имеющая лиственницы', лог Мукур-Сал-Йок: *мукур* 'короткий, тупиковый' — 'короткая (река), где нет плота' [Молчанова, 1985, с. 57; 1979].

Почему топонимы отрицания редки? Здесь действует общая закономерность. Названия присваиваются по доминирующим признакам географических объектов. «Коль скоро это так, то в реализации его важно не то, чего нет в объектах (об отсутствующих признаках можно ведь только гадать), а главным образом и в первую очередь то, что выделяет их среди других однородных или неоднородных объектов, отсюда масса положительных топонимов, отсюда и преобладание отрицательных названий в группе физико-географических объектов, в которой принцип номинации по характерным признакам действует в наибольшей степени и последовательности» [Донидзе, 1978, с. 51].

Замечу, что в русской топонимии также присутствуют географические названия с частицей отрицания: гора Недоступная и пер. Неудобный и Незаметный на Чукотском п-ове, гора Неприступная на Сихотэ-Алине, на Северной Земле и Чукотском п-ове. Среди нп: Незаметное в Приморском крае, Нескучный в Ставропольском крае, Нетечицы в Хмельницкой обл., Безлесное (-ая) во многих областях, Безозерный в Амурской обл., Безречная (-ый) в Читинской и Свердловской областях, Безводная (-ый) повторяется многократно, Безводовка в Ульяновской обл. Всюду четко выявляется характерный признак называемого географического объекта, указывающий на отсутствие чего-либо: воды, озера, леса, течения или на его недоступность. Но в этом ряду нет глагольных форм.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ И ТОПОНИМИЧЕСКАЯ ПОЗИТИВНОСТЬ

Каждый топоним, как правило, отражает какую-то реалию и отнесен к определенному времени, другими словами, он исторически обусловлен.

У кочевых народов хозяйственный уклад особенно тесно связан с географической средой. Горы, степи, леса, пустыни с ландшафтным разнообразием, повторяемостью и уникальностью отдельных природных комплексов и физико-географических процессов, их масштабы и особенности наблюдательный скотовод или земледелец выразил в географическом названии, часто исходя из признака называемого объекта. Если река получила имя Сууксу или Куруузень, то можно с уверенностью утверждать, что в первом случае ее вода более холодная, чем в соседних реках, а во втором — что она пересыхающая. На Южном Урале протекают несколько речек по имени Сумган. У башкир *сумган* 'нырнувшая, ушедшая под землю (река), имеющая на некотором протяжении подземное русло' [СТБ, 1980, с. 181]. Пример, позволяющий уверенно говорить о процессах карста, происходящих либо на известняках, либо на гипсах, либо на доломитах, т. е. породах, подверженных вымыванию под воздействием воды. В русской топонимии есть точный аналог — многочисленные речки Пониква, Пониковец, Поникша — тип рек, вода которых поникает, иссякает. Таких гидронимов много как в России, так и в зарубежных славянских странах.

Для карстовых ландшафтов Башкирии Г.В. Вахрушев указывает на присутствие гидронима Шульган 'провал, исчезновение': «Шульган близ деревни того же названия действительно исчезает в карстовую воронку» [Вахрушев, 1965, с. 112]. Названия нп Ютазы 'проглатывающее', Туймазы 'ненасытное' указывают на тот же процесс.

Классификация топонимов по отдельным элементам, обозначающим природные комплексы или восходящим к этнонимам или личным именам, подвергается критике как антиисторическая. Однако они позволяют уяснить семантику топонимов, обладают большой информационной емкостью. Ороним Темиртау в Казахстане ясно указывает на присутствие железа; название города Таш-Кумыр в Ошской обл. говорит о наличии каменного угля (кирг. *көмүр* 'уголь'), поэтому следует предположить, что здесь ведется добыча этого ископаемого.

«Очевидно, — писал А.К. Матвеев, — что убедительность этимологической серии зависит от числа семантически оправданных этимологий. Поэтому изучение принципов топонимической номинации — одно из условий успешного этимологического анализа и применения принципа семантической мотивированности. Однако выявление этих принципов немыслимо без тщательного изучения семантики топонимических систем в известных языках и без классификации топонимов по семантическим признакам... В защиту семантических классификаций следует сказать, что при всем несовершенстве „зоологические", „ботанические" и иные классификации дают не менее ценный материал для лингвистики, чем изучение аффиксов, а в общелингвистическом плане даже более ценный, так как позволяет выяснить основные принципы топонимической номинации и установить объем топонимической лексики и ее характер» [Матвеев, 1986, с. 47—48].

Нужно ли говорить, что выяснение семантики географических названий оказывается не менее нужным и важным и для географов, которые могут с бóльшим основанием судить о специфике и нюансах именуемых природных объектов.

Семантическую характеристику наиболее целесообразно начать с анализа географических апеллятивов, поскольку именно они играют основную роль в формировании топонимов. При этом представляется интересным и полезным показать заимствования тюркской нарицательной географической лексики в русский язык. Они отмечены в русском литературном языке, а также в русских диалектах, что получило отражение в соответствующих словарях, см. [ССРЛЯ; СРНГ]. Другой путь проникновения географических тюркизмов лежит через специальную географическую литературу, где широко используются местные термины. При характеристике тюркских географических апеллятивов мы постараемся показать эти заимствования, а порою и смысловые сдвиги, которые наблюдаются при этом процессе, начатые не сегодня, так как истоки взаимодействия славянской и тюркской лексики уходят во многовековое прошлое.

Кажется излишним указание, что тюркизмы вообще и географические термины в частности вошли в лексический фонд русского языка в разное время. *Такыр, чинк, тарын* стали известны в XIX в., тогда как *елань, юрта* — наследие более далеких эпох. Напомню, что немало тюркизмов отмечено в русских летописях и в «Слове о полку Игореве», есть много работ, в которых топонимы подвергаются анализу и делаются попытки их локализации. Для примера укажу книгу Е.С. Отина [Отін, 1977], в которой на с. 26—40 анализируется название р. Каяла, восходящее к слову *кая* 'скала, утес'.

Из источников, специально посвященных этимологии тюркизмов в русском языке, следует упомянуть принципиально важную работу Н.К. Дмитриева «Строй тюркских языков» [Дмитриев, 1962, с. 503—569], содержащую большой фактический материал. Немало указаний на заимствование из тюркских языков можно видеть в «Этимо-

логическом словаре русского языка» М.Фасмера [Фасмер, 1964—1973]. Критические заметки «О тюркских элементах в Русском этимологическом словаре М.Фасмера» опубликовал Э.В. Севортян [Севортян, 1962]. Наиболее полную сводку тюркизмов в русском языке опубликовала Е.Н. Шипова [Шипова, 1976]. По существу, этой же теме на ономастическом материале посвятил свой труд «Русские фамилии тюркского происхождения» Н.А. Баскаков [Баскаков, 1979]. Известно, что в основе любого ономастикона лежат имена нарицательные. Поэтому в книге приводятся исходные апеллятивы, в том числе и географические.

После этих предварительных замечаний покажем семантическую мотивированность топонимов, для удобства изложения разделив их на классификационные единицы, которые отражают природные комплексы и составляющие их элементы, хозяйственно-культурную и историко-культурную сферы.

Сюда относятся и две значительные группы географических названий, восходящих к этнонимам и личным именам.

Физико-географические апеллятивы в топонимии

В большую группу географических апеллятивов, обозначающих природные комплексы и составляющие их элементы, входят геоморфологические термины, характеризующие типы и формы рельефа, гидрологические и почвоведческие термины.

Геоморфологические термины, характеризующие формы и типы рельефа, хорошо представлены в географических названиях. Перечень наиболее употребительных географических апеллятивов дан в алфавитном порядке, все фонетические варианты приводятся при первом слове.

ада/ама/адаг/амау/атрау ‘остров’. В топонимии: Адагум в Краснодарском крае, о-в Бююкада в Мраморном море, черноморский курорт Адлер (из *ада* + *-лар* — показатель множественного числа), пески Сарыесикатырау в Казахстане.

адыр ‘холмистое место, мелкосопочник, увалы, твердые поверхности равнинного рельефа вне песков в пустынях, останцовые возвышенности; отроги гор, низкогорья, окаймляющие горы; предгорья, резко расчлененные эрозионными процессами, балками, оврагами’. В русской научной литературе содержание суживается до последнего определения: «отроги гор, предгорья, низкогорья...» и т. д. В топонимии: низкогорье Донгуз-Адыр на северном побережье Иссык-Куля, нп Орта-Адыр в Туве, Адыр, Чульадыр в Казахстане, рч. Алтыазыр в Хакасии.

айдар ‘возвышенность, холм с кучей камней на вершине’, букв. ‘чуб, коса’. Название Айдарлы повторяется несколько раз в разных местах, солончак Айдар в пустыне Кызылкум, р. Айдар пр. Северского Донца.

акдаг/актаг/актау/актоо/актуу/ахтаг букв. ‘белая гора, сложенная горными породами светлых оттенков’, перен. ‘безлесная, открытая, степная гора’, но и ‘снежная гора’. Как собственное имя повторяется на обширных пространствах от Турции до Хакасии. На Алтае — гора Ак-Туу.

алатау/олатог/аладаг/алатуу/алатоо ‘пестрые горы’, ‘тип гор с вечноснежным покровом или высотной поясностью’. Возможно, первоначально от *ал* ‘высокий, возвышенный, сильный, могущественный’: хр. Заилийский Алатау, хребты Терскей и Кюнгей Алатоо на Тянь-Шане, Кузнецкий Алатау на юге Сибири, гора Алатаг близ Лобнора в Китае.

ангар/ангара ‘щель, ущелье, теснина, долина, русло’ — Канал Искиангар в бас. Зеравшана, р. Ангара, дренирующая оз. Байкал, рч. Ангара в Крыму, пр. Салгира.

арал ‘остров, лесной островок в степи, роща, лес или урема на берегах озер или рек’. Якут. *арал* ‘бассейн реки’, *арыг* ‘остров’, хакас. *арыг* ‘роща’. Топонимические примеры многочисленны, приведем только некоторые: Аральское море, нп Арал в Киргизии, оз. Арылах в Якутии, оз. Аралсор в Прикаспийской низменности в Западном Казахстане. Есть сторонники этимологии оронима Урал (Оралтова/Аралтова гора).

арка ‘спина, спинной хребет’; в географии: «возвышенность, водораздел, горный хребет, холм, задняя сторона горы, теневой склон, запад». Тув. и хакас. *арга* ‘горный лес, тайга’; якут *арга* ‘спина, запад’; башк. *арка* ‘гребень горы, возвышенность, лес на северном склоне’. Топонимические примеры: Аркалык в Казахстане, нп Арга-Алас в Якутии, хр. Арга в Хакасии.

ашу/ажу/асу/ажыг ‘высокий, горный перевал’; в азерб. и туркм. *ашырым* от основы *аш-* ‘переходить, переваливать, спускаться вниз, идти сверху вниз’, ср. *ашага* ‘низ’. О термине *ашу*, который широко распространен в топонимии Тянь-Шаня, см. [Умурзаков, 1965, с. 195—196]. В Киргизии: пер. Ашу-Тер, Калмак-Ашу, Тюз-Ашу; в Таджикистане пер. Ашуджилга; в Казахстане р. Асубулак; в Хакасии гора и пер. Ажутайга; на Алтае пер. Ажу.

базы ‘холм, бугор’; ‘насыпь’ (в Кура-Араксинской низменности). Ср. *базырык* ‘курган’ в Туве. Отсюда название известного археологического памятника Пазырыкские курганы на Алтае.

баир/байир/байыр ‘холм, увал, бугор, косогор, пустыня’. Ср. с.-хорв. *баир* ‘берег’, болг. *баир* ‘холм, вершина’; ‘лес, поле’ как заимствование из турецкого. В русской географической литературе возникли термины: *баиры* ‘тип увалистого рельефа, песчаные гряды и межгрядовые понижения между ними’; ‘байрачные леса’. Ср. *байрак* ‘балка, овраг, зарастающий растительностью’. В верховьях Дона — ‘лес’. Из топонимии: г. Чалбайыр в Азербайджане, возвышенность Карабаур на Устюрте, холм Гызыл-Байр у Ашхабада, пещера Эминебаир в Крыму; Байрак в Курганской, Полтавской, Сумской областях,

Байраки в Черновицкой обл. Из тюрк. *баир* образовано и рус. *буерак* ‘овраг, ров, рытвина, ложбина’. В Жигулях — меридиональные короткие трещины, разбившие горы и образующие живописные глубокие ущелья. Отсюда: нп Широкий Буерак близ Вольска в Поволжье, Буерак-Поповский в Волгоградской обл.

баканас ‘мертвое русло в дельте Или в Казахстане’. Слово часто фигурирует в географической литературе. Несколько попыток объяснить происхождение слова, его этимологию не дали удовлетворительного решения. Из топонимии: нп Баканас в Алма-Атинской обл., р. Баканас в Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областях, Баканасская равнина в древней дельте р. Или.

балкан ‘долина, пространство между лесом и нагорьем, подножие нагорья’ в Московской обл. [СРНГ, 1966, 2, с. 82]. Ср. болг. *балкан* ‘гора’ из тур. в значении «цепь крутых лесистых гор». Привлекает параллель с *бархан*. Из топонимии: оронимы Балкан и Балкантау в Казахстане; Большие и Малые Балканы на Северном Кавказе в бас. р. Лабы.

бархан ‘материковая дюна, песчаное наносное скопление серповидной формы, образованное ветром в сухих областях’. В русском считается заимствованием из казахского языка, хотя словари этого не подтверждают, термин вошел в западную научную литературу. М.Фасмер [Фасмер, 1964, т. 1, с. 129] также пишет о казахском начале и сравнивает с калм. *балхан* ‘высокий берег’. Н.К. Дмитриев [Дмитриев, 1962, с. 564] считает, что это тюркизм: сиб.-тюрк. *парган* ‘идущий, подвижный холм’, уйгур. *барган* — то же. В топонимии: Барханы в Чарджоуской обл., пески Баркын в Актюбинской обл., нп Бархан-Ундэр в Читинской обл., хр. Бархан-Будда в провинции Цинхай в Китае, Бархан-Даба в Монголии.

бом/боом/поом ‘высокая отвесная скала в узком месте речной долины, высокий утесистый мыс, вдающийся в реку и затрудняющий путь или препятствующий движению человека, всадника вдоль русла’; ‘ущелье, скала, обрывающаяся в реку, преграда’; другое значение ‘извилистая узкая тропа по крутому склону и обрыву’. Слово встречается в дневниках русских путешественников по горам Южной Сибири, Средней и Центральной Азии. «*Бом* называется на черно-киргизском наречии, как и на алтайском, проход по отвесным к реке скалам. Северные киргизы вместо длинного *о* выговаривают *уа*; и потому вместо *бом* выговаривают *буам*» (В.В. Радлов цит. по [Благова, 1972, с. 129]). Якут. *буом* ‘ущелье, трудный переход, препятствие’. Судя по отсутствию этого слова в западнотюркских языках, а также в ДТС и ЭСТЯ, можно говорить о его заимствовании из монгольского *бом/боом* в тех же значениях: «крутой и высокий мыс, выдающаяся скала на берегу реки, крупный валун — бараний лоб», *боомт* ‘застава, порт, помеха’ [Казакевич, 1934, с. 16], калм. *боом* ‘труднопроходимый’. Слово известно в русских говорах Южной Сибири и региональной географической литературе.

булгунях ‘гидролакколит, бугор выпучивания с ледяным ядром’. Якут. *булгуньях* ‘бугорок, курган вообще’, но в географической литературе значение сужено: ‘бугры наледного происхождения’. В Якутии: нп и р. Булгуннях, р. Булгуннях-Сян, нп и оз. Бульгунняхтах [Комаров, 1964, с. 27—28].

булун(г)/пулун ‘угол’ в топонимии слово указывает на конкретные географические реалии: «излучина реки, мыс, сторона». Якут *булунг* ‘отдельная, обособленная часть леса, участок реки, озера, возвышенности, мыс, долина, речной залив, бухта, отдельно стоящий пригорок’ [Комаров, 1964, с. 28]; татар. *булун* ‘долина, лощина, пойма, низменность’. Получился густой семантический пучок, что отразилось на формировании географических названий: Булун-Терек и Чес-Булук в Туве, р. Булунга в Иркутской обл., нп Булунг и Булун в Якутии, Булунгу в долине Чегема на Северном Кавказе, оз. и нп Булункуль в Бадахшане, где находится полюс холода Средней Азии, Булун-Тохой в Джунгарии.

дабан ‘горный хребет’ в русских говорах Сибири [СРНГ, 1972, 7, с. 255], ср. якут *дабан* ‘гора, падь, горный подъем’, хакас. *даба* ‘перевал, ущелье’, тув. *дабан*, алт. *дава* ‘перевал’, узб. *довон* ‘перевал, дорога через хребет’, кирг. *дабан* ‘горный перевал’, азерб. *даба, дабан* ‘холм, горка’. Топонимический ареал с *дабан/дава* от Дальнего Востока до Кавказа и Ирана. Отметим только хр. Хамар-Дабан в Бурятии, станок Отдаван в Якутии, описанный В.Г. Короленко.

даг/маг/тау/тоо/туу ‘гора, горный хребет’, якут. *тыа* ‘лес’, что подтверждает и Н.К. Антонов: «Можно полагать, что якутское *тыа* свое значение ‘лес’ имело, как показывают параллели, с древних времен, обозначая лес, растущий, возможно, на гористых местах. В последующем *таг* дифференцировало свое значение в одних языках на значение ‘гора’, в других — на ‘лес’. Об этом говорит также и второе значение якутского *тыа* ‘окраина, периферия’... Мы полагаем, что данное второе значение якутского *тыа* является архаизмом, так как лес, росший в горах, действительно мог являться и называться окраиной, периферией для живущих на степной и лесостепной местности (прародине тюрков)» [Антонов, 1971, с. 18—19]. Отсюда разные словосочетания: *сис тыа* ‘нагорный лес’, ср. *йыш/ йыс* ‘черневая тайга’; *тӱбэ тыа* ‘дремучий лес над рекой’. Бесконечное количество топонимов оформлено при помощи этого термина. Упомянем только горы Чатырдаг и Карадаг в Крыму, Копетдаг в Туркмении, Шахдаг в Азербайджане, Сырдарьинский Каратау в Казахстане, Кыргызын-Алатоо в Киргизстане, Алтынтаг в Синьцзяне; Таулы ‘горное’ — название нп в Башкирии, Туулар на Алтае. Наконец, старое тюркское название Тянь-Шаня — Тенгритаг.

дӈн/донг в географической литературе: «кучевые пески». Ср. каз. *дон* ‘выпукло-пологая небольшая возвышенность, увал’, узб. *дунг* ‘бугорок, холмик, кочка’. Из топонимии: Дон-Терек в Туве, горы Акдонғал в Казахстане, Донхотан в Западном Китае.

дюз/тюз ‘равнина, степь, плоский’. Отсюда гора Базардюзю, нп Муганьдюзю в Азербайджане, хр. Дюзсырт в Дагестане.

капчагай ‘скалистое ущелье, теснина в горах, каньон, проход в горах’, алт. *капчал*, тув. *кашпал*, каз. *капшагай, капсагай, капчагай*, кирг. *капчыгай* и *капчал*, якут. *хапчагай* и *хапчан* — то же. Глубокий след в топонимии Тянь-Шаня, Восточной Сибири, Монголии: р. Тасма-Чон-Капчагай, р. Чолок-Капчигай в хр. Борколдой, ур. Капчыгай на р. Кёке-Мерен в Киргизии; нп Капчыгай и Капчыгайболо в Сурхандарьинской обл.; Капчагай — узкое место в долине р. Или, где построена плотина и создано большое водохранилище, ГЭС и город энергетиков в Алма-Атинской обл.; ст. Капчагайск в той же обл.; местности Капчагай, Майкапчагай в Казахстане, р. Капчал на Алтае; нп Капчалы в Хакасии; ущелье Хапчагай на р. Тихон-Юрях — пр. Индигирки; гора Капчагай на Северном Кавказе; нп Капчигай в Ошской обл., нп Капчугай в Дагестане; гора, озеро и река Хапчагай в Якутии.

каратау ‘черная гора’, ‘гора определенного ландшафта: пустынная, невысокая, не имеющая вечного снега, маловодная’ — в Средней Азии и на Кавказе; в Сибири: ‘гора, покрытая черневой тайгой’. Топонимы в формах Каратау, Каратаг, Карадаг пестрят на картах Евразии от Турции, Урала до Сибири включительно.

кая ‘скала, утес’; дериваты: *гаjя/гая/хая*, узб. *коя* — то же; якут. *хая (хайа)* ‘утес, скала, гора с крутыми скалистыми склонами, крутой скалистый обрыв, горная цепь’. Из турецкого в болгарские диалекты: *кая* ‘скала’. В персидском заимствование из тюркских языков: *кая* ‘скала, утес, косогор, холм, подводный камень’. Географические названия показывают топонимическую общность: вершина Кызылкая в Крыму, р. Каяла в Ростовской обл., нп Каялы в Азербайджане, впадина Агджагая с обрывистыми склонами в Туркменистане, р. Хая в Красноярском крае, губа и мыс Буорхая в Янском заливе, хр. Хаялыгхыр в Хакасии, нп Кызыл-Хая в Туве, р. Ак-Кая на Алтае.

кигилях ‘высокий каменный столб, фигура выветривания, скала, торчащая на поверхности плоских горных вершин’. Издали такие фигуры похожи на человека или группу людей, почему и названы по якут. слову *киси* ‘человек’. Термин широко используется в региональной географической литературе в искаженной форме *кигилях* вместо *кисилээх-тас* ‘человек-камень’. Ф.К. Комаров [Комаров, 1964, с. 48] приводит названия озер, нп, гор и рек в Якутии в формах Киси-Унгуохтах, Киси-Сирейдях, Киси-Баса, Киси-Кюеле, Кисилях, Кисилях-Тас.

коба/кобы/ков/хоба ‘пещера, горная долина, лог, ложбина, овраг’; туркм. *ков* ‘глубокая, большая яма’; хакас. *коол* ‘канава’; на Алтае *кобы* ‘лог, ложбина, овраг’; азерб. *гобу* ‘балка, русло, пологая долина’; кирг. *коо* ‘ложбина, покрытая растительностью, желоб’; др.-тюрк. *gobi, govi* ‘полый, пустой, дуплистый’. Очень активное слово в образовании топонимов. По данным О.Т. Молчановой [Молчанова, 1979, с. 64], по частоте оно занимает шестое место в топонимии Алтая. В ее словаре *кобы* встречается в наименованиях 103 географических объектов. Среди них нп Узун-Кобы и Кара-Кобы, р. Айры-Кобы и р. Абай-Кобы, урочище Алты-Кобы и др. Сюда же отнесем р. Хоба, приток Черного Иртыша в Монгольском Алтае, возможно, р. Хобук (Хобуксай) в Джунгарии. В Туркменистане известна Бахарденская пещера Ковата; в Азербайджане р. Деликобу, р. и нп Кобу, а также пересеченная местность Гобустан (Кобыстан), в Крыму пещеры Бинбашкоба и Харанлыгкоба на карстовом плато Чатырдага.

курган ‘древний могильный холм, небольшой холм вообще’; древнерусск. ‘крепость, межевой знак’; на Белом море ‘большая льдина’. «Слово *курган* тюркского происхождения, встречается и в русском языке... Это слово... в большинстве тюркских языков имеет близкие значения: ‘укрепление, крепость’... и является производным от глагола *qur-* ‘поставить, устроить, приготовить, расположить’» [Баскаков, 1979, с. 87]. Слово *курган* часто формирует тюркские, русские или украинские топонимы. Три названия областных центров включают это слово: Курган, Талды-Курган, Курган-Тюбе. Обычны: Курганка, Курганная, Курганы, Курганча; гора Молодецкий Курган в Жигулевских горах.

курум, корум ‘каменистая россыпь на склонах и на высоких вершинах плато; нагромождение крупных камней в горах и руслах рек’. Слово, хорошо известное в русской геоморфологической литературе и отмеченное многими географическими справочниками и словарями: др.-тюрк. *qorum* ‘каменная россыпь, обломки скал, скопище валунов’; тув. *хорум*; якут. *курум*; хакас. *хорым*. Слово *курумник* отмечено в СРНГ [1980, с. 146] в значении ‘каменистая россыпь на склоне или у подножия горы’ в русских говорах Горного Алтая. В топонимии: хр. Каракорум, река и гора Гурумды на Памире, р. Корумлы на Тянь-Шане, р. Курум в Якутии, овраг Гурумсай в Туркмении, хр. Хурумла на Северном Кавказе.

кыр ‘поле, степь, плато, увал, возвышенность, гора, гребень горы; берег, высокий берег; край, грань’. Др.-тюрк. *кыр* ‘плоскогорье’, *кыра* ‘пашня’. В туркменском языке *гыр, кыр* ‘твердая поверхность плато плоских увалов, останцовых возвышенностей, плоскогорье’, *кыр* также ‘равнина, степь’; меридионально вытянутые коренные третичные гряды Северных Каракумов — останцовые кыры — свидетели разрушенного плато, что отражено в русской географической литературе в форме «кыровые скамейки». В киргизском языке *кыр* ‘горный хребет, гребень горы, возвышенность, мелкосопочник’, ‘грань, ребро’, *кыран(г)* — в том же значении, *кыр арка* ‘позвоночный столб’; *кыран(г), кырдан(г)* ‘яр, обрыв, земляной вал’, *кыран(г)ча* ‘гребень, верх небольшого горного хребта’, *кырку* ‘ряд горных хребтов, расположенных один за другим’ [Юдахин, 1965, с. 483]. В казахском языке *кыр* ‘возвышенность, холмогорье, мелкосопочник’; кроме того, *кыран* ‘приподнятая местность, каменистая возвышенность’; *кырат* ‘срав-

нительно крупная, но невысокая возвышенность' [Конкашпаев, 1951, с. 27]. Тур. *кыр* 'поле, степь, равнина'; азерб. *гырах, кырас* 'берег, крайний, отдаленный'; узб. *кыр* 'возвышенность, холмистая степь'; *кыртак* 'берег'; *кырак* 'край, берег'; башк. *кыр* 'поле, нива, дикий'; тув. *кыр* 'горный хребет, увал, порог, возвышенность, грань, крыша'; *кырлан* 'горный кряж'; хакас. *хыр* 'возвышенность, холм, гора, край, граница'; алт. *кыр* 'гора, хребет, холмистая степь'; *кошкыр* 'седлообразная вершина, т. е. двойная'. Анализируя этот алтайский термин, Н.А. Баскаков пишет: «В отличие от номенклатурного названия *туу* название *кыр* служит уже для обозначения не отдельной горы, а целого хребта гор. В этом значении данное название используется и в других тюркских языках, параллельно обозначая и другие понятия: грань, ребро, бок» [Баскаков, 1969, с. 67]. В Якутии, по данным М.Н. Мельхеева [Мельхеев, 1958, с. 82], отмечен термин *кырдал(ы)* 'своеобразные формы микрорельефа в виде удлиненных грив высотой до 2—3 м, тянущихся параллельными рядами вдоль направления реки'. Эти гривы встречаются на широте плоской террасы р. Лены и других рек. Ср. также якут. *кыры* 'грань, край, ребро, сторона, берег'; *кырылах* 'граненый, угловатый'. В Таримской впадине уйгуры называют кырами пустынные предгорья Куньлуня, сложенные либо рыхлыми отложениями четвертичного возраста, либо сильно денудированными разрушенными коренными породами. Этот термин особенно часто употребляется в Джунгарии, где кырами именуют третичные плато и останцовые возвышенности. Давность термина в тюркских языках подтверждается ДТС [ДТС, 1949, с. 445], где *кыр* 'плоскогорье'.

Топонимические примеры многочисленны: Капланкыр, Челюнгкыр в Туркмении; Аккыр, Каракыр в разных местах Средней Азии и Казахстана; Кыр-Арык в Ташкентской обл.; Кыркол в Ошской обл.; Кыр — высокая степь между Иртышом и Балхашем; р. Кара-Кыр, гора Хангай-Кыры в Туве, гора Тастыгхыр в Хакасии; горы Аткыр, Аюкыр, р. Кырлык, нп Кырлык на Алтае; гора Нарат-Хэрэ в Бурятии; нп Таях-Кырдала в Якутии; хр. Карлыккыр в Центральном Тянь-Шане в Киргизии; горы Киртау, Тузкыр и Каракыр в Таджикистане; нп Кыраг-Мучилан и Кыраг-Кесамам в Азербайджане; горы Кыр-Баши в долине Баксана и Бегий Кыр в долине Большого Черека на Северном Кавказе.

ой 'впадина, понижение'; туркм. *ойтак* 'впадина, низина с луговосероземными почвами, где собираются дождевые воды'. Отсюда ойтачное земледелие — неполивное, когда культуры, главным образом бахчевые, питаются застаивающейся в понижениях водой. Термин обычен в региональной географической и агрономической литературе. Примеры: реки Уй в Башкирии и Каш-Ой в Туве; р. Оймык на Алтае; нп Ойтал в Джамбульской обл.; нп Тоган-Ой в Ошской обл.

сай/чай имеет несколько значений: 1) 'галька, галечные наносы, мель'; 2) 'сухое русло, овраг, ручей в овраге'; 3) 'река'; ср. азерб. и

тур. *чай* 'речка, река'; 4) в ДТС [ДТС, 1969, с. 481] 'каменистое место вулканического происхождения, пустынная равнина'. Это уже обобщающий ландшафтный термин. В азербайджанском языке есть и *сай* 'мель', и *чай* 'речка'. В Туркменистане, где мало рек, слово *чай* употребляется в значении 'речка в ущелье, сухое русло, овраг', редко 'колодец'; кирг. *сай* 'русло высохшей или пересыхающей реки'; карач. *сай* 'мелководье'; якут. *чай* 'плоский берег, береговая отмель, крупный песок, гравий, дресва'. В Таримской впадине сай и сайлык — это галечные, каменисто-щебнистые, частично опесчаненные, подгорные наклонные пустынные равнины, лежащие между песками Такла-Макан и окружающими горами. Ср. уйг. *saj, sajliq* 'русло реки, каменистая пустыня' [Jarring, 1964, с. 263]. Слово *сай* практически есть во всех тюркских языках. Много гидронимов в формах Акчай, Карачай, Кизылчай, Шурбулак-сай, Атачай, Чайлы, Сайлы, Карасай, Сайлыг, в Якутии — оз. Чайдах. Это слово хорошо известно в географической литературе, что и получило отражение в словаре И.С. Щукина: *сай* 'форма овражного размыва в пустынях' [Щукин, 1980, с. 389].

сала 'развилина, отрог горы, ветвь'; 'межгорная котловина, лощина, а также приток реки, ее рукав'. Кирг. *салаа* 'ложбина, угол между пальцами'; якут. *салаа* 'ветвь, исток реки, ее рукав, приток'. Примеры: р. Салатал, нп Салаяр на Алтае, р. Сал — пр. Дона, г. Сальск, Сальские степи, Большие Салы в Ростовской обл.

сырт 'вытянутая, невысокая, плоская возвышенность, водораздельная гряда, междуречье'; 'широкая и пологая гряда, увал со сглаженной формой рельефа'; на Тянь-Шане и Памире: «ровные, волнистые, слаборасчлененные поверхности в высокогорном поясе — свидетели молодых поднятий, широкое альпийское плато». Говорят и пишут о горносыртовом рельефе, о сыртовом типе рельефа с пологими формами и мягкими очертаниями холмогорий и эрозионным расчленением — балками, долинами, логами. Геологи выделяют свиту сыртовых глин — толщу бурых и красновато-бурых континентальных отложений, богатых солями. Др.-тюрк. *sïrt* 'возвышенность'; узб. *сирт* 'сырт, хребет; верхний'; азерб. и кумык. *сырт* 'гребень, верхняя часть чего-либо, плато, плоская грива'; каз. *сырт* 'внешний, наружный, спина'; кирг. *сырт* 'внешняя сторона, далекая местность, тыльная сторона, спинка'; перен. 'высокогорные долина и плато'. Соответствия есть в балкарском, хакасском, татарском, чувашском и турецком языках. Слово давно стало достоянием русского языка; часто встречается в топонимии обширного ареала Средней Азии, Казахстана, Сибири, Поволжья, Урала, Кавказа, Малой Азии, Балкан. Отметим только возвышенность Общий Сырт в Заволжье на междуречье Волга — Урал, названную так потому, что ее территория в течение долгого времени не заселялась, а использовалась под выпас как казахами, так и русскими крестьянами, живущими в Заволжье и по р. Урал.

тала/дала — термин для обозначения плоского рельефа. В ДТС [ДТС, 1969, с. 528] зафиксирована форма *tala* 'степь'. Слово активно участвует в образовании географических названий в значениях «степь, равнина, поле, поляна». Но азерб. *тала* также 'квартал, часть горного селения'; узб. *дала* 'загородный дом, дача'; алт. *тала* 'сторона, пространство'; тув. *тала* 'сторона, бок'; кирг. *талаа* 'открытая равнина'. В Азербайджане Х.И. Мамедова [Мамедова, 1984, с. 29] отметила более 20 топонимов со словом *тала*. В этот же ряд попадают географические названия Тала, Узунтала. В Казахстане пустыня Бетпакдала; нп Жемтала на Северном Кавказе; Талакит и нп Талакан в бассейне Витима, нп Талачик в Пермской обл. и др.

таскыл 'гольцовая вершина' в Казахстане и горах Южной Сибири. Многие из таких вершин покрыты вечным снегом. На таскылах много камнеглыбовых скоплений, одевающих как склоны, так и нагорные террасы. Хакас. *тасхыл*; алт. *тас* 'безлесная небольшая гора'; ср. тув. *тас* 'голый, лысый, со скудной растительностью; гладкий, плоский'. В ДТС [ДТС, 1969, с. 543] *taz* 'парша, плешь'; *taz jer* 'лишенная растительности солончаковая местность'. Слово вошло в региональную географическую литературу и отмечено В.И. Далем.

тахта 'доска'. Географическое значение: «высокая равнина, плоский водораздел, плоское место в горах, где возможно богарное земледелие; плоская терраса в горах». Заимствовано из перс. *tahte* 'доска, щит, грудная клетка, подошва, ровный, плоский'. Не смешивать с перс. *taht* 'трон, престол', что, в свою очередь, пришло из арабского языка. Р.Х. Халимов [Халимов, 1966] сообщает, что в горах бассейна р. Кашкадарьи водораздельная плоскость именуется Хонтагти 'трон хана', но в действительности здесь *тахта* в значении 'ровный водораздел, плоскость выравнивания'. В Азербайджане: р. Тахтачай, нп Тахталар; в Туркменистане г. Тахтабазар; в Ставропольском крае нп Тахта; пер. Тахтакорум в Таджикистане; хр. Тахталык в Ошской обл.

таш/тас/тош/даш 'камень, скала', нередко — 'возвышенность, гора'. Семантически хорошо увязывается с рус. *камень* в значении «гора». Ср. Урал в старых источниках — Камень. Очень часто слово образует собственные названия в формах Таш, Ташлы, Ташлык, Ташту, Акташ, Коктас и т. д. Каменистая поверхность земли обозначается словами *ташлы/дашлы, ташлык/дашлык*. Слово *таш* употребляется и в номинации хозяйственных сооружений: Дашкепри 'каменный мост' в Азербайджане.

тешик/тишик 'дыра, ниша, грот'. Карстовые ландшафты характеризуются сильным выветриванием горных пород, слагающих земную поверхность. В Башкирии есть любопытное название пещеры Керестишик 'сотовая дыра': «Окрестности пещеры действительно напоминают гигантский пещерный сот» [Бахрушев, 1965, с. 112]. Слово обычно в названиях населенных пунктов, пещер, речек в местах развития карста: грот Тешикташ — известная стоянка человека эпохи

палеолита в Гиссарском хр., нп Тешикташ в Андижанской обл., нп Тешиктош в Таджикистане, камень Тешикташ в бассейне Чегема на Северном Кавказе.

тукулан 'степь, открытая безлесная местность, песчаный бугор, дюна'; в Якутии: «бугристый подвижный песок на террасах рек и озер». Это якутское слово вошло в региональную географическую литературу в форме *тукулан* в значении «песчаный бугор, не заросший растительностью; ландшафт бугристых песков в Якутии». Первоисточник в эвенк. *тукала* 'земля'. В топонимии Якутии: оз. и пески Тукулан, р. Тукулама в бассейне Витима, р. Тукулан в бассейне Хатанги.

турткуль 'плоский столовый останец, сложенный осадочными породами, высоко поднимающийся отдельным бугром или холмом и отчлененный от основного плато и других возвышенностей', как, например, от Устюрта. В географической литературе по Средней Азии и Казахстану говорится о турткулевом рельефе как о скоплении останцовых холмов, увалов. Тюркские формы: *дорткуль, торткуль*; др.-тюрк. *törtkil* 'четырехугольный'; ккалп. *төрткуль* 'развалины древней крепости'. В Каракалпакии: г. Турткуль; в Казахстане: гора Торткуль, бугор Сарыторткуль, гора Канторткуль и др.

тымп(ы) 'впадина, котловина' (якут.). В русской географической терминологии *тымп* 'термокарстовая котловина в тайге на месте бывших лесных пожаров или вырубок, часто занята болотами или озерами'. В топонимии Якутии: озера Тымпы, Тымпы-Кюель, Тымпыкан, р. Тымпы-Отулах; нп Тымпы [Комаров, 1964, с. 99—100].

узбой 'мертвая долина, сухое русло, руслообразное вытянутое понижение'. В мировую географическую литературу вошло как собственное имя русла мертвой реки, некогда соединявшей Сарыкамышскую впадину с Каспийским морем. Этимологизируют из *уз-бою* 'вдоль реки (воды)'. В Туркменистане есть еще древнее русло Келифский Узбой, где берет начало из Амударьи Каракумский канал.

унгур/ункур 'пещера, щель в скалах, яма, провал, теснина, каньон'. Кирг. *ункур/чуункур/чун(г)кур* 'покрытый ямами, рытвинами' [Юдахин, 1965, с. 805]. В якутском — *ункюр* 'глубокое озеро с обрывистыми берегами, самая глубокая часть водоема' [Гриценко, 1970, с. 187]. К.Ф. Гриценко записала в республике 28 озерных гидронимов, из них 17 однословных, т. е. целиком терминологических. В Средней Азии р. Караункур бас. Карадарьи; в Казахстане повторяются Караунгур и Унгуртас. См. *чукур/чункур*.

ӱр, ӧр 'вышележащее место, возвышение, холм, круча; толпа, стадо, табун, общество' [Шипова, 1967, с. 429]; 'народ на сходке, людное место, базар, высокое место, подверженное ветрам'. Ср. узб. *ӱр* 'отлогая возвышенность'; *ӱрә* 'впадина, яма'; *ор* 'ров, крепостной вал, укрепление, яма, бугор, холм'. Считают, что отсюда и рус. *юр* 'возвышенное место, где народ собирается на сходку'. Топонимы: г. Ура-Тюбе в Таджикистане; нп Орь и р. Орь в Татарстане; р. Орь в

Иркутской и Оренбургской областях, откуда г. Орск и Оренбург, хотя ныне последний находится вдали от реки Орь.

чал 'холм, каменистое место'. Сопоставимо с булгарским *чаллы* 'каменный, каменистый'; чуваш. *чул* 'камень', тув. *чалым* 'утес', тур. *чал* 'каменистое возвышение, лесистое место'. Г.Ф. Саттаров [Саттаров, 1974, с. 71—74] насчитал 20 названий населенных пунктов со словом *чаллы* в Татарстане и около 50 в Среднем Поволжье. Название Чаллы дало на русской почве известный топоним г. Набережные Челны. В Азербайджане горы Кошачал и Карачал; в Самаркандской обл. нп Чалмуюн; в Туркменистане Чалоюк. Не путать с азерб. *чала* 'плоская замкнутая котловина, ложбина разных размеров, малозаметная в рельефе'. Это последнее слово заимствовано из иранских языков.

чап 'обрыв, откос, склон; возвышенность в глубокой межгорной котловине' (кирг.). Это слово вошло в русскую региональную географическую литературу: *чап* 'ландшафтный комплекс пестроцветных соленосных глин, конгломератов, песчаников, мергелей, слагающих расчлененные предгорья и низкие возвышенности Тянь-Шаня'. В топонимии: гора Ак-Чап в межгорной Кочкорской впадине, гора Чап-Кия в Тогуз-Торау, р. Тешик-Чап — все на Тянь-Шане.

чат/шат 'отрог горы, ее выступ, скалистая возвышенность, размытый оврагами, ущельями горный кряж; устье, слияние рек, междуречье, ветвь, щель'. Основное топонимическое значение: «угол, раздвоенный, расщепленный». Слово известно в русском языке; *шат* 'горка, холм' в русских говорах в Оренбургской обл. и Среднем Поволжье. В.И. Даль отметил в вопросительной форме: *шать* (?), симбирское, оренбургское — «гора средней величины». Вспомним стихи М.Ю. Лермонтова: «Как-то раз перед толпою соплеменных гор у Казбека с Шат-горою был великий спор». В этом тексте Шат — гора Эльбрус. Топонимия Северного Кавказа богата формами с *-чат*. Помимо Кавказа ареал охватывает Среднюю Азию, Казахстан, Урал, Южную Сибирь, Турцию. Примеры: хр. и р. Чаткал на Тянь-Шане; балкарское название Ставрополя — Шат къалэ (кале, кала): нп Чатлак в Свердловской обл., гора Шат на Армянском нагорье в Турции.

чингил 'каменная россыпь в горах, шероховатая поверхность застывших базальтовых или трахитовых лав' в Закавказье. Ср. азерб. *чынгыл* — то же, а также 'галечник'. Слово в форме *чингил* нередко встречается в географической литературе. В топонимии: хр. Чынгылдаг в Азербайджане, гора Пиричингил в Нагорном Карабахе, гора Чынгыл в Армении.

чӧкӧлӧк 'вершина холма' (кирг.). В русской географической литературе *чоколак* 'высокий (до 16 м) холм песка у кустов тамариска или скоплений тростников у выхода восходящих вод'; 'разновидность бугристых прикустовых песков' [Щукин, 1980, с. 486].

чукур/чункур 'впадина, котловина, ложбина, яма, пещера'. Слово употребляется географами при описании форм моренного рельефа в

горах Средней Азии. Ср. кирг. *чункур*, каз. *шукыр*, туркм. *чунгул* 'впадина, котловина', ккалп. *шункыр* 'глубокая впадина'. В русской географической литературе приняты обе формы. В топонимии: нп Чухурюрд, Гарачухур в Азербайджане; нп Чукур, Чукургала, Чукурюрт, пески Чукуркум в Туркменистане; ур. Мингчукур в горах Байсунтау в Средней Азии; р. Курчукур на Алтае; нп Чокуркенд в Иране. См. *унгур/ункур*.

чурат/шурат 'небольшая впадина среди песков'. В русской географической литературе принята форма *чурот* в значении «вытянутая котловина, западина в песках с бугристым и грядовым рельефом и с неглубоким залеганием грунтовых вод, почему на дне обычны небольшие озерки, заросли тростников, осоки и других болотно-луговых растений». В песках Муюнкум чуроты — неотъемлемая часть ландшафта.

шагыл 'осыпь' (кирг.), 'песчаная возвышенность, покрытая растительностью' (каз.). В Центральном Казахстане: «холм, на котором рассыпана белая кварцевая галька». В туркменском языке *чагыл* 'крупный песок с мелкой галькой'. В русских говорах и в географической литературе по Нижнему Заволжью и Западному Казахстану *чагыл* 'плоско-волнистая опесчаненная степь, заросшая волоснецом и чием'. В топонимии: пески Орташагыл на западе Казахстана, нп Чагыл в Туркменистане, коса Чагыл, окаймляющая залив Гасанкули в Каспийском море.

шынг 'обрыв Устюрта, пик' (каз.); 'глубокий лог' (тув.); кирг. *чынг* 'крутой горный обрыв; неприступная гора, глухое необитаемое место'. На Алтае *шынгер* 'глухомань'. В русской географической литературе *чинк* 'крутой, часто вертикальный, обрыв плато в Западной Туркмении и Казахстане у Южного Мангышлака, Устюрта и Красноводского плато'. Под обрывом нередко лежат глубокие впадины с солончаками. В топонимии Алтая: хр. Кызылчынг, р. Шынгду.

ял/жал 'грива, вытянутый вал, низкая возвышенность с хорошо очерченными формами'. Алт. *йал*, тув. *чал*, узб. *ёл* 'грива', др.-тюрк. *jal*. Многочисленные оронимы: Акджал, Караджал, Кызылджал в Средней Азии и Казахстане: оз. Жалаулыкуль в Павлодарской обл.; горы Сарыял и Мейданъял в Азербайджане. Ялбуз — название Эльбруса, сохранившееся в грузинской географии; Еди яли буз 'семь ледяных грив' — Главный Кавказский хребет.

яр 'высокий крутой берег, подмываемый рекой; обрыв у моря, сложенный, как правило, рыхлыми отложениями'. Др.-тюрк. *jar*, узб. *ёр*, каз. и кирг. *жар*, алт. *jар*, хакас. *чар*. В центральных районах и на Украине: «овраг, лог». Отсюда и рус. *яр* 'обрыв', производные: *крутояр, краснояр, яр-каменщик*. Термин на редкость активен в топонимии тюркских республик и областей в формах Кысылджар, Кокджар, Ярлу, Жарсай, Ярлык и т. д. и обычен в России и на Украине: Красноярск, р. Аксай Курмоярский, Черноярская и т. д.

ярданг ‘удлиненная, неправильной формы гряда, бугор, сложенные рыхлыми осадками, окаймленные неширокими ложбинами, желобами в Таримской впадине’. Ярданговый рельеф особенно характерен для дельты Тарима и приозерной равнины Лобнора.

Слово известно в русской географической литературе.

ярык/жарык ‘трещина, промоина, ущелье’. Этимологически слово связано с *яр*. Ср. рус. *яруга* ‘большой овраг, буерак, балка в известняках Средне-Русской возвышенности, заросшие лесом или другой растительностью и прекратившие свой попятный рост’. В Тульской обл. «ручей в овраге». В Полесье *яруг* ‘лужа, яма’, в Белоруссии *яруга* ‘овраг, ров’. С *ярык* связано и рус. *ерик* ‘дельтовый проток’ в низовьях Волги, Дона, Кубани, Урала; ‘старица, залив, глухой проток, мертвое русло, заливаемое вешними водами; проток, соединяющий озера; рукав реки’. Однако Е.Н. Шипова [Шипова, 1976, с. 134] сближает его со словом *арык*. Примеры: нп Яруга на Днестре и Каменная Яруга под Харьковом, нп Ерик в Белгородской обл., нп Ерик и Черный Ерик в Краснодарском крае, р. Ерик Иловатый — пр. Волги выше Камышина, Безымянный Ерик, ныне р. Фонтанка в Петербурге (по существу, дельтовый проток Невы).

В тюркской топонимии хорошо представлены гидрологические термины.

аим ‘талец, незамерзающий плес реки в месте выхода относительно теплых вод, питающих реку’; слово встречается в Восточной Сибири. В русский язык вошло через якут. *айым* ‘полынья на реке, талец, где ловят рыбу зимой’. Отсюда р. Аим в бассейне Алдана, р. Им — пр. Амгуни.

айдын ‘открытая, незаросшая часть водной поверхности большого озера; отдельные озеровидные плесы в русле и пойме реки, глубокое место в озере’. Как эпитет встречается в народном творчестве и художественной литературе в значениях «необозримое, великое». У киргизов *айдын* ‘лунный свет’, *айдынкöль* ‘зеркально чистое озеро’ [Юдахин, 1965, с. 30]. В других тюркских языках также «блеск, сияние». В топонимии обычны имена озер и нп: Айдин в Туркменистане; Айдынбулак в Азербайджане; гора Айдынула в Восточном Тянь-Шане в Китае; нп Айдынлы на берегу Мраморного моря в Турции.

ак ‘течь, протекать’. Производные формы *акан/акын/агын* очень активны в образовании гидронимов. Слово *ак* с суффиксом *-ын*: *ахын, акин, агын* с географическим значением «течение, быстрина, волна, наводнение» отмечается «во всех группах тюркских языков» [Севортян, 1974, с. 119]. В Копетдаге протекает р. Терсакан, р. Акан в бас. Ишима, р. Агынакты в Джунгарском Алатау, руч. Суакынсай в Восточном Тянь-Шане. Некоторые авторы [Койчубаев, 1974, с. 24—25] сюда же относят гидронимы Аккуль, Акозек, Аксу, Аксай, предпочитая такую этимологию вместо принятой, восходящей к прилагательному *ак* ‘белый’.

На Алтае редки гидронимы Аксу; там обнаружено, на первый взгляд, противоречивое название реки Ак-Карасу, которое О.Т. Молчанова объясняет как «белая, мутно-белая, пенистая, ледниковая, возможно чистая, хорошая, прозрачная родниковая река» [Молчанова, 1979, с. 123]. Может быть, проще и точнее сказать «чистый источник». В Башкирии известен один гидроним Аксу, в Татарстане их несколько. Чем объяснить такую региональную ограниченность? Башкирия — горная республика, Татария — равнинная! Самая полноводная река Аксу, насколько мне известно, собирает влагу с большой площади высокогорий Тянь-Шаня, богатых ледниками и снегами, и несет свою воду в Таримскую впадину. Здесь река — одна из трех составляющих и главная по стоку часть Тарима в Центральной Азии.

арасан/арашан/арсан ‘минеральный источник, минеральная целебная вода, термальный источник’. Это тюркско-монгольское слово (из санскритского *rašayana* ‘нектар, питье богов, целебная вода’) известно в русских говорах Восточной Сибири и стало достоянием научной литературы. Курорт Арашан в долине Иссык-Ата, нп Алтан-Арашан на побережье Иссык-Куля, р. Арашан в Киргизии; реки Аржан и Аржан-Кол на Алтае; нп Аршан в Калмыкии; нп Аршан в Иркутской обл.; опытное поле Аршан-Зельмень в Прикаспийской низменности; нп Аршант в МНР.

арна ‘канал, большой канал’, ‘канал, первоначально образованный рекой, естественное русло, позже приспособленное для орошения’ в Хорезме; ‘старица, овраг, поток’. У В.В. Радлова [Радлов, 1893, стб. 303]: *арна* ‘канал, образованный рекой’. Река Арна в бассейне Чу, нп Арна и долина Арна в Бухарской обл.; долина Арнасай и Арнасайское водохранилище в Узбекистане. Древнее заимствование из иранских языков.

арык ‘канал, искусственная канава, подводящая воду из реки или водохранилища для орошения полей, садов, плантаций’. В таком значении слово заимствовано в русский язык еще в XIX в. В современных тюркских языках также «река, поток, проток» в формах *арх, ерік, арк*. Из топонимии: р. Джуван-Арык в Киргизии; р. Акарык в Казахстане; канал Дамарх в Азербайджане; нп Арык на Алтае.

аян ‘небольшое озеро, часто высыхающее; староречье, русло с временным водотоком, песчаная коса’. Слово отмечено в русских говорах в бассейне Колымы. Ср. якут. *аjan* ‘старица, залив’, эвенк. и эвен. из якут. *аjan* — то же. В региональной географической литературе также «наледь, открытый участок низкой поймы с кустарниками, где река дробится на рукава». Из топонимии: Аянский залив Охотского моря, порт Аян там же; р. Аянка на Камчатке; нп Аян в Иркутской обл., р. Аян-Юрях в бассейне Колымы.

белтир ‘место слияния рек, устье’. Ср. др.-тюрк. *beltir* ‘место слияния рек, скрещение дорог, перекресток’. Другие формы: хакас. *пілтір*, шор. *пелтер*, якут. *билир* ‘место слияния рек, мыс, стрелка у такого слияния’. Слово, активное в образовании гидронимов и ойко-

нимов: реки Бай-Белдир, Уш-Белдир в Туве и Белтир в Иркутской обл. и на Алтае.

буз/муз ‘лед’. Хакас. *пус*, азерб. и туркм. *бузлаг* ‘ледник’, якут. *мусхая* ‘ледник, обледеневшая гора’; каз. *муздак* ‘гололедица’. Очень много топонимов образовано от этого слова: Музтау, Музкол, Музбель, Музтаг, Мустах, Пустаскыл, Музлык, Бузлуг, Бузлучай на обширных территориях от Балкан и Турции до Якутии.

булак/булаг ‘родник, источник, ручей’. В татарском языке ‘рукав, река, проток, канал’; в тувинском еще и ‘горная долина’. У О.Т. Молчановой: «Топонимы с географическим термином *булак* образовали обширный ареал, не выходящий за пределы современного проживания тюркских и монгольских народов. Он протянулся от Забайкалья через МНР и частично Южную Сибирь в Казахстан, Киргизию и Узбекистан. На северо-западе и севере он достиг Татарской и Башкирской АССР» [Молчанова, 1976, с. 251]. Указанный ареал следует расширить, включив в него Кавказ и провинцию Синьцзянь в Западном Китае. Топонимические примеры многочисленны. Обычны названия с прилагательными Акбулак, Карабулак, Кокбулак, Сарыбулак. Нередко Минбулак ‘тысяча источников’ в местах обильного выхода многочисленных источников — потока грунтовых вод. Канал и река Булак в Татарстане; Талдыбулак в Казахстане и Киргизстане.

бурун ‘волна с пенистым гребнем, крупная волна с завихрением, морской прибой’. Одни исследователи связывают это слово с *буря, бурлить*, другие указывают на тюрк. *бурун/мурун* ‘нос, клюв’, перен. ‘отрог горы, гряда, песчаный бугор, береговой вал; мыс, коса’ и т. д. Налицо семантическое несоответствие.

дегиш, дейгиш ‘разрушение, подмывание рекой низменных рыхлых берегов, вызывающее обвалы, отрыв части береговых отложений’. Слово известно русскоязычному населению долины Амударьи и употребительно в географической литературе. Ср. туркм. *дегиш*, азерб. *дэгиш* ‘изменяться’, др.-тюрк. *tegiš* ‘изменение, перемена’. «Фраза: *дегиш тушти* (начал действовать *дегиш*) наводит ужас на хорезмцев, ужас, ибо каждый раз это рассматривается ими как начало катастрофы» [Гулямов, 1957, с. 29].

дениз/тениз/денгиз/тенгиз ‘море, большое озеро’. Формы с начальным *д-* присущи турецкому, туркменскому, узбекскому и азербайджанскому языкам. В Казахстане оз. Тенгиз; в Омской обл. оз. Тениз; в Гурьевской обл. нп Денгиз; в Турции Караденгиз ‘Черное море’.

елга/джилга/жилга ‘река, речка, овраг, ложбина, балка’. Ареал очень большой, как терминологический, так и топонимический, от Украины и Поволжья до Монголии включительно. Слово весьма активно в образовании гидронимов и названий типов отрицательного рельефа. М.Ф. Розен [Розен, 1970, с. 23] сообщает, что в прошлом слово применялось для номинации и больших рек: Иртис-Елга, Ом-Елга, Та-Елга (Тара), ныне в гидронимии Западной Сибири оно сохранилось в гидронимах малых рек: Еланчик — пр. р. Бахсы. Топо-

нимы с *елга/жилга* можно обнаружить почти в любом региональном топонимическом словаре, за исключением, кажется, севера Европейской части России. Для Поволжья Р.Х. Субаева [Субаева, 1961, с. 299—307] приводит примеры: Кармалыелга ‘вязовая’, Нарателга ‘сосновая’, Каинелга ‘березовая’, Ташелка ‘каменная’, Улуелга ‘большая’, Сазелга ‘болотистая’. В Башкирии Инзелга, Икейылга, Бурзянелга, Караелга (в оригинале всюду *йылга*); сюда же г. Кинель в Самарской обл. (эллиптированная форма от *кин елга* ‘широкая’); в Казахстане Жилгасай; в Оренбургской обл. Суелга; на Памире обрыв Сарыджилга. Интересно, что С.Т. Аксаков в своих «Литературных и театральных воспоминаниях» свидетельствует, что имя р. Муелга русскими переосмыслено в Иволгу. Но самый большой гидронимический ряд с *елга* относится к Татарстану. Ф.Г. Гарипова [Гарипова, 1984, с. 17—150] приводит сотни таких гидронимов. Среди них наиболее продуктивна определительная конструкция с аффиксом принадлежности при определяемом: Уртатау-Йылгасы, Аргытамак-Йылгасы, Озынчишме-Йылгасы, Омар-Йылгасы, Урман-Йылгасы, но есть и простые словосочетания с определениями-прилагательными: Урта-Йылга, Кара-Йылга, Сазлы-Йылга.

как ‘яма для сбора и хранения дождевых и снеговых вод’ (туркм.); ‘углубление, яма, где задерживается дождевая вода, болото в низине (кирг.); ‘суша, сухая почва, твердый грунт’ (алт.); ‘мелкое, плоское озерко, как правило, пересыхающее летом’ (каз.); ср. калм. *хаг* ‘грязь’, халха-монг. *хаг* ‘солончак, солончаковые грязи’. В ДТС [ДТС, 1969, с. 422] *qaq* ‘лужа, стоячая вода’. Слово включено в словарь В.И. Даля: *хак* ‘соленая грязь’ в Нижнем Поволжье. В топонимии: оз. Кызылкак в Омской обл., оз. Каксор в Акмолинской обл.; горы Как и Алтыгы-Как на Алтае; водохранилище Дашкак на Унгузе в Туркменистане.

кар/гар ‘снег’. Слово участвует в номинации гор, покрытых круглый год вечными снегами или отличающихся мощным снежным покровом большую часть года. Хр. Карлыган в истоках Абакана и Томи, хр. Карлыктаг на Восточном Тянь-Шане и Куньлуне. В этот же ряд М.Н. Мельхеев [Мельхеев, 1986, с. 128] включает название горы Хараелах в массиве Путорана, ороним, оформленный долганским суффиксом *-лах*.

карасу ‘родник, озерко’; ‘тип немноговодной реки, питающейся выходами грунтовых вод у подножия гор, в межгорных долинах’. В противоположность рекам типа *аксу* реки типа *карасу* не имеют резко выраженного весеннего или летнего паводка, характеризуются чистой прозрачной водой. В специальной гидрологической литературе хорошо известно это слово и его производные формы: *карасуки, карасучные воды*. На Алтае и в Туве — *карасуг*. Другие значения: «яма с остаточной водой в пересыхающей реке, пойменный водоем» в Казахстане [Конкашпаев, 1951, с. 20]. Суть дискуссий об этимологии слова *карасу* была изложена выше. Здесь же укажем, что много гид-

ронимов Карасу формируют речные названия, но любопытно, что ни одна большая река так не называется, что отражает географическую специфику этих выклинивающихся на поверхность грунтовых потоков. Тюрк. *карасу* отложилось в топонимии Украины и южной части России или в форме кальки — Черная речка, или в порядке народно-этимологического осмысления — р. Карасевка. Р.Х. Субаева на примере татарской гидронимии свидетельствует: «В русском употреблении иноязычных топонимов часты случаи народной этимологии: название *карасу* связывают со словом *карась*, отсюда и название Карасинка» [Субаева, 1961, с. 299]. Свежий пример: река Карасу в Крыму теперь больше известна под именем Карасевка.

кол/коол/къол 'река, речка, проток, рукав реки, лог, долина, ложбина'. Др.-тюрк. *qol* 'долина, вади', в орхоно-енисейских памятниках *гол* 'бассейн реки, низменность'. На Северном Кавказе *къол/кол* 'балка, ров, овраг, широкая балка, пологая долина'; хакас. *хол* 'долина, сухое русло'; шор. *кол/гол* 'речка'. В киргизском языке лексема *кол* встречается только в составе гидронимов: Нарынкол, Каракол, Сарыкол и т. д.

кудук 'колодец'. Термин бытует на просторах от юга Украины до Восточной Сибири и в русских говорах Поволжья, Крыма, Северного Кавказа. В ДТС [ДТС, 1969, с. 463] *quduγ* 'колодец' наряду с формой *qujuγ*. В некоторых тюркских языках также «источник». В Поволжье русские могли заимствовать это слово от тюркских народов или калмыков. В туркменском — *гудук* 'засыпанный колодец, суффозионная воронка, куда уходят ирригационные воды на орошаемых полях' наряду с *гуйы* 'колодец'. Ф.И. Комаров в Якутии отметил нп Кудук, р. Кудакта [Комаров, 1964, с. 50]. Кроме того: Красный Худук на западе от Астрахани; Сайкудук и Таллыкудук в Заволжье; Балкудук в Атырауской обл. (букв. 'медовый колодец', перен. 'колодец с пресной, хорошей водой'); Кудук и Кудуксай в Актюбинской обл.; Кудукли в Таджикистане; Кудук-Агаш в Кокчетавской обл.; Кудук-Чилик в Омской обл.; Кулкудук в Бухарской обл.

култук/колтык 'залив моря или озера, преимущественно узкий, мелкий, закрытый'. Слово известно в говорах Поволжья. В Восточной Сибири — «овраг, тупиковый отвершек реки, затон». В Якутии на Индигирке — *култык* 'глухой конец залива'. В Томской обл. — *култук* 'полуостров в излучине реки'; на Байкале — «юго-западный ветер, дующий со стороны залива Култук»; на Дону — «лес». Тюрк. *qoltiq* восходит к корню *кул* 'рука' и означает: 1) 'подмышка'; 2) 'залив перед лесом' [Дмитриев, 1962, с. 567]. Другие значения: «бухта, старица, лука». На Байкале нп и залив Култук; нп Култуки в Мещере; залив Мертвый Култук на Каспийском море. Несколько топонимов Култук на Камчатке; оз. Горький Култук в Нижегородской обл.

куль 'озеро'. Такая форма принята в русской картографии. Тюрк. *көл/күл/гөл/хөл*, якут. *күөл/кюель/*, др.-тюрк *köl*. Обилие топонимических примеров с участием *көл* позволяет ограничиться несколькими примерами: большое памирское оз. Каракуль, нп Кара-Куль и Каракуль в Таласской и Бухарской областях; оз. Каракуль в низовьях Зеравшана (гидроним, давший новое слово *каракуль* — известный своим высоким качеством мех каракульских овец). Многочисленны озера с названиями Каракуль и Аккуль (Караколь, Акколь) в Средней Азии и Казахстане. А в Азербайджане оз. Гёйгёль, славящееся своей красотой, Алтынколь (Телецкое) на Алтае, р. Кюель-Юрях в Якутии. Очень много озерных названий на *-кюель* на низменности и в дельте р. Колымы. Большие озера на Тянь-Шане: Иссык-Куль, Чатыр-Куль, Сон-Куль и Баграшкуль. В Башкирии р. Каракулька и нп Каракулево от кара *күл* 'черное озеро'. В Казахстане оз. Сасыккөл 'вонючее, зловонное озеро', что говорит о выделении на берегах или на поверхности воды сероводорода; ср. оз. Сасык в Крыму.

кую/гуйы 'колодец'; др.-тюрк. *куйюг* — то же, *куй* 'лить, наливать' и *кудук/худук* 'колодец'. В Поволжье нп и колодцы Айбашкуюк, Кюкуртуш, Куюк; Куюккупыр в Каракалпакии; Акгуйы и Ортагуйы в Туркменистане.

кяриз/кариз 'подземная водосборная галерея, выводящая поток подземных вод на подгорную равнину'. Кяризы распространены в Средней Азии и Азербайджане. Иранизм: *кехриз, кариз* [Савина, 1971, с. 120—121]. Каракехриз, Учкехриз, Кехризноу в Иране; в Азербайджане нп Кяхризоба и Бёюк-Кяхризли.

ögüz/öküz 'река, поток'; др.-тюрк. *ögüz* 'река', Н.К. Антонов [Антонов, 1971] возводит к др.-тюрк. *ÿгÿз* и якут. *öрÿс* 'река', подобно тому, как якут *ÿрэх* 'речка' сопоставляется им с др.-тюрк. *арык* 'ручей, арык'. Гидроним Кашогуз объединяет названия двух рек Юрункаш и Каракаш, орошающих Хотанский оазис в Синьцзяне; р. Джеты-Огуз на Тянь-Шане; нп Окузяп в Ташаузской обл.

özek/özen 'река, речка, проток, овраг, ручей в овраге, долина, русло'; татар. *узак* 'береговой обрыв', ккалп. *узяк, узях* 'дельтовый проток Амударьи'. В.И. Даль [Даль, 1912, т. 4, с. 972] указывает на заимствование из татарского языка русского *узек* 'ерик, глушица, богот, колдобина из старицы бывшего протока'. В Крыму *özen/ÿзен* помимо обычного 'река, речка' приобретает и специфическое значение 'селевой разрушительный поток, проходящий по оврагам и долинам в результате ливневых дождей в горах'. На Северном Кавказе *özen* 'река, долина', в Киргизии *өзөн* 'русло реки, побережье, горная долина'. Др.-тюрк. *öz* 'долина', *özäk* 'узкий проход в горах, ущелье, но и кровеносный сосуд, шейная артерия'. *Özen* и *özek* относятся к одному гомогенному ряду и связаны с глаголом *oz* 'течь' [Севортян, 1974, с. 511]. В алтайском *өзөк/өзөн* 'долина, лог'. Топонимы, иллюстрирующие активность этих терминов, многочисленны: Улуузень, Кучукузень 'большая, малая и сухая река' в Крыму; Озексуат в Ставропольском крае; Сарыозек в Талды-Курганской обл.; проток Караузяк в дельте Амударьи; Узяк в Татарстане! Сюда же украинский топоним

Озак. В Башкирии реки Узян, Узянбаш и известный гидроним Юрюзань [СТБ, 1980, с. 181]. Реки Большой и Малый Узень в Заволжье, Узень в Атырауской обл.; Караозень и Черкесозень в Дагестане; лог Холозень в Хакасии; р. Сары-Озен на Алтае, р. Узень в Барабе; г. Новоузеск в Саратовской обл.; р. Сары-Озек в Туве.

олом 'брод через реку'. Слово, известное во многих тюркских языках: якут. *олом*, азерб. и туркм. *улум, олум*. Река и нп Олом в Якутии; возможно, р. Олым в бассейне Дона; нп Бейрамолом в Иране.

сага 'узкий длинный залив в озере', 'устье реки, подошва горы', 'место, где наконечник копья соединяется с черенком'. В русских диалектах так обозначается «старица, залив, проток, удлиненная изогнутая ложбина, западина» в днепровских песках. На Кубани «старица». В Полтавской обл. «залив, проток». На пойме Дона «понижение с остаточной водой после половодья». Известны топонимы в Казахстане: нп Сага; Сагайское в Актюбинской обл.; пересыхающая р. Сага в Талды-Курганской обл. См. *чаганак*.

сардоба 'водохранилище в пустынях Туркмении, собирающее влагу с поверхности земли'. Иногда имеет куполообразную крышу для уменьшения испарения. Термин употребителен в региональной географической и гидрологической литературе. Первоисточник — иранские языки, ср. тадж. *сард об* 'холодная вода'. В русский язык заимствовано из туркменского. В топонимии: нп Сардоб в Таджикистане; Чаган Сардоба в Туркменистане; Сардоба в Сырдарьинской обл.

сель 'стремительный, бурный, но кратковременный грязекаменный поток по оврагам и долинам, возникающий в результате ливневых осадков в горах'. Несет огромное количество твердого материала, часто причиняет разрушения и вызывает наводнения. Слово, известное во многих тюркских языках в формах *сель, силь, сел*. Первоисточник — араб. *силь, сель* 'бурный поток, выходящий из берегов'. Слово хорошо известно в научной литературе и в русском литературном языке. В топонимии: р. Сельдара в Таджикистане; реки Сельчай и Сельбасан в Азербайджане; нп Абсель в Иране.

сиваш 'мелководный залив, лагуна, озерко, котловина, западина с соленой водой'. Встречается в Крыму, Причерноморье. Считают, что это булгаризм. Сиваш — видоизмененное этническое самоназвание чувашского народа [Добродомов, 1975, с. 87—92]. В русских и украинских говорах употребительна и множественная форма *сивашы* 'совокупность мелководий, солончаков, заливов Азовского побережья Крыма'. В топонимии: ст. Сиваш Приднепровской ж. д., нп Сивашевка и Сивашское в Херсонской обл. Но ср. тур. *sïvastïrmak* 'пачкать, марать, грязнить'.

су/суу/сув/суг 'вода'. Универсальное слово, употребляющееся при номинации практически всех водных объектов — рек, речек, озер, родников, стариц, ручьев. Другие формы: якут. *уу*; узб., кумык. и ног. *сув*; чув. *су/шу/шув*; сиб.-тюрк. *суг*. Дериваты *зуг/сунг/зух* в топонимах передаются в русском написании как *-са/-за/-зы*, отсюда шорский

топоним Аргысуг на картах обозначается Аргазы, а Карасуг — Караса [Абдрахманов—Бонюхов, 1966, с. 164]. Др.-тюрк. формы: *sub, suv, sug*. Слово формирует ряд производных терминов, продуктивных в номинации географических названий: *суат* 'водопой'; *учансу/учарсув* 'водопад', букв. 'летящая вода'; *субаши* 'верховье, исток реки'; *суак* 'оросительная канава, арык'; *субасма* 'наводнение'; *суайрычи* 'водораздел'; *агынсу* 'стремительный поток, быстрое течение воды'; *карасу* 'источник, родник'. Интересное словосочетание в языке желтых уйгуров *су телык* 'колодец', букв. 'водяная дыра' [Малов, 1957, с. 105]. Бесконечны гидронимы типа Аксу, Карасу, Сарысу, Кызылсу, Коксу, Кашкасу, Тузтусу, Суук (Соок) суу и т. д. В Татарстане ряд на *-суы*: Авылсуы, Балахансуы, Каргалысуы, Чытлыксуы; однако встречаются гидронимы и с *су-* в первой позиции: Суаралык-Йылгасы, Субаши-Йылгасы, Суыксу-Йылгасы [Гарипова, 1984, с. 105—107]. В Башкирии *һыу* 'вода', в русской передаче *су*: Аксу, Сулы-Кызыл.

тарын(г) 'наледь'. Образование, обычное на реках, озерах или в долинах Сибири и Дальнего Востока, когда зимой вода, выступающая на поверхности скованных морозом реки, поймы или озера быстро замерзает, образуя все новые слои льда. Это якутское слово вошло в научную литературу и отмечено в русских говорах Восточной Сибири: «Географический термин *тарын* часто становится топонимом» [Сюлбэ, 1985, с. 98]. В Якутии: оз. Тарынг, р. Тарынг-Юрах, оз. Тарынгнах [Комаров, 1964, с. 90].

толку/толкын/толхун 'волна, морская волна'; узб. *тулкын*, кирг. *толкун* 'волна', ср. рус. *толкун* 'мошки, которые собираются в большом количестве и как бы толкутся в воздухе'; (со ссылкой на словарь АН, 1794 г.: «так называются небольшие волны... друг от друга ударяющиеся» [ССРЛЯ, 1963, 15, с. 557]). Ныне это слово сохранилось в русских диалектах в значении «водная зыбь». На Байкале «буря, шторм, крутая волна, возникающая при столкновении двух воздушных потоков, когда с севера дует верховик, а с юга — култук».

туба/тана/таба 'омут'. Слово известно в русской географической литературе в значениях: «низменное место на лугу, обычно поросшее лесом и сообщающееся ложбиной с руслом реки Дон; прорва в приречных песках, отделяющая старицы и ерики от реки при меженном уровне; залив реки, покрывающийся водой только при весеннем разливе; старица». И вот производные топонимы: Ахтуба — большой дельтовый проток Волги; нп Туба в Каракалпакии; нп Туба и Тубинский в Красноярском крае; Тубинский в Башкирии.

ховуз 'пруд, водоем, водохранилище'. Заимствование из иранских языков: ср. тадж. *хавз* 'пруд, бассейн'; *хавза* 'котловина', в диалектах *хаву* 'озеро'. Восходит к араб. *havd* 'водоем', 'пруд', откуда и греч. *хавуза* 'водоем'. Это слово вошло в лексику русского литературного языка в форме *хауз*. В топонимии: Хаузханское водохранилище на Каракумском канале; нп Ховузбулак в Азербайджане, Кошхавуз близ Самарканда; урочища Едыховуз в разных районах Туркменистана.

чаганак/чаганок ‘залив, гавань, излучина реки’. В основе значений «что-то изгибающееся, извилистое, меняющее направление». Ср. узб. *чиганок* ‘улитка, раковина’; туркм. *чуганак* ‘впадина, котловина’; каз. *шаган, шиганак* ‘залив, губа’; хакас. *саганах* ‘локоть, излучина’; татар. *чыганак* ‘источник’. В диалектах Дона отмечено В.И. Далем: *чиганак* ‘озеро, пересыхающее летом’. В топонимии: залив Сары-Чаганак Аральского моря; оз. Шиганах на севере Казахстана; на оз. Балхаш — заливы Карашыган и Узуншыган. См. *сага.*

чигирь ‘водоподъемное сооружение, вращающее силой течения реки колесо с лотками или кувшинами’. Используется для орошения в Средней Азии. В русских говорах: на Дону «колодец»; в Астраханской обл. *чигирище* ‘колодец, яма под чигирем’. У В.В. Бартольда находим: «Из турецких (т. е. тюркских. — *Э.М.*) терминов, относящихся к водному хозяйству, особенное распространение получили слова *арык* в смысле персидского джуй и чигир в смысле персидского дуляб» [Бартольд, т. 3, 1965, с. 118]. В топонимии: нп Чигирь в Кемеровской и Чигири в Житомирской обл.

чырла/чирле ‘тип наливного колодца на такырах’ в пустынях Туркмении. Дождевая вода с такыров поступает в шахту колодца, которая углублена до горизонта солевых грунтовых вод, на поверхности которых располагается линза пресных вод, более легких по удельному весу. Туркменское слово, обычное в русской гидрологической и географической литературе, относящийся к Каракумам. Ср. *чырла* ‘копать, царапать’. В Центральных Каракумах есть колодец Гаррычырла ‘старый наливной колодец’.

Разве мало говорят о режиме рек такие гидронимы, как Делису ‘сумасшедшая, сумасбродная вода (река)’ — названия небольших крутопадающих речек, обладающих большой разрушительной силой во время паводков на востоке Кавказа?

Понятны и названия ключей со словом *кайнар/кайгаг* ‘сильно бьющий родник, подающий воду с напором’; ‘источник с бурлящей струей’. Ср. др.-тюрк. *qajna-* ‘кипеть, вариться, бурлить, клокотать’ [ДТС, 1969, с. 407—408]. Отсюда такие названия населенных пунктов и гидронимы, как Кайнаг и Кайнар (Гайнар) в Азербайджане, р. Кайнар в хребте Борколдой в Киргизии и хр. Сырдарьинский Каратау. Кайнар многократно повторяется на всей территории Средней Азии и Казахстана. Есть такие названия и в Молдавии, Болгарии, Турции, Западном Китае. Отметим, что в топонимии Азербайджана слово *гайнар* может иметь значение ‘грязевая сопка, грязевой вулканчик’.

Почвоведческие термины, характеризующие почвенные разности и подстилающие породы, получили отражение в номинации типов песков, болотных топких фаций, типов засоленных земель, солончаков, грунтов. Скотоводы-кочевники больше обращали внимание на характер растительности, чем на почву. Растительность — это пастбища, материальная база животноводства. Не случайно арабское

слово *мал* означает ‘имущество, богатство, товар’ и одновременно ‘скот, домашние животные’.

аккум ‘белый, чистый песок; массив подвижных развеваемых барханных песков, лишенных растительности’. Это, видимо, народная этимология, о чем уже было сказано.

бадаран ‘грязевое болото в глинистых понижениях, оттаивающее летом на 80—90 см, ниже лежит никогда не тающий лед’ (якут.). *Бадаран, бадыран* ‘болото, грязь’, вошло в сибирские и дальневосточные говоры русского языка и в региональную географическую литературу в значении «трясина, никогда не просыхающее открытое болото». Отмечено В.И. Далем в его словаре, и даны значения: «колодец, просос, окошко в болотистых местах, где проваливаешься с матерого льда». В топонимии: Бадарановка в Иркутской обл., р. Бадараннах в Якутии.

балчуг/болчык ‘глина, грязь, болото’; каз. *балшик*, азерб. *палчыг*. В топонимии: нп Палчыглы и Палчыгоба в Азербайджане; гора Палчыглы в Армении, скалы Балчыккая в Крыму. Улица Балчуг в Москве, г. Балчик на Черноморском побережье в Болгарии.

баткак ‘ил на дне соленых озер, соленая грязь, жидкий грунт, болото; ил, образующийся от речных наносов на дне заводей, затонов, в старицах, где не бывает течения’. В Казахстане и Киргизии *батпак* ‘солонец, солончак, топкое болото’; башк. *баткак* ‘грязь, слякоть’; узб. *боткок* и ккалп. *батпак* ‘болото, трясина’. Производное имя от гл. *бат-* ‘погружаться, нырять’; ср. азерб. *батан* ‘утопающий, пересыхающий’. В Казахстане названия — р. Батпаксу, оз. Батпакколь — информируют о топкости их берегов и днищ. В Киргизии — ледник Карабаткак в хребте Терской.

бозынган, бозынген ‘сухой сульфатный солончак на коренном гипсе; туфовидный пористый гипс, слагающий поверхность третичного плато Устюрта; высокогипсоносная солончаковая почва’. Термин употребителен в географической литературе по Западному Казахстану. Ср. *боз* ‘злаковая степь с засушливой ковыльно-типчаковой растительностью, целина, залежь’. В Западной Сибири «степь без солонцовых пятен». Основное значение *боз* ‘светлый, серый, седой’; азерб. ‘голый, безлесный’.

каир ‘мелкий песок, отмель, мелководье, береговая коса’; ср. др.-тюрк. *qajïr* ‘песок, рыхлая земля’ [ДТС, 1969, с. 407]. В региональной географической литературе по Туранской низменности *каир* — ‘пойма, заливная часть долины’; отсюда — в дельте Амударьи кайрное земледелие, земледелие, не нуждающееся в поливе и обеспеченное естественным увлажнением почвы. Такие массивы расположены вдоль каналов и разливов с высоким уровнем грунтовых вод. Ср. кирг. *кайрак* ‘неполивное земледелие’, тув. *хайыр* ‘солончак, солонец’. У В.В. Радлова [Радлов, 1899, стб. 20] для слова *каір* отмечены также значения «мелкий песок на дне рек, отмель, солончак в горной местности Саян», что косвенно отвечает приведенным выше определени-

ям — «пойма, заливаемая часть долины». У В.В. Радлова *каір* также ‘обрывистый, крутой’. Это второе определение соответствует алт. *кайыр* ‘крутизна, крутой, обрывистый, отвесный, быстрина реки’. Последнее значение связано с содержанием терминов «мель, мелководье», обозначающих места, на которых неизбежно увеличивается скорость течения. Ср. якут. *кајыр* ‘камень, скала’, эвенк. *кави, каир* ‘галька, песок’ [ТМС, 1975, с. 357—358]. В топонимии: озера Каир, Кайрак в Казахстане; Каиры в Одесской и Херсонской обл.; Каирчик на юг от Канска в Красноярском крае; разъезд Каир Казахской ж. д. между Аральским морем и Эмбой. Много топонимов Кайыр на Алтае. В Туве реки Хаирлыг-Хем и Хаирлыг, гора Хаирлых-Мэс.

кир ‘земля, пропитанная нефтью на промыслах Азербайджана’. В геологической и географической литературе употребляется для обозначения всякой рыхлой породы, сцементированной высохшей нефтью. Образует кировые покровы значительной площади. У М.Фасмера [Фасмер, 1967, т. 2, с. 237] указание на тур. *kyr* ‘смола, смешанная с песком’, но не от тюрк. *кир* ‘грязь’. Топонимы, восходящие к этим нарицательным именам, трудно расчленить. От первого значения нп Киран в Азербайджане, от второго — р. Киркол в Киргизии.

кум/гум ‘песок’ продуктивно в топонимии, учитывая, что некоторые тюркские народы издавна кочевали в пустынях Внутренней Азии, где расположены крупнейшие песчаные массивы Евразии. Другие формы: шор. и алт. *кумак*, якут. *кумах* ‘песок’, алт. *кум* ‘сырой, засасывающий песок’, каз. *кумак* ‘мелкобугристые полузаросшие пески’. Интересно, что в туркменском языке *гум* ‘песчано-пустынные почвы, песчаная пустыня’, *кумбайрак* ‘легкий суглинок’. Для обозначения песка есть другая лексема — *чаге* (см.). Слово оставило глубокий след в топонимии юга России и Украины, Сибири, Западного Китая, Ирана, Афганистана, Турции. Очень часто встречаются названия Кумтау, Кумтаг, Кумбель, Кум, Аккум, Каракум, Кызылкум, Сарыкум, Кумкала, Кумтепе. Сюда же р. Кумак — пр. Урала; нп Кумак в Оренбургской обл.; реки Кума и Подкумок на Северном Кавказе; хр. Кумтайга в Туве; р. Кумах-Урях в Якутии; гора Кумактаг в Шории.

такыр ‘более или менее обширное глинистое пространство, лишенное растительности в пустынях и полупустынях’. После испарения дождевой воды дно такыра превращается в затвердевший ил или мелкоилистый грунт, на поверхности — полигональная трещиноватость. В Туркменских Каракумах — «глинистые площадки в межгрядовых понижениях и котловинах». На Алтае, где нет настоящих туркестанских такыров, — «открытое мелкотравное место; малошерстное животное». Др.-тюрк. *tatïr* ‘ровное глинистое место, лишенное растительности’; хакас. *тахыр* ‘ровный, голый, без растительности’; узб. *такир*; балкар. *такыр* — то же; татар. *такыр* ‘гладкий, ровный, голый (без волос, шерсти)’; алт. ‘обнаженный, голый’. В русский язык вошло в форме туркм. *такыр:* река Такыр в Казахстане; горы

Тахыртаг в Хакасии и Баштакыр на Северном Кавказе; нп Татыр в Омской обл.; гора Тахыр-Тайга в Туве; нп Такыр и гора Такырдепе в Туркменистане.

томар ‘кочка’, алт. *томор* — то же. Ср. *томар* ‘кочковатое болото, заросшее влаголюбивой растительностью с обильным выходом грунтовых вод’. Слово известно в региональной географической литературе по Казахстану. В топонимии: оз. Каратомар в Центральном Казахстане, нп Томар в Карагандинской обл.

топрак ‘земля, пыль’. Кирг. *топурак* ‘земля, глина, почва’, *кара топураг* ‘чернозем’; узб. *тупрок* ‘почва’; азерб. *торпаг* (с перестановкой согласных) ‘земля, почва’, *торпаг сулары* ‘почвенные воды’. В.В. Радлов [Радлов, 1905, 3, стб. 1226] указывает также: «область, страна, суша». Городище Топраккала в дельте Амударьи, город Топрак в Турции.

туран(г) ‘солончак, солонец’; солончаковый луг, засоленная луговая степь в равнинных понижениях среди лесов и лесостепи, где копытные собираются для подкормки солью, лизень (лизенец). Якутское слово, как будто не имеющее тюркских параллелей. Однако топонимический ареал уходит за пределы Якутии: р. и нп Туран по Усинскому тракту в Туве, Туран в Бурятии, Туранская равнина на правом берегу Иркута, Красный Туран в Красноярском крае. В Якутии «топонимов от *туранг* много» [Сюлбэ, 1985, с. 107]. Н.К. Антонов предлагает следующие сопоставления: якут. *туран/туранг*, тур. *чорак* ‘солонец’, др.-уйг. *шор/шорак* ‘солончаковая степь’, каз. *сор/соранг* ‘солончак’ [Антонов, 1971].

чаге ‘песок, мелкий песок’ (туркм.); нп Гекчаге и Сагарчаге, Чагегузер, Чагели, Чагеясга; солончак Чагелишор, оросительный канал Чагелиарык [Атаниязов, 1980].

чамур/чамыр ‘глина, ил, грязь’ (крым.-татар.); ‘грязь, болото’ (гагауз.).

шор/сор/шур ‘солончаки, солонцы, засоленные почвы; пересыхающее соленое озеро’. Ср. перс. и узб. *шур* ‘соленый’. В тюркских языках много и других значений: «мелкое соленое озеро»; в Западной Сибири — «пойма, старица, залив, заливной луг, береговая низменность на Оби». В бассейне Таза — «заболоченная низменность». На Байкале — «мелководная лагуна озера». В Прикамье — «мелкое степное озеро». В Нижнем Поволжье *шор* ‘остаточная соль на высохших солончаках и солонцах’. В русском языке *сор, шор* ‘солончак, образовавшийся на месте высохшего озера’ [ССРЛЯ, 1968, стб. 1507]. Однако М.Фасмер рус. *сор* связывает с хант. *сор, лар*, иртышским *тор*, юганским *сар* ‘низина, луг, болото’ [Фасмер, т. 3, 1971, с. 720]. Что это — сплошной межъязыковой ареал слова с одними или близкими в силу смысловых сдвигов значениями или совершенно разные слова? Солончаки обычно расположены в низинах, нередко могут быть топкими (болотистыми). Среди названий: солончак Карашор в Туркменистане, нп Шорсу в Ферганской обл., Шурте-

па в Кашкадарьинской обл., Шоркуль в Каракалпакии, Сорулу на Алтае, р. Соруг в Туве, нп Шурабад, р. Шорчай и холм Шортепе в Азербайджане.

В ряде мест на поверхности почвы и воды заметны черные маслянистые пятна — признаки близкого залегания горизонта горных пород, насыщенных нефтью. Это уже признак и мотивация для названия словом *май* 'масло, жир'. В Ошской области есть город и река Майлисай. Ныне здесь нефтяные промыслы. Озера Майлыколь и Майсор, нп Майбулак в Казахстане. В Джунгарской впадине в предгорьях Майли и в предгорьях Восточного Тянь-Шаня также есть нефтепромыслы. Китайцы их называют Душаньцзы 'одинокая гора', а уйгуры — Майлитаг. Новообразования: холм Небитдепе, г. Небит-Даг — центр нефтепромыслов в Туркменистане. О другом значении слова *май* будет сказано ниже.

Слово *кан/кен* 'рудник' заимствовано тюрками из иранских языков. В топонимии оно указывает на наличие полезных ископаемых или на место их добычи. Отсюда такие топонимы, как Кенсу в Киргизии, Кентобе в Казахстане. Не следует в этот ряд относить названия, образованные от слова *кен(г)* 'широкий, обширный': Кентубек или Кенсай — названия бесчисленных урочищ (букв. 'широкий сай' или 'широкая щель'). Во многих случаях то же, что Жалпаксай [Койчубаев, 1974, с. 132]. Нужно ли развивать мысль об информационном содержании таких географических названий, как Демир и Алтын-Булак в Туве, Темир-Алды на Алтае, Джезказган и Алтынказган, Алтынтапкан в Казахстане, Алтынташ на Алтае, Алтан в Якутии? Все они указывают, как правило, на наличие в недрах железа, меди, золота или их добычу. Заметим, что якут. *алтын* означает 'медь', а не 'золото'. Укажем также, что *алтын* в переносном значении употребляется в смысле 'хороший, очень хороший' (ср. рус. *золотой человек*). Поэтому местное название известного на Алтае Телецкого озера Алтын-Коль следует толковать 'очень хорошее, красивое озеро', хотя есть попытка связать этот гидроним с названием горы Алтан-Туу, где много соболей, добыча которых делает человека богатым. Но эта версия малоубедительна. И еще пример: Золотая Орда.

В Башкирии отмечено девять географических названий в формах Кургаш, Кургашка, Кургашай, Кургашлы, Кургаштамак, Кургашты и др., указывающие на присутствие свинца (*кургаш*). Слово *тимир* 'железо' присутствует в названиях хребта Тимерарка, скалы Тимергая, горы Тимертау. Слово *бакыр* 'медь' формирует топонимы: горы Бакырлы и Бакыртау [СТБ, 1980]. В Татарстане несколько гидронимов связаны со словом *тимир*: Тимерсу, Тимерликул и др. [Гарипова, 1984, с. 115]; в Азербайджане: гора Демирли, реки Демирсу и Демирапаранчай (не будем забывать, что Темир, Тимур — распространенное мужское имя).

Географические названия типа Таш-Кумыр, Кумыр-Таш, Кёмюрлюг говорят о наличии каменного угля, а часто и о его добыче.

Р. Юзбашев [Юзбашев, 1966, с. 146] указывает на топонимы, несущие информацию о полезных ископаемых в Азербайджане: Пилпиле (Бюлбюле) 'огонь, горящий газ'; Дуздаг 'гора с наличием соли', букв. 'соленая гора'; нп Кемурдаг 'уголь + гора', 'гора, где в горном лесу жгут уголь' или, добавим, 'гора с залежами каменного угля'; р. Зейели 'с месторождением квасцов'; Нефтечала 'котловина, где имеется нефть'. Дуздаг, Тузтаг/Тузтау — часто повторяющийся ороним на обширных пространствах Азии. В аналогичном положении оказывается и гидроним Дузгёль/Тузколь/Тузкуль 'соленое озеро'. Самостоятельно слово *дуз/туз* употребляется для обозначения самосадочных соленых озер, солончаков, минерализованных вод родников.

кўкўрт/гугурт 'сера'. В Бухарской обл. — нп Гугуртли. Еще недавно господствовало объяснение названия хребта Гяурдаг, как «гора неверных». Однако это типичная народная этимология, исходный топоним — Кукуртдаг 'серная гора'. Здесь ныне ведется добыча серы. Слово *кўкўрт* в топонимии Туркменистана встречается нередко. Только в словаре С.Атаниязова указаны восемь названий объектов в формах Кукурт, Кукуртдже, Кукурт заводы (бывш. Серный завод в Центральных Каракумах), Кукуртли, Кукуртлибил, Кукуртлиёл и др. [Атаниязов, 1980, с. 193—194]. На предыдущих страницах была показана роль физико-географических апеллятивов в определении семантики топонимов. Ниже постараемся раскрыть информационные возможности географических названий, восходящих к апеллятивам, обозначающим объекты органического мира — растения и животных. Эта группа топонимов присутствует во всех языках. Если читаем на карте Кулансай или Куланды, можно с основанием предположить, что в такой местности обитают или, правильнее сказать, обитали в прошлом куланы. Ныне их ареалы сильно сузились. Эти копытные сохранились только в заповедниках (кроме Монголии).

Т.И. Вендина [Вендина, 1971, с. 20—22] на славянском материале произвела подсчеты бионимических названий рек в бассейне Днепра, Дона, Вислы, Савы, Дравы и Грона. Оказалось, что фито- и зоогидронимы составляют 10—12% всего их списка, из них 57% связаны с названиями растений, а 43% — с названиями животных. Среди фитогидронимов абсолютно первое место заняло название березы, затем следуют ольха, липа, дуб, верба, ель, бук, граб, клен, сосна. Географическое распространение этих древесных пород хорошо демонстрирует топонимическую позитивность. Так, в гидронимии бассейна Днепра много гидронимов, отражающих слово *ель*, в бассейне Вислы и Савы их мало; гидронимов, отражающих слово *береза*, много в бассейне Днепра, Дона, Вислы и мало на Балканах. Слово *липа* отражено более или менее равномерно в гидронимах указанных бассейнов, но более всего их в бассейне Вислы. Естественно, нет названий, связанных с тисом в Поднепровье и Подонье, они появляются в бассейнах Вислы и Дравы. Разве случайно, что на обширных пространствах Средней Азии нет географических названий, связанных со словом

липа? Словари узбекского и таджикского языков пользуются для их передачи русским эквивалентом. Л.В. Дмитриева указывает, что рус. *липа* отмечено в алтайском, каракалпакском, киргизском, тувинском, туркменском, уйгурском, хакасском, якутском языках [Дмитриева, 1972]. Однако каз. *жөкä*, узб. *жўкä*, башк. и татар. *йўка*, ног. *йöке* 'липа'. Это дерево не растет в большинстве районов, населенных тюркоязычными народами, и в силу правила топонимической позитивности название его не получило отражения в номинации, подобно тому как невозможны славянские географические названия, восходящие к экзотическим для нас названиям растений, таких, как ананас, эвкалипт, лимон, кипарис, саксаул, пахта (хлопчатник). При анализе «растительных» географических названий следует помнить, что одно и то же растение в разных тюркских языках может обозначаться не одним словом или близким по форме и звучанию словами, что естественно, а совершенно разными. Ср. туркм. *чаер, сулджи кыяк*, якут. *кулусун* 'осока'. С другой стороны, одним и тем же словом обозначены разные виды и даже роды. Это хорошо показал Ф.А. Юсупов, который много лет занимался составлением ботанического словаря тюркских языков. Выдержки из его работы были опубликованы [Юсупов, 1952, с. 166—177]. Вот некоторые примеры: азерб. *су агач* 'клен', хакас. *су агач* 'осока'; татар., узб., кирг. *карагай* 'ель', каз., башк. *карагай* 'сосна'. Многозначно слово *агач/агаш/агас* 'дерево'. В топонимии оно отражает не только признак одинокого дерева или пары деревьев (например, Кош-Агач на Алтае в Чуйской степи), но может указывать на наличие рощи или леса, о чем говорят собственные названия: ущелье в Копетдаге Агачдере 'лесное ущелье', Агачаул близ Махачкалы. Несколько гор на Северном Кавказе называются Агачбаши 'лесная вершина'; значение «лес» подтверждает и балкарский топоним Агач-Кийири 'лесной край' [Коков—Шахмурзаев, 1970, с. 23—24]. Л.В. Дмитриева [Дмитриева, 1972] указывает на ног. *агаш* 'лес', хакас. *агаш/агас* 'лес'. Отсюда нп Сарагаш (из Сарыагаш) в Хакасии [Бушуева—Волостнова, 1968, с. 16]. Та же Л.В. Дмитриева приводит тюркские названия осины: каз. *көк терек*, кумык. *ак терек*, кирг. *бай терек*, уйг. *таг терек*, азерб. *агча терек*, ног. *элмен* [Дмитриева, 1972]. Карагач башкиры называют *кара каин* 'черная береза', но карач.-балк. *кара каин* 'черемуха', кумык. *элме* 'карагач', кирг. и узб. *сада* 'карагач, вяз'. И еще разные, далекие друг от друга слова обозначают полынь: каз. *жусан* восходит к др.-тюрк. *jemšan*, но не сопоставимо с узб. *эрмон*, башк., татар., чуваш. *эрем*, кирг. *эрмен*, а также еще с узб. *шувок*, которое сопоставляется с монг. *шаваг* (*шаршаваг* 'полынь песчаная', букв. 'желтая полынь'; *цагаан шаваг* 'полынь дернистая', букв. 'белая полынь').

О фитотопонимах Казахстана уже сказано в статье Т.В. Водчак и В.Н. Поповой «Отражение растительного мира в топонимии Казахстана», где показано широкое использование народных признаков наличия тех или иных растений в номинации географических объек-

тов: Жантаклы 'место, где в изобилии растет верблюжья колючка', рч. Изендибулак 'родник в зарослях кохии распростертой', рч. Сарымсакты 'чесночная', нп Шенгельды 'чингилевый', р. и нп Бадам 'миндаль' (заимствовано из иранских языков), нп Сарыагаш 'барбарис или (местность), где растет барбарис', оз., курорт Мойылды 'черемуховое' и т. д. [Водчак—Попова, 1984, с. 172—181]. Обилие топонимов Павлодарской обл., восходящих к различным видам растительности, собрано в словаре В.Н. Поповой [Попова, 1994].

Самое распространенное дерево в горах Южной Сибири *тыт/дыт* 'лиственница'. И, естественно, это слово присутствует во многих географических названиях Тувы: реки Кара-Дыт, Дыт-Ой и Хем-Дыт, гора Дыт-Даг, нп Чараш-Дыт; на Алтае учтены названия около 20 объектов, из них 12 названий имеют форму с начальным *тыт* [Молчанова, 1979, с. 321—322]. Среди них р. Тытту-Ярык, р. Тытту-Кайа, р. Тыт-Кескен, с. Тытту-Кыр и др. В Хакасии находим нп Татагол (искажение от Тыттыгхол); в Якутии — нп Титтях. Ареал лиственницы на юге прерывается. Ее крайний южный предел — горы Пограничной Джунгарии. И дальше к югу и западу названия с *тыт/дыт* исчезают.

Если в горах Сибири «растительные топонимы» со словом *арча* единичны, то в горах Казахстана и Средней Азии они повсеместны. И в этом сказывается то же правило топонимической позитивности, так как *арча/арша* 'можжевельник' — обычное дерево в среднем поясе гор, где оно образует редколесья. Слово в разных формах *арс, арца* присутствует в русских диалектах, что отмечено В.И. Далем и СРНГ [1965, с. 278, 281]. Тюркские дериваты: *артыш, арчын, аршын, арша*. В русской географической и ботанической литературе — *арча*. Отметим, что башк. *арса* 'вереск'. Можно вспомнить Ала-Арча 'дачная местность', р. и ущелье в горах близ Бишкека; нп Кара-Арча в Ошской обл.; гора Арчалыбаш в Копетдаге; р. Аршалы и нп Аршаты в Казахстане; нп Артыш и р. Арчынлу на Алтае. Не сюда ли отнести и названия небольших рек Арша в Башкирии, оставшиеся без этимологии? [СТБ, 1980, с. 25]. В Туве нп Артыш-Тайга.

Слово *алма* 'яблоня' оставило глубокий след в тюркской топонимии. Сразу же вспоминается Алма-Ата (каз. Алматы) — столица Казахстана, название, связанное с реками, ее орошающими, Большой и Малой Алмаатинками. В средние века здесь был г. Алмату, который именовался также Алмалык. Много названий на обширных пространствах от Кавказа до Казахстана в формах Алмалы, Алмалык, Алмалу, Алмало, Алмала, Алмачи. Впрочем, укажем, что башкирский топоним Алмалы в СТБ [1980, с. 23] связывается с этнонимом.

Нередки географические названия со словом *кайынг* 'береза', оно получило широкое отражение в славянской топонимии, где образует длинный ряд в разных морфологических моделях. В тюркской топонимии: в Якутии нп Хатын-Юрях (из *хатынг* 'береза'). На Алтае учтено 38 названий с этим словом: Кайынг, Кайынду-Кыр, Кайынг-

Сыр, Кайынчи, Кайынг-Арты и т. д. [Молчанова, 1979, с. 195—196]. На Тянь-Шане есть пер. Каинг-Арт. В казахской топонимии продуктивность слова падает, тем более оно не получило отражения в пустынном Туркменистане (где *каинг* 'сосна'), зато в Горной Шории и Хакасии слово употребительно: рч. Казынгаштыг, оз. Хазынколь, р. Хазынозен, лог Хазынхол, гора Хазынтаг [Мельхеев, 1986, с. 127]. Интересно, что этот же автор в данный ряд включил и гидронимы Хатанга, Хатангский залив моря Лаптевых на севере Красноярского края (и производные — нп Хатанга, Хатангский район): «По долине этой реки живут долгане, и на их языке *хатанг* 'березовый'. Действительно, по долине этой мощной реки наиболее далеко на север заходят березовые леса из плосколистной и карликовой березы» [Мельхеев, 1986, с. 128]. В Чувашии В.А. Нестеров обнаружил названия оврага Хорнвар 'березовая долина', Хурануй 'поле с березой' от *хоран/хуран* 'береза'. Чуваш. *хорн* 'береза' получило отражение в поэтизированных топонимах: оз. Тюрюхорн 'стройная береза', овраг Майрахорн 'береза, как дама, ладная женщина', овраг Шорахорон 'белая береза' [Нестеров, 1980, с. 40 и 83]. В топонимии Татарстана много гидронимов Каинлы, в Башкирии — р. Кайнуй, форма, восходящая к слову *кайнӧй* 'березовая долина', а также Кайын-Елга, Кайынлык [СТБ, 1980, с. 83—84].

На Алтае протянулся Калбинский хребет. Он не высок, но массивен. Его название происходит от слова *калба* 'дикий лук'. В Сибири «черемша» — растение из луковичных, хорошо известное сибирякам, которые употребляют его как противоцинготное средство, напоминает по вкусу чеснок. Читаем у В.В. Радлова [Радлов, 1899, стб. 270]: *калба/калма* 'черемша, медвежий чеснок' (южносибирские тюрк. яз.). Естественно, что топонимические образования со словом *калба* встречаются на Алтае: Калбачак, Калбалу, Калбалу-Карасу, Калма-Кош. В р. Мана (пр. Енисея) впадает р. Колба (хакасский оригинал Холба).

Караганда — название областного центра в Казахстане — тоже фитотопоним. Казахский оригинал Караганды восходит к *караган* 'кустарниковая акация'. Интересно, что этот тюркизм попал в систематику растений. Латинское Caragana — род из семейства бобовых, насчитывающий десятки дикорастущих видов на громадных пространствах юга России и Украины, в Средней, Центральной и Восточной Азии. Тюрк. *карагана* отложилось в рус. *караганники* 'заросли из кустарников караганы из семейства акациевых'. Название этого кустарника присутствует во многих топонимах республики: Караган, оз. Карагандыкуль, Караганда, Карагандинское. На Алтае: Караганалу; в Туркменистане: Гараган и Гараганлы. В Туве: р. Чинге-Хараган, п-ов Хараганныг-Арыг.

карагач 'вяз, ильм'; *кара агач* 'черное дерево'. В разных тюркских языках это сочетание обозначает и другие виды: каз. «ольха», татар. «лиственница» [Шипова, 1976, с. 444]; алт. «подлесок, черный

густой лес», т. е. «черневая тайга» [Молчанова, 1979, с. 204]. Тюркизм *карагач* вошел в русский язык в значении «южный вяз». Топонимы встречаются в ареале от Молдавии до Алтая и Тувы в формах Карагач, Карагаш, Гарагач, Карагашты, Кара-Агаш.

Во многих тюркских языках *карагай* 'сосна, сосновый лес, бор', но в некоторых языках «ель». В.В. Радлов [Радлов, 1899, 2, стб. 151] указывает на казанское «лиственница». Первоначально, видимо, «хвойное дерево вообще». Г.К. Конкашпаев [Конкашпаев, 1963, с. 58] приводит шесть казахских топонимов в формах: Карагай, Карагайлы, Карагайбулак и др. Е.Койчубаев [Койчубаев, 1974, с. 119] добавляет Карагайты. О.Т. Молчанова [Молчанова, 1979, с. 205] обнаружила на Алтае топонимы Карагай, Карагайлу, Карагайлу-Арка и Карагайлу-Кобы. На Южном Урале, в Татарстане и Башкортостане топонимы этого ряда обычны. Есть они и в Кемеровской обл. и, наконец, в Хакасии, где отмечена форма Харагайтаг (от хакас. *харагай* 'сосна'), т. е. 'сосновая гора'. В Чувашии: Хырайкюле 'озеро в сосновом лесу'. Любопытно, что в ряде словарей (например, узбекского, туркменского языков) слово *ель* переводится как 'арча'. Однако кирг. *карагай* 'ель, еловый лес' подразумевает «горный лес» в отличие от *токой* 'лес на равнине, тугай'. И это показательно. На пустынных и полупустынных равнинах ели нет, а в горах Тянь-Шаня во многих местах, особенно на северных экспозициях, растет стройная и величественная ель Picea Schrenkiana, отдаленно напоминающая по кроне кипарис и заметно отличающаяся от европейской и сибирской таежной ели.

Якут. *бэстээх* 'сосновый' образовало имя нп Бестях. В татарском языке «сосна» — *нарат*, что сопоставимо с монг. *нарс* 'сосна'. И вот в Среднем Поволжье, на Южном Урале видим гидронимы: Наратастысуы, несколько раз повторяется Наратсазы-Йылгасы, Наратла в Татарии [Гарипова, 1984, с. 91], Наратйылга, Наратлы, Наратсокор в Башкирии [СТБ, 1980, с. 112]. То же слово *нарат* 'сосна' мы встречаем и в карачаево-балкарском языке вместе с топонимами Наратлы, Наратлытюз [Коков—Шахмурзаев, 1970, с. 103]. Для чувашской топонимии В.А. Нестеров [Нестеров, 1980, с. 40] приводит ряд названий со словом *хыр* 'сосна': овраги Хырвар 'сосновая долина', Хырсырма 'сосновый овраг'. Близкое по форме к чувашскому и якутское слово *харыйа* 'сосновый', отсюда нп Харыялах.

В русском языке хорошо известны слова *тал, тальник* 'кустарниковая ива, кустарники мелкой ивы'. Этимологи единодушно считают их давним заимствованием из тюркских языков, где *тал* 'ива, верба, ветка, прут'. Топонимическая продуктивность слова на громадных просторах нашей страны поражает. Не буду указывать на их локальность, приведу только неповторяющиеся формы. Ряд на *-ды*: Талды, Талды-Апан, Талды-Булак, Талдыарал, Талдыкудук, Талдысу, Талдыкум, Талды-Карасу, Талдынская (рус.), Талдысай, Талды-Су, Талды-Узек в Казахстане и Киргизстане, Талды-Курган — центр од-

ноименной обл. Алтайские формы на *-ду*: Талду, Талду-Айры, Талду-Доргун, Талду-Кöл, Талду-Суу. Ряд на *-лы*: Таллы, Таллы-Езен, Таллы-Кол. Формы без аффиксов: Талсуат, Талтерек, Талшилик в разных местностях. На территории России и Украины: Таловка, Тальное, Таловское, Таловый, Тальник, Тальники. Некоторые из них повторяются многократно.

В Словаре русских народных говоров [СРНГ, 1972, с. 43—44] указаны диалектные слова *джангыл/джингил* ‘тамариск’. Растение живет в большом ареале аридной зоны, переносит некоторое засоление почвы, обладает мощной корневой системой, позволяющей ему питаться грунтовыми водами. Слова заимствованы из тюрк. *джигиль/-жингыл/жингил* и более всего встречаются в географических названиях Средней и Центральной Азии; о казахских географических названиях Е.Койчубаев пишет: «Жингылды — название местностей во многих районах республики (чаще на юге). Буквально — тамарисковая» [Койчубаев, 1974, с. 102]. В Бухарской обл. у подножия гор Кульджуктау расположен поселок Джингильды. Туркменское географическое название восходит к двум формам: *жын(г)н(г)ыл* и *йылгын*, вторая доминирует: Джынгылсай и Йылгын, Йылгынлы, Йылгынлыгсыр, Йылгылыдепе, Йылгынлычай и т. д. [Атаниязов, 1980, с. 165 и 174].

Тополь — обычное дерево на обширных пространствах Евразии. В ДТС *teräk* и *toγraq* ‘тополь’, но нет слова *туранга/торанга* ‘тополь разнолистный’(Populus diversifolia); узбеки под турангой понимают другой вид, а именно — тополь сизолистный (Populus pruinosa), который у туркмен называется *петде*. Все эти слова получили отражение в топонимии.

Ряд на *терек*: Терек-Су и Терек-Сай в Ошской обл.; Терек-Су в Нарынской обл.; Терекли-Мектеб в Дагестане; Теректы в Джезказганской, Карагандинской, Семипалатинской и Теректы-Булак в Восточно-Казахстанской обл.; Теректу и Терек-Ой-Кара на Алтае; Бака-Терек в Киргизстане; Дерек, Дерекли, Дереклияп в Туркменистане; Уш-Терек, Булун-Терек, Теректиг-Хем и Коштерек в Туве. Следует исключить из этого списка Терек на Северном Кавказе, имя, связанное с р. Терек, а также топонимы на *тарак* ‘гребень’, например Тараклия в Молдавии. Г.В. Вахрушев название нп Тараклы в Башкирии переводит ‘осокоревая’, а Усаклы — ‘осиновое’ [Вахрушев, 1965, с. 115]. Впрочем, осокорь ‘черный тополь’ относится к тому же роду Populus (P.nigra) так же, как и осина (P.tremula).

Ряд на *туранга*: ущелье Торангылы в Ташаузской обл., мыс Торанглы, ур. Торангылык, п-ов Торангылы-Тубек, кол. Торангылыккудук в Казахстане; Торангылы повторяется несколько раз в Туркмении.

Ряд на *тограк*: географические названия этого ряда относятся к Центральной Азии. Их много в топонимии Таримской впадины. В указателе к атласу Центральной Азии Свена Гедина приведено 20 названий в формах Тограк, Тограк-Булак, Тограк-Чап, Тограк-Лянгар, Тограк-Мазар и т. д. [Farquhar и др., 1967, с. 80].

Ряд на *петде*: канал и нп Петдеарык, кол. Петдели в разных районах Туркменистана, нп Чохпетде там же; Паттакесарь в Сурхандарьинской обл. Следует заметить, что туркм. *петде* заимствовано из таджикского языка, где *петта* имеет более обобщающее значение ‘мелкий кустарник, поросль’. В Таджикистане много топонимических образований с этим словом.

Но есть еще слово *терек* в хакасском языке со значением ‘река’. В связи с этим любопытно определение в «Словаре географических терминов(...) Хакасской автономной области» [Бушуева—Волостнова, 1968, с. 40]: ‘тополь, тополиный’, но и «может выступать в качестве гидронимического термина». Новые материалы позволяют видеть в тюрк. *терек* и значение ‘река’. Ср. гагауз. *тера* ‘река’. Еще более двадцати лет назад А.В. Суперанская [Суперанская, 1968] отметила, что в гидронимах Ак-Терек, Кара-Терек, Уч-Терек в Киргизии, Иш-Терек в Среднем Поволжье следует видеть восстанавлимое значение ‘вода, река’. В современном балкарском языке *черек* ‘вода, река’. О былом значении *терек* ‘река, вода’ писали и другие авторы [Розен—Малолетко, 1986; Малолетко, 1992]. Ср. также др.-тюрк. *tera: tera-jeri* ‘долина, низина’ [ДТС, 1969, с. 553]. Наиболее полно сказано о термине *терек* ‘река’ у Т.Нафасова [1989, с. 45—48]. На гидронимических примерах Средней Азии, Казахстана, Сибири он показал широкое распространение этого слова в терминологических и топонимических сферах. В карлукском диалекте южной части Узбекистана *дарак* ‘запруда, место разделения арыка на потоки воды’. *Дарак* на равнине соответствует слову *терак* в предгорьях. У Махмуда Кашгари *терин(г)ак* ‘просачивающаяся вода, родниковая вода (карасу)’. В языках Поволжья *терек* ‘река’ как булгарское наследие. По Нафасову, в Средней Азии *терек* ‘родниковая вода, небольшой поток воды, арык, канава, запруда’. Ареал, нарисованный им, охватывает Крым, Поволжье, Среднюю Азию, Казахстан, Кавказ. Гидронимы с *терек* часты на Алтае, в Хакасии. На Северном Кавказе: р. Терек, Черек-Балкарский, Черек-Безенгийский. Однако все сказанное здесь не исключает участия слова *терек* ‘тополь’ в образовании тюркских географических названий.

Слово *урюк* ‘высушенные плоды абрикоса с косточками’ вошло в русскую лексику как новое заимствование. Тюрк. *ürük* ‘абрикос’; Э.В. Севортян [Севортян, 1974, с. 291—292] приводит разные формы: *арик, орик, ерик, örük, arik* ‘косточковый плод вообще: слива, абрикос, персик’, а в телеутском диалекте алтайского языка *ӱрӱк* ‘кедр’. Из названий отметим: нп Эрикдере в Азербайджане, нп Урюкты в Иссык-Кульской и Ошской областях. В Таримской впадине течет р. Урюксу; на Южном Урале есть гидроним Урюк в бассейне р. Белой. Однако в Словаре топонимов [СТБ, 1980, с. 161] это слово сопоставляется с башк.-булгарским *ӱрек* ‘долина, ложбина’

и приводится башкирское соответствие *ўзек*, что, видимо, справедливо.

Хорошо известно на Востоке и любимо человеком дерево чинара (платан), растущее в оазисах Кавказа и Средней Азии, название его не могло не сказаться на топонимии: нп Карачинар, гора и нп Чинар, нп Чинартала, Чинарлы, Чинарлар [Бушуева, 1971, с. 156]; нп Чинорлык в Кашкадарьинской обл. Р.Х. Халимовым [Халимов, 1966] отмечен источник Чинорбулак. В Таджикистане — нп Бешбулакчинар. Заметим, что в тюркских языках Сибири это слово неизвестно, там платан не культивируется, к тому же оно заимствовано из иранских языков, почему географические названия с *чинар* нередки в Таджикистане, Иране, Турции. В Киргизско-русском словаре К.К. Юдахина [Юдахин, 1965, с. 888] указано: *чынар* 'чинара, горный тополь' с пометой «ир.» (иранизм). Однако др.-тюрк. *čarun, čünük, šenük, šünük* 'платан, чинара' [ДТС, 1969, с. 141, 158, 522, 525] почти все со ссылкой на Махмуда Кашгарского.

Слово *ирга* 'кустарник Cotoneaster' имеет широкий ареал. В русском языке под иргой понимают разные растения, имеющие внешнее сходство, но отнюдь не близкородственные в систематическом аспекте. У В.В. Радлова [Радлов, 1893, стб. 1371]: *ыргал* 'жимолость', родовое название Lonicera; у В.И. Даля [Даль, 1912, 3, стб. 110] 'дерево или куст Mespilus или Cotoneaster'. М. Фасмер [Фасмер, т. 2, 1967, с. 132] говорит о кустарнике Amelanchier и указывает: «Из монгольского *irgai*, калмыцкого *jarga* — кустарник с очень твердой древесиной». Следует сказать, что ни в Этимологическом словаре тюркских языков, ни в Древнетюркском словаре этого слова нет. Следовательно, видимо, представляется логичным мнение М.Фасмера о заимствовании слова *ирга* из монгольского языка. Известны гора и нп Ыргайлу на Алтае, нп Верхняя Ирга в Свердловской обл., ущелье Ыргайлы в Копетдаге, Иргакли в Ногайской степи в Дагестане, в Синьцзяне гора Иргайлыбаши. К.К. Юдахин отмечает кирг. *ырга* и *ыргайты* 'место, где произрастает ирга' (сохранилось только в топонимике) [Юдахин, 1965, с. 936]. Л.В. Дмитриева [Дмитриева, 1972] приводит якут. *ыарга* 'кизил'. Но этот кустарник распространен только на юге — в Крыму, на Кавказе, на юго-западе Украины, Молдавии, на Балканах, в Малой Азии. Он не переносит холода. В Сибири его нет. В данном случае, видимо, *кизильник*, опять же 'ирга'.

И еще хорошо известное и нам слово *саксаул* 'древовидное растение Haloxylon,' характерное для песчаных пустынь Средней и Центральной Азии. Из каз. *сексеуил/seksevil*, узб. *саксовул*, туркм. *сазак: агсазак* и *гарасазак* 'белый и черный саксаул'. Помимо этих двух видов саксаула есть еще третий — зайсанский. Его ареал простирается от восточной части Казахстана до Джунгарии и Монголии включительно. Хозяйственное значение саксаула трудно переоценить. Его ветки и стволы — лучшее высококалорийное топливо, а мелкие ветки с мягкими иголочками (рудименты листьев) — прекрасный

корм для верблюдов. Естественно, что эти названия пустынных растений отложились в топонимии: нп Саксаульский в Кзыл-Ординской обл. «Сексеуил (русский перевод Саксаульный или Саксаульная) — названия поселков в нескольких областях республики. От казахского *сексеуил* — пустынное дерево, пригодное для топлива» [Койчубаев, 1974, с. 199]. У В.В. Радлова [Радлов, 1911, стб. 444] слово *сäксäўл* помечено только как казах., но есть киргизское соответствие *сöксööл* [Юдахин, 1965, с. 599]. Слово *сазак*, кроме туркменского, в других тюркских языках не обнаружено. В словаре С.Атаниязова [Атаниязов, 1980, с. 243—244] перечисляются топонимы: Сазаклыбулак, Сазаклыдепе, Сазаклыой, Сазакяп.

В песчаных пустынях Азии есть некоторые растения, особенно ценимые скотоводами-кумли, т. е. жителями песков, из-за большой кормовой ценности, а также используемые в качестве топлива или как крепежный материал для облицовки стен колодцев. Названия таких растений получили отражение в наименованиях аулов, колодцев, оюков, т. е. приметных знаков для ориентации в пустынях. Так, слово *илак* 'малорослая песчаная осока эфемероид Carex physodes' (прекрасный корм для мелкого рогатого скота) образовало топоним Илаклыжа (в северной части Туркменистана). Верблюжья колючка Alhagi sp., тюрк. *янтак/жантак/яндак*, растущая по окраинам оазисов или по окраинам пойм при некотором засолении почв, — важное кормовое растение для верблюдов. В Туркменистане насчитывается много топонимов: Яндаклы, Яндаклыагыз, Яндаклыбурун, Яндаклык, Яндаклытакыр; в Казахстане: Жантак, Жантаклы.

Сюзен/сöзен 'песчаная акация, древовидный кустарник Ammodendron sp', гибкие ветви которого идут для крепежа стенок колодцев. Это слово образует топонимы Сюзенли, Сюзенлиой. Пионером, появляющимся на оголенных перевеваемых песках, оказывается растение *селин* — Aristiga. В Каракумах есть колодец Селинли. Кустарник *кандым* — Calligonum формирует топонимы Гандымгала, Гадымлы, Гадымлыгыр в Туркменистане.

Среди псаммофитов, т. е. растений, приспособленных к песчаному субстрату, обычны в пустынях формации черкезников из рода солянок. С. Атаниязовым перечислены четыре туркменских названия в формах Черкезкöл, Черкезли, Черкезлибейик и Черкезлигум.

Было бы несправедливо забыть полынь (много видов), тоже кормовое растение зимой, когда мороз убивает ее горечь. Др.-тюрк. *jemšan*, каз. *жусан*, туркм. *жузгун/джузгун*. Полынь избегает песчаных почв, предпочитает плотные глинистые или суглинистые почвы, что характерно больше для равнин Казахстана, где находим топонимы: равнину Жусандала, нп Жусандыой в Западно-Казахстанской обл., бугор Жусантобе в Кзыл-Ординской обл. [Титова, 1960, с. 22]. Е.Койчубаев добавляет: «Жусанды — названия многочисленных степей, урочищ. От казах. *жусан* 'полынь' и суффикса *-ды*: 'полынное'» [Койчубаев, 1974, с. 105]. Т.В. Водчак и В.Н. Попова пишут: «Так

обозначение какого-либо объекта словом *жусанды* ‘полынный’ информировало скотовода о том, что в данной местности следует осенью выпасать овец, которые в этом случае будут быстро прибавлять в весе» [Водчак—Попова, 1984, с. 173].

Русское слово *камыш* — явный тюркизм, оно нередко объединяет два растения, связанных с местами избыточного увлажнения: камыш из семейства осоковых и тростник из семейства злаковых. Камышей в нашей стране насчитывается около 30 видов, а тростник представлен одним видом, но занимает огромную площадь. В тюркских языках эти два растения обозначаются также одним словом; в ДТС (с. 415—416) дается *qamïš, qamuš* ‘тростник, камыш; заросли тростника, камыша’. В русских диалектах тюркизм отразился еще в словах *камышатник* ‘заросшее озеро, ставшее низинным болотом в Центрально-Черноземных областях’, а в Сибири *камышло* ‘камышовые заросли, топи, плавни, тростниковые болота’. Слово *камыш* оказалось на редкость продуктивным в номинации населенных мест, озер, рек в России, на Украине, в Молдавии, на Кавказе и в Закавказье, Поволжье, на Урале, Алтае, в Средней Азии, Казахстане. Список собственных названий, образованных со словом *камыш*, занял бы много места, их сотни. Из тюркских топонимов отметим только большое оз. Сарыкамыш в глубокой бессточной впадине в Туркменистане, дно которой расположено ниже уровня моря. Чуваш. *хамаш* присутствует в названии оврага Хумашвар [Нестеров, 1980, с. 45]; якут. *хомус* в названии нп Комустах [Самсонов, 1981, с. 94].

Слово *арпа* ‘ячмень’ отложилось в названиях: нп Арпа в Самаркандской обл.; р. Арпа, Арпа-Теркур в Киргизстане; гора Арбайта на Алтае; р. Арбаты — приток Абакана и хр. Арбатсыны в Хакасии; р. Арпа течет в пределах Армении. Ее воды большим каналом в тоннеле перебрасываются в оз. Севан. Канал получил название Арпа-Севан. Пограничная с Турцией р. Арпачай, она же в Армении — Ахурян. В Туркменистане горы Арпадаг и Арпаэкилен; в Киргизстане урочище Арпа-Кокту и Арпа-Тектыр, Арпа-Кыя. В Ростовской обл. нп Арпачин на р. Дон. Чуваш. *орпа/урпа* отложилось в топониме Арпшны [Нестеров, 1980, с. 45]. В Башкирии оз. Арапакуль. За рубежом: нп Арпалык в горах Куньлуня в Синьцзяне, нп Арпалы в Трабзоне в Турции и р. Арпачай в бас. Кызылузеня на северо-западе Ирана.

Слово *бугдай* ‘пшеница, хлебный злак, вообще колос’ также представлено в топонимии: нп Бугдайлы в Прикаспийской низменности и впадина Бугдайлыой в Туркменистане; нп Бугдайлы на самом западе Турции. Обращает внимание большая продуктивность слова *арпа* и малая — слова *бугдай* в топонимических образованиях. Понять это можно, если учесть, что в ареале тюркоязычных народов преобладают горы и засушливые равнины, где пшеница чувствует себя неуютно и далеко не всегда может созревать, для нее нужны более длинный вегетационный период и бóльшее увлажнение. Ячмень же

менее прихотлив. Не случайно верхняя граница произрастания культурных растений в горах образована именно ячменем. На этом примере прекрасно иллюстрируется топонимическая позитивность.

Из злаковых, названия которых получили отражение в топонимии, отметим растение *чий*. Слово *чий* ‘чий блестящий’ — Lasiagrostis spendens — вошло в русский язык и ботаническую номенклатуру. Чий растет в Средней Азии, Казахстане, южной части Сибири, Монголии. Обычно встречается в полупустынных впадинах с близким залеганием грунтовых вод, хорошо переносит несколько засоленные почвы. Его жесткие стебли используются для изготовления циновок, а молодыми побегами питаются домашние животные.

В топонимии: г. и р. Чиили в Казахстане.

Слово *кендыр* — тоже тюркизм, оно присутствует во многих тюркских языках в значениях ‘конопля, лен, пенька, грубая ткань’. В ДТС (с. 298): *kendir* ‘конопля’. Оно отмечено в венгерском *kendir* и румынском *chendir* [Дмитриев, 1962, с. 537]. Это волокнистое растение Apocynum образует в отдельных урочищах сплошные заросли. И конечно, такие места получили отражение при их номинации: р. Кендырлик — приток оз. Зайсан и одноименный нп на реке, залив Каспийского моря Кендырли, остров Кендырли на Аральском море, гора Кендырлык-Тас на юге Казахстана (на север от Бишкека) и книжное название Кендырли-Каясанское плато (Степной Мангышлак); в Туркменистане нп Кендирлик (повторяется в разных местах); на Алтае Кендирлу (тоже с повторами). Однако отметим, что конопля в кирг. *наша*, узб. *наша, каноп*. Первое из них заимствовано из араб., второе — из тадж. *каноб* ‘конопля’. Эти слова непродуктивны в топонимии Средней Азии.

С толкованием топонимов, отражающих названия отдельных видов животных, следует быть осторожным. Многие из них в прошлом были тотемами тюркских племен и нередко формировали этнонимы, прозвища или антропонимы. Как и где провести грань между ними? А.Н. Бернштам [Бернштам, 1946, с. 83—84], анализируя особенности общественного развития орхоно-енисейских тюрков, пишет, что у них тотемными животными были *огуз* ‘бык’ и *бöрÿ* ‘волк’. Легенда говорит о том, что их предки были вскормлены волчицей. Не случайно кирг. *бöрÿ* оказывается положительным эпитетом богатыря [Юдахин, 1965, с. 153]. Такие слова, как: *бугу* ‘олень’, кирг. *кочкор* ‘баран-производитель’, *бÿргÿт/бÿркит* ‘беркут’, *джолбарс* ‘тигр’, *тургай/торгой* ‘жаворонок’, *кус/куш* ‘птица’, *аюу/аю* ‘медведь’, *марал* ‘благородный олень’, *теке* ‘горный козел’, *азгыр* ‘жеребец’, *булан/булун* ‘лось’ и др., могут участвовать в образовании различных географических названий и восходить: 1) к зоологическим апеллятивам; 2) к тотемам; 3) к личным именам и прозвищам; 4) к этнонимам. Поэтому в объяснении отдельно взятого географического названия в ряде случаев заранее запрограммирована ошибка. Ср., например, *ар-*

слан ‘лев’, Арслан, Арсланбек — личное имя. С чем соотносится Арслановo?

Тюрки всегда были страстными охотниками. Попытаемся на нескольких примерах показать «зоологические» географические названия, которые информируют о наличии тех или иных животных и их промысловой ценности.

В узбекском языке рус. *лось* переводится как ‘лось’, между тем «лось» в др.-тюрк. — *bulan.* Лосей нет в Средней Азии и не было в обозримом прошлом, хотя топоним Булон и Булонти говорят об обратном. Видимо, здесь нужно думать об этнотопониме. На Алтае и в Северном Казахстане слово *булан* присутствует во многих топонимах: гора и нп Буланак, нп Устиги-Буланак, оз. Буланду-Коль, р. Буландык, лог Булан-Кобы и Алтыгы-Булан-Кобы [Молчанова, 1979, с. 165]. В Туве: р. Булан-Бур, пер. Булан-Бук, о. Холдуг-Булан [Волостнова—Тюрин, 1971, с. 29], оз. Пуланколь в Хакасии. К.Конкобаев [Конкобаев, 1980, с. 97] указывает на наличие в Киргизии горы Минтеке — букв. ‘тысяча диких козлов’, перен. ‘обилие козлов’, гор Аю-Тер ‘медвежье высокогорье’ и Ителги ‘соколиная’; пещеры Джолбарс-Ункур ‘тигровая пещера’ (еще в начале XX в. тигры обитали в Туркестанском крае, ныне они не сохранились), гор Аю-Бет ‘медвежий склон, склон, на котором живут медведи’ и Уларлу ‘где много уларов, горных индеек’.

Т.Нафасов [Нафасов, 1968, с. 19] приводит названия животных в топонимии Кашкадарьинской обл.: Тилкихона, где *тилки* ‘лисица’ (*хона* ‘помещение, жилище, комната’, ср. *чайхана*), Каптархона, где *каптар* ‘голубь’, Бургутлик ‘беркутовое’, Жайрахона, где *жайра* ‘дикобраз’, Бурихона ‘волчье логово’, Илондара ‘змеиное ущелье’.

В Чувашии Сленьсирма ‘змеиный овраг’; в словаре С.Атаниязова [Атаниязов, 1980, с. 173] названия с компонентом *йылан* имеют восемь морфологических вариантов, из которых преобладающий — Йыланлы. На Алтае также немало названий со словом Йыланлу. В Хакасии лог Чылан-Озен.

Б.К. Ондар, исследуя гидронимию Тувы, писал о том, что «названия таких важных промысловых животных, как *киш* ‘соболь’, *дилги* ‘лисица’, *дырбактыг* ‘рысь’, совсем не нашли отражения в гидронимии. Видимо, в данном случае имеет место широко распространенное табуирование на слова охотничьего промысла» [Ондар, 1984, с. 6—7]. На Алтае примерно такая же картина. В большом топонимическом словаре О.Т. Молчановой [Молчанова, 1979, с. 221] обнаружено гнездо на слово *киш* ‘соболь’: Киштy, Кыштее, Киштэ, Ште и др. ‘с соболями, имеющий соболей’. Это названия реки, водохранилища, горы, долины. В Туве священным животным считался и *адыг* ‘медведь’. Но табу распространялось не на все виды промысловых животных и не у всех тюркоязычных народов. То же слово *тилки* ‘лисица’ представлено в топонимии Туркменистана многими названиями. Среди них Тилкибурун, Тилкидепе, Тилкитуран, Тилкияп и др.

[Атаниязов, 1980, с. 268]. А в Чувашии отмечено несколько топонимов со словом *оба/уба/упа* ‘медведь’: Обакюли, Убаварь, Обасирма, Уба [Нестеров, 1980, с. 49]. Названия таких животных, как *киик, теке* ‘горный козел’, *елик/илик* ‘косуля’, *ат* лошадь’, *балык* ‘рыба’, *бийе/бие/бия* ‘кобыла’, *коч/гоч* ‘баран’, представлены в тюркской топонимии в достаточном количестве. Слово *балык/палык*, чуваш. *пула* ‘рыба’ в разных фонетических формах присутствует во всех тюркских языках, и, кажется, всюду есть топонимические производные от него: Балыклы, Балыктыг, Палыкташ, Балыкса (из Палыксуг), Балыглычай, Балыкту, Кара-Балык, Балыклылар, Балыксу и т. д. — все названия относятся к водным объектам, переносятся и на населенные пункты. Любопытен тавтологический гидроним Чертаная Щучка в Чувашии [Нестеров, 1980, с. 48]. Нарицательные *коян, таушан, толай* ‘заяц’ также получили отражение в топонимии. В Казахстане гора Коянды, в Крыму ур. Таушанбазар под пер. Ангарбогаз. И в Якутии топонимы с названиями животных выявляются достаточно четко: нп Сасыл-Сысы от *сасыл* ‘лиса’, Маягас от *майагас* ‘сиг, сиговый’, Хатыстах от *хатыс* ‘осетр, осетровый’ [Самсонов, 1981, с. 93—94].

Смешение зоологического апеллятива с этнонимом можно наблюдать на примере слова *коин/гоюн* ‘овца’. Топонимы, восходящие к ним, часты, что понятно, учитывая экономическое значение овцеводства у кочевников. Тотемом у тюркских народов был не только *öгüз* ‘бык’ или *бöрү* ‘волк’, но нередко и баран — онгон плодородия и изобилия. М.Сейидов [Сейидов, 1973, с. 75—76] указывает на связь азербайджанских географических названий Аггоюнлу и Гарагоюнлу с онгоном — тотемом *гоюн/коин* ‘баран’. И в Иране есть нп Каракоюнлу по названию «туркменского племени, из среды которого вышла династия, правившая в западном Иране с 1410 г. до 1468 г.; название рода шахсевенского племени, живущего в Иране; буквально ‘черные бараны’» [Савина, 1971, с. 102], более правильный перевод ‘имеющие черных баранов’.

Слово коюн/гоюн ‘овца’ находим в топонимах Туркменистана: Гоюнгуйма, Гоюнгуйы, Гоюнгум, Гоюндепе, Гоюнели, Гоюнджи, Гоюнлы и т. д. [Атаниязов, 1980, с. 88 и 109—110]. Этнонимическим значением обладают и топонимы ряда: Каргалык, Гаргалы, Каргакупри от *карга* ‘ворона’.

Чувашия бедна промысловой фауной, но «зоологические» географические названия и здесь обычны: овраги Кашкарсирмы и Кашкарбусы, Кашкархапки, р. Кашкар, в которых *кашкар* означает ‘волк’; овраг Планы от *палан* ‘олень’, р. Кондурла и Хондурла от *хондур/кондур/хантар* ‘бобр’, овраг Пушвар от *пурш/пураш* ‘барсук’, овраги Оневарь ‘коровья долина’ и Вакарсирма от *вакар* ‘бык’, овраг Кувактагасирми ‘овраг серого барана’ (ср. тюрк. *теке* ‘горный козел’) и др. По частоте упоминания «первое место в топонимии с образами животных принадлежит козе» [Нестеров, 1980, с. 50], однако это

утверждение не подкреплено конкретными примерами. Автор отмечает определенную закономерность в чувашской номинации: «Названия по флоре и фауне выступают как уточняющая характеристика местности — дополнительно к рельефу. Подчиненное положение первых по отношению к объектам рельефа выражено в том, что большая часть топонимии по флоре и фауне сформулирована как описание конкретного оврага, реки, озера, поля и т. д.» [Нестеров, 1980, с. 51].

Любопытно, что львов в Поволжье никогда не было, но есть урочище Уруслан, что восходит, по мнению В.А. Нестерова, к чувашской мифологии. А может быть, к личному имени Арслан, как, например, в башкирской топонимии? Ср. русские имена Руслан и Лев.

Ф.Сатимбеков в ряде статей [Сатимбеков, 1969, с. 278—281; 1970, с. 111—114; 1981, с. 242—247; 1982, с. 79—84] показал, как при помощи топонимического метода можно восстановить ареалы обитания некоторых исчезнувших видов животных: «Для того чтобы не впасть в ошибку, каждый зоотопоним приходится тщательно изучить и сопоставить с физико-географическими особенностями местности, с данными археологии, литературы и устным творчеством народа. В общем, изучение имеет комплексный характер, но особенно бывает важно восстановить прошлое ландшафта, так как в противном случае некоторые зоотопонимы кажутся бессмысленными» [Сатимбеков, 1969, с. 279]. Исходя из этого, автор собрал, локализовал 420 зоотопонимов на территории Казахстана. Его внимание особенно привлекли исчезнувшие или исчезающие в республике животные: кулан, лось, бобр. Первый из них еще недавно не числился в списках копытных Казахстана. В 1953 г. эти красивые копытные были завезены на аральский остров Барсакельмес. Так был создан куланий заповедник, и так началось восстановление его стада. Однако 110 названий на карте: Кулантау, Кулансу, Кулансай, Кулантюбе, Куланасу, Куланды, Куланшат, Кулансаз, Кулануткель и др. — говорят о широком его распространении в прошлом. Отметим Куланкорых 'куланий заповедник' в долине Таласа, что говорит об охране животных, их воспроизводстве. По «ископаемым» топонимам удалось воссоздать ареал кулана, который обитал почти на всей казахской земле. Отметим также р. Кулан в Башкирии от *колан* 'кулан' [СТБ, 1980, с. 92].

Слово *булан* 'лось' оставило следы в топонимии Казахстана в количестве 41 названия, из которых 35 казахских: Булансай, Булантай, Буланай, Булан, Буланы, Буланье, Булансубулак, Бландыкум и др.; от монг. *хандагай* 'лось': Кандагатай. В начале XX в. лося не было в Казахстане, сейчас в небольшом количестве он обитает, но только в северной части, куда проник из соседних областей Сибири. В далеком прошлом лось был обычен и в Казахской степи, Казахском мелкосопочнике, где произрастали широкие приречные тугайные леса. Лось никогда не заходил в пустыни и в Семиречье на юг от Балхаша. И здесь «лосиных» топонимов не обнаружено.

Бобров в 1982 г. на р. Урал в Казахстане насчитывалось 500 особей. Между тем, Р. Сатимбеков обнаружил более 40 географических названий со словом *кундыз* 'бобр'. Бобры — грызуны, живущие в реках. И топонимы, естественно, привязаны к Уралу, Эмбе, Нуре, Тоболу, Ишиму, Иртышу, к горным долинам Чингизтау, Тарбагатая, Джунгарского Алатау, рекам Джетысу. Только в бассейне Нуры, в Центральном Казахстане, сохранились названия: Кундызды, Улькен-Кундызды, Кши-Кундызды, Бекагаш-Кундызды, Арал-Кундызды. В бассейне Эмбы есть р. Кундызды. Здесь были найдены кости бобра. В настоящее время ведется успешная акклиматизация бобра по многим рекам республики, особенно в Маркакульском заповеднике в Восточно-Казахстанской обл.

В тюркских и монгольских языках известно слово *мал* 'скот, домашние животные', но также 'имущество, богатство, ценности'. Пока обнаружено немного топонимов, восходящих к нему, может быть, потому, что скотоводство было обычным занятием и широко распространено у тюркских народов, а может быть, и потому, что слово *мал* сравнительно поздно попало в тюркские языки из арабского. Отметим р., нп Малояз 'поляна скота' в Башкирии [СТБ, 1980, с. 103]; нп Малян 'сторона со скотом' и, через производную форму, р. Малчы 'пастух, скотовод' на Алтае [Молчанова, 1979, с. 260]. Ф.Г. Гарипова [Гарипова, 1984, с. 85] приводит гидроним Мал чокыры йылгасы в Татарстане.

Ландшафтные топонимы отражают синтетические картины природы, природные комплексы, они как бы обобщают все физико-географические компоненты, а также характер воздействия на них хозяйственной деятельности человека. Можно утверждать, что пустыни и степи на равнинах, горные пастбища в результате многовекового выпаса домашних животных ныне существенно отличаются от первоначальных по составу растительности. В русский язык заимствованы несколько ландшафтных географических терминов — тюркизмов. Среди них *тайга* стал международным. Меньшей известностью пользуются *яйла/джайляу, урман/орман* (урманные леса), *тугай/токой, алас*, о которых пойдет речь ниже. Многие тюркские термины, характеризующие природные комплексы, стали достоянием русского языка или отмечены в русских географических словарях и региональной литературе.

В тюркских языках понятие «лес» передается разными словами. Помимо указанных *агач, орман/урман* в ДТС [ДТС, 1969, с. 103] отмечено *bišä* 'лес, роща' как заимствование из иранских языков. Отсюда азерб. *мешä* 'лес'; гагауз. *меша* и тур. *meše* 'дуб'. Известное тюрк. *таг/даг* в крым.-татар. имеет значение 'лес, гора'; в гагауз. *да* 'лес', в якут. *тыа* 'лес'. Карач-балк. *чегет* 'лес'; кирг. *чер* 'густой дремучий лес, чаща, непроходимые заросли'; якут. *тит* 'лиственница, лес' и *ойгур* 'густой лес, дремучий, тайга', якут. *ой* 'отдаленный лесок в поле' (ср. монг. *ой* 'лес, бор, роща'). Кирг. *жан(г)ел*, туркм.

женн(г)ель ‘лес, заросли’, узб. *дарахтзор* ‘роща, лесистое место’ заимствованы из иранских языков [Дмитриева, 1972]. Этимологию слова *тайга* этот автор возводит к *таг* + *ой* ‘горный лес’, что в целом соответствует географической реалии [Дмитриева, 1971]. Все эти ландшафтные термины активны в топонимии, что подтверждается многими собственными названиями, присутствующими на страницах этой работы.

алан ‘поляна, поле, открытое место, луг, целина’. В русских диалектах центральных областей России *алань* ‘безлесное степное место, урочище, удобное под пастбище, сенокос’. Более широко в русских диалектах распространено слово *елань*, связанное с *алан* ‘поляна, поле, пашня, пастбище, прогалина в лесу, луг’. В русском много других форм: *еланка, еланчик, еланок*. В Туркменистане нп Дашлыалан, Алань в Татарии, оз. Жаланаш в Казахстане, р. Яланец в бассейне Южного Буга, оз. Аланкуль в Омской обл., р. Елань и нп Большой Елань в Пензенской обл., р. Малая и Большая Елань в Тамбовской обл., нп Елань в Читинской, Кемеровской, Куйбышевской и Тюменской областях.

алар ‘лесная роща, колок, лесок среди степи; остров’. Слово известно в русских диалектах Восточной Сибири. Сопоставляют с тюркско-монг. *арал* ‘остров’. В топонимии: нп Алар, р. Алар, Аларская степь в Иркутской обл., нп Алар в Якутии.

алас ‘поляна, луг, открытая небольшая равнина’. Это якутское слово вошло в географическую литературу в значении «плоская неглубокая впадина с лугово-степной растительностью, нередко с озерами на дне». Здесь обычно хорошие пастбища и сенокосы, торфяно-глеевые почвы, используемые под пашни. Географы говорят и пишут: «аласный, аласно-озерный ландшафт, аласно-долинный рельеф». В словаре И.С. Щукина «алас — плоскодонная котловина от десятков метров до нескольких км в диаметре, образующаяся при вытаивании подземных льдов в областях развития многолетней мерзлоты» [Щукин, 1980, с. 19]. Аласы часто заняты озерами, болотами или лугами. Широко распространены в равнинных частях Центральной Якутии. Ср. кирг. *аласа* ‘низкий’.

В.В. Радлов [Радлов, 1893, т. 1, стб. 760] отмечает татарское слово *ärämä* ‘мелкий и частый кустарник’. Отсюда рус. *урема* ‘лес, густой кустарник по поймам рек, озер’; ‘влаголюбивое растительное сообщество на поймах низких террас’; ‘речная пойма, заросшая лиственным лесом, лугами, тростниками’. В Поволжье, Заволжье, на Дону «прибрежные, у рек, густые заросли ив и высоких травянистых растений». В Татарстане и на р. Урал также — «заливная низменность у русла реки». В Западной Сибири — «сфагновое болото с сосной и кедром». В Северном Казахстане *рема* помимо значения ‘лес на пойме’ также ‘низкое и топкое место в балке, в овраге, где развиты кустарниковые заросли’.

Слово *ачык* ‘поляна, открытое место, луг среди леса’ присутствует в ряде алтайских названий: р. Ачык, гора Ачыктуу. Перекликается с *ашыг* ‘межгрядовые понижения’ в Волго-Уральских песках, где сосредоточены степные пастбища и даже местами сенокосы. Основное значение «открытый, ясный, чистый». Ср. др.-тюрк. *ačïq* — то же. Ср. алт. диал. и тув. *ажыг* ‘открытый, открытое место, поляна’ и названия р. Ажыг и гора Ажыг-Тайга в Туве [Молчанова, 1979, с. 118]. Не следует смешивать с *ačïg* ‘горький, кислый’: Ачиккуль ‘горькое озеро’ в Куньлуне.

балкаш/палгаш ‘болото, грязь, ил, кочковатая топь’ употребительно в Южной Сибири. Г.К. Конкашпаев [Конкашпаев, 1951, с. 9] пишет, что это слово было и у казахов, но ныне в живой речи оно не употребляется, а сохранилось только в топонимии: известны большое оз. Балхаш и одноименный город, а также Балхашино в Казахстане; гидронимы Балгаштыг и Балгаштыг-Хем в Туве; на Алтае: долина Балкажак, р. Балкачак, река, гора и нп Балкаш, Балкашту, р. Балкашту-Айан ‘глинистая поляна’, гора, нп Балкаш-Тайгазы ‘глинистое плоскогорье’ [Молчанова, 1979, с. 148]. Этимологически связано с *балчуг, балчык* ‘грязь, болото’.

дашт/дешт ‘степь, равнина, степь на плоском участке в горах; каменистая щебнистая пустыня’ — широко распространенный географический термин в иранских языках. Последнее значение перекликается с араб. *хамада/гамада*, словом, вошедшим в научную литературу всего мира. *Дашт/дешт* употребляется в тех же значениях в тюркских языках Средней Азии, Азербайджана, Казахстана. В Поволжье, на Урале, в Сибири не встречается. Семантика в разных местах оказалась несколько отличной от исходной. Так, в Туркменистане: «каменистая пустыня на склонах в верхнем поясе Копетдага, где расчленение рельефа достигает значительных размеров». Вспомним известный исторический топоним Дешт-и-Кипчак (рус. Половецкая степь), что говорит о сравнительно давнем заимствовании. Арабский путешественник Ибн-Батута (XIV в.) писал о равнине Дешт между Крымом и Волгой: «Степь эта зеленая, цветущая, но нет на ней ни дерева, ни гор, ни холма, ни подъема» [Заходер, 1962, с. 113]. В горах Копетдага нп Дешт. В Азербайджане пустынная Муганская равнина именуется Даштимуган. Дашт в Кашкадарьинской обл., Даштакиболо в Самаркандской обл., Даштегаз в Сурхандарьинской. Пески Каракумы в некоторых мусульманских источниках фигурируют как Даштихоразм, т. е. Хорезмские.

Общеизвестна пустыня Каракумы. Это тюркское имя в русском языке употребляется с показателем множественного числа *-ы* — единственный пример в номенклатуре названий пустынь. Аккум, Кызылкум, Таукум, Сарыкум, Кум, но почему-то Приаральские Каракумы? Еще можно понять, когда р. Кум на Северном Кавказе в русском языке получила форму Кума, так как слово *река* — женского рода. Форма Каракумы — это традиция, уходящая в XIX в. Первоначально

Каракумы не собственное название, а ландшафтный термин: «песчаная пустыня, поверхность которой закреплена разнообразной растительностью». Таким образом, нарицательное *каракум* расшифровывается как «тип песчаной пустыни, где процессы дефляции сведены к минимуму, если только ее поверхность не потревожена человеком». Ведь именно пески типа *каракум* оказываются наиболее благоприятными, «хорошими» для скотовода-кочевника: здесь продуктивные пастбища для верблюдов и мелкого рогатого скота, много топлива, в межгрядовых понижениях относительное безветрие. Гораздо более суровыми оказываются пустыни глинистые, каменистые, особенно на плоских плато, подверженных жестким ветрам, и солончаковые.

Под словом *кобу/гобу* азербайджанцы понимают разнообразные формы эрозионного рельефа: русло, долину, борозду, овраг, яму, след временного водотока, рытвину и т. д. Отсюда Гобустан, физико-географический район Азербайджана, сильно расчлененный оврагами и руслами (см. [Юзбашев, 1966, с. 23]). Поэтому можно говорить о природном комплексе сухих, изрезанных эрозией, неудобных для земледельческого освоения земель, о своеобразном типе ландшафта. Азерб. *кобу/гобу* соотносится с другими тюркскими словами *коба, кобы*, восходящими к др.-тюрк. *qobï* 'полый, пустой', о которых уже была речь. А.И. Алиев [Алиев, 1975, с. 16] находит несколько топонимов на западе Азербайджана: Ганлыгобу, Галанынгобусу, Кульмамедгобусу, а сам термин *гобу* относит к монголизмам. См. *коба, кобы*, с. 110—111.

орман/урман 'лес, тайга' преимущественно на равнине, долине. В Сибири — «дикие необитаемые леса». Другие значения: «роща, заросли, заросли тростника»; чуваш. *варман* 'поляна'; кирг. *ормон* 'лес'; узб. *урмон* — то же. Возводят к *ор/ур* 'холм, гора'. В географической литературе употребительно *урманные леса* 'густые хвойные леса Западной Сибири на болоте с преобладанием пихты, большим количеством ели и редкой примесью лиственницы'. В Тульской обл. диалектное *армань* 'опушка леса на берегу реки'. В топонимии: нп Урман-Куль в Пермской обл., Урман в Башкирии, р. Урман в Оренбургской обл., нп Урманный на берегу Оби в Тюменской обл., горы Урман-Усту и Роман-Кош в Крыму, нп Орман в Карагандинской обл.; в Турции нп Орманлы в верховьях Куры.

Среди болотоведческих терминов наиболее известен *саз/сас* 'болото, болотный участок у выхода грунтовых вод карасу, влажный луг, болотное растение'. Ср. тур. *saz* 'тростник, камыш'. «*Сас* 'болото', в других языках *саз* 'глина, глиняный'. Название *саз* этимологически связано со словом *сай* как по своему значению, так и по фонетическому соответствию *й — с/з*» [Баскаков, 1969а, с. 66]. Термин заимствован в русскую географическую литературу в тех же значениях. Пишут: «сазовые луга», *саз* 'моховый луг, заболоченный луговой участок у выхода грунтовых вод'. Топонимы, включающие слова *саз, сазлы*, многочисленны в ареале от Балкан, Турции до Якутии

включительно. Только несколько примеров: оз. Саскуль в Башкирии, оз. Сазкуль в Татарии, оз. Сазыкуль в Курганской обл., нп Саз в Алмаатинской обл., гора Сас на Алтае, р. Сазла в бас. Самары. Возможно, сюда же относятся нп Сасовка в Воронежской и г. Сасово в Рязанской областях. В Татарстане протекают семь рек Сазйылга.

тайга 'хвойный лес северного умеренного пояса'. Термин принят в мировой географической литературе. В русских диалектах также: *дайга, тайка*. Слово *тайга* кажется исконно русским. В действительности этот термин заимствован русскими сравнительно поздно из тюркско-монгольских языков Сибири. У И.И. Срезневского [Срезневский, 1893—1903] он не приводится. В этом нас убеждает и отсутствие в славянской топонимии географических названий, образованных при помощи данного слова. В монгольских языках *тайга* 'дремучий горный лес'. В тюркских языках Сибири можно найти следующие значения: «ненаселенная лесистая местность, прорезанная хребтами»; «горный лес; скалистые горы; горы, лишенные леса»; «голец, т. е. вершина, поднимающаяся выше верхней границы леса». В алтайском языке есть сложное слово *алтайга* 'самые высокие, неприступные дикие горы'. В ряде тюркских языков нельзя употребить слово *тайга* в значении 'лес вообще, лес на равнинах и в долинах'. Это дает основание полагать, что первоначально термин *тайга* был орографическим, а не ландшафтным и отвечал понятию «гора». Концентрация топонимов со словом *тайга* в горах Южной Сибири говорит о первоначальной родине этого слова, которое со временем шагнуло за пределы Сибири и Дальнего Востока, пересекло границы России и стало известным в некоторых западноевропейских языках. Топонимы со словом *тайга*: хр. Улан-Тайга, гора Хан-Тайга, хр. Ергактаргак-Тайга в верховьях Енисея; горы Таскыл-Тайга, Такыр-Тайга, Узун-Тайга, хр. Тайга на Алтае. Новообразования: г. Тайга в Кемеровской обл., нп Тайга в Архангельской обл., п-ов Тайганос на побережье Охотского моря. М.Б. Волостнова и С.А. Тюрин составили список 45 тувинских топонимов этого ряда [Волостнова—Тюрин, 1971]. Из тюрк. *тайга* рус. сибирское *дайга* 'горы в верховьях сибирских рек' [СРНГ, 1972, с. 265].

тугай 'лес, пойменный лес, растущий по долине' — Средняя Азия, Казахстан, Кавказ, Нижнее Поволжье, Южный Урал, Южная Сибирь. Тюрк. формы: *тогай/токой/тукай/тугай* 'растительность на поймах, лес, кустарниковые заросли, прибрежный лес, луга на поймах, низменность, полуостров и остров на реке, лес в излучинах рек, заводь, залив, извилина реки'. Основное значение апеллятива — «локоть». Сравним монг. *тохой* 'локоть, лука, извилина реки'. Слово давно заимствовано в русский язык. Известно и в топонимии России: р. Токой в Тамбовской обл. Обычны формы с прилагательными *ак, кара, кызыл*. Орто-Токой в Киргизии, г. Булун-Тохой в Джунгарии.

тумара 'тундра, заболоченная безлесная местность, поросшая ерником' (якут.). Отсюда в русской географической литературе: *тумара*

'верховое болото с мохово-кустарниковой растительностью'. Ср. алт. *томар* 'кочка', каз. *томар* 'кочковато-болотистая местность с луговой растительностью и выходом на поверхность грунтовых вод'. В Казахстане оз. Каратомар, нп Томар Карагандинской обл.

чуль 'пустыня'. В региональной литературе *чули* 'эфемеровые пустыни в низких предгорьях Тянь-Шаня'. Узб. *чўл* 'пустыня, безводная степь', *чўлистон* 'пустыня, страна пустынь'; кирг. *чёл* 'пустыня, степь, равнина'; азерб. *чёл* 'степь, ненаселенная безводная местность'; алт. *чӧл* 'степь, степной'; тув. *шӧл* 'поле, пашня'. В топонимии: нп Карнабчуль и Чулималик в Узбекистане. Юго-восточная часть Каракумов у туркмен называется Екарычол 'верхняя пустыня'; нп Челараб и степь Джейранчель в Азербайджане; р. Одан-Шоль в Туве; хр. Чольтаг в Синьцзяне.

шубар 'березово-осиновые колки' на севере Казахстана. Ср. тюрк. *чубар/шубар* 'пятнистый' и рус. *чубарый* 'пестрый, рябой', что заимствовано из тюркских языков. В географической и геоботанической литературе принято определение *чубарая степь* 'комплексная полупустыня в Прикаспийской низменности с характерным распространением почвенно-растительного покрова пятнами, образуемыми злаками, солянками в зависимости от рельефа, состава материнских пород, степени увлажнения и засоления'. В ДТС [с. 268] приводится слово *jïš* 'нагорье с долинами, удобными для поселения'. У разных авторов *ыш* 'черневая тайга, густой горный лес с хорошими пастбищами для домашних животных в течение всего года'. Якут. *сис*, хакас. *чыс*, шор. *чыш* примерно в тех же значениях. У Л.В. Дмитриевой [Дмитриева, 1984] *ыш* 'горы, горная цепь' и как собственное название Хангайского нагорья в центральной части Монголии — основного местожительства древних тюрок в VIII в., а также топонимы Чугайыш, Сунгаыш, Кадырканыш и Алтайыш. Этот автор считает *ыш* каким-то древним заимствованием только в тюркские языки Восточной Сибири. При участии *ыш* образован др.-тюрк. топоним Когенйыш, т. е. Большой Енисей в Туве. Сюда же возможно Ыштык в Иссык-Кульской обл., а на Алтае нп и р. Ышпанак (Ашпанак). Эти последние названия связывают с *чашпан* 'полынь' [Молчанова, 1979]. Так ли?

яйла 'плоское горное безлесное плато в горах Крыма, летнее пастбище'. Плато сложено известняками с карстовыми процессами и формами рельефа. В Туркменистане *яйла, яйлаг* 'летнее пастбище, место сосредоточения многих юрт'. Др.-тюрк. *jaj* 'лето', *jajlak* 'летовка'. В азербайджанском языке наблюдается расширение значений: *яйла, яйлаг* 'плато, плоскогорье, летнее пастбище, летняя кочевка, дачное место'; узб. *яйлов*, балкар. *жайлык*, башк. *яйлов/йайлау*, алт. *jайлу*, тув. *чайлаг*. В Крыму термин воспринимается как собственное название — Яйла и отдельные ее поднятия: горы Бабуган-Яйла, Караби-Яйла, Айпетринская Яйла и т. д., гора Яйла в Азербайджане, р. Яйлу-Кем на Алтае. Слово известно в русском языке. Ср. *джайляу*.

Этнокультурные апеллятивы в топонимии

К географическим названиям, восходящим к этнокультурным апеллятивам, в первую очередь следует отнести такие названия, которые образовались от слов, обозначающих жилище, местожительство, типы населенных мест, а также отрасли хозяйства.

Начну с примечательной цитаты из книги Н.К. Дмитриева «Строй тюркских языков»: «Историку и этнографу тюркских племен полезно будет задуматься над тем, что все термины, обозначающие город и деревню, в этих языках заимствованные: *кала* (араб.), *шехир/шехер/шахар/шӑр* (перс.), якут. *куо́рат* из русск. «город», *аул* (монг.), тур. и крым.-татар. *кёй/кой* 'деревня' (перс.), азерб. *кӓнд* 'деревня' (перс.), чуваш., тат. крым. и дагест. *сала* 'деревня' (хазар.)» [Дмитриев, 1962, с. 506]. И все же терминов, отражающих понятие «местожительство», и в тюркских языках немало.

Если географическая терминология, относящаяся к природным особенностям среды обитания тюркоязычных народов, в какой-то степени вошла в русский язык, то слов со значением «населенный пункт, жилище, помещение, местонахождение» в нашем языке оказалось очень мало: *аул, сарай, чердак, юрт, орда.* С начала XVIII в. хорошо известно в русском языке слово *аймак* 'территория, округ, область, территориально-административная единица'; первоначально: 'род, племя, племенной союз, политическое объединение', ср. монг. *аймаг.*

Слова со значением «жилище» в первую очередь отложились в номинации населенных пунктов, а частично, через их посредство, и в номинации физико-географических объектов: гора Бозагыл (где *боз* 'серый, безлесный') и оз. Дашагыл 'загон для скота', 'озеро, где каменное стойбище'. В западной части хр. Куньлунь — гора Агыл. Одно из древнейших тюркских слов *агыл* 'стойбище, ограда, забор, загон для скота, хлев, конюшня, двор (что-то огражденное)'. Варианты: *агла, агил, авил, аву, агиль*; якут. *йал* 'деревня, селение, жилище, деревенское общество, мир'. *Агил* соответствует монг. *аил* 'селение, юрта, семья, хозяйство'. Форма *аул* отмечена в русском языке в значении 'восточная и кавказская деревня'. В топонимии Дагестана: Байрамаул, Темираул, Ленинаул. В Кемеровской обл. Аил, в Казахстане нередко Жанаул 'новая деревня'. Это значение повторяется во всех топонимических системах мира.

Общеизвестно слово *базар* 'рынок, торг'. Старое заимствование, что отмечено еще И.И. Срезневским [Срезневский, 1893, с. 39]. Слово распространено в тюркских языках, но восходит к персидскому. В словаре русских народных говоров [СРНГ, 1966, с. 48] указываются местные значения: «скопище людей на взморье во время промысла сельди в весенний и осенний периоды» в Архангельской обл.; «улица» в Вятской обл.; «плоские уступы на высоких приморских берегах северных морей; скопление чаек и других водоплавающих

птиц и их гнезд на таких прибрежных уступах и скалах». М.Р. Моллова [Моллова, 1974] видит первоисточник в санскрите, откуда тибет. *баджар*, монг. *бадзар, баджар* (совр. *базаар*). Пехлевийское *вачар* ‘торговля, рынок’. Кумык. *очар* ‘место, где мужчины проводят свой досуг’. Кроме участия в образовании топонимов, слово *базар* отразилось в этнонимии казахов, киргизов и каракалпаков [Лезина—Суперанская, 1994] и в личных именах: Базаров, Бозоров, Пазарски, Базарбай. Правящая династия Валахии Басараб оставила след в названии Бессарабия — междуречье Днестра и Прута. Слово обладает большой топонимической активностью и оказалось весьма продуктивным в номинации: нп Базар-Курган и р. Базар-Турук в Киргизии, р. Базарчай и нп Эрменибазар в Азербайджане, Базарный Карабулак в Саратовской обл., Базарные Матаки в Татарстане.

В древнетюркском словаре [ДТС, 1969, с. 80—81] приводятся слова *baluq/balïq* ‘город’. Варианты *палык, палук, балик*. Другое значение ‘стена, крепость’. Напомним исторический топоним: развалины Бешбалык в Синьцзяне. Ханбалык ‘ханский, стольный город’, как назывался Пекин. А.И. Алиев [Алиев, 1975, с. 10] указывает на наличие нп Балик, поляны Гарбалык в Азербайджане.

Общеизвестно слово *бахча* ‘плантация под арбузами, дынями, тыквами’, так называемыми бахчевыми культурами; ‘огород’. Восходит к перс. *багча* ‘маленький сад, садик’. Отсюда Бахчисарай в Крыму, Бахчевник в Донецкой обл., Бахчакюрд в Азербайджане. Рус. *баштан* — то же, что *бахча* из азерб. *бостан* ‘огород’. Восходит к перс. *бустан* ‘фруктовый сад’. В топонимии: Бостандык в Джамбульской и Кокчетавской областях, Баштановка в Одесской обл. Оба эти термина, *бахча* и *баштан*, отмечены в ССРЛЯ.

В топонимии Азербайджана нередко слово *бина* ‘хутор, хлев, кочевка, местожительство’. С его помощью оформляются названия населенных пунктов: Бина, Бозбина, Бармагбина, Коюнбинасы, Казахбина и т. д. [Бушуева, 1971, с. 37]. М.А. Асланов [Асланов, 1976, с. 89] пишет об их концентрации в долине Алазани: Байрамбина, Гасанбина, Дарвазбина, Иситимабина, Кадашбина, Дарвазбина, Шафталыбина. По подсчетам Х.И. Мамедовой [Мамедова, 1984, с. 79—86], топонимы со словом *бина* отмечены в 21 случае (в таблице на с. 80 — 30 единиц, где перечислены и повторяющиеся формы). Наибольшая их концентрация наблюдается в Закатальском и Белоканском районах. ДТС [ДТС, 1969, с. 101] указывает на заимствование из арабского языка: *bina* ‘здание, постройка’.

Нетюркское слово *богара* ‘неполивное земледелие’ стало употребительным в тюркских языках Средней Азии, оно известно и в русском языке. Богара обычна в горах. Слово вошло в русскую географическую и сельскохозяйственную терминологию в значениях «богарные посевы, богарное земледелие, при котором культуры питаются почвенной влагой и дождями, главным образом весенними»: *гарантированная богара, негарантированная богара*, последняя дает урожай

не каждый год. В тюркские языки Средней Азии заимствовано из тадж. *бахор* ‘весна’. Ср. каз. *бахар* ‘ранняя весна’, *бахар егиси* ‘весенний сев’, т. е. богарный посев, узб. *бахори* ‘весенний, яровой’, *бахорикор* ‘богарный, неполивной’ [Шипова, 1976, с. 87]. В Узбекистане нп Богарное.

Во многих тюркоязычных республиках ойконимы включают слово *кала* ‘крепость, укрепленное место, за́мок, селение, город’, иногда ‘холм, возвышенность’, заимствованное из иранских и арабского языков. Этот термин широко распространен от Казахстана до берегов Атлантического океана. В тюркской топонимии он оставил глубокий след. Разнонаписание: *гала, келе, кила, калат, калата, къала, хала.* Ограничимся примерами в пределах нашего ареала: Махачкала — столица Дагестана; Кала, Каладиза в Азербайджане; башня Кале близ Судака и Чуфуткале в Крыму; Калаичарбаг в Бухарской обл., Калали и Бозкала в Хорезмской обл. Чувашская форма *хола/хула* дала название оврагам Холасерт, Холавырня, Холазвар [Нестеров, 1980, с. 57]. Ф.Г. Гарипова [Гарипова, 1984, с. 60, 162, 193] приводит гидронимы Калабаши, Кала, Калатавы, Калатауасты, Калаозынкуле в Татарстане. В Башкортостане гора Калатау: «Названия со словом *кала* обычно указывают на наличие древних городищ, крупных курганов и т. п.» [СТБ, 1980, с. 84]. Попутно укажем, что и имя столицы республики Марий-Эл Йошкар-Ола тоже относится к ряду *кала* (*ола*) ‘город’. Подробно о слове *кала* см. [Розенфельд, 1951, с. 22—38].

Слово *караул* — тюркизм, его значение ‘сторожевой пост, пикет, засада, застава, вооруженная стража, крик о помощи’. Др.-тюрк. форма *qaraγu*, узб. *коровул*, кумык. *каравул*, кирг. *кароол*. Ср. монг. *харул* из тюрк. *кара* ‘смотреть’. Слово активно в топонимии: нп Караул в Хорезмской обл., Караулбазар в Бухарской обл., Окинской Караул в Восточном Саяне; нп Караул-Тюбе в Кзылординской обл., нп Караульное в Астраханской и Омской областях.

карши/каршы ‘дворец’, *qaršï ordu* ‘дворцы’ [ДТС, 1969, с. 429]. В.Н. Топоров [Топоров, 1962, с. 61] указывает на повторяемость слова *karsa* в качестве апеллятива в названиях нп в Индии. Во многих старых источниках содержится указание на заимствование слова *карши* из монгольского языка, однако в ДТС нет такой пометы. В топонимии: г. Карши, Каршинская степь в Кашкадарьинской обл.; нп Карши в Туркменистане; нп Карши на северо-западе от Анкары в Турции.

кишлак ‘зимовка, зимнее жилище, постоянный сельский нп, селение’. Азерб. *гышлак/кышлак*, каз. *кыстау*, узб. *кышлок*, башк. *кышлау*, туркм. *гышлак* ‘зимнее стойбище’, кирг. *кыштак*, алт. *кышту*, хакас. *хыстаг* и т. д. Слово хорошо известно в русском языке. Восходит к тюрк. *кыш/кыс* ‘зима’; др.-тюрк. *кышлак* ‘зимнее помещение’. Можно ср. койбальское *кыстаг* ‘зимнее жилище, зимний (кишлак)’. По толкованию Р.Я. Рассудовой, это слово возводится не к *кыш* ‘зима’, а к *кошлак*: «В северной пойменной полосе Зеравшана *кошлак* — группа

жилищ около летних орошаемых посевов, куда спускались крестьяне из аилов, т. е. из зимних поселений с первой верхней террасы... Именно кошлак является основой образования новой формы поселения в процессе оседания и перехода к земледелию» [Рассудова, 1980, с. 221]. По суждению этого автора, как термин, так и топоним *кишлак* стал распространяться в XVI в. Но таким положениям противоречит наличие слова в ДТС [ДТС, 1969, с. 448] в форме *qišlaγ* и в сибирско-тюркских языках. В Азербайджане: нп Гара-Гышлаг, Кишлы, Кышлаг; Араб-Кишлак и Киргиз-Кишлак в Таджикистане; Кишлак в Кашкадарьинской обл. и т. д.

Древнетюркский словарь [ДТС, 1969, с. 311] приводит слово *köč-* 'переходить, передвигаться, кочевать'. Отсюда рус. *кочевка, кочевье* 'временное пребывание на каком-либо месте кочевников, их становище; место на пастбище, где пасут скот в какой-то определенный сезон'. На Кубани — «огороженное место для содержания скота». *Кочевать* 'переходить, переезжать с места на место, вести бродячий образ жизни'. «Корень *кöч-* с этим значением встречается во многих тюркских языках, так как выражает такое специфическое для скотовода-степняка понятие» [Дмитриев, 1962, с. 538]. Слово *коч* 'летнее жилище кочевников' известно в русских говорах. В Семиречье *кочевник* 'скотопрогонный путь'. В Астраханской обл. нп Кочевая.

С *кöч* этимологически связано и слово *кош* 'приют пастухов, временное жилище пастухов'; 'юрта, палатка, стойбище, бивак, летний стан, шалаш'; 'место, куда собирают на ночь животных'. Ср. современное халха-монг. *хашаа* 'загон, изгородь, двор'. В Крыму ущелье Учкош. Но топонимы Кошбулак, Кошагач связаны уже с омонимом *кош* 'двойной, парный'.

Специфическое для скотоводов слово *кутан* 'хутор, кочевье пастухов на горных пастбищах', узб. *кутон* 'хлев', азерб. *гутан, кутан* 'хутор, кочевье пастухов'. Другие значения «пастбище, земельное угодье» в кумыкском и ногайском языках. Слово известно в русских говорах Северного Кавказа [СРНГ, 1980, с. 166] в значении «хутор недалеко от основного селения, куда зажиточные скотоводы перегоняли скот на летние пастбища»; «хлев для овец, огороженное место в степи для скота». Топонимические примеры указывают на обширный ареал: Кешкутан в Азербайджане; нп Камышкутан, Кутан, Какакутан, Кутанаул в Дагестане; Кутантал на Урале; пещеры Аманкутан — археологический памятник под Самаркандом. Е.Койчубаев [Койчубаев, 1974, с. 150—151] приводит шесть названий в Казахстане: Котансор, Котансу, Котанэмель и др.

В некоторых тюркских языках *лянгар* 'стоянка, почтовая станция, постоялый двор, монастырь, обитель, кладбище'. Заимствовано из иранских языков. Топонимический ареал — Средняя Азия, Азербайджан, Таримская впадина. А.З. Розенфельд [Розенфельд, 1946, с. 861—864] считает общими наиболее полными значениями «якорь, остановка, стоянка». Ср. тадж. и перс. *лангар/лäнгäр* 'якорь, маятник,

шест', лат. *ancora*, англ. *anchor, ancor*, франц. *ancre*, рус. *якорь*. Азерб. *ленкер* 'якорь, балласт', узб. *лангар* 'якорь', 'шест, которым балансирует канатоходец'. В топонимии: нп Ленкорань в Азербайджане, Лянгар близ Чимкента; нп и р. Лянгар в Кашкадарьинской обл., дважды повторяются названия Лянгар в Ошской и Самаркандской областях. Несколько нп в районе Хотана в Центральной Азии: Кошлянгар, Кутаслянгар (*кутас* 'як'), Яналянгар, Акынлянгар и др. Все первые компоненты таримских топонимов оформлены исключительно тюркскими словами.

Азерб. *махла* 'квартал, район, усадьба', узб. *махалла* 'городской квартал', кирг. *маала* 'квартал города, селение'. Это слово широко известно в топонимии большого количества стран от Индии до Пиренейского п-ова включительно, куда оно занесено арабами. Именно их язык и оказался в данном случае первоисточником, откуда слово заимствовали не только тюрки, но и народы Афганистана, Ирана, Греции, славяне на Балканах. В хинди *махалла* 'квартал', *махал* 'дворец, дом', откуда название всемирно известного дворцового комплекса в Агре Тадж-Махал. В Азербайджане есть нп Гюнеймахла, Тепемахла, Татармахла; в Бухарской обл. — Куйимахалла. Форма *махла* у Е.Н. Бушуевой [Бушуева, 1971, с. 105]. Однако в словарях азербайджанского языка есть и *махалла*.

В тюркской топонимии отложились слова *оба/ова* 'род, племя', 'местожительство, жилище, хутор, кишлак, юрта, шатер'. Др.-тюрк. *ова* 'род, племя'. Якут. *омук* 'народ, племя'. В Туркменистане употребляется в специфическом значении «кочевье, имеющее постоянные пастбища и колодцы для водопоя домашних животных». Примеры: Пахтаоба на север от Ашхабада, Гошаоба в Тедженском оазисе; Кяхризоба, Мамедоба в Азербайджане.

Тюрк. *майдан* 'площадь, равнина, открытое возвышенное место, базарная площадь'. Другие формы: *мегдан, буйдан, байдан*. В русском языке кроме этих значений также: «крайне неправильное вращательное движение воды в речном потоке»; «раскопанные курганы»; «место сходок, место для лесных и рыбных промыслов»; «яма, где гнали смолу». Отсюда русское диалектное *буян* 'открытое место на ветру, площадке, место на берегу для выгрузки товаров с кораблей'. Сюда же тульское *буйдан*. Словарь русских народных говоров [СРНГ, 1983, с. 334] отсылает к тюрк. *майдан*, которое известно в Балканских странах, Румынии, Польше. Огромное количество топонимических образований в Поволжье, на Украине, в Средней Азии в формах Майдан, Майданец, Майдановка. В Польше — лагерь смерти Майданек. В Белграде — центральная площадь и старинная крепость Калемегдан. Майдан — южная часть Дамаска и центральная площадь в Калькутте. Хр. Майдантаг в Синьцзяне (Китай).

орда 'объединение кочевых племен, удел, крепость', первоначально 'стан, кочевье'. Кирг. *ордо* 'богатая юрта, дворец, ханская резиденция'; каз. *орда* 'аул, юрта, становище'; узб. *урда* 'ставка, резиден-

ция правителя'; калм. *орд(он)*; монг. *орду, орда* 'двор, стоянка, лагерь' (подробно [Благова, 1972, с. 9—12]). В.П. Юдин [Юдин, 1983] упоминает много орд: Большая, Средняя, Младшая, Ногайская, Калмыцкая, Пегая, Перекопская и др. Исходное значение слова *орда, орду* — 'юрта, ханская дворцовая юрта'. Далее развитие шло так: 'ставка, резиденция хана, кочевые города с ханом'. При территориальном размежевании империи Чингисхана между внуками возникли Золотая, Белая Орда — *акалтун*; Синяя, Серебряная — *кок кумуш*, Серая, Стальная — *боз болат*. В русских летописях они получили отражение в названиях Белая вежа, Золотая, Синяя (восточная, на левом крыле), Белая (западная, на правом крыле). Такие наименования подтверждают южную ориентировку, когда юг считается передней, лицевой стороной. В.П. Юдин отмечает, что имя Золотая Орда было присвоено русскими с конца XVI в. улусу Батыя, так как ему ставили «золотую» юрту. По рекам получили названия орды Джембойлук 'люди, живущие на Эмбе', Талашбой 'на Таласе'. Здесь *бой* 'сторона'. В русских диалектах *орда* 'многодетная семья, толпа' [СРНГ, 1983, с. 23]. Слово широко распространено в славянских и западноевропейских языках. Глубокий след в топонимии Казахстана, Средней Азии, Сибири, Урала, Украины. Укажем только: Кзыл-Орда — центр одноименной обл., ул. Ордынка в Москве. Исторические названия: Золотая Орда, Астраханская Орда, Крымская Орда.

отаг/отак/одаг 'жилище, шалаш, юрта, стойбище'. Якут. форма *отӯ* 'шалаш, кочевье'. В настоящее время в тюркских языках наблюдается расширение значений: «комната, стан, лагерь, дом». Тув. и алт. *одаг* 'шатер', тур. *ода* 'комната'. Возводят к *от* 'огонь'. Отсюда и русское диалектное (Восточная Сибирь) *отог* 'место кочевки, яма в снегу до земли, где раскладывается костер, а по краям настилаются ветви хвойных деревьев'. В топонимии: нп Отаки в Молдавии, Одаг в Павлодарской обл., Отаглы в Азербайджане; озера Отулах и Тымпы-Отулах в Якутии; нп Одаери в Турции, Отаклы в Иране.

К слову *от* 'трава' этимологи возводят два термина, характерных для кочевого животноводства: *отар/отор* и *отлаг*. Значение второго — «пастбище, сенокос, поляна». Первый известен в русском языке: *отара* 'большое стадо овец на пастбище', диал. *отор* 'пастбище, выгон, хутор'. Кирг. *отор* 'отдаленное зимнее пастбище, где выпадает мало снега', что определяет благополучную зимовку скота. Но в якут. *отор* 'осенний выгон, летовка, пастбище вообще'. Интересно устаревшее кирг. *отор* 'дальние страны, колонии' [Юдахин, 1965, с. 583]. Тюркское население Крыма и Северного Кавказа отарами называет русские поселения. В топонимии: нп Отарка в Татарстане, Оторы в Марий-Эл, Отар в Казахстане, Узунотар и Кадыротар в Дагестане, Отор в Ошской обл., Отор в Якутии.

очаг/очак 'место, где горит огонь, костер'; 'примитивная печь с открытым верхом'; 'символ родного дома, семьи'. Другие формы: *очах, оджак, оджаг, учаг* 'место огня, место молитв и поклонений,

родной дом, семья, жилище, святая земля огнепоклонников'; отсюда и рус. *очаг* 'место для огня', перен. 'дом, семья', 'центр распространения чего-либо', например болезни, пожара, знаний. Э.В. Севортян [Севортян, 1974, т. 1, с. 424] возводит к *от* 'огонь' + аффикс уменьшительности *-чак*. В топонимии: нп Оджаглы и Йолоджак в Азербайджане; в Туркменистане нп Оджак. Одна из этимологий названия Очаков (город в Николаевской обл.) связывается с тюрк. *очак/очаг*.

К терминам, обозначающим типы населенных пунктов, относится и слово *салаш/чалаш* 'временное жилье, сложенное из ветвей деревьев, из жердей'; 'стоянка пастухов'. Слово, получившее широкое распространение в славянских языках, известно также в Румынии и Венгрии в форме *шалаш* в значениях 'стоянка пастухов, помещение на пастбище'. В Румынии — «хутор», в Венгрии — *szallas* 'поселение в степи', на Карпатах — «стадо животных», в Молдавии — *сэлас* 'жилище, пристанище, небольшой нп'. В топонимии: нп Шалашовский в Челябинской обл., Шалашская в Черкасской обл.

Слово *сарай* 'дворец' заимствовано тюрками из иранских языков. Ср. рус *сарай* 'хозяйственная постройка, кладовая'. Это восточное слово вошло в лексику многих европейских языков: франц. *serail* 'сераль, гарем'; англ. *serai* 'караван-сарай'; 'гарем; дворец'; нем. *Serail* 'сераль, дворец'; болг. и с.-хорв. *сарай/сарај* 'дворец вельможи'. Отсюда же рус. *сераль* 'дворец; гарем' через посредство французского языка. Слово отложилось в топонимии многих стран, особенно в русской.

Древнетюркский словарь [ДТС, 1969, с. 529] фиксирует слово *там* 'стена'. В современных тюркских языках *там/дом* 'дом, здание, стена, крыша, землянка, хлев, комната, сарай, строение'. Ср. ккалп. *там* 'замкнутая постройка, окруженная стенами со входом через ворота *дарауза* (*дарваза*)'. Лексические и семантические параллели можно обнаружить и вне ареала тюркских языков: скр. *damas*, авест. *dam* 'дом', перс. *там* 'крыша, стена, дом', греч. *domus* 'строение', лат. *domus* 'дом, жилище', слав. *дом*. Интересно словосложение в монгольском языке: *дамнуру* 'перекладина, матица, часть потолочного перекрытия', где *нуру* 'хребет, спина, конек крыши'. Слово *там/дам* оказалось весьма активным в номинации населенных пунктов: Агдам, Дамбулак в Азербайджане, Учтом в Сырдарьинской обл., Тамда в Оренбургской обл., Тамды в Актюбинской обл., Тамлык в Воронежской обл., Иркештам в Ошской обл. Обычны топонимы с *там* в Таримской впадине: Тограктам, Актам, Тамкарагол. В этот же ряд и Тамды в Кызылкуме, русло Акдам в нижней части Узбоя в Туркменистане.

В ДТС [ДТС, 1969, с. 537—538] приводятся слова *tarïγ* 'земледелие, землепашество', но и 'зерно, злаки, хлеб, просо'; *tarlaγ* 'поле, нива' и *tarïγlaγ* 'пашня, вспаханное поле'. Это говорит о том, что земледелие также было отраслью хозяйства древних тюрков, хотя, конечно, по своему экономическому значению значительно уступало

скотоводству. Из тур. *tarla* заимствовано в болгарские диалекты: *тар ла* 'поле, нива' [Григорян, 1975, с. 216—217]. В топонимии: нп Тар лаг в Туве, Тарлык в Омской обл.; уроч. Кара-Тарыг в Ошской обл.

Особое место в топонимии принадлежит термину *тура* 'жилище, поселение, город'. В ДТС [ДТС, 1964, с. 587] *tura* 'укрепленное жилище, крепость'. В словаре В.В. Радлова [Радлов, 1905, т. 3, стб. 1446 и 1447] приводится 12 значений этого слова, среди них: «дом, строение, жилище» и «щит, баррикада, бруствер, парапет». Ср. др.-тюрк. *тур* 'стоять, обитать, жить', якут. *турук* 'устой, подпорка, порог на реке, скала, стоящая ребром' [Комаров, 1964, с. 98]. О.Т. Молчанова приводит варианты географических апеллятивов, среди них: «алт. *тура* 'становище, стоянка, стойбище, дом, изба'; тув. *туруг* 'отвесная скала, утес'; якут. *туруук тасхайа* 'отвесная каменная скала'; др.-тюрк. *турлаг* 'стоянка, становище, стан'; башк. *торак* 'стойбище, стоянка'; *торлак* 'жилище'; кирг. *турак* 'местожительство, стойбище'; татар. *торак* 'жилище, квартира'; хакас. *тура* 'дом, изба', уст. 'город'; узб. *турар уй* 'жилой дом'; др.-тюрк. *turuγ* 'убежище в горах, жилище, стоянка, местопребывание, пастбище', *turuγlaγ* 'место стоянки, местожительство'. И тут же ссылка на Дж.Клоусона: Тура в основном „что-то внутри чего-то (за чем-то, под чем-то) можно укрыться", используется как для постоянных укреплений, так и для переносных, спешно сооруженных, которые могли быть легко перевезены и временно установлены на земле. Заимствованное слово в первом значении в монгольском, персидском и других языках. Сохраняется в большинстве северо-восточных тюркских языков и хакасском, где значение сужается от „укрепление, форт, укрепленная деревня" до „город" и даже „жилище"» [Молчанова, 1979, с. 100—101]. Топонимическая продуктивность слова *тура* поражает. Ограничимся несколькими примерами в пределах тюркоязычного ареала: г. Ялуторовск на Тоболе (в прошлом Ялуторово городище), р. Тураты, Турачак, Актура на Алтае; река и гора Туралыг в Хакасии; Ачыгтура 'поселение племени *ачыг*', ныне Ачинск; Ойрот-Тура, ныне Горно-Алтайск; на Северном Кавказе Тура-Хабла. В.В. Радлов приводит местные названия: Кузнецк в Сибири — Абатура (по р. Аба, Томи), Бийск — Яштура 'молодой город', Томск — Томтура (по р. Томь) [Радлов, 1905, т. 3, стб. 1446]. В Якутии: р. Туруктах, р. Улахан-Турук; на Байкале мыс Турали. Но В.А. Никонов [Никонов, 1966] против тождества в названиях Алатырь в Чувашии, Верхнетурье, р. Тура, Туринск на Урале, так как эти названия восходят к гидронимическому ряду. Однако нередки случаи переноса названий населенных пунктов на названия рек. Именно так у А.К. Матвеева: р. Тура, нп Верхняя Тура, Нижняя Тура, Верхотурье, Туринск, Туринская слобода: «Название реки Тура, начиная с Г.Ф. Миллера, возводят к татарскому (шире — к тюркскому) *тура* 'город', поскольку на Туре был расположен такой важный военно-политический центр западносибирских татар, как город Тюмень, или Чинги-Тура. Попытки найти

объяснения в других источниках — обско-угорских и иранских — совсем неудачны» [Матвеев, 1980, с. 252—253]. СТБ [СТБ, 1980, с. 151] приводит название горы близ г. Стерлитамака — Тыратау (Тратау) от др.-башк. *тура/тора/тыра* 'крепость, городок'. По сказаниям, там располагались ставки башкирских ханов. У В.В. Бартольда: «Сибирь под названием „Тюлес" упоминается в истории Тимура и под названием „Тура" — в рассказе османца Сейфи...» [Бартольд, 1977, т. 9, с. 381].

Древнетюркский словарь [ДТС, 1969, с. 168—169] приводит слово *el* 'племенной союз, племенная организация, народ, государство' и словосочетания: *el kün, el bodun* 'народ', *el uluš, el känd* 'государство'. В разных тюркских языках слово сохранилось в формах *эль, эл, ил, ел, äl, il* еще и в других значениях: «страна, край, люди, провинция, мир, покой»; а карач.-балк. и крым.-татар. *эль* 'селение, населенный пункт'. В этом перечне др.-тюрк. *uluš* 'селение', *uluš balïq* 'селения и города', *Quz uluš* — одно из названий г. Баласагуна [ДТС, 1969, с. 475—611] — сопоставимы с халха-монг. *улс* 'государство, народ', Монгол Улс — Монголия, Монгол Ард Улс — Монгольская Народная Республика. Др.-тюрк. термин *эл/эль* оставил следы в топонимии Кавказа и Крыма. В Азербайджане: горы Эльвар и Элляроюгу, родник Эллярбулак, канал Элликарх [Бушуева, 1971, с. 163]. На Северном Кавказе: нп Эльбаши, Эльтюбю, Эльбузлук, Эльдегур, р. Эльсу (см. [Коков—Шахмурзаев, 1970, с. 131—132], где перечислены восемь топонимов с начальным *эл/эль*). В Турции Коджаели близ Ускудара.

Историко-культурные апеллятивы в топонимии

Географические названия, восходящие к историко-культурным апеллятивам, первоначально возникали как результат культа природных стихий — обожествления гор и рек, земли и воды, земли и неба. На первобытные анимистические верования наложились исламские религиозные догмы (ислам распространился на значительные области тюркоязычного ареала). Все это нашло отражение в топонимии. Прежде всего остановимся на понятии «родина». С.Е. Малов [Малов, 1952, с. 82] в енисейских рунических надписях находит *тӱрк ыдук järi субы* 'священные земля и вода тюрков' и прибавляет: «Можно перевести 'Родина' (с большой буквы)» [Малов, 1952, с. 82]. Древние тюрки почитали реки и земли своих предков, приносили им жертвы, возносили молитвы. В прошлом существовало географическое название *Ötükän*, ныне забытое. С ним обычно связывают прародину народа. Этот топоним трудно локализовать и ограничить пространственными рамками. Видимо, можно думать о бассейне Орхона, горах Хангая и Саян, Тувинской котловине.

Селение, кочевье, жилище часто ассоциируются с родиной (ср. рус. *родной дом*). В тюркских языках тоже есть подобные совпадения.

Ср., например, *улус/улуш* ‘селение, местопребывание, становище, удел, страна, народ, государство’. Слово *улус* ‘владение хана, стойбище кочевников’ — давнее заимствование в русский язык. Др.-рус. *улусь* ‘татарское селение, вотчина, страна, административная единица’. Из топонимии: нп Улус-Тараба в Алтайском крае, Улус в Кемеровской обл., Улусарка в Липецкой обл., Улус в Белоруссии и Узбекистане, Улус-Керт на Северном Кавказе.

Такие же ассоциации прослеживаются в значении слова *юрт/юрд* ‘жилище, владение, страна’. В ДТС [ДТС, 1969, с. 282] *jurt* ‘дом, владение, земля, страна’, но и ‘руины, развалины’. Узб. *юрт* ‘страна, родина, народ’; алт. *jурт* ‘страна, поселок, местожительство’; азерб. *jурд* ‘селение, жилище, юрта, очаг’; башк. *юрт, йорт* ‘дом, двор’, но и ‘место бывших кочевок’. А.Н. Кононов пишет: «Термин *юрт* в значении — место кочевок в Средней Азии и Иране — широко используется начиная с XIII в. ... слово *юрт* (*jурт*), по всей вероятности, восходит к глаголу *jур-у, iор-у/jуру-/jору-* ‘ходить, идти’, таким образом *jур-у-* + *т, jурт-* могло первоначально значить — хождение, кочевание, место для кочевания» [Кононов, 1958, с. 78]. Слово известно в русском литературном языке: *юрт* ‘земельный надел станицы, хутора на Дону, Кубани, Северном Кавказе’. В диалектах — «страна, общество». Топонимы с *юрт* многочисленны на Северном Кавказе, в Дагестане и Азербайджане: нп Хасавюрт, Бабаюрт, Чухурюрд, Кызылюрт; гора Гызыюрду.

Кам ‘шаман, колдун’ — важная в общественных отношениях фигура. В ДТС [ДТС, 1969, с. 413]: *қам* ‘шаман’ (с различными оттенками значения: «врачеватель, исцелитель; прорицатель, предсказатель; заклинатель, кудесник, чародей, маг, волшебник; колдун», т. е. человек с многофункциональными действиями). Естественно, что слово *кам* оказалось продуктивным в топонимии. Например, в топонимии Алтая находим пучок из восьми форм с *кам* — названия двенадцати объектов. Среди них: Кам-Кайынг ‘шаманская береза’, Кам-Тыт ‘шаманская лиственница’, Камлак ‘место, где много шаманов’[2], *кам-тура* ‘становище обитания шаманов’ [Молчанова, 1979, с. 201—202]. У нее же ссылка на слова известного сибирского писателя и ученого Н.М. Ядринцева: «В Алтае есть священные деревья кам агач, это местопребывания лесного духа. Дерево это — обыкновенно лиственница, имеющая в середине или наверху густую непроницаемую шапку зелени. За рекой Сугашем находится ключ Камдыт, сплошь покрытый этими деревьями» [Молчанова, 1979, с. 201—202]. И в Туве находим р. Хам-Дыт, в Хакасии — Хам-Чатчан ‘где жил шаман’, Хамнаан ‘где совершается ритуальный обряд камлания’ [Жевлов, 1984, с. 12].

Культ гор известен повсеместно у народов горных стран. Истинные названия отдельных вершин или массивов нельзя произносить вслух, чтобы не разгневать хозяина гор. Иначе нарушитель табу будет

[2] *Камлак* можно перевести как ‘место камлания’.

наказан болезнями, не посчастливится и его семье, и стадам, высохнут колодцы и травы на пастбищах или белым плотным слоем покроет их снег, животные, лишенные возможности добывать подножный корм, погибнут. На вершинах гор воздвигались каменные пирамиды обо, духам гор приносились жертвы, закалывали овец и быков, ставили ведра с молоком и кумысом. Н.А. Баскаков [Баскаков, 1974, с. 23] пишет о табуированной лексике охотничьего языка в номинации гор на Алтае: Абай-Кобы ‘лог старшего брата’ в значении «медвежий лог», где название *аjuu* ‘медведь’ заменено обращением к старшему брату *абай*.

Обычай поклонения горам очень древний, позже в Центральной Азии его воспринял ламаизм как наследие анимистических верований и обычаев. В горах Южной Сибири и на Тянь-Шане устраивались летние шаманские богослужения с возлиянием кумыса. Гора, пользующаяся славой святой горы, обозначалась табуистским словом *кайракан*. В словаре В.В. Радлова южносибир. *кайраккан* «почтительное прозвание божества, духов, ангел-хранитель. С криком *кайраккан, кайраккан* алтайцы кладут камень или ветку на обо» [Радлов, 1899, т. 2, стб. 22]. В киргизском языке есть слово *кайран* ‘милый, дорогой; горемычный’; «обычно употребляется с оттенком соболезнования» [Юдахин, 1965, с. 321]. Почтительное обращение к горам *хайракан/хайыркан* обычно у тувинцев, что, видимо, связано с монг. *хайрхан* ‘миленький, любезный’. С другой стороны, тюркские формы вполне соотносимы с араб. *хайр* ‘добро, благо’, что отложилось в узб. *хайр* ‘доброе пожелание’, каз., уйг. *каир* ‘благодеяние, милость, милостыня’. Так или иначе, в Туве находим гору и несколько нп Хайракан (второе табуистическое значение тув. *хайыракан* ‘медведь’), на Алтае река и гора Кайракан.

Как указывалось, на «святых» вершинах устраивались обо. Это не только культовые сооружения из камней или дерева, ветвей кустарников, но еще и ориентиры на местности. Ими намечают направление в горах, чтобы не пойти по ложному пути в тупиковое (*туюк*) ущелье. О культе гор свидетельствует хакас. *оба* ‘насыпь, курган, холм, груда священных камней’, тув. *ова* ‘жертвенный курган, насыпь, холм’, шор. *ома* ‘жертвенная куча камней на вершине горы, у перевала’. И вот цепочка топонимов: пер. Оболу-Боочы, р., нп Обо-Озы, гора Обо-Ту на Алтае; горы Улуг-Ова, Хурен-Ова, Ова-Ула, Овалык-Тей в Туве; гора Хан-Обазы, р. и нп Таш-Оба в Хакасии.

Тюркско-монг. *тенгри/tän(g)ri* ‘небо, бог, божественный’ (олицетворение мужского начала) отложилось большей частью в оронимии: Хан-Тенгри — вторая по высоте вершина Тянь-Шаня. Да и само название Небесные горы этой обширной горной страны Внутренней Азии в китайской географии — калька с тюркского Тенгритаг и монгольского Тэнгриуул. На Алтае протекает р. Тенгери, в Хакасии высится хр. Тигиртис ‘небесный зуб’. Упоминалось о поклонении *Jer Suv* ‘Земле и Воде’ как Родине и, добавим, природным стихиям.

М.А. Жевлов [Жевлов, 1984, с. 12] говорит о топонимах, связанных с жертвами небу: Тигир Тайыжан 'где небу жертвовали'; воде: Суг тайыг 'жертвоприношение воде'; Тигирколь 'небесное, божье, святое озеро'. Но попутно укажем, что *ер/йер* также 'место', 'земля', и вот производные: Караер 'черноземное' в Азербайджане, хр. Джанги-Джер в Киргизии и Янгиер 'новая земля, целина' в Узбекистане, Ер-Балык 'земляное городище' на Алтае.

И.В. Стеблева, анализируя древнетюркскую религиозно-мифологическую систему, пишет о богине Умай, богине плодородия, олицетворяющей женское начало, второй по значимости после Тенгри: «Культ Умай сохранился у народов Саяно-Алтайского нагорья, а также у узбеков и киргизов, где Умай несет функции покровительницы детей и хранительницы домашнего очага. По одним версиям, бытующим у тюрков Саяно-Алтайского нагорья, Умай обитает в окрестностях озера Сӱттӱгкӧль 'молочное озеро' (шорцы, сагайцы) или Сӱт ак кӧль 'молочное белое озеро' (телеуты), которое Л.П. Потапов отождествляет с озером Сутхоль на территории Тувы. По другим версиям, ее местоположение на горе Сумер» [Стеблева, 1972, с. 215]. О.Т. Молчанова [Молчанова, 1974, с. 296] приводит название реки Сӱттӱ-Кӧл на Алтае, М.Б. Волостнова и С.А. Тюрин [Волостнова—Тюрин, 1971, с. 65] — озера Сут-Холь в Туве, а Е.Н. Бушуева и М.Б. Волостнова [Бушуева—Волостнова, 1968, с. 37] — озера Сут-коль в Хакасии.

В мифологических представлениях древних тюрков Тенгри 'бог неба' противопоставлялся богу Кара йол Тенгри 'черный бог судеб (букв. путей)', или 'бог черного пути' [Стеблева, 1972, с. 218]. У алтайцев — Эрлик, его называют *кара найма* 'нечто черное'. Кара йол Тенгри обитает в нижнем подземном мире. Налицо система противопоставления: Тенгри и Кара йол Тенгри 'верх (небо) — низ (земля, под землей)'. Выше было сказано о многих значениях прилагательного *кара* в тюркской топонимии. Возможно, что в данном случае *кара* указывает на местопребывание злого бога в подземном царстве, представление о котором известно у многих народов, начиная со времен древнейших цивилизаций.

Названия с *ызых* 'священный, жертвенный' нередки в Хакасии: пп Ызых и Ызыхские Копи, горы Ызых и Ызыхтаг, рч. Изыхчул [Бушуева—Волостнова, 1968, с. 56]. Ср. др.-тюрк. *ïduq* 'священный, святой'. Ср. *ызык таг* 'жертвенная гора, гора, на вершине которой приносят в жертву богам крупный и мелкий рогатый скот'. Ср. *ызык, ыдык, ыдук, ыйык* 'посланная от бога судьба, счастливый, благословенный, выбранный, назначенный, посвященный для жертвы'; *ыйук ту* 'священная гора' (все значения по В.В. Радлову [Радлов, 1893, т. 1]). Якут. *ытык* 'почитаемый, уважаемый, святой, священный, жертва'. В «Енисейской письменности тюрков» С.Е. Малова [1952, с. 116] читаем: «Турк ыдук субы: священная земля и вода тюрков, что можно перевести Родина (с большой буквы)». Эти слова часты в тюркской

топонимии как отражение древнего почитания сил природы, культа земли, гор, рек, воды: Изык-Чуль близ Ачинска в Сибири, г. Изых в Батеневском кряже в Сибири, г. Изых в Западном Саяне. В этот же ряд попадает большое озеро Иссык-Куль на Тянь-Шане, имя которого ныне осмысливается как «горячее (теплое) озеро», что не подтверждается географическими реалиями, а восходит к древнему *ызык, ызых* 'священное'. Его святость и почитательное отношение со стороны киргизов уходят в далекое прошлое и сохраняются по сей день. В Якутии оз. Ытык-Кюель, р. Ытык-Тит: «Топонимов со словом *ытык* 'священный' очень много: центр Алексеевского района Ытык-Кюел. Долину р. Лены (...), на которой расположен Якутск, окаймляют две священные горы Ытык-Хая» [Сюлбэ, 1985, с. 9].

В Якутии почтительное отношение к природным объектам выражается словами *эбе* 'бабушка', *хотун* 'госпожа'. «В том случае, если название реки или местности уже имеет при себе имя нарицательное, выражающее географическое понятие, то слова *эбе* 'бабушка' и *хотун* 'госпожа' ставятся после них» [Убрятова, 1950, с. 193]. К.Ф. Гриценко считает *эбе* дополнительным словом в названии природных объектов, «дабы не вызвать гнева духа-хозяина данного объекта, то использовались ласковые и почтительные слова» [Гриценко, 1970, с. 48]. Она в отличие от Е.И. Убрятовой находит гидронимы, в которых слово *эбе* занимает первую позицию: р. Эбэке, р. Эбэ-Сиене (повторяется трижды), р. Эбэ-Юряге. В дельте Амударьи «старики, напутствуя молодежь, уходящую на службу в речной флот, обязывают ее быть почтительной по отношению к духам — покровителям реки» [Гулямов, 1957, с. 30]. В Хорезме было божество Хубби — покровитель воды. Вся жизнь этого большого оазиса была связана с искусственным орошением и полностью зависела от реки.

О культе рек у разных народов см. в книге Р.А. Агеевой «Происхождение имен рек и озер»; она приводит примечательные слова английского этнографа и зоолога Дж.Леббока: «Едва ли можно удивляться тому, что реки считались живыми существами. Непрерывное движение, струящаяся, покрытая рябью поверхность их, колыхание тростников и других водных растений, ропот и журчание, чистота и прозрачность воды — все это в совокупности, даже и на ум цивилизованного человека, производит какое-то особое впечатление» [Агеева, 1985, с. 109].

Вспомним также, что народы Восточной и Юго-Восточной Азии считают хозяином рек и озер доброго дракона, живущего в них. Отсюда китайское название реки Амур — Хэйлунцзян 'река черного дракона'.

Н.А. Баскаков [Баскаков, 1958, с. 34] указывает, что у древних тюрков слово *май* употреблялось в значениях 'святой, священный'; 'богиня, покровительница детей'; алт. Май-Эне, Умай. Так назывались и камни с выбитыми на них знаками или рисунками, которые считались священными. Е.Койчубаев [Койчубаев, 1974, с. 165] объясняет

ряд казахских топонимов: Майбулак, Майкамыс, Майкапчагай и др. при помощи прилагательного *май* 'священный'. У него же название географического объекта Сынтас переводится как 'намогильный памятник'. В Южной Сибири так называются и каменные бабы, врытые в землю. Ср. *sïn* I 'туловище, стан, тело, фигура'; *sïn* II 'могила'; *tas* 'камень' [ДТС, 1969, с. 503, 539].

Многие географические названия имеют элемент *-ата* 'отец, дед, предок'. Однако в киргизско-русском словаре К.К. Юдахина находим: «при именах географических указывает на святость места». Кроме того, *ата* «при собственных именах 'покровитель, патрон': Кыргызата — дух-покровитель всего киргизского народа, Чолпоната — 1) покровитель овец, 2) переносно овцы» [Юдахин, 1965, с. 77—78]. Не забудем, что у туркмен есть этноним *ата* и антропонимы Атабай, Атанияз, Атабег и титул *аталык*.

Несколько снежных вершин на Тянь-Шане и Куньлуне называют Музтагата. А вот другие объекты: нп Кошкарата близ Кашгара, р. Кошкор-Ата и нп Камбар-Ата, горы Баба-Ата и Баубаш-Ата в Киргизстане; Даргината, Палвината, Моллаата в Туркменистане; р. Атасу в Казахстане, где в прошлом был и г. Аулие-Ата (ныне г. Джамбул). В этом же ряду оказалось и название Алма-Ата из начального Алматы. В Азербайджане р. Атачай. Этот список можно продолжить.

У чувашей есть культ духа *киремет/киреметь* 'грозный, мстительный дух'. В.А. Нестеров [Нестеров, 1980, с. 67—68] указывает, что *киреметь* — самый популярный объект поклонения. По земельным планам этот автор выявил более 60 оврагов и урочищ, названных Киреметь. Многие из них он не смог обнаружить на местах, зато записал их названия в сочетаниях: Усла Сирми Кереметь, Шинар Кереметь, Игис Кереметь, Хырлы Кереметь и др. По мнению В.А. Нестерова, само это слово, вошедшее в мифологию чувашей, появилось во время проникновения ислама в Поволжье и оказывается заимствованием (каким?) из иранских и арабского языков, но находим в якут. *кэрэх* 'языческая кровавая жертва животного, приносимая шаманом для умилостивления злых духов'. Н.К. Антонов [Антонов, 1971, с. 131] указывает на связь с *керäк* 'нужный, необходимый', монг. *хэрэг* 'нужда, необходимость'.

Из всех тюркоязычных народов ламаизм был воспринят только тувинцами, однако буддийская терминология оказала незначительное влияние на формирование топонимии Тувы, тогда как в географических названиях Монголии буддийские слова *богдо* 'священный, святой', *сӳм* 'монастырь', *дацан* 'храм', *лама* 'монах', *мандал* 'блюдо с жертвой', *чандман* 'талисман' и т. д. встречаются очень часто.

Зато в областях тюркоязычного ареала, куда проник ислам, мусульманские (арабские и персидские) названия и термины распространились широко. Появились топонимы: Ак-Мечит 'белая мечеть' в Киргизии, так же — Ак-Мечеть — в прошлом назывался г. Симферополь· Тахт-и-Сулейман 'трон пророка Соломона' в Ошской обл., святая могила Дамлимазар в Марыйской обл. Слово *мазар* 'могила, кладбище, гробница' наблюдается и в топонимии других республик: р. Мазарчай в Азербайджане, Мазар в Самаркандской обл., Мазартаги в Ферганской обл. В русских диалектах Поволжья появилось слово *мазарки* 'мусульманское кладбище'. Географических названий с *мазар* множество в Средней Азии, Казахстане, Поволжье, на Кавказе и Украине.

Такие слова, как, например, *ишан* 'служитель мусульманского культа', *молла/мулла* 'мулла', *ходжа/хӯжа/кожо* 'почетный титул мусульманина, господин, сановник', также нашли свое отражение в топонимии. В словаре С.Атаниязова [Атаниязов, 1980, с. 210—211] указаны 17 географических объектов Туркменистана с компонентом *молла*: Моллагыры, Моллакер, Моллагуйы. Но необходимо помнить, что среди этих 17 названий немало антропонимов: Моллаберди, Моллааораз, Молланепес и т. д. В этом же словаре (с. 172—173) перечислены 15 объектов со словом *ишан* в первой позиции, среди них: Ишантокой, Ишантакыр, Ишанрабат, Ишанлыоба. В Каракалпакии Ишанкала. Мусульманский термин *ходжа* также обнаруживается в географических названиях: Ходжаабад в Андижанской обл., Хожа (Ходжа), Хожадаг, Хожаарык в Туркменистане, Кожо-Ата в Киргизстане, Ходжейли, Хожакуль в Каракалпакии. О термине *ходжа* в топонимии Средней Азии см. [Рассудова, 1978, с. 115—128]. Р.А. Рассудова обнаружила наибольшее количество названий населенных пунктов со словом *ходжа* в западной части Зеравшанской долины (117), а наименьшее — в Ташкентском оазисе и в Хиве (10 и 2). В средней части Зеравшанской долины они составляли 3,4% от общего количества учтенных (1862).

Арабское слово *курбан* 'жертва' стало повсеместно известным у мусульман, как и *курбан байрам* 'праздник жертвоприношения', когда приносят дары Аллаху, режут домашних животных. Для этого выбирают видное место, нередко вершину горы. И вот уже топоним: гора Курбантау на Южном Урале, нп Курбаншахид в Таджикистане.

В названии озера Намазтакыр, что лежит в Прикаспийской низменности в низовьях р. Эмбы, также видим араб. *намаз* 'ежедневная молитва мусульман'.

Распространенное у тюркских народов слово *шайтан* 'черт, сатана' часто встречается в номинации труднодоступных перевалов, плохих дорог, стремительных речек. Это слово попало к тюркским народам из арабского языка. Оно родственно русскому *сатана* (ст.-слав. *сотона*), которое заимствовано из греч. *сатанас*, восходящего к др.-евр. *satan* [Фасмер, 1971, т. 3, с. 565]. Н.К. Дмитриев пишет: шайтан — «арабское слово (измененное фонетически из *сатана*), проникшее вместе с исламом в большинство тюркских языков, а оттуда, очевидно, и в русский» [Дмитриев, 1962, с. 551—552]. Как видим, слово *шайтан* приобретает терминологическое географическое значе-

ние и потому получает отражение в номинации: крутая трудная тропа, ведущая с южного берега Крыма из района Алупки на Яйлу, называется Шайтан-Мердвен ‘чертова лестница’. Гидронимы Шайтанка, Шайтаночка, Шайтан-Сузье, Великая Шайтанка отмечены на Украине; Шайтанка — приток Чусовой на Урале. Есть оз. Шайтанское в Западной Сибири на запад от Тавды. Шайтанкишлак в Наманганской обл. и нп Шайтанский Мыс на р. Северная Сосьва за Уралом, р. Шейтан в европейской части Турции и хр. Шейтанула в Центральной Азии. Нужно сказать, что в таком же значении употребляется и слово *чёрт* в русской топонимии: *чертова каменка* ‘каменные, труднопроходимые россыпи, курумы’ в горах Южной Сибири; Чертова гора в Иркутской обл.

Топонимы, отражающие социальные отношения. К этой категории можно отнести географические названия со словом *хан*: Ханбалык ‘стольный, ханский город, Пекин’. В Чу-Илийских горах есть возвышенность Хантау; близ Ташкента прорыт канал Ханарык. В Туве хр. Хан-Тайга, нп Ханныг-Алак; в Хакасии гора Ханобазы и р. Ханчул; на Алтае р. Каан-Тура. В Туркменистане отмечено 29 топонимов с начальным *хан*, среди них есть несколько антропотопонимов: Ханбег, Хандовлат, но очевидны и географические названия, восходящие непосредственно к апеллятиву: Ханабад, Ханёлы, Ханлыдепе, Ханоюк, Ханховуз, Ханяп и др. [Атаниязов, 1980, с. 284—285]. В Башкирии горы Хантау и Ханкала.

Нередки топонимические конструкции, включающие слово *бай* ‘богатый, богач’. Но и здесь оно выступает в составе собственных личных имен. Родившемуся ребенку родители, нередко бедняки, дают такое имя в надежде на его счастливую судьбу: Байнепес, Байназар, Ниязбай и Байнияз, Атабай, Конырбай и т. д.

У разных тюркских народов популярны мужские имена: Хангилде, Ханкелды ‘хан пришёл’, Худайберди ‘бог дал’, есть имя Баймырза, в котором заложена мечта, что человек будет и богатым, и образованным. Такие антропонимы нередко выступают как топонимы.

В словаре Е.Койчубаева [Койчубаев, 1974, с. 46—47] приводится около 30 географических названий Казахстана с начальным *бай* ‘богатый’: Байсымак ‘богатый Сымак (человек)’. Но большинство из них он соотносит с названиями этнических групп казахов, т. е. этнотопонимами: Байшегир, Байкошкар и др. К.Абдимуратов [Абдимуратов, 1970, с. 36] приводит противопоставляемую пару: Байаул ‘богатый аул’ и Ашаул ‘голодный аул’.

В ДТС [ДТС, 1969, с. 538—539] даются слова *tarqan, tarxan* — титул правителя. Чуваш. *турхан* ‘человек высокого сословия’, ср. монг. *дархан* ‘кузнец, мастер, вольный человек’. В русском языке наблюдается расширение значений: «освобожденный от пошлины, неподатной». В топонимии: тарханные сёла, тарханные земли, тарханные промыслы; *тарханщик* ‘вольный человек, прасол, торговец’. Др.-рус. *торханъ* ‘вотчинник; освобожденный от подати человек’.

Глубокий след в топонимии: нп Тарханка на юге Красноярского края, Дархон в Кашкадарьинской обл., Большие и Малые Тарханы на рч. Тарханке севернее Ульяновска, Тарханы в Саратовской обл., Тархановские болота в Московской обл., Торханы в Чувашии, Тарханы в Пензенской обл., где жил М.Ю. Лермонтов и где находится его могила, Тарханские сопки близ Керчи.

В тюркской и в других топонимических системах получили отражение слова, обозначающие основное занятие жителей. Это нетрудно подтвердить примерами: Балыкчи ‘рыбак’ в разных республиках и областях. С.Караев [Караев, 1969, с. 21] указывает на присутствие профессиональной лексики в топонимии Узбекистана. Населенные пункты Олачабофон ‘ткачи, изготавливающие полосатую ткань’, Бўйрабофон ‘мастера циновок’, Гиламбофон ‘мастера ковроткачества’, Кошикчи ‘ложкари’, Милтиксоз ‘оружейники’, Пичокчилик ‘изготовляющие ножи’. Эти названия оформлены суффиксами *-чи, -чилик, -соз(-саз)*. К этому К.Абдимуратов [Абдимуратов, 1970, с. 35] добавляет: *Арбашыаул* ‘аул извозчиков’, Конши ‘кожевники’. На Алтае р. Малчы ‘пастух, скотовод’.

Несколько слов о географических названиях — символах и посвящениях, возникших уже в XX в. Семантически они прозрачны, некоторые из них оказываются гибридными по происхождению.

Красный цвет — символика революции — присутствует в таком ряду названий нп: Кызыл — столица Тувы, Кзыл-Орда — центр области в Казахстане, Кзыласкер, Кызыласкар и Кизил-Аскар ‘красный воин, красноармеец’ (повторяется несколько раз), Кзылдеккан ‘красный крестьянин’ в Сырдарьинской обл.; Кызылжулдус, Кзылюлдус и Кзылжулдус ‘красная звезда’ в Чимкентской, Кашкадарьинской, Хорезмской областях; Кизилюрт ‘красное поселение, юрт’ в Дагестане; Кызыл-Джол ‘красный путь’ и Кызыл-Байрак ‘красное знамя’ в Ошской обл. и Кызыл-Кишлак в Кашкадарьинской обл.; Кызылшарк в Ташкентской обл., Кызылшарык в Алма-Атинской обл., Кзылшарк в Хорезмской обл. Три последних названия включают арабское слово *шарк* — Восток.

Октябрь — название месяца, когда произошла Октябрьская революция, вошло в тюркские языки и, конечно, отразилось в топонимии.

В разных республиках и областях тюркоязычного ареала многократно повторялись Кызыл Октябрь и русифицированные формы: Октябрь, Октябрьский, Октябрьское.

Название международного праздника солидарности трудящихся Первое мая получило отражение в азербайджанском топониме Бирмай (нп). Очень широко были представлены топонимы от слов *коммунизм, коммуна* и *комсомол*. Они встречались практически повсеместно, были среди них и такие формы — Комсомолабад в Бухарской и Сурхандарьинской областях, Комсомолкош на Северном Кавказе.

Развитие хозяйства, особенно промышленности, сказалось и на номинации новых промышленных городов и поселков, часть из них

получила имя по названию ближайших физико-географических объектов: оз. Балхаш — г. Балхаш, р. Зерафшан — г. Зарафшан, р. Ангрен — города Ангрен и Ахангаран, а многие получили названия по ведущей отрасли хозяйства: Пахтаабад 'место хлопка, изобилие хлопчатника', Пахтакор 'хлопкороб', Газли 'место изобилия газа, его добычи' в Узбекистане; г. Небит-Даг 'нефтяная гора' в Туркменистане; нп Нефтечала 'замкнутая плоская ложбина, котловина с нефтью' в Азербайджане. В Казахстане: обл. центр Джезказган 'где копали медь'; г. Темир-Тау 'железная гора' (ср. Железногорск), нп Темиртау есть и в Кемеровской обл.; Демирчи 'кузнецы, мастера обработки железа' повторяется несколько раз в именах нп в Азербайджане.

Этнотопонимия

Топонимисты во многом преуспели в познании происхождения географических названий благодаря систематическому изучению нарицательной терминологической лексики. И только в последние двадцать лет началось изучение географических названий, восходящих к этнонимам. Результаты не замедлили сказаться. Во многих статьях, монографиях и региональных словарях можно найти большой материал о влиянии этнонимии на формирование топонимических образований. Последнее утверждение будет наиболее справедливым для областей, заселенных тюркско-монгольскими народами, еще в недалеком историческом прошлом имевшими разветвленную родо-племенную структуру.

Насколько сложна и множественна родо-племенная структура кочевых народов Азии, можно убедиться на трех примерах. В своем классическом труде «Общественный строй монголов» академик Б.Я. Владимирцов упоминает 93 названия монгольских «племен, ветвей, родов, поколений, кланов, отоков» [Владимирцов, 1934, с. 209—210], некоторые повторяются и среди этнонимических образований тюрков: *калпак, керей, кият, конгират (кунград), найман, урянхат.*

Еще более показательна родо-племенная структура сравнительно небольшого по численности народа каракалпаков. В книге «Народы Средней Азии и Казахстана» [1962, т. 1, с. 412—413] показана схема родо-племенной структуры каракалпаков, которая слагается из 130 этнических единиц.

Третий пример. Во втором томе этого же издания [1963, т. 2, с. 325] воспроизведен график родо-племенной структуры казахов. Как известно, они на высшем уровне разделялись на три ветви: старший жуз, средний жуз и младший жуз. Наиболее разветвленным оказался средний. Его подразделения слагаются тремя ступенями из 67 этнонимов. Старший жуз образуется 28 названиями племен и родов, а младший — 29. Всего вместе с тремя жузами родо-племенная структура казахов представлена 127 этническими единицами. Между тем численность населения каракалпаков и казахов несравнима. Первых более 300 тыс., вторых — 6556 тыс. человек. Из них в Казахстане — 5289 тыс. человек (по данным переписи 1979 г. [Брук, 1986, с. 142]). Таким образом, показатель количества населения не является определяющим в характеристике этнической дробности.

Благодаря кропотливому труду И.Н. Лезиной и А.В. Суперанской [Лезина—Суперанская, 1994] появился подробный список родо-племенных названий всех тюркоязычных народов, проживающих на территории бывшего Советского Союза. В списке 12 тыс. имен, в том числе имен средневековых племен, участвующих в этногенезе тюрков.

Интересно и другое. Некоторая часть тюркоязычных народов не имела родо-племенного разделения. Такова, например, часть оседлого узбекского населения. В местах их расселения наблюдается заметное снижение доли топонимов, восходящих к этническому началу. Об этом пишет С.С. Губаева. «Население Ферганского района Ферганской области УзССР составляют оседлые узбеки, не имевшие в прошлом родо-племенного деления, и таджики. В очень незначительном количестве здесь представлены киргизы и уйгуры. И топонимия этого района отличается небольшим числом географических названий, образованных от этнонимов: всего 12 названий из 103. И шесть из них образованы от киргизских этнонимов (Бостан, Кырктамга, Чукур, Ямбарак, Япагы, Шакар). Селение Бешбала обязано своим названием этнониму *бешбала*, который отмечен многими авторами у разных тюркоязычных народов, четыре кишлака этого района названы по национальной принадлежности проживающего в них населения (Таджик, Араб, два селения Киргиз), и один (Кашкар) — по локальной группе уйгур. Большинство же топонимов Ферганского района отражают природные признаки... указывают на искусственные объекты... или представляют собой названия посвящения» [Губаева, 1983, с. 20].

Названия племен, родов, подродов, колен и других более мелких этнических единиц не могли не оставить следы в географической номенклатуре. Ведь пастбища, маршруты кочевок, водопои закреплялись территориально за определенными родами, и нередко их этническое наименование переходило в географическое.

Географические названия, восходящие к родо-племенным именам, как правило, соотносятся с населенными местами, объектами, построенными каким-то этническим коллективом (каналы, плотины, колодцы, укрепления и др.). В ряде мест тюркоязычного ареала этнотопонимы выявлены в малой степени, что связано в первую очередь с уровнем исследования и накоплением фактического материала.

В отдельных случаях следует сомневаться в первоисточнике географического названия. Что первично, что вторично: топоним или этноним? Вот пример. Нукус — столица Каракалпакской Республики. К.Абдимуратов [Абдимуратов, 1965, с. 93—94] останавливается на ираноязычной этимологии: *ну* 'девять', *кэс* 'человек'. Девять человек стали родоначальниками племен *нокюз*. Действительно, среди кара-

калпаков есть такая этническая общность. Между тем С.Атаниязов и К.Аширов, анализируя средневековые мусульманские источники, находят первичные формы этого топонима: Нузкат, Нузкас, что легко открывается: 'новая усадьба, новое поселение'. По мнению этих авторов, сначала возникло населенное место, а потом его жители стали именоваться нукусцами. Возник этноним *нукус* уже как вторичное образование. Но этому как будто противоречит большой ряд однотипных географических названий: Нукус — поселения близ Туямуюна и Гурлена в Хорезме, Нукус кишлак, Баланднукус, Тайзаннукус, Таваннукус в Кашкадарьинской области; Нокюз, Тобук-Нокюз в южной части Молдавии. Как такое можно объяснить? «По нашему мнению, — пишут С.Атаниязов и К.Аширов, — некоторые из них тезки каракалпакской столицы, а большинство из них образованы бывшими жителями Нукуса, переселившимися в разные страны в период арабского и монгольского нашествия из-за разных войн и междоусобиц» [Атаниязов—Аширов, 1977, с. 92]. Убедительно ли такое объяснение?

Более разительный пример — Карачай. Карачайлы — один из тюркских этносов, обычно его возводят к гидрониму Карачай 'черная река'. Интересно, что в кратком топонимическом словаре С.А. Хапаева [Хапаев, 1981, с. 292—307] вообще нет реки с таким названием. И кажется закономерным появление других этимологий. Х.-М.К. Хаджилаев [Хаджилаев, 1970, с. 17—19] отрицает взаимосвязь этнонима *карачай* с гидронимом Къарачай, а также антропонимом Къарчи и справедливо пишет, что номенклатурный термин *чай* 'река' не используется в народной речи как карачаевцами, так и балкарцами, которые употребляют слова *суу, къобан, черек* в значениях 'вода, река'. По мнению этого ученого, форма *карачай* получилась из *къарэсэй, къарачай* 'старая мать', 'место, где родились отцы, родина (предков)'. Иная интерпретация у Н.Г. Волковой [Волкова, 1973, с. 88]. По ее мнению, в Крыму слово *къарачи* означало 'приближенные к хану, беки главнейших дворянских родов'. Карачаевские легенды говорят, что бек Карчи вывел свой народ из Крыма или Золотой Орды на Северный Кавказ. Значит, в основе и этнонима, и топонима — личное имя. Но все же это легенда, и по-разному можно относиться к ее достоверности. Попутно отметим, что топоним Карача дважды повторяется в Самаркандской обл.; Карача-Елга — в Башкирии и Карашай — в Татарии. Четырежды повторяются этнонимы *карача* у узбеков, есть они у казахов и киргизов [Лезина—Суперанская, 1994, с. 220].

В литературе находим указание о происхождении этнонима балкар: «Население Черекского ущелья называлось *малкъарлы* (балкарцами)» [Народы Кавказа, 1960, с. 270]. Н.Г. Волкова пишет: «Имя балкарцы, бытующее в русском языке и обозначающее тюркоязычное население всех пяти ущелий, заимствовано из кабардинского языка, а не из балкарского, в котором существует форма *малкъар(лыла)*, т. е. жители долины реки Малка, левого притока Терека» [Волкова, 1973, с. 97]. Этимология гидронима оказалась спорной. Кабардинская параллель — Балъкъ. Дж.Н. Коков утверждает: «Если бы термин *малкар* действительно был тождествен гидрониму Малка, то кабардинцы, сохраняющие этот этноним (*балъкъэр*), и для реки сохранили бы форму Балкар (как и балкарцы форму Малкар). Но этого не произошло. И кабардинцы и балкарцы данный этноним четко отличают от гидронима» [Коков, 1974, с. 146]. И тут же ссылка на точку зрения Г.Ф. Саттарова о происхождении этнонима *балкар* от имени *булгар* и О.Султаньяева — о связи со словом *балак* 'крепость, замок'. На берегу Малки действительно существовал город Малкана, или Балх.

Д.Е. Еремеев указывает, что часть тюркских этнонимов «безусловно восходит к топонимам: *азербайджанцы* (Азербайджан — Атропатена), турецкие средневековые племена *румлу* (Рум — Анатолия), *шамлу* (Шам — Дамаск, Сирия), *марашлу* (Мараш — город в Турции), *ментешелю* (Ментеше — область в Турции), юрюкское племя *хорзум* (Хорзум — Хорезм) и подразделение *херзем* у сарыков (Хорезм)» [Еремеев, 1970, с. 139].

Продолжая эту тему, можно вспомнить о наименованиях локальных подразделений оседлых уйгуров в Западном Китае по названиям оазисов: *кашгарлык, турфанлык, яркендлык, хотанлык.* Наиболее яркий и почти современный пример — *алтайцы*, получившие такое имя сравнительно недавно в результате объединения шести племен, представители которых называют себя *алтай кижи*, т. е. 'человек с Алтая, алтаец'. Правда, следует отметить, что одно из алтайских племен и раньше называлось так же. Среди казахов и ныне есть род алтай в Карагандинской области, а в Новосибирской области есть небольшое количество жителей, именующих себя алтай-казахами [Абдрахманов, 1979, с. 24—27].

О тюркском этнониме *канглы* опубликовано несколько работ [Кляшторный, 1964; Толстов, 1948; 1961]. Последний отождествлял страну Кангюй, или Кангхи, с центром в Хорезме, который «был только частью, двинувшейся в своем развитии далеко вперед, ставшей политическим гегемоном всей Кангхи...» [Толстов, 1961, с. 143]. Река Канг — ныне Сырдарья. Форма Кангар как будто говорит об этнонимическом начале. «Несомненно, что здесь само название реки восходит к этнониму... а не этноним — к названию реки, как это находил Маркварт. Вместе с тем имеется другое свидетельство в пользу прямой связи этнонима „Кангар" с топонимом „Канг" и их локализации на Сыр-Дарье» [Кляшторный, 1964, с. 165]. Кто такие кангары? Печенежские племена среднего течения Сырдарьи кенгересы-кангары, которые еще в начале нашей эры устремились на Кавказ и в Восточную Европу. Этнотопонимы Кангар, Кангалы, Каны имеют большой ареал, уходящий за пределы Средней Азии и Казахстана.

Статью об этнониме *канглы* опубликовал А.Т. Кайдаров [Кайдаров, 1984]. В настоящей работе нет необходимости останавливаться на истории государственной конфедерации Кангхи, ее многочислен-

ных контактах с другими народами, в частности с кыпчаками. В тюркской этнонимике можно обнаружить подразделения *сары канглы, кара канглы, кызыл канглы, ак канглы*, т. е. *сары* 'желтый'[3], но и 'верхний, южный'; *кара* 'черный' и 'западный'; *кызыл* 'красный', но и 'возвышенный', 'центральный'; *ак* 'белый', но и 'восток, страна света' [Кайдаров, 1984, с. 41]. Этноним *канглы* имеет в разных языках различные фонетические и морфологические варианты: *канг, канга, кангар, кангалас, каныклы*, которые, в свою очередь, образуют ряды этнических имен. Но всюду сохраняется слово *кан, канг*, известное во многих гидронимах Сибири, Центральной и Восточной Азии в значении 'река' [Мурзаев, 1974, с. 184—186]. Таким образом, все варианты укладываются в один гомогенный ряд. Первичным оказался гидроним Канг, вторичным — этноним *кангар, канглы* '(люди), живущие у реки Канг'. Этноним *канглы* производят от тюрк. *кан оглы* 'потомки, мужи, люди Канга' [Кляшторный, 1951, с. 54—63]. А.Т. Кайдаров пишет: «... Пребывание древних канглы точно локализуется вдоль р. Сырдарьи, именовавшейся в древности Канг, что дает основание рассматривать *канглы* как этнотопоним в связи с понятием река» [Кайдаров, 1984, с. 48]. Таким образом, первичным оказался гидроним, вторичным — этноним.

И все же можно утверждать, что одним из главных компонентов тюркской географической номенклатуры населенных мест оказывается название народа, племени, рода или других этнических подразделений.

Выяснению названий тюркоязычных племен посвящена большая литература. В ней много спорного, противоречивого. Известно, что даже этноним *тюрк* трактуется по-разному. Происхождение этнонимических образований — вне нашей темы. В данном случае они интересны как элементы географических названий и в связи с ними. Поэтому в некоторых случаях приходится на них коротко останавливаться, используя разные источники. Отметим последний по времени — большой труд Даулена Айтмуратова «Тюркские этнонимы: каракалпак, черные клобуки, черкес, башкурт, кыргыз, уйгур, тюрк, печенег, сак, массагет, скиф» [Айтмуратов, 1986]. Некоторые из топонимов, восходящих к этнонимам, известны давно и не требуют особой аргументации. Они лежат на поверхности: Туркестан, Дешт-и-Кыпчак (рус. Половецкая степь), Моголтау, Киргизский и Кураминский хребты системы Тянь-Шаня, Телецкое озеро на Алтае, Ахал-Текинский оазис в подгорной полосе Копетдага, Ногайская степь, расположенная в междуречье Кума-Терек, Муганская равнина по левобережью реки Аракс в Азербайджане.

Конечно, в этот же ряд нужно отнести и известный исторический топоним Моголистан — феодальное государственное образование средневековья, территориально охватывавшее обширные пространства

[3] О других значениях прилагательных, обозначающих цвета, см. с. 53.

Азии. Следовало бы читать Монголистан, но «так, без *н* произносилось народное название монголов в Средней Азии с самого начала, хотя в монгольских текстах всегда писалось *монгол*; единственные из переселившихся на запад монголов, до сих пор сохранивших свой язык (это племя живет в Афганистане), тоже называют себя могол» [Бартольд, 1968, т. 5, с. 169]. Ср. Великие Моголы — династия тюркских правителей в Индии (XVI—XVIII вв.), основанная эмиром Бабуром.

Каспийское море до настоящего времени в иранской и турецкой картографии помечено как Хазарское. В палеогеографии известна Хазарская трансгрессия древнего Каспия, когда в среднечетвертичном времени его воды покрывали Прикаспийскую низменность вплоть до Камышина. Еще в недалеком прошлом туркмены называли это море Хазар денгизи. Так его и ныне именуют азербайджанцы.

Считают, что названия Западный и Восточный Саяны восходят к этнониму *сойон, саян*, в прошлом самодийского, позже тюркоязычного племени. И ныне саяны проживают в южной части Тувы. Есть этническая группа *саин* у хакасов. Географических названий, сформированных словом *саян*, в Сибири много. Из сибирских этнотопонимов можно вспомнить также Горную Шорию, Хакасию, Иркут и Иркутск по этнониму *ырху, иркит*, тюркско-монгольского или самодийского происхождения (?). Род *иргит, иркит* входит в состав алтайцев, хакасов, теленгитов, тувинцев.

Эту точку зрения о происхождении гидронима Иркут высказал М.Н. Мельхеев [Мельхеев, 1976, с. 28—31]. Однако заметим, что С.А. Гурулев пишет о другой версии, по которой древняя форма Ергю (т. е. Иркутск) сохранилась у тофаларов: «Надо полагать, что тюрки Приангарья, входившие в племенное объединение найманов, называли реку, по которой они кочевали, примерно так — Ерхи, подразумевая ее древность, стародавность. Нужно особо подчеркнуть, что рассматриваемое слово в тюркских языках употребляется в значении 'старый', а также 'стародавний', 'патриархальный', даже определенно с отзвуком 'вечный'» [Гурулев, 1986, с. 20]. В древнетюркском словаре слова *ерхи* с таким значением нет. И несколько необычными кажутся прилагательные «вечный, стародавний» в гидрониме.

И еще напрашивается существенный вопрос, на который ответить очень трудно. Говорят ли этнотопонимы, даже прозрачные по своей этимологии, о местах более или менее длительного пребывания какого-либо тюркского племени? Ведь тюрки — в прошлом кочевой народ. Их станы нередко меняли свое местоположение. И достаточно, чтобы они задержались на каком-либо урочище месяц-два, а затем ушли всем лагерем в другую местность, как за таким урочищем закреплялось в народной памяти имя кочевников, отраженное в топонимии.

Прежде чем остановиться на конкретных примерах этнонимического начала в тюркских географических названиях, надо сказать, что

почти все наименования тюркоязычных республик однотипно повторяют название их коренного населения. Это общее положение относится к Туркменистану, Узбекистану, Киргизстану, Казахстану, Башкортостану, Татарстану, Туве, Чувашии, Якутии, Каракалпакстану.

Этнический признак присутствует и в названиях некоторых городов: Якутск, Карачаевск в Ставропольском крае, Татарск в Новосибирской области, Арысь в Чимкентской области, Кунград в Каракалпакии.

Знакомство с региональными этнотопонимическими публикациями позволяет убедиться в справедливости высказанных выше общих положений. Такой, краткий в масштабе нашей работы обзор начнем с запада и закончим Якутией на востоке.

В Белоруссии, по свидетельству В.А. Жучкевича, очевидны этнонимы в топонимии республики: «Печенеж — село Костюковического района. Название — этноним от имени народа печенегов, населявших в VIII—XII вв. южнорусские степи и Поднепровье, живших на торговых путях из Руси в Крым. Название этого народа широко закреплено в топонимии: с. Печенеги, райцентр Харьковской обл., городской поселок Печенежин Ивано-Франковской обл. и др. Белорусское с. Печенеги — северный форпост этих названий» [Жучкевич, 1974, с. 289]. На с. 371 словаря приведены несколько ойконимов в формах Татариновичи, Татарка, Татарск, Татарская, Татарщина, Татарья: «Названия — этнонимы — места бывших татарских поселений». Русские, как известно, называли кыпчаков половцами. И вот В.А. Жучкевич к ним относит названия Половки, Половковичи, Полово, при этом замечает: «В топонимии вторичного, преимущественно патронимического происхождения» [Жучкевич, 1974, с. 300].

Этот же автор [Жучкевич, 1973, с. 78—79] специально пишет о наличии топонимов в Белоруссии, восходящих к обрам (аварам): Обры, Оброво, которые встречаются в «Повести временных лет» (начало XII в.). В Брестской обл. отмечены географические названия Оброво, Вольска Обровская, урочища Обровцы и Обровщина. В писцовой книге Пинского и Клецкого уездов XVI в. перечислены урочища Обричи, Обров ручей, Обрышина. Не имеющее этимологии имя г. Кобрин, возможно, относится к этому же ряду. Форма Кобрин возникла в результате появления протетического *к*.

К сказанному следует сделать небольшое примечание. В древнерусском языке существовало слово *обров* ‘ров, окоп’ [Срезневский, 1895, стб. 546], которое могло быть основой для некоторых из перечисленных топонимов.

Н.А. Баскаков отмечает широкое распространение в Молдавии этнотопонимических образований, главным образом ойконимических: Акмангыт, Ачамайлы, Кара-Найман, Кереид, реки Киргиз и Кара-Китай (а также Киргиз-Китай, Кодкитай, Шакирли-Китай и просто Китай), Копчак (Кыпчак), Мангыд (Мангыт), Нейман (Найман), Накюз (Нёкис) и др. Автор справедливо указывает, что многие такие

географические названия, а также этнонимы повторяются в Казахстане, Каракалпакии и на Северном Кавказе в местах проживания ногайского народа; названия обнаруживаются и в южной части Украины, в частности в Крыму [Баскаков, 1964, с. 46—51].

А.И. Еремия [Еремия, 1982, с. 37] находит слово *татары* в ойконимах Молдавии: Татар-Копчак, Татарка, а также и другие этнонимы: Абаклия, Баир, Тараклия, Токуз, Шамалия и Комырат (Конграт) и т. д.

Н.А. Аристов в известной работе «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности» писал: «В именах татарских деревень на Таврическом полуострове сохранились к настоящему времени названия родов, указывающие основной этнический состав крымских татар» [Аристов, 1986, с. 403]. Нет сомнений, что к этой категории следует отнести Мамалар, Кият, Найман, Кипчак, Канглы. Специально о таких географических названиях в Крыму писала А.Н. Суперанская [Суперанская, 1985, с. 475—481], в своей работе она упомянула родо-племенные топонимы Коз (Козы), Демерджи, Бурлюк, Татар-Хабурга. Интересные соображения о наличии большого количества родо-племенных географических названий в Крыму приводит И.Н. Лезина [Лезина, 1985, с. 84—96]. К этой категории она предположительно относит и Ялту — название, которое обычно связывают с греч. *ялос* ‘берег’. Между тем в родо-племенной структуре туркмен зафиксированы родовые имена *ялти, ялталар*, что в топонимии Крыма можно рассматривать как наследие огузов. Более подробно об этнотопонимах Крыма см. [Лезина—Суперанская, 1984, с. 77—89].

Конечно, к этой же топонимической категории относится и широко известное название древней крепости близ Бахчисарая — Чуфуткале, пользовавшейся особой известностью у караимов. Крымские татары назвали этот древний городок, расположенный на высокой скалистой горе, Чуфуткале ‘еврейская крепость’, тем самым не делая различия между евреями и караимами. Последние предпочитали название Кыркер ‘сорок мест’, что нелегко объяснить. Считают это народной этимологией по созвучию с греч. *киркос* ‘круг, окружность’.

Как известно, в топонимии Причерноморья и Донбасса много тюркизмов. В исследованиях украинских ученых показано этнонимическое начало в возникновении географических названий. Такие топонимы приводятся в работе О.Г. Стрижака [Стрижак, 1967, с. 90], который упоминает гидронимы Крымская Татарка и Татарка (повторяется несколько раз), левый рукав Днепра Турска, а также Турецкий вал, Турецкая крепость, Турецкое кладбище и др. В.Д. Дяченко [Дяченко, 1962, с. 157—164] указывает на многократное повторение в разных областях республики названий типа Козари, Козара, Козар, Козарівка́ (ср. *хазар*); отмечена речка Казарка в пределах Подолья, Харьковщины, Киевщины. В Харьковской области отмечены нп Болгар, Печенеги, Печенисский, а также Печенюги близ Новгород-

Северского и Печенижин в Ивано-Франковской области. В западных областях топонимы Торки, Торчин, Торчинский Степок, Торковичи, Торске и гидронимы Торг, Торец. Последний ряд этот автор связывает с этнонимом *торк*, а топоним Узин — со словами *огуз, гуз, узи*. На Киевщине и в Подолии сохранились названия Комань, Куманив, Куманивци. Все указанные примеры демонстрируют сохранность средневековых этнонимических образований в современной украинской топонимической системе, в которой этноним *кыпчаки* представлен уже в славянской форме: Половцы, Половецкое. Современный этноним *татары* повторяется почти в 30 названиях селений на Полтавщине, Прикарпатье и в других местах в моделях: Татары, Татарынци, Татаривка, Татарка; этноним *турки* — в более чем 20 названиях населенных мест на Правобережной Украине и в западных областях в форме Турки, Турка, Турчин, Турчинка. В Хмельницкой области есть селение Караимы, а в Запорожской было Ногайск (ныне г. Приморск). Следует заметить, что часть тюркских этнотопонимов в Причерноморье повторяет те, что отмечены в Крыму и Молдавии.

В Поволжье наиболее многочисленные тюркские народы — татары, башкиры, чуваши. Естественно, что знакомство с топонимическими материалами позволяет обнаружить здесь немалое количество этнотопонимических образований.

В Башкирии ими специально занимался Э.Ф. Ишбердин [Ишбердин, 1973, с. 255—258]. По его данным, более 70% племенных и родовых названий получили отражение в наименованиях населенных мест, водных объектов, в именах людей. Родовые подразделения особенно богато представлены в микротопонимии. Этот автор выделяет группу топонимов, в основе которых лежит этноним как первичный элемент: р. Ай и деревня Айская, р. Танып, рч. Сарт, р. Бурзян, р. Табын и нп Табынск, Табын. Многие топонимы Башкирии повторяют названия тюркских этнонимических единиц, присущих обширному ареалу тюркоязычных народов: Кипсак — *кыпчак*, Кыргыз — *киргиз*, Катай — *китай*, Калмык — *калмык* и др.

Ф.Г. Хисамтдинова в северо-западной части Башкирии собрала и систематизировала 98 географических названий, восходящих к этнонимам (среди них Атяс-Байлар, Гире, Зилан, Ушар-Еней, Миньярина и др.), и постаралась выяснить ареалы башкирских племен и родов *буляр, гэрэ, елан, еней, кыпчак, катай, мин, табын* в XVII—XVIII вв. Но за прошедшие столетия миграция населения разрушила прямое соответствие «имя этнической единицы — топоним»: «Первое время в населенных пунктах был однородный этнический состав, поэтому ойконимы какое-то время отражали этнический состав деревни. Но рано или поздно к ним присоединяются переселенцы, отделившиеся от других родов, тогда этноойконим теряет свою информационную функцию» [Хисамтдинова, 1984, с. 120]. Другими словами — географическое название уже не может выступить как показатель этнического состава того или иного поселения, но сохраняется как памятник исторической географии, свидетельствующий о былом расселении каких-то этнических общностей.

В «Словаре топонимов Башкирской АССР» [СТБ, 1980, с. 199] можно обнаружить указания на происхождение географических названий селений от этнонимов: Мищерова и Мишаровка (ст. Мишари), Узбек (рус. Узбяково), Юрматы, несколько раз повторяется Башкорт. Впрочем, будем справедливы. В указанном словаре приводится гораздо больше названий населенных пунктов, восходящих к антропонимам.

Между тем Р.З. Шакуров [Шакуров, 1986] указывает на топонимы, образованные от названий племен *мен/мин, сарт* (Сартбаш, Сарт, Сарт-Хасаново, Сарт-Смирново), *катай* (р. Катайка).

Об этнотопонимах Чувашии писал М.И. Скворцов. Он указывает, что родовые названия чувашей (*тавраш*) восходят к имени «родоначальника, от которого вели свое происхождение несколько ближайших поколений» [Скворцов, 1977, с. 51]. Отсюда следует, что выделение в чувашских топонимах первичного начала оказывается делом весьма непростым. Между тем все же не вызывает сомнений наличие слов *тутар, татар, татарин, пушкарт (башкир), мишер (мишарт), чаваш (чуваш)* и др. в топонимии республики. Особенное внимание этот автор обращает на топонимы Партас, Шалта Партас, Тулти Партас (устаревшее), речка Партас шыве, лес Партас вармане. В основе этого ряда — этноним *буртас*. Не случайно приведенные названия в русском употреблении звучат как Буртасы, Буртасский Цивиль, Буртасский лес. Нужно отметить, что этнотопонимы со словом *буртас* имеют широкий ареал, уходящий за пределы Чувашии. О буртасах и буртасской этнотопонимии писал А.И. Попов. Он находит несколько селений Буртас, Буртасы, Буртасское озеро, Буртасская Воложка на правобережье Волги, датируя их появление XVI—XVII вв., и отмечает полное отсутствие таких названий на левобережье: «Это очень поздние топонимические явления, подобные тем, которые наблюдали всюду, где расселяются особые этнические группы на чуждой им местной почве. В таких случаях всегда в качестве обозначения поселений пришельцев выплывает их этническая характеристика; подобных примеров можно привести сотни» [Попов, 1973, с. 119].

В.А. Нестеров также указывает на топонимические названия населенных мест: Мижар (Мишар) повторяется несколько раз, Татаркасы, Тутарань, Тинсарино-Черемышево, Черемшан, Черемышево [Нестеров, 1980, с. 103, 117].

Из литературы по ономастике Татарстана, в которой представлены исследования по этнотопонимике, следует прежде всего отметить труды Г.Ф. Саттарова. Он опубликовал специальные работы: «Этнонимы в топонимии и антропонимии Татарии» (1977 г.) и «Этнотопонимы Татарии» (1980 г.). И здесь в географических названиях отразились названия племен: *булгары, буртасы, кыпчаки*. Правда, по

подсчетам того же автора, из 1942-х названий населенных пунктов республики 1368 образованы от личных имен. Г.Ф. Саттаров обращает внимание на название племени *каз*, которое отразилось в нескольких географических названиях, в частности в названии столицы республики Казань, что спорно. К этнонимическим образованиям Г.Ф. Саттаров относит название нп Туркаш и отмечает такое же образование от названия племени *тюргеш* в Башкирии, нп Алат, Алаты, Татаркабаны, Нугайиле, Мешераланы и др. К этнонимам восходят гидронимы, имена гор, оврагов, угодий, улиц, дорог, например, Ногайская дорога. Населенные пункты Ашытбаш и Иске-Ашит, речка Ашит, возможно, получили свои наименования от названия древнего тюркского рода *ашина* + аффикс множественного числа. Деревня Тазлар в Татарии и Тазларово в Башкирии — от названия древнего башкирского племени *тазлар* [Саттаров—Сираева, 1971, с. 250—257]. Но само название казанских татар *казанлы* несомненно восходит к названию столицы республики — Казань.

Тюркскими этнотопонимами Северного Кавказа много занималась Н.В. Волкова. Она пишет о специфике номинации тюркских этнических единиц по географическим названиям: на с. 82 читаем о кубанской орде ногайцев, «состоящей из племен иштерек, каплу, лобата, джиган. В трех последних нетрудно узнать наименования горы Каплу и рек Лабы и Джигонаса, что соответствовало, видимо, местам кочевания и поселения в середине XVIII в.» [Волкова, 1973, с. 82]. В другом месте есть указание, что у карачаевцев и балкарцев существуют самоназвания отдельных групп: *бызынгылыла, холамлыла, чегемлелыла*, в основе которых лежат названия ущелий Безенги, Холам, Чегем [Волкова, 1973, с. 87]. Отметим, что Балкарский топонимический словарь Дж.Н. Кокова и С.О. Шахмурзаева (1970 г.) содержит редкие указания на этническое происхождение балкарских топонимов.

В Дагестане Х.Л. Ханмагомедов находит кумыкские топонимы Чагараул и Чагартюбе, Айдемирчагар, Тюменчагар, Адельгерайчагар, происходящие от имени племени *чагар*. Этноним *теркеме* формирует географические имена Уллутеркеме и Таракеме (повторяются несколько раз). Интересно замечание этого автора: «Кочевые народы в Азербайджане и ныне называются теркемейцами» [Ханмагомедов, 1976, с. 195]. Тюркские названия селений в разных районах Дагестана: Падари, Карадаглы, Карабаглы, Муган, Калмухатхан, Муги, Мугари, Мугертан, Мугвергин-Казмаляр, Туркменаул восходят к этнонимам. Большинство из перечисленных имен повторяются и в Азербайджане.

О кумыкских этнотопонимах писал К.С. Кадыраджиев [Кадыраджиев, 1980, с. 122—125]. В своей статье он приводит топонимы Къумукавул и Эндерейавул, которые, по мнению автора, восходят к племенным именам.

В Азербайджане изучением географических названий, в том числе и этнотопонимов, занимаются историки, лингвисты и географы. Следует отдать должное Г. Агаеву, К. Алиеву, Г. Гейбуллаеву, А. Гусейнзаде, Р. Юзбашеву, С.М. Моллазаде.

Г.Д. Агаев [Агаев, 1984, с. 143—150] отмечает ряд географических названий, восходящих к слову *айрум* — название жителей западной части республики: гора и нп Урумбазар, р. Урумбазарчай, гора Айрумча и селения Айрум, Гюлядзарайрум, Чарвадараурум и др. Четыре селения Караманлы — это следы одноименного сельджукского племени. Названия двух селений Шамлы также отражают племенное имя сельджуков. Огузы оставили свои этнотопонимы Баят (повторяется несколько раз), Узун-Баят и др. В топонимии Азербайджана представлены также этнические подразделения: *бахарлы, падар, ляк, сор-сор (сур-сур), осалы, шилян, туркман, коюнлы* (в топонимии встречается часто в сочетании с разными определениями: Тапкоюнлы, Каракоюнлы и т. д.). «Этнотопонимы географически локализуются, что позволяет выделить места компактного расселения и обитания тюрок в Закавказье в XI—XII вв.» [Агаев, 1984, с. 150].

Интересные статьи об этнотопонимах опубликовал Г.А. Гейбуллаев [Гейбуллаев, 1976, с. 81—84; 1983, с. 77—83], к последним он относит и такие широко известные названия, как Сумгаит, Шеки, Гянджа.

В работе «Опыт классификации ойконимов Азербайджана» [Гейбуллаев—Ахундов, 1978, с. 53—58] авторы выделяют большие группы этнотопонимов и указывают время их появления: 1) наиболее древняя, отражающая этнические общности античной эпохи: Шеки (*саха*), Гаргарчай (*гугар*) и др.; 2) древнетюркские раннего средневековья Юго-Восточной Европы и Северного Кавказа: Болгарчай, Хунан (*гунн*), Кенгерли (*кангар*), Гыпчаг (*кыпчак*), Команлы (*коман*), Хазарюрд (*хазар*) и др.; 3) этнотопонимы Тюркского каганата VI—VII вв.: Деллер (*теле*), Тиркеш (*тургеш*), Тубакант (*туба*) и др.; 4) сельджуко-огузские: Боят (*баят*), Гаякент (*кайы*), Ганлыкент (*канглы*), Падар (*падар*) и др.; 5) от названий племен, участвовавших в монгольских завоеваниях: Сумгаит (*сукаит*), Джалаир (*джалаир*), Тангыт (*тенгыт*), Даланлар (*джалаир*), Татармахла (*татарин*), Гурган (*куркан*); 6) от имен различных тюркских племенных общностей: Баян, Буджак, Базар, Газах (*казах*), Губа (*куба*), Гараманды (*караман*), Гянджа (*кенджек*), Гушчу (*кушчу*), Сабунчи (*сапун*), Аран (*оран*); 7) этнонимы с именами колен, входящих в состав племенных групп, засвидетельствованных в Азербайджане в XIX в. Имена почти всех колен получили отражение в географических названиях (конкретные примеры не приводятся); 8) нетюркские этнотопонимы: Араблар (*арабы*), Курдлар (*курды*), Арменикенд (*армяне*), Гурдживан (*грузины*), Лезгилар (*лезгины*), Талыш (*талыши*), Татлы (*таты*) и др.

Этнотопонимам Азербайджана посвятил свои статьи и А.А. Гусейнзаде [Гусейнзаде, 1971, с. 89—95; 1977, с. 47—51; 1979, с. 128—136]. Используя различные источники по истории Кавказа и Переднего Востока, он показал наличие значительного количества народных

этимологий, распространенных в современной научной и научно-популярной литературе. В результате его исследований стало возможным установить этнонимическое начало в ряде широко известных географических названий. Среди них: Баладжары (от древнего этнонима *беландзар*); Сабунчи (*сабанчи* 'пахарь, земледелец'); Шубаны (из араб. *шебайни* 'ветвь арабов хамса'); Апшерон (*афшар* — огузское племя, упомянутое Махмудом Кашгарским, основное значение «проворный», *-он/-ан* — иранский аффикс множественного числа); Джорат (*джуръят, джаджират* — монгольский этноним); Сарай (этноним и личное имя), Сумгаит (*сукаит, сакаит, сака*); Дуванны (ср. башкирское племя *дуван*); Баят (*баят*); Куба, Кубалы, Кубадерси и др. (род *куба* отмечен в середине XIX в. у кыпчаков Оренбургской губернии и среди киргизов/казахов чериков).

Особенность работ А.А. Гусейнзаде по этнотопонимии Азербайджана — это широкий географический охват больших территорий тюркоязычного ареала в поисках топонимических параллелей. Его построения опираются не на одиночные названия, а на их длинные ряды, что, как правило, убеждает читателя в доказательствах автора. Такая методика характерна для всех его статей, а одна из них так и называется — «Параллели огузских этнонимов в современной топонимии Азербайджанской ССР» (1977 г.), где они показаны на 11 примерах.

Остановимся кратко на статье А.А. Гусейнзаде «К этимологии топонима *kušči*» [Гусейнзаде, 1971, с. 84—95]. Во многих источниках упоминается тюркское родо-племенное объединение *кушчи, кушчу*. Автор статьи согласен с С.М. Абрамзоном [Абрамзон, 1946, с. 129], который расшифровал слово *кушчи* как 'охотник за ловчими птицами' от *куш* 'птица'. В персидском языке значение слова сужается: *куш* 'ловчая птица, сокол, ястреб', *кушчи* 'специалист по ловчим птицам'.

Этноним *кушчи, кушчу*, известный еще в «Бабур-наме», оказался весьма продуктивным в формировании тюркской топонимии на обширном ареале. В Азербайджане он присутствует в 18 географических названиях в формах Кушчу, Кушчулар, Ашагы Кушчу, Юхары Кушчу, Старый Кушчу и т. д. В Грузии аналогичные названия повторяются четыре раза, в Армении их нет, но в дооктябрьский период были в количестве семи: Кушчу, Кушили, Кушчибаба, Кущилар и т. д. Они обнаружены в Ираке и Турции, Средней Азии. Получается длинный топонимический ряд, слагающийся из десятков этнотопонимов.

Следует дополнить, что А.И. Алиев также опубликовал небольшую статью «Огузские этнонимы в топонимии Азербайджана» [Алиев, 1980, с. 58—61], в которой отмечены географические названия, образованные от родо-племенных имен: Баяндурлу (*баяндыр*); Баят (повторяется несколько раз, образовано от этнонима в той же форме); Дюгерли (*дюгер*); Эмир (*эмир*); Салер (*салур, салгур*); Ханыхлар

(*каныk*); Кырыклы (*кырык, гырхлы*); Кепенекчи (*кепенекчи* 'носящие бурку'); Чэндирли (*чэндир*).

Еще в 1926 г. О.Туманович обратил внимание на этнонимические названия магистральных каналов в Марыйском оазисе Отамыш и Токтамыш, названия, данные по родовым подразделениям большого туркменского племени *теке* [Туманович, 1926, с. 55].

По Туркменистану упомянем два основных источника: статью З.Б. Мухамедовой «Огузско-туркменские этнонимы» [Мухамедова, 1971, с. 27—37] и «Топонимический словарь Туркменистана» С.Атаниязова [Атаниязов, 1980]. Знакомство с этими работами убеждает, что многие географические названия Туркменистана восходят к родо-племенным именам. Так, топонимы Ата, Атагуйы, Атаоба связываются с туркменским подразделением *ата* (правда, есть и антропоним Ата). Повторяется топоним с основой *газаг* 'казах': Газагоба, Газагавул, Газакдегиш и др. [Атаниязов, 1980, с. 78].

Название племени *гоклен* оставило следы в целом топонимическом ряду: колодец Гокленгуйсы в западной части Каракумов, Гоклен, Гокленгырлан, Гокленмедресе. Имя племени *сарык* опознается в названии Сарыгынгойы и т. д. В книге С.Атаниязова «Топонимия Туркменистана» [Атаниязов, 1981] есть специальная глава, посвященная этнотопонимии, в которой приводятся списки достаточно ясных географических названий, восходящих к названиям народов, племен и других этнических единиц: Гыпжак и Гыпжакчай (*кыпчак*); Мугал и Мугалоба (*могол*), Ногай, Орусяп ('русский канал'), Хиндивар (*хинди, индус*). Топонимический ряд образует слово *араб*: Арапата, Арапаты, Арапажык, Арапхана, Арапша, Овганарап. Слово *афган* представлено в последнем примере, а также в ряде Овгангузер, Овгантепе, Овганёл. Прозрачны этнотопонимы: Меркит, Олам (*алам*), Чандыр, Халач, Човдур, Герей, Мукры, Баят.

Отметим еще статью Б.И. Вайнберга «Топонимика как источник по истории туркмен Хорезма» [Вайнберг, 1962, с. 41—46]. Этнонимические образования отмечены им в названиях селений, каналов, плотин. Так, канал Коджукяп и озеро Коджуккуль получили свои названия по имени родового подразделения туркменского племени *иомутов* (*ёмуд*); селения Таймассалак и Караходжаул — по именам подразделения туркмен-салаков. Близ чинка Устюрта видны развалины иомутских укреплений Кемкикала, Машрыксенгир, Бадасенгир. «Они возведены соответственно *кемки* (родовое подразделение *орсукчи), машрыками, бада* (родовое подразделение салаков). Названия некоторых плотин, сооруженных туркменами на Дарьялыке для поднятия воды, отводящих ее в каналы, иногда тоже свидетельствуют о родовой принадлежности их строителей, например Ушакбент, Салакбент» [Вайнберг, 1962, с. 43]. Родовое имя *салак* отразилось в названиях селения Салак, урочища Салак, канала Салак, а имя *сакары* — в топонимах Сакарчага, Сакартамлык, Сакаряп, Сакаргумбет. Название крепости Текесенгир говорит о возведении ее туркменами-текинцами.

Б.И. Вайнберг отмечает и этнотопонимы Укуз, Окуз, восходящие к слову *öгÿз*.

Считают, что тюрки-огузы получили свое название по имени мифического прародителя Огуза. С.П. Толстов [Толстов, 1948, с. 16] делает интересное замечание, что это слово в тюркских языках может означать также «бык» и «река» (*öküz*). Символ быка как силы и плодородия был связан с культом воды у земледельцев аридных стран. По мнению А.Н. Кононова, этноним *огуз* восходит к слову *öг* 'мать, род, племя', откуда *öгÿл* 'сын'. *Ог* + аффикс множественного числа *-уз* → *огуз* 'объединение племен, племена' [Кононов, 1958, с. 84]. Последняя по времени этимология принадлежит Н.А. Баскакову, который видит в основе слово *öг* 'разум, мысль', откуда *öгÿз/öгур* 'мудрый, мудрец' [Баскаков, 1985а, с. 62].

В русской литературе и в картографии есть название острова Огурчинского на туркменском побережье Каспийского моря, якобы по форме напоминающего огурец. На самом деле это название возникло по созвучию с этнонимом *огурджали* (подразделение туркмен иомутов).

Однако есть и другие примеры, позволяющие доказательно утверждать об обратном процессе, т. е. о переходе географического названия в этническое имя. Так, названия туркменских этнических общностей *гарадашлы* 'чернокаменные' и *мангышлаклы* (по названию п-ова Мангышлак) явно указывают на географическое начало. В туркменском племени *сарык* есть род *хоросанлы*, этноним, несомненно восходящий к топониму Хорасан (перс. *хорасан* 'восток'). Из родов племени *эрсары* отметим род *улуг депе*, т. е. 'большой холм, великий бугор'. Название явно топографического происхождения.

В соседнем государстве — Иране тюркские этнотопонимы представлены достаточно хорошо: Торкдере, Тепеторкман, Саларабад, Торкмандех, Иомудымбаши, Узбеки, Кешлакузбек, Кыпчак и Кыбчак, Казаклы, Татардех, Баятлар, Кешлакбаят, Карапапах, Кызылбаши и др. [Савина, 1980, с. 148—152].

Одним из первых исследователей, кто обратил внимание на большое количество этнических географических названий в Узбекистане, был Ц.Д. Номинханов [Номинханов, 1962б, с. 257—275]. Он насчитал 136 этнотопонимов, которые восходят к монгольским этническим образованиям. Наибольшее их количество локализуется в Бухарской и Самаркандской областях (44 и 42 соответственно). Этнонимы *мангыт, кенегез, кунград, каучин, татар, буркут* и некоторые другие, что отложились в топонимии, нельзя считать только монгольскими, они присущи и тюркскому родословному древу.

Специальная работа по тюркской этнотопонимии Узбекистана, вернее его плотно населенной части — Фергане, принадлежит С.С. Губаевой [Губаева, 1983]. В книге приводится много географических названий, отражающих родо-племенную принадлежность жителей. Сравнительная таблица этнонимов некоторых тюркских народов

(с. 10—13) позволяет увидеть распространенность и частоту одинаковых этнонимов в Средней Азии, Казахстане, Башкирии. Так, например, этнонимы *балыкчи* (*балыкши*) отмечены у узбеков, киргизов, казахов, туркмен; *кушчи* у узбеков, киргизов, туркмен, башкир, азербайджанцев; *карга* у узбеков, киргизов, башкир, у некоторых тюркоязычных народов Сибири. В Учкурганском районе Наманганской области живут узбеки, кыпчаки, киргизы. Кыпчакские родовые названия встречаются в 36 топонимах: Таз, Еттыкашка, Сузак, Актаулы и др., в 20 этнотопонимах — киргизские: Найман, Могол, Каратери.

Любопытна статистика топонимов населенных мест, отражающих те или иные этнические единицы: Учкурганский район 33% (данные 1971 г.), Ичкиликская и Араванская волости Маргиланского уезда более 50% (1924 г.). В местах проживания ферганских каракалпаков 27% названий селений восходят к именам племен и народов (1909 г.).

Родо-племенной принцип расселения был присущ алтайцам, киргизам, башкирам, туркменам, полуоседлым узбекам, арабам. Таким было и расселение в городах, где отдельные кварталы (махалля) формировались по этническим или родственным признакам. До революции в Андижане было 100 кварталов. Среди них: Калмак, Казак, Уйгурабад, Карабура, Люли (т. е. цыгане), Яланчач, Каллык (*карлук*). В Маргилане было 200 кварталов: Туркляр, Кыпчак, Кунград, Кушчи, Канды, Такаляр и др.

В заключении С.С. Губаева пишет: «Данные топонимии в сочетании с этнографическим материалом, собранным во время поездок по Ферганской долине, позволили сделать вывод, что географические названия, образованные от этнонимов, могут служить одним из важных и надежных источников при изучении этнического состава населения того или иного района. Конечно, не следует преувеличивать значения топонимии. Это лишь один из источников при исследовании указанной проблемы, но его нельзя и недооценивать» [Губаева, 1983, с. 90].

Значительный этнотопонимический материал по южной части Узбекистана содержится в книге Б.Х. Кармышевой «Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана...» [Кармышева, 1976]. Автор в ряде мест показывает географические названия, отражающие родо-племенные единицы узбеков: Найманбулак (*найман*), название кишлака Меришкар повторяется несколько раз (*меришкар* — небольшая группа узбекоязычного населения), Туркменская степь, или Туркмендашт, близ Денау (узбекское племя *туркмен-джуз*).

К.Абдимуратов [Абдимуратов, 1970] приводит список этнотопонимов Каракалпакии. Выше уже было сказано о сложной и разветвленной родо-племенной структуре каракалпаков. Среди географических названий республики можно обнаружить Акмангыт и Мангыт, Кенегес, Казаяклы, Канглы, Конграт, Кыпшак, Кыят, Найман и др.

Г.Ф. Благова [Благова, 1970б, с. 300—304], ссылаясь на Н.Г. Маллицкого, упоминает узбекские топонимы Джагатай/Чагатай, а также

Дамчагатай, Юкарычагатай. В Ташкенте названия многих кварталов (махалля) включали этноним *чагатай*, и в прошлом были даже городские ворота Чагатайдарваза. Чагатай — первоначально монгольское личное имя сына Чингисхана. Позже оно вошло в название тюркского улуса и средневекового литературного языка узбеков. Топонимия Средней Азии, Афганистана и Ирана сохранила следы чагатайцев.

Племенное имя *мангыт* (*мангит, мангут*) — первоначально монгольский этноним. Русские летописи упоминают его для обозначения золотоордынцев. «Письменные источники XIV в. рисуют подробную картину постепенного распада Золотой Орды на отдельные ханства: в конце столетия возникает Крымское ханство, примерно в 1392—1396 гг. обособляется Ногайская Орда, которая в источниках до XVI в. называлась Мангытским юртом, а его население мангытами. Восточные авторы XIII—XVII вв., не знающие ногайцев, упоминают племя мангутов» [Волкова, 1973, с. 77]. Однако топонимические образования, связанные с мангытами, относятся в основном к Средней Азии и Сибири. Наиболее известны в Самаркандской области Мангитабад, в Кашкадарьинской — два селения Мангит. Упомянем тут же Мангут в Омской и Читинской областях.

Еще один известный этнотопоним Узбекистана, уже упомянутый, — Кураминский хребет. *Курама* — тюркское племя, обитавшее в долине и горах Ангрена. У В.В. Бартольда читаем: «В XIX в. слово *курама* употреблялось не только как этнографическое, но и как географическое и административное понятие: дорога из Коканда в Ташкент через перевал Кендир-даван называлась „дорога курамы"» [Бартольд, 1968, т. 5, с. 552]. В XIX в. был Кураминский уезд. Ныне горы Кураминского хребта частично проходят по Северному Таджикистану.

Любопытна этимология слова *курама*. По В.В. Радлову [Радлов, 1899, с. 924], *курама* 'одеяло, сшитое из лоскутьев'. В.В. Бартольд, ссылаясь на это свидетельство, указывает, что, по утверждению киргизов, такой этнос образовался за счет многих родов узбеков-киргизов, соединенных, «сшитых» как бы из лоскутков [Бартольд, 1968, т. 5, с. 552].

Подытоживая информацию об этнотопонимах Узбекистана, следует указать, что в авторефератах кандидатских диссертаций по топонимии отдельных его областей и городов можно обнаружить немало примеров, подтверждающих мысль о большой роли этнической истории в формировании современной топонимии. В книге С.Караева [Караев, 1991] указывается, что географические названия Акбура, Карабура, Беговат, Араван, Уртасарай, Бустон оказываются вторичными. По подсчету этого автора, от 10 до 30% ойконимов республики — это этнотопонимы. Их больше всего в Зеравшанской долине, о чем было сказано в докладе на XI Международном ономастическом конгрессе в Софии в 1972 г. [Караев, 1975, с. 459—463].

Приведем еще некоторые статистические данные. Так, в Самаркандской области из 3700 названий населенных мест этнотопонимов оказалось около 800, из них Канглы и Кипчак в разных вариантах повторяются по 18 раз, Найман — 24 раза, Араб — 15, Бешбалад — 16, Туркман — 14, Кунград — 12 раз. В Бухарской области этнотопонимов 14—15%, из них Араб с вариантами повторяется 72 раза, Сарай — 23, Узбек — 14, Мангыт — 10, Карлых — 9, Кипчак и Куланчи — по 7 раз, Кунград — 6, Туркман и Таджик — по 5 раз (данные 1959 г.).

В Булунгурском районе Самаркандской области узбекское племя каракалпаков сосредоточено в 80 кишлаках, из них 74 отражают в названиях родо-племенные имена: Бурлак, Хитай, Мангит, Каракунград, Татар, Каракалпак (четыре топонима). Оставили свои следы и названия племен *тунклы, юзы, кырки* и *кыпчаки* [Туйчиев, 1980, с. 34—45]. В ближайшем Джамбайском районе 56% названий кишлаков образованы от этнонимов и только 5% от имен и прозвищ людей [Туйчиев, 1980, с. 46—54]. Правда, остается неясным, включены ли в эту статистику физико-географические объекты. Выше шла речь только о населенных пунктах и оросительных каналах.

В соседней Бухарской области в конце XIX в. было зарегистрировано 2800 названий населенных пунктов. Из них одна треть — тюркские этнотопонимы (в Бухарском оазисе). По переписи 1979 г. в области насчитывалось 3500 кишлаков, поселков, городов. Этнотопонимов уже оказалось гораздо меньше — 13—14%. Среди них: Минг, Минглар, Мингтон, Курама, Дурман, Дурмантепа, Дурманон, Барин, Бахрин, Бахринча, Миришкор [Найимов, 1984, с. 8, 11—12]. Эти показатели согласуются с данными С.Караева.

Любопытную статистику этнотопонимов в пределах Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областей привел Т.Нафасов [Нафасов, 1985, с. 54]. По его данным, из 1534 таких географических названий оказалось 1106 ойконимов, 303 оронима и только 125 гидронимов. Возможно, что некоторые названия физико-географических объектов восходят к названиям населенных мест.

С.М. Абрамзон приводит список этнонимов Киргизии, восходящих к названиям тотемных животных: *бугу* 'самец оленя', *быгыш* 'лось', *бӧрӱ* 'волк', *каман* 'кабан', *тӱлкӱ* 'лисица', *торгой* 'жаворонок', *ӱкӱ* 'филин' и др. Кроме того, он указывает на совпадение личных имен и этнических единиц: Чубак и *акчубак, байчубак*, Кошой и *кошой*, Эштек и *эштек*, Кӧкчӧ и *кӧкчӧулу*. Эти примеры еще раз говорят о трудностях разделения топонимов, образованных от названий животных, этнонимов и антропонимов [Абрамзон, 1946, с. 123—131].

Этнотопонимы Киргизстана частично перекликаются с другими географическими названиями тюркоязычных республик. В работе Н.А. Баскакова «Этнонимы алтайцев, киргизов, тувинцев и хакасов как источник этногенетических связей» имена некоторых киргизских

этнических подразделений уже знакомы по предыдущим примерам. Среди них: *керейт, конграт, кыпчак, меркит, найман, могол, кушчу* [Баскаков, 1985б, с. 23—28].

Топонимика Киргизстана в обобщенном виде наиболее полно представлена в работах Д. Исаева «Загадки географических названий» [Исаев, 1977] и К. Конкобаева «Топонимия Южной Киргизии» [Конкобаев, 1980]. Оба автора приводят списки географических названий, отражающих родо-племенную структуру тюркских народов, и киргизов в частности. У Д. Исаева такой список включает 23 этнотопонима (с. 49—50), у К. Конкобаева — 73 (с. 97—98). Некоторые из них повторяются дважды и больше в пределах Ошской области. К. Конкобаев различает собственно киргизские этнотопонимы (их 59): Бугу, Кесек, Мамай, Савай, Сарылар, Чон(г)-Багыш, Кыргыз-Гава, Кон(г)-урат, Могол, Нарайи-Найман, Токмок-Булак, Шерали-Кыштак, Баташ, Найман, Бостон и др. Этнотопонимы других народов на географической карте республики: Узбек-Тоо, Уйгур-Абад, Арап, Узбек-Гава, Турк-Абад, Карачай, Тожик-Кыштак, Галча, Кашкарчы и т. д. Слово *калмык* повторяется несколько раз: Калмаклы, Калмак-Кырчын, Калмак-Ашу в южной части республики, Бай-Калмак и опять же Калмак-Ашу в северной. Этнотопонимы Найман, Кутчу, Кон(г)урат, Могол, Мундус, Сарылар, Багыш отмечены на всей территории Киргизии. Любопытно, что слово *кипчак* (*кыпчак*) приведено Д.Исаевым, но отсутствует в списке К.Конкобаева, хотя, как уже было сказано, в Фергане географические названия, восходящие к именам киргизских этнических единиц, — явление обычное.

Загадочным топонимом в Киргизии до последнего времени был Токмак (Токмок). Он повторяется на Алтае (речка Токпок), в Казахстане (урочище Токмак), в Узбекистане (кишлак Тухмак), на Украине (г. Токмак), на побережье Каспийского моря (мыс Токмак). *Токмак* букв. 'колотушка'. С.Умурзаков, анализируя топонимический ареал названия, отвергает бытующий перевод и приводит указание В.В. Радлова: «крутой водоворот»; «большая ловушка для ласок». Но такие значения не сохранились в киргизском языке. Интересно другое: «Нельзя не обратить внимания на идентичность этого слова с названием одноименного средневекового этнонима и отдельных родо-племенных подразделений... (они) входят в состав киргизских племен саяк и ават. Они имеются и среди казахских этнических групп» [Умурзаков, 1985, с. 14]. Племя *токмок* населяло в XIV—XV вв. среднеазиатское междуречье и Восточный Дашт-и-Кыпчак, известный под названием страны Токмак. В.В. Бартольд указывает, что местность Бурлак севернее Ташкента имела и другое название: «В данном месте и в некоторых других страна узбеков обозначается также словом Токмак» [Бартольд, 1964, т. 2, ч. 2, с. 102, примеч. 40].

Известно, что у казахов главными этническими подразделениями были жузы: старший (улы), средний (орта) и младший (киши). Существует несколько этимологий этого слова: 1) тюрк. *жуз, юз* 'сто

(сто племен)'; 2) араб. *джоз* 'часть', 'ветвь чего-нибудь'; 3) тюрк. *огуз* 'племена, объединение племен'. Ср. *тогуз-огуз* 'девять разных племен' и старотюрк. *ог* 'мать', *огул* 'потомство, сын' [Жанузаков, 1980, с. 17—18].

Жуз — хозяйственное и географическое понятие, территория племенного союза казахского народа.

Большую работу по исследованию этнонимии и этнотопонимии Казахстана выполнил А.А. Абдрахманов [Абдрахманов, 1979а; 1979б]. Он упоминает географические названия Кердери, Аргын, Кышпак, Уранхай, Мерке, Кытай, Конырат, Теке, Керей, Сунак, Кыргыз и другие, которые повторяются как в Казахстане, так и в других тюркоязычных республиках, что получило отражение на предыдущих страницах. По его мнению, «комплексное историческое, этнографическое и лингвистическое изучение этнонимов и топонимов дает неоценимый материал по этногенезу и расселению тюркских народов и народностей, по истории их языка» [Абдрахманов, 1979, с. 27].

А.Абдрахманов обобщил большую литературу об этническом составе тюркских племен, особенно об этнических подразделениях казахов, имена которых *ойгыр/уйгыр, канглы, созак* получили отражение в географических названиях (есть пп Сузак в южной части Казахстана). *Созак* возводится к названию группы ираноязычных кочевых племен *саки* и этимологизируется как *су-сак* 'водные саки' (ссылка на А.Н. Бернштама). Страна Аргын, находившаяся в центральных и северных областях Казахстана, была заселена многочисленным этносом *аргын/аргун/аргу*, куда они переселились из южных и восточных областей, из Семиречья. Название Аргун восходит к *ар* 'задняя сторона, запад' + *гун* 'западные гунны', где *гун/кун* 'племя, народ, род'. Ср. *гунны-усуни, гунны-киркуны, гунны-команы, гунны-йомуты.*

Краткий толковый словарь топонимов Казахстана Е.Койчубаева [Койчубаев, 1974] позволяет привести конкретные примеры номинации географических объектов на основе этнических имен. Этот автор пишет: «Значительное место в словаре занимают так называемые этнотопонимы, т. е. топонимы (или гидронимы, оронимы), восходящие своей основой к этнонимам. В многочисленных случаях можно проследить их переход в этнонимы и наоборот — этнонимов в топонимы. Например, географические имена Аламан, Баян, Долан, Ельчен, Жабай, Жабасак, Икан, Калмак, Караул, Каспан, Маремик, Матай, Ногайлы, Сарнокай, Топар, Укок, Улан, Урымтай, Хантэли, Чаульдыр, Шага, Шагатай (или Чагатай) и многие другие образованы на базе этнонимов и идут по линии древних родов, племен и этнических групп аборигенов» [Койчубаев, 1974, с. 11—12]. Далее в словарных статьях отмечены многие подобные географические названия: Есентай, Кастек, Кенгир (Кангар), Кердели, Конурат, Найманмола, Наймансуек, Тунк, Кошкар, Сунаката, Мын и др. Некоторые толкования Е. Койчубаева могут быть оспорены, например: «Кендырлык — по

этнической основе тюрков». Но сравним *кендыр* ‘растение, дикая конопля’; *кендырлик* ‘(урочище), изобилующее зарослями конопли’; топоним Мугоджары (Мугаджар) этот автор связывает с именем тюркского племени рода *муган; мугаджар* объясняют так же, как «резкие уступы на вершинах». Следует вспомнить другие названия этих гор: Мугулжарские, Магулжарские. Ср.: *монгол, монгул, могол, мугальский, мунгальский* [Матвеев, 1980, с. 175—176].

Об этнотопонимах у тюркоязычных народов Сибири в литературе сведений очень мало. Несмотря на большие успехи томских ученых школы А.П. Дульзона в изучении Западной Сибири, Алтая и других горных районов Южной Сибири, вопрос об отражении в топонимической лексике родо-племенных имен пока остается в значительной степени открытым.

По топонимии Алтая есть две крупные работы О.Т. Молчановой [Молчанова, 1979; 1982], но в них практически отсутствуют данные по этнонимике и ее отражении в географических названиях. Родо-племенные связи подразделений киргизов и южносибирских тюрков систематизированы в упоминавшейся статье Н.А. Баскакова [Баскаков, 1985б, с. 19—28]. Выясняется, что названия тюркоязычных родов повторяются максимально до 11 раз у алтайцев и телеутов. Среди этнонимов: *кыпчак, сойон, майман (найман)* и др. Как они получили отражение в топонимии Сибири — мало известно. Помимо упоминавшихся названий Саян, Иркут, Тува, М.Н. Мельхеев [Мельхеев, 1976, с. 26—45] доказывает этнонимическое происхождение топонима Сибирь от названия племени *сыбыр, шибир*, которое обитало на юге Западной Сибири в начале XIII в. Однако к какой языковой общности его можно отнести: к тюркско-монгольской, угорской? Пока это не удалось установить. Был город Искер (Сибирь) близ Тобольска. «Он был основан в XI—XII вв. местными хантыйскими племенами, относящимися по языку к финно-угорской семье. Поэтому наиболее вероятным является предположение, что название „Сибирь“ связано с именем племени, принадлежавшего к финно-угорским народам» [Мельхеев, 1976, с. 33]. На севере Урала, замечает автор, течет река Сибирчатаяха. Происхождению топонима Сибирь посвящено несколько противоречивых статей. Их критический обзор выполнен Э.М. Мурзаевым [Мурзаев, 1995, с. 168—175]. В основе этого названия виден нарицательный тюрко-монгольский термин *шибыр/сыбыр* ‘болото, заросли кустарников по увлажненным низменным местам, грязь’. Жители Западной Сибири, обитатели болот, получили такое же наименование. Такие примеры общеизвестны: поле — поляне, горы — гурали, полесье — полехи, полещуки. Из Западной Сибири название распространилось постепенно на большие территории России на восток от Иртыша, Оби и Енисея.

В Бурятии есть река и село Туба, улус Хиргиз. Добавим: этноним *кыргыз* вошел в название многоводного и обширного озера Хиргиз-Нур в Котловине Больших озер в западной части Монголии.

М.Н. Мельхеев к этническим топонимам хакасского происхождения относит названия рек и населенных пунктов Кача, Бирюса, Арейское, Моторское, Сагайское, Тинск, Шушь (Шушенское), Ачинск, Койбалов улус [Мельхеев, 1976, с. 42].

В своей посмертно изданной книге «Географические названия Приенисейской Сибири» (1986 г.) этот исследователь топонимии Сибири относит к этнонимам и имя большой реки Абакан ‘река племени аба, абалар’, в хакасском — Агбансуг. Этнонимами, по его мнению, оказываются гидронимы Абан — пр. Усолки, Ага и Агул — притоки Кана, хр. Карлыган в Западном Саяне (другое решение — от *кар* ‘снег’), Койбальская степь в Минусинской котловине, нп Сагайское в Хакасии, хр. Саяны, р. Туба — пр. Енисея, хр. Тумат-Тайга в Туве и др.

В известной монографии В.Л. Серошевского «Якуты. Опыт этнографического исследования» [Серошевский, 1896] много страниц уделено характеристике родового быта и родо-племенной структуре этого народа. Автор пишет о трехступенчатой системе — улус, наслег, род, указывая, что в ряде случаев непросто точно установить, где кончается наслег и начинается род. Он перечисляет 18 улусов, из них восемь относятся к Якутскому округу, представленному на карте. Интересно, что среди наслегов и улусов нередко повторяется этноним *канга*, уже знакомый читателю. Повторяется также этноним *долон*. В.Л. Серошевский составил специальную ведомость родо-племенного деления якутов, из которой видно, что одни этнонимы восходят к географическим названиям и терминам: *хадар* ‘скала, утес’ (эвенк.), Алдан, *хантагай* ‘плоский останец, гора с плоской вершиной’, *тастах* ‘скалистый, горный’; другие — к названиям тотемных животных: *андылах* ‘утка-турпан’ и *сасыл* ‘лисица’, откуда и произошли многочисленные топонимы: оз. Андылах, нп Андылах, реки Сасыл-Уялах, Сасыл-Юрях, гора Сасыл-Быталах и т. д. Название наслега *хатырык* отражено в гидронимии и топонимии населенных мест Якутии: реки Хатырык-Юрях, Хатырык, оз. Хатырыктах, селения Хатырык и Хатырык-Хомо [Комаров, 1964]. Самоназвание якутов *саха* заметно в гидронимии: Саха-Юряге, Саха-Юрюе, Саха-Бысыта, Саха. Этноним *тумат* породил названия р. Тумат, озер Тумат, Улахан-Тумат, Тумат-Арылага, нп Тумат.

В начале XVIII в. якуты не составляли «единого политического целого, а делились на целый ряд независимых друг от друга племен. Однако родо-племенные отношения уже разлагались, и имелось налицо довольно резкое классовое расслоение» [Народы Сибири, 1956, с. 270]. Может быть, поэтому в топонимической литературе очень мало сведений по якутской этнотопонимике, хотя есть работа по этнонимии Б.О. Долгих «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVIII в.» (1960 г.). По его данным (с. 616—617), тюркоязычное население в XVII — начале XVIII в. составляло 67 710 человек, в том числе якутов 28 470 человек. Б. Сюлбэ [Сюлбэ, 1985] указывает на

присутствие ряда этнотопонимов в топонимии республики. Так, в окрестностях Якутска шахтерский поселок Кангалассы (якут. Хангалас) наречен по имени крупного якутского племени *хангалас*, в котором автор видит тот же широко распространенный этноним *канглы*. В прошлом в Якутии были Тумацкая волость, Тумацкий остров в дельте Лены, Тумацкий наслег. И ныне есть нп Туматский и Тумат, река Тумат, дельтовые притоки Лены Большой и Малый Тумат и Тумацкое устье. Племя *тумат* издавна обитало в Восточной Сибири и в Якутию пришло с юга в те далекие времена, когда там еще не было якутов. Этническая общность *тумат* была среди телеутов, алтайцев, тувинцев, узбеков, эвенков, монголов. Б.Сюлбэ считает туматов исконно монгольским племенем. Несколько топонимов образовано от имени *кыргыс*.

В каком количестве сохранились ныне в топонимии тюркские этнические географические названия более или менее крупных населенных пунктов, в которых работают почтовые отделения? На этот вопрос отвечает «Алфавитный список предприятий связи СССР» [АСПС, 1974, 1978]. В качестве примеров из списка взяты наиболее часто повторяющиеся тюркские этнотопонимы.

Чуваши, Чувашский брод, Чувашева Гора и другие формы повторяются 27 раз; Казах, Казак — 17; Узбек и его варианты: Узбекан, Узбекгава, Узбекаб, Узбекистан — 14; Туркмен, Туркменкала, Туркменкишлак, Туркменистан — 7 (в том числе Туркмен в Клинском районе Московской области); Киргиз и производные: Киргиз-Ата, Киргиз-Курган, Киргиз-Кипчак — 13; Кипчак, Кыпчак — 12; Найман — 9, Конград, Кунград, Коунрадский — 8; Мангыт, Мангут, Акмангыт — 9; Кушчу, Кушчи, Кирикушчи — 8; Канглы, Канлы — 7; Уйгур, Уйгурский — 6; Нагай и Нагаево — 5; Каракалпак — 4; Туба, Тубинский — 4; Печенеги, Печенеж, Печенежин — 3; Башкирское — 3; Огуз в форме Окузап — один раз. Абсолютное первенство в этом списке принадлежит этнониму *татар, татарин*. С его участием образованы названия 72 населенных мест, имеющих почтовые отделения на обширном пространстве от Молдавии (Татарашаны, Татарешты) до Новосибирской области (Татарская) и Бурятии (Татарский Ключ)[4]. Но больше всего таких топонимов в Поволжье.

Количество этнотопонимов в действительности следует несколько увеличить, так как алфавитный список позволяет учесть только те, которые отражают родо-племенное имя, стоящее в сложных словах в первой позиции. Гораздо труднее выявить географические названия, где они стоят во второй части: Акмангыт, Каракушчи.

[4] Сознательно опущен пример с Татарским проливом, отделяющим остров Сахалин от материка. Первоначально он был назван французским мореплавателем Жаном Лаперузом в 1787 г. Manche-de-Tartarie (Манш-де-Тартари), т. е. Татарским рукавом. В то время в Европе Великую Тартарию представляли как территорию, граничащую на востоке с берегами Тихого океана.

Выше специально упоминались географические названия, в основе которых лежат числительные: *тогуз* ‘девять’, но и племя *огуз, кырк* ‘сорок’, но и — одноименное узбекское племя. Так же, как и *юз* ‘сто’, *минг* ‘тысяча’. У башкир тоже есть род *минг*. В таких случаях при объяснении происхождения топонима нелегко ответить на вопрос, к чему следует апеллировать — просто к числительному или к этнониму.

В заключение приведу короткую цитату из работы американского лингвиста и этнолога Эдуарда Сепира «Положение лингвистики как науки»: «Чрезвычайно важно, чтобы лингвисты, которых часто обвиняют — и обвиняют справедливо — в отказе выйти за пределы предмета своего исследования, наконец познали, что может означать их наука для интерпретации человеческого поведения вообще. Нравится ли им это или нет, они должны будут все больше и больше заниматься различными антропологическими, социологическими и психологическими проблемами, которые вторгаются в область языка» (цит. по [Звегинцев, 1960, с. 181]).

Антропотопонимия

Кажется, нет топонимических систем, которые не включали бы названий географических объектов, восходящих к личным именам и прозвищам людей. Это общее положение более всего проявляется в номинации жилых мест.

Сошлюсь на свидетельство А.И. Попова, который писал: «Личные имена — собственные имена, прозвища и клички (позже и фамилии) сыграли огромную роль в образовании названий населенных пунктов. Заметное место здесь занимают географические названия, происходящие от имен первопоселенцев в той или другой местности, от прозвищ и фамилий владельцев земельных угодий» [Попов, 1981, с. 116]. В тюркской топонимии такие географические названия могут относиться к пастбищам, кочевьям — как в горах, так и на равнинах, колодцам в степях и пустынях. Вряд ли следует распространяться о закономерностях зарождения антропотопонимов. Они общеизвестны. Имя человека, выкопавшего и оборудовавшего колодец, переходит в название этого колодца. Имя старейшины какого-либо рода, регулярно меняющего местность для выпаса домашних животных по сезонам, может трансформироваться в географические названия кочевий, зимовок, летовок или пастбищ, ограниченных какими-то природными рубежами (долина, сырт, межгорная котловина). В условиях кочевого феодализма собственность на землю с угодьями для охоты или для выгула скота закреплялась за ханами, баями, манапами, этот процесс способствовал номинации географических объектов.

Кочевых племен, специализировавшихся на рыбном промысле как основном в их хозяйственном комплексе, либо совсем не было, либо

было мало. Монголы, например, до недавнего времени вообще не употребляли рыбу в пищу. Понятно, что антропогидронимов в пределах расселения кочевников ничтожно мало. К тому же названия больших рек и озер — категория более древняя и устоявшаяся по сравнению с ойконимией. С течением времени гидронимы, может быть, и изменились, но все же сохранили архаические черты, в отдельных случаях позволяющие их как-то прочитать.

Жителей части средневекового Тюркского каганата порой называют орхонскими или орхоно-енисейскими тюрками. Известно, что в бассейне р. Орхон в Хангайских горах Монголии, в верхней части бассейна р. Енисей были впервые обнаружены каменные памятники с руническими письменами. Но сами гидронимы Орхон и Енисей не раскрываются на почве тюркских языков, так же, как нет удовлетворительных монгольских или тунгусо-маньчжурских этимологий. Видимо, название Орхон все же имеет индоевропейскую основу (вспомним скифов Алтая, тохаров Центральной Азии), а название Енисей — угорскую или самодийскую.

При анализе этнотопонимии были высказаны сомнения в первичности родо-племенного имени в ряде топонимических образований. Подобные скептические мысли возникают и при анализе антропотопонимической группы собственных названий. И вот почему.

Мы знаем примеры, бесспорно иллюстрирующие обратный переход географического названия в имя человека. Якуты присваивают своим детям гидронимические имена Алдан, Вилюй, Томмот, Яна; туркмены — Теджен; башкиры — Дим, Итиль; киргизы — Таласбай, Нарынбубу [Никонов, 1974, с. 92]. Это современные данные.

Обратимся к истории. Имя первого тюрколога Махмуда Кашгари восходит к топониму Кашгар — города в Восточном Туркестане, ныне в китайской провинции Синьцзян. Другой великий среднеазиатский ученый Абу Райхан Бируни родился в кишлаке Беруни в Хорезме. Из Хорезма родом и математик Мухаммед Хорезми. Азербайджанский поэт и мыслитель Низами Гянджеви происходил из города Гянджа. Эта традиция известна как на Востоке, так и на Западе и может быть названа ономастической универсалией. Леонардо да Винчи назван по городу Винчи в Италии, Гераклит Эфесский — по городу Эфес в Малой Азии, Климент Охридский — по городу Охрид в Югославии, Шота Руставели — по городу Рустави в Грузии. В современной русской ономастике таких фамилий сотни: Волгин, Москвитин, Сибирцев, Днепров, Ярославский и т. д. По существу такие формы прямо отвечают на вопрос: где родились носители этих «географических» фамилий? С антропотопонимами вопрос о первичности личного имени или географического названия осложняется еще нередким переводом этнонима в личное имя, и наоборот — последнее переходит в название племени, народа.

Так, И.Г. Добродомов, анализируя употребление имен Итларь и Кытанъ в «Повести временных лет», сомневается в возможности отнесения их к антропонимам. Есть и географическое название Итларь, связанное с этническим подразделением половцев: «Итак, встречающиеся под 1095 г. в „Повести временных лет“ собственные имена Итларь, Итларевич, Кытанъ, вероятно, должны рассматриваться не как личные имена, а как этнические названия, которые получили переосмысление уже в момент записи рассказа от тюрка, участника описываемых событий» [Добродомов, 1980, с. 225].

Выше уже упоминалась триада: легендарный предводитель тюркского народа Ногай дал имя ногайцам, а оно уже отложилось в топонимии. Среди личных имен находим: Болак/Блах/Балах, но отмечено и племя *булак*; Телес/Телец/Толес/Толеч по роду *телес*, и ныне известного на Алтае; Хоногур по племени *он огур* ‘десять огуров’ [Баскаков, 1985в, с. 29—36]. Примечательно, что этот автор высказывает в ряде случаев сомнение: «Котрига/Котрага — имя сына булгарского хана Кубрата: *hotur ogur/hotur otuz* ‘тридцать’ + *огур* ‘название племени огуров’ → *hotur oguz* ‘тридцать огуров’ — имя собственное. Возможно, что в источниках смешивается собственное имя с названием рода, подвластного данному лицу» [Баскаков, 1985в, с. 32]. И это легко объяснимо, если вспомнить, что личное имя родоначальника после его смерти переходило в этноним и обозначало какую-то родовую общность, а с другой стороны, у В.А. Гордлевского читаем: «Вообще прозвища у огузов связаны были с племенным происхождением или родовым строем» [Гордлевский, 1960, т. 1, с. 84].

И это еще не все. Титулы нередко используются в качестве антропонима: Тармач — мужское имя и название титула; Чул/Чулы, возможно, от *čur* — титул и имя собственное; Эрекан от *irkin* — титул и имя собственное, Текин — Тегин от *tegin* ‘принц’. «В данном случае источники смешивают титул с собственным именем» [Баскаков, 1985в, с. 34]. Тюркско-монгольский титул (звание, социальное положение) *дархан/тархан* используется в ономастике очень широко как в личных, так и в географических именах. Всем известный топоним Астрахань большинство топонимистов связывают с этим термином. Н.А. Баскаков [Баскаков, 1985в, с. 30] находит имя хазарского хана Астрахан, где *ас* ‘алан, осетин’, по другой версии — название тюркского племени. Этот же титул формирует и мужское имя Алптархан у хазар, где *алп* означает ‘герой’. Специально о происхождении географического названия Астрахань писал и И.Г. Добродомов, который несколько иначе понимает эту этимологию, видя в топониме сложение двух титулов *ас* + *тархан* (второй слагает также известное летописное название Тьмуторокань, ныне Тамань) [Добродомов, 1976, с. 114—116].

Трудности выявления личного имени в топонимах осложняются тем, что в тюркской среде родившемуся могли произвольно, не руководствуясь никакими канонами и не соблюдая преемственности, присвоить имя, непосредственно восходящее к апеллятиву: Таш (Ташбек) ‘камень’, Темир ‘железо’ (Тимур), Бори ‘волк’, Алтынбаш ‘золотая

голова', Товшан 'заяц', Алма 'яблоко', Барс 'барс, тигр' (также и этноним). Некоторые из них восходят, видимо, к тотемам.

Н.М. Пржевальский, будучи в Восточном Тянь-Шане, описал две высоколежащие межгорные котловины, богатые пастбищами, поэтому в летнее время очень оживленные. Он записал их названия, Большой и Малый Юлдуз, и привел перевод 'звезда' (ср. тур. *yildiz*, узб. *юлдуз*). Однако, может быть, местные жители так «величают» впадины Юлдуз из-за хороших условий для скотоводства, богатых хорошими пастбищами и водой. В древнетюркском словаре [ДТС, 1969, с. 278] находим название оз. Юлдуз в Восточном Туркестане. Но Юлдуз — также собственное женское имя! Подобные личные имена присущи не только тюркской ономастике. Они семантически повторяются и в славянской. С.Б. Веселовский [Веселовский, 1974] среди древнерусских имен и фамилий находит: Иван Арбуз, Яков Барсук, Иван Болото, Булат, Волк, Алексей Гора, Горностай, Василий Железо, Максим Курган, Курень, Иона Озеро, Иван Сазан и др. Как в таком случае классифицировать производные топонимы: образованы ли они от личных имен или от географических, зоологических, ботанических апеллятивов? Ответить на такой вопрос может помочь история. И только в том случае, если она сохранила какие-то следы. А если они стерлись?

Выявление антропотопонимов осложняется переносом названий животных на личные имена. И здесь в тюркской номинации нет ничего специфического. Вспомним русские Лев, Медведь, Жеребец, Лунь, Лисица, Бобр, Корсак и много др.: «Корсак литовский род, во второй половине XV в. и позже Корсаковы в Московской Руси» [Веселовский, 1974, с. 157]. Это тюркизм: *корсак* 'степная лиса', чуваш. 'заяц-русак', тув. *кырса* 'хорек', якут. *кырса* 'песец', что К.А. Новикова считает заимствованным из монг. *хярс*, бур. *хэрсэ* 'лисица' [Новикова, 1979].

Тюркское личное имя Арслан восходит к апеллятиву *арслан* 'лев'. Некоторые герои киргизского эпоса «Манас» носят «зоологические» имена: Чоян 'скорпион', Торгой 'жаворонок', Коён 'заяц', Кокбёрү 'серый волк', Сыргак 'беркут', Түлкү 'лисица'. В таких случаях непросто объяснить антропотопонимы, которые могут непосредственно восходить к названиям животных или через их посредство к именам людей.

В тюркской антропонимии следует видеть три языковых пласта. Один из них исконно тюркский, второй, более поздний, арабско-персидский (мусульманский), в недрах которого сформировались многие современные географические названия, чему особенно способствовало распространение ислама в Поволжье, Средней Азии и Казахстане, на Кавказе, а за рубежом — в Китае и Турции. Третий пласт — смешанный (тюркский, арабско-персидский и русский). Процесс замены тюркских имен мусульманскими продолжается веками. В результате диффузии образовались сложные гибридные топонимы, где

сочетаются слова, относящиеся к разным языкам, в том числе и к русскому. В книге В.А. Никонова «Имя и общество» большая глава посвящена личным именам у тюркоязычных народов: «Катастрофой для тюркских имен, — пишет он, — стало принятие мусульманской религии большинством тюркоязычных народов. Ислам вытеснил большую массу первоначальных тюркских имен (ссылка на Л.Рашони. — *Э.М.*), принеся иноязычные, преимущественно арабские, а также имена древнееврейского происхождения — Исмаил, Ибраим (из Авраам), Муса (из Моисей), Сулейман (из Соломон), Фатима, Зулайха, Марьям; древнегреческого — Искандер (из Александр) и очень много иранских имен. Позднее появились имена-гибриды, компоненты которых — разноязычные по происхождению, чаще тюркско-арабские (Баймурат) или тюркско-иранские (Ойсара). Так, у некоторых тюркских народов оказалось по четыре имени с этимологическим значением „лев“: Асад и Хайдар (араб.), Шер (иран.), Арслан (тюрк.)» [Никонов, 1974, с. 89].

В нашем обозрении нельзя не учитывать антропонимы второго, мусульманского, и третьего, смешанного, пластов, ныне они стали также тюркскими, как, например, считаются русскими географические названия: Александровки, Петровки, Васильевки, Николаев, Павловск (Ленинградская обл.), Иваново, Ефремов (Тульская обл.), хотя все они восходят к греческому. Анализируя русскую топонимию, нельзя ограничиться только исконно славянскими названиями типа: Владимир, Ярославль, Люблин (Ярославская обл.), Милославское (Рязанская обл.), Всеволожск (Ленинградская обл.).

В приведенном перечне преобладают мужские имена. Такое же положение и в тюркской топонимии. Г.Ф. Саттаров [Саттаров, 1975, с. 19] произвел подсчеты антропотопонимов Татарстана. По его данным, географических названий от женских имен только 1%, что он объясняет господствующим положением мужчин в феодальном обществе, а также, конечно, исламом, устои которого всячески унижают женщину. Об этом же писала и Г.Ф. Благова, анализируя антропонимику классического труда Захиреддина Бабура «Бабур-наме» (XVI в.): «Многие старые женские имена не дошли до нас и уж во всяком случае получили слабое отражение в топонимии» [Благова, 1970а, с. 252].

Между тем напомним, что в древности женщина обладала многими правами. Существовал культ женщины-матери, что получило отражение в слове *ене* 'мать, почтенная женщина, матрона, сказочная женщина; главная часть вещи; основной, главный' [Севортян, 1974, т. 1, с. 280]. Любопытно, что примерно такой же семантический пучок образуется и в ряде языков Юго-Восточной Азии. Так, во вьетнамском языке слово *me, may* 'мать', *та* 'большой'; *cai* 'самка', устаревшее значение 'мать', но одновременно 'главный, большой', ср. *ngon cai* 'большой палец'. В языке мыонг *ke* 'мать', что соответствует вьетнамскому *са* 'большой, огромный, старший, много'. В индонезий-

ских языках *ibu* ‘мать’, *kota* ‘город’, но *ibu kota* ‘большой город, столица’; в некоторых полинезийских: *mah* ‘мать’, *guru* ‘учитель’, но *mah guru* ‘большой учитель, профессор’. Ассоциации те же, уходящие в далекое прошлое матриархата. Вспомним и грузинское: *деде* ‘мать’ и *калаки* ‘город’, *дедекалаки* ‘мать-город, столица’.

Тюркская антропотопонимия в научных публикациях представлена гораздо слабее, чем этнотопонимия и географические названия, которые формируются народными географическими терминами. По указателям библиографии «Ономастика» за 1918—1980 гг. [Малинская—Шабат, 1976; 1978; 1984] можно насчитать сотни работ по антропонимии, но раздел антропотопонимии поражает скудным их перечнем.

Все же постараемся кратко показать топонимию, восходящую к личным именам, на конкретных примерах.

В Рязанской обл. есть г. Касимов. Он назван по имени Касима — сына Улу Мухаммеда, основателя Казанского царства [Бартольд, 1965, с. 451]. Ср. арабское личное имя Касем/Касым ‘распределяющий, распространяющий’. Е.С. Отин пишет о гидронимах Ахмат (араб. Ахмед ‘похвальный’) и Айдар в бассейне Дона, которые, возможно, восходят к Ахматсу и Айдарсу и указывают на параллельную форму: нп Ахмат в бывш. Саратовской губернии, на берегу Волги [Отін, 1977, с. 145].

Топонимия всех трех тюркоязычных республик бассейна Волги — Татарской, Чувашской и Башкирской — пестрит антропотопонимами. Наиболее полно в лингвистическом плане они проанализированы Г.Ф. Саттаровым [Саттаров, 1975; 1979]. Он приводит многочисленные татарские названия селений, образованные от личных имен: Татарин, Бакшанды ‘смотри (родись)’ и ‘славный, великий, геройский’. Несколько названий образуют ряд с глаголами *бирде* ‘дал’ и *килде* ‘пришел’: Тенгребирде в значении ‘бог дал’, Бирдебек ‘дал бека, князя’, Килдебек ‘пришел князь’. В современном татарском языке нет личных имен с аффиксами *-мыш* и *-ган*, в топонимии они сохранились и сегодня читаются на карте республики: Атамыш (повторяется несколько раз), Туктамыш, Карамыш, Сатмыш, Баскан, Сатылган. К антропотопонимии Татарии относится и название города Елабуга. Еще В.А. Никонов [Никонов, 1966, с. 135] указывал на распространенность в XIV в. татарского личного имени со словом *буга*: *Буга/бога* ‘бык-производитель’, *алабуга* ‘окунь’, букв. ‘пестрый бык’. «Чтобы сын был здоровым, сильным, крепким, родители давали ему имя *буга*: Тимербуга или Бугатемир, Акбуга и т. д.» [Саттаров, 1975, с. 32].

Выше шла речь об исконно тюркских антропотопонимах. Но в Татарстане, по данным этого автора, нередки и арабские, и гибридные названия населенных мест: Абди (из Абдулла), Ибрай (Ибраим), Камай (Камалетдин), Шемордан (Шахимардан), Ширей (Ширъяздан), Кодай (из Ходайбирген). Эти имена раскрываются: араб. Абдулла

‘раб, слуга Аллаха’, Ибрагим (Авраам) ‘отец народов’, Намалетдин ‘совершенство религий’, иран. Шахимардан ‘мужественный шах’, Ширъяздан от *шир* ‘лев’ и *язд* из *язата* ‘бог’, Ходайбирген — иранско-тюрк. ‘бог дал’.

В «Словаре топонимов Башкирской АССР» (1980 г.) можно обнаружить много антропотопонимов.

Построим их в ряды:

исконно тюркские: Аралбай (Аралбаево), Арслан (Арсланбаево), Арсланбек (Арсланбеково), Балтай (Балтаево), Булат (как личное имя отмечено в ДТС [ДТС, 1969, с. 122]), Баскаково, Ишбай, Иштуган, Татарбай (Татарбаево), Татлыбай (Татлыбаево).

арабско-иранские: Аскар, Ибрайкино, Ибрай (Ибраево от Ибраим), Исламгол (Исламгулово), Мухаметово, Муллакай.

гибридные: Старомусино и Новомусино, Кыпсак-Аскар (Кипчак-Аскарово), Мурзабай, Рахимкулово, Султый (Султыево от Султанай).

Н.Д. Гарипова и Т.М. Гарипов [Гарипова—Гарипов, 1964, с. 185—189] привели иранские по происхождению названия с элементом *йар* ‘друг, возлюбленный’ в Башкирии. В сложении с широко распространенным мусульманским именем Мухаммед он образовал топонимы Ермухаметово и Ярмухаметово, а также Кутлиярово (где *яр* отличен от тюрк. *яр, джар* ‘обрыв, пропасть’).

В Чувашии, по данным В.А. Нестерова, личные имена не получили достаточного отражения в топонимии республики. Он группирует географические названия по физико-географическим объектам: рельефу, флоре, фауне, а также по роду деятельности людей, терминам родства, быта, но об антропотопонимах пишет только в одном абзаце с обобщенным содержанием: «Вопреки сложившимся мнениям обнаружилось, что имена людей не относятся к группе распространенных составных частей чувашской топонимии. Нет их и в гидронимии. Они появляются в описании только тех географических объектов, в возникновении которых можно усмотреть личное участие людей: некоторых видов полян (*сют, хортни*) и части населенных пунктов. В целом население пользовалось бережно, и в основном сохранили названия, содержащие описание местности по естественным природным ориентирам» [Нестеров, 1980, с. 88]. От конкретных примеров автор цитаты воздержался. Но ниже, где он пишет о татарском пласте в топонимии Чувашии [Нестеров, 1980, с. 102—111], упоминаются очевидные антропотопонимы: Мурзакасы (повторяется трижды), Мурзаково, Янмурзино (повторяется многократно), Мурзаит, Баймурзин. В этом ряду слово *мурза* может иметь значения ‘феодальный титул’, использоваться как часть собственного имени и даже полностью соответствовать имени человека. Термин заимствован из иранско-арабской лексики: «принц, князь, господин, писец», ср. азерб. *мирза* ‘писарь, титул образованного человека’, кирг. *мырза* ‘господин, писец, человек привилегированной профессии, сословия’. О переплетении названий титулов, сословий, званий, профессий с личными именами известно

давно. Этот процесс демонстрируют все языки. Ср. рус. Князев, Бояринов, Мещанинов, Попов, Чеботарев, Ткачев, Котельников, Кузнецов и т. д.

М.И. Скворцов [Скворцов, 1973, с. 30—39; 1975, с. 70—76] на примере чувашской ономастики показал переходы антропонимов в топонимы. Мужское языческое имя Енел и названия населенных мест: Енел, Хиртиенел, Хыраенел, предположительно Имель (Имелево). Имя Карай и нп Карай (Караево) и Сеньялкарай (Синьялкарай). Собственное имя Керăй отмечено еще в древнетюркском ономастиконе [ДТС, 1969, с. 300]. Собственное личное имя Карач отразилось в номинации нп Карач (Карачево), долины Карачшуре, нп Хурачка (Большое Карачкино). Восходит к тюрк. *кара*, чуваш. *хура* 'черный, человек из простого народа'. Мужское языческое имя Улянкка и нп Улянка, что соотносится с *улан, оглан* 'принц, сын'. «Чувашские нп с названием Чака имеют значительное распространение... В настоящее время слово *чака* в нарицательном смысле чувашам неизвестно» [Скворцов, 1975, с. 70 и 72]; в прошлом оно означало 'сын'. Названия деревень Чурачак получили по имени первопоселенца или владетеля. Названия Хапас, Абызово присвоено 17-ти селениям. Такое личное имя связано с араб. *хаффаз* 'знающий весь Коран наизусть, хранитель, блюститель'. Ср. псевдоним великого персидского поэта XIV в. Хафиза, имя которого Шамседдин.

На Кавказе и в Средней Азии в антропонимии господствуют иранские и арабские имена, получившие отражение в названиях населенных мест. Вспомним название города Алаверди от такого же личного имени, аналогичного русскому Богдан.

Однако исконно тюркские антропотопонимы не исчезли с географической карты. Встречаются и гибридные названия: в Азербайджане и Туркмении города Али-Байрамлы и Байрам-Али, где тюрк. *байрам* 'праздник, пиршество', слово, ставшее известным и в русском языке в значении «мусульманский праздник». Туркменский Байрам-Али наречен по мервскому хану (XVIII в.).

Э.Б. Нуриев [Нуриев, 1983, с. 20] при сплошном топонимическом обследовании только какой-то части южного склона Кавказа в пределах Азербайджана записал 586 географических названий, восходящих к личным именам, среди них: тюркское и гибридные Айдынкишлак, Байрамбина, Сейидкишлак. Первое из этих названий — тюркское, второе и третье включают арабизмы: *бине/бина* 'строение, здание' и Сеид/Саид — личное имя 'господин, сейид'. В Таджикистане отмечена гора Сайидбек — опять же гибридный ороним. Список гибридных топонимов можно продолжить. В той же Азербайджанской республике есть нп Ашагы-Абдурахманлы и Юхары Абдурахманлы 'нижнее и верхнее Абдурахманово', где араб. *абдурахман* (*абдрахман*) 'раб милостивого' (имеется в виду пророк Мухаммед). Имя Алибейшикишлак включает весьма распространенное мусульманское имя Али 'возвышенный' (имя зятя пророка). В эту же категорию попадают азербайджанские топонимы Мурадхан, Молладаг, Мусаял (Муса от библейского Моисей, тюрк. *ял* 'грива, гребень горы, склон'), канал Мустафаарх (араб. мустафа 'избранник'), Мустафалычай, Бала-Солтанлы; название Пирсултан восходит к иранским апеллятивам, где *пир* 'старый, старейшина; шейх'.

В Туркменистане на Каспийском побережье есть поселок городского типа Гасан-Кули. В его названии — арабское мужское имя Гасан/Хасан 'прекрасный, хороший' и тюрк. *кул* 'раб, слуга'.

С.Атаниязов [Атаниязов, 1980; 1981, с. 69—70] перечисляет топонимы: тюрк. Атабег, Бекибай, Гарахан, Текебегин, Айдын, Юзбаши, Гушбеги; гибридные Велитагта, Сейтджемаларык, Бекмырат и арабско-перс. Солтансанжар, Велияп, Векилбазар. Они восходят к нарицательным: араб. *вали* 'святой' (ср. фамилию известного казахского ученого и просветителя Чокана Валиханова), *сеид* 'господин, сейид', *джемал* 'красота', *мырат/мурат* 'желание, цель', *векиль* 'наместник, представитель'; перс. *бозорг* 'большой, великий'; тюрк. *бек/бег* 'правитель, князь' (но и личное имя), *санджар* 'пронизывающий'.

На востоке Средней Азии в Ошской области высится почитаемая гора Тахти-Сулейман 'трон Соломона', на вершине которой был сооружен святой мазар (первая часть названия из араб. *тахт* 'трон'). Там же — город Джалал-Абад, что можно осмыслить двояко: «город Джалала» и «великий город». Ср. название города Джалилабад в Азербайджане. Известный джелалабадский курорт с минеральными водами Хазрет-Аюб — также антропотопоним арабского происхождения: ср. *хазр, хезр* 'спаситель', Хезр, Хизр — имя пророка, указавшего на живую лечебную воду, 'спаситель, помощник' [Савина, 1971, с. 231—232]. *Аюб* 'библейское имя пророка Иова'. Имени Соломон/Сулейман повезло в топонимии. По данным С.Атаниязова [Атаниязов, 1980, с. 259], только в Туркменистане фиксируется пять названий с этим именем в первой позиции. Среди них: Сулеймен, Сулейменарык, Сулейманяп. Еще чаще фигурирует арабское личное имя Солтан 'султан, владыка'. В том же источнике перечислено 15 географических объектов, среди них: Солтангуйы, Солтандешт, Солтанлыоба, Солтаниз, Солтаняп.

В словаре Е.Койчубаева [Койчубаев, 1974] географические названия Казахстана, восходящие к личным именам, представлены несравненно в меньшем количестве по отношению к этнотопонимам. Можно ли это рассматривать как объективную закономерность, когда антропотопонимия действительно слабо отражена в казахской топонимии? Однако отметим: Есенсай 'сай Есена', нп Байкадам, урочище Дандыбай, оз. Джасыбай, ущелье Джасыбайсайы, нп Джетибай, урочища Иман и Конурбай, пос. Коркут, джайляу Назар, курорт Рахмановские Ключи (из Абдрахман) и др.

В этом списке в отдельных случаях этническое и личное имя человека совпадают. Поэтому бывает трудно уточнить, к какому началу

восходит географическое название: Байсары — этноним (а также антропоним), Барак — то же.

По данным С.Караева [Караев, 1991], антропотопонимы составляют значительную группу в Узбекистане: Искандар, Шопурком (Шафиркан) из иран. *шопур* 'сын царя'[5]; Чингиз, Амиртемур из араб. *амир* 'эмир, начальник', тюрк. *темур* 'железо', ср. Тимур; Абдуллахон из араб. *абд* 'раб, слуга, простой человек'; Насрулло 'помощник Аллаха, пророк Мухаммед', Хужаахрор из араб. 'благородные ходжи'. С.Н. Найимов [Найимов, 1984, с. 11] в Бухарской обл. выделяет три группы антропоойконимов: 1) личное имя тождественно топониму: Азамат, Аюб, Шодмон, Темирхужа, Сафаролсон; 2) имя + топоформант *-обод* (*-абад*): Аминобод, Азизобод, Хасанобод, Муминобод, Назаробод, Рахимобод; 3) имя + титул *-шейх* или слово *-бобо*: Алишайх, Усмоншайх, Темиршайх, Корабобо, Мавлонбобо, Хазратибобо. Заметим, что в этих списках преобладают арабские либо гибридные по происхождению географические названия. Т.Нафасов [Нафасов, 1968, с. 18] находит в Кашкадарьинской обл. аналогичные топонимы: Бобиртепа, Бобиркургон, Чингизтепа, Чингизхон, Амиртемуркургон и др.

В Южной Сибири и в Тюменской области мусульманские антропотопонимы не наблюдаются. Здесь преобладают тюркские, угорские, самодийские и монгольские географические названия населенных пунктов, восходящие к личным местным именам либо к переоформленным и адаптированным русским.

Хакасскими антропотопонимами занимались М.Н. Мельхеев [Мельхеев, 1986] и М.А. Жевлов [Жевлов, 1984]. Первый из них пишет о большой роли личных имен в номинации населенных пунктов: «Хакасские населенные пункты в прошлом назывались по личным именам старейшин рода или богатых, знатных, влиятельных личностей в улусе и были разбросаны по долинам рек в виде небольших селений. В 1899 г. Н.Ф. Катанов зарегистрировал в Аскысской и Абаканской инородческих управах 488 хакасских селений, названных по именам хакасов: Маганаков улус (Маганактаг алы), Кыскасов улус (Кысхатар алы), Доможаков, Сакеев, Алексеев и другие улусы» [Мельхеев, 1986, с. 35].

М.А. Жевлов отмечает морфологическую структуру таких географических названий, построенных по модели: личное имя основателя улуса и аффикс множественного числа *-лар* и термин *аал* 'улус' + аффикс принадлежности *-ы*: Казаннар Аалы, Моностар Аалы, Сырактар Аалы. По подсчетам этого автора, около 20% всех географических названий Хакасско-Минусинской котловины восходят к местным, главным образом тюркским, а также к русским антропонимам. Последние получили большое отражение в ее топонимии.

[5] Переводы персидско-арабских личных имен взяты из работ В.И. Савиной [Савина, 1971] и А.Гафурова [Гафуров, 1968].

В процессе номинации в послеоктябрьскую эпоху во всех тюркоязычных республиках появились мемориальные антропотопонимы в честь партийных, государственных деятелей, выдающихся полководцев, национальных героев, писателей-классиков, ученых.

В Татарстане находим названия: нп Джалиль в честь М.М. Джалиля — татарского поэта, Героя Советского Союза; Тукаевский район по имени Г.Тукая — поэта, публициста. В Башкирии: г. Салават (Салауат), Салаватово, гора Салаваттау — все по имени Салавата Юлаева, башкирского поэта и одного из руководителей крестьянской войны конца XVIII в.

В Азербайджане много мемориальных названий возникло в последние полвека. Назовем несколько: г. Астрахан-Базар — ныне Джалилабад по имени писателя Джалиля Мамедкулизаде; пос. Карягино в 1959 г. стал городом Физули по имени средневекового азербайджанского лирика Мухаммеда Сулеймана Физули; поселок Нариманабад наречен по имени государственного деятеля и писателя Наримана Нариманова.

В Туркменистане: нп Кемине по имени туркменского поэта XVIII—XIX вв. Мамедвели Кемине; нп Махтумкули в честь классика туркменской литературы, поэта, мыслителя, общественного деятеля XVIII в. Махтумкули (Магтымгулы, Фраги); нп Атабаев по имени председателя Совета Народных Комиссаров республики К.С. Атабаева.

В Узбекистане: г. Навои (до 1958 г. Кермине) по имени великого узбекского поэта, философа-гуманиста, государственного деятеля XV в. Алишера Навои; г. Бируни в Каракалпакии — в честь гениального ученого-энциклопедиста X—XI вв. Абу Рейхана Бируни. Кишлак Улугбег унаследовал имя эмира Самарканда, ученого-астронома XV в., создателя обсерватории Мухаммеда Улугбека, а город Хамза назван по имени народного поэта, драматурга, активного борца за становление советской власти в Узбекистане Хамзы Хакимзаде Ниязи, убитого националистами в 1929 г. Город Ахунбабаев получил имя Юлдаша Ахунбабаева, председателя Верховного Совета республики.

В Киргизстане имя поэта, композитора Токтогула Сатылганова носит поселок городского типа Токтогул и мощная Токтогульская ГЭС на р. Нарын. Имя героя народного эпоса Манаса присвоено новому аэропорту г. Бишкек.

В Казахстане не забыт народный акын, композитор Джамбул Джабаев. Город Джамбул (в прошлом Аулие-Ата) — центр Джамбульской обл. Поселок Сатпаев назван в честь геолога, президента АН Казахской ССР академика Каныша Сатпаева; нп Валиханово носит имя видного казахского ученого и просветителя XIX в. Чокана Валиханова.

В топонимии всех тюркоязычных республик появились географические названия в исходных русских формах, данные в честь советских государственных деятелей: Ленинск, Ленинский, Лениногорск,

Ульяновск, Ильич, Киров, Кирово, Кировский, Куйбышев, Калинин, Орджоникидзе, Фрунзе. В Казахстане — город Панфилов (до 1942 г. Джаркент) назван так по фамилии генерал-майора И.В. Панфилова, Героя Советского Союза, погибшего во время обороны Москвы в 1941 г. Имя известного русского путешественника, исследователя Центральной Азии и Уссурийского края Н.М. Пржевальского было присвоено городу Караколу в Иссык-Кульской обл. (ныне опять Каракол). Почти все эти названия исчезли к настоящему времени.

Такие географические названия в тюркоязычных республиках Г.И. Донидзе [Донидзе, 1981] относил к межъязыковому общему русско-тюркскому пласту. При освоении русских названий тюркскими языками зафиксированы следующие явления: опускается показатель родительного падежа *-а*: Гагарина — Гагарин, Карла Маркса — Карл Маркс; исчезает окончание *-о* в названиях типа Калинино — Калинин, Куйбышево — Куйбышев; усекаются финали *-ий, -ский*: Октябрьский сельсовет — Октябрь сельсовети, Панфиловский сельсовет — Панфилов сельсовети.

РУССКАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В разделе «Семантическая мотивированность и топонимическая позитивность» были рассмотрены тюркские географические термины и топонимы, образованные с их участием. При терминах, которые стали достоянием русского литературного языка, русских говоров или часто употребляются в нашей научной географической литературе, сделаны соответствующие пометы. Это, например, слова *бархан, бом, джайляу, курган, сырт, тайга, орман/урман, урема, яр* и др.

Ниже приводятся русские по форме географические термины, заимствованные из тюркских языков или через их посредство. Они оставлены без топонимических примеров и перечислены в алфавитном порядке.

аральский тип берегов образуется в результате наступления моря на сушу, где затопляются эоловые гряды и межгрядовые понижения, почему береговая линия сильно изрезана и извилиста. Описан в 1908 г. Л.С. Бергом на Аральском море. Термин получил распространение в географической литературе.

байджарах, байджерах ‘иловато-торфяные, реже иловато-суглинистые или песчаные бугры конической формы высотой 3—4 м (но встречаются и до 12 м)’. Байджарахи описаны во многих географических работах. Слово считают якутским(?).

бора ‘северо-восточный холодный ветер, ниспадающий с вершин хребта, расположенного у самого берега моря, преимущественно зимний ветер’. Наиболее известен в Новороссийске. Ср. тур. и гагауз. *bora* ‘ураган’ из греч. *μπορα* или итал. *bora* ‘сильный ураган’ [Фасмер, 1964, т. 1, с. 193]. Восходит к лат. *borealis* ‘северный’.

боран ‘гребень морской волны, образующийся из белой пены в сильный ветер в Поморье’. «Ишь, как бораны-то расходились, — быть дельцу в море». См. *буран.*

буран ‘снежная вьюга, пурга, ураган со снегом при низких температурах’. Из тюрк. *боран, бороон, буран* от кор. *бур, бор* ‘вертеть, крутить’. Ср. рус. *бурав* [Дмитриев, 1962, с. 531]. Из русского языка слово *буран* проникло в польский, чешский, словацкий и румынский языки.

бус, бусенец ‘мелкий, холодный дождичек при ненастье; туман, падающий мелкими капельками; снежная морось’ (рус.). Возможно видеть тюрк. *бус* ‘туман, пар, пасмурная погода’, чуваш. *пус* ‘туман’.

ватага ‘поселок рыбаков на Волге и Каспийском море’. Др.-рус. «шатер». Старое заимствование: др.-тюрк. *otag* ‘палатка, шатер, юрта, семья’; чуваш. *ватаг* — то же.

джут ‘массовый падеж скота от бескормицы в результате гололеда, мощного снегопада, засухи’. Ср. каз. и кирг. *жут*, монг. *зуд* (*дзуд*) — то же.

дзярык ‘расщелина во льду на реке Урал’; *жарык* — то же в русских говорах. Заимствовано из каз. *жарык* ‘трещина на поверхности земли, теснина, ущелье, проток’. Другая форма *зярык*. См. *яр*.

дуван ‘открытое, высокое место, яр над рекой’; ‘место, открытое ветрам; сильный ветер’; ‘место, где собираются на совет, на сходку’. Слово восходит к тюрк. *диван* ‘совет, сборище’; башк. *дуван* ‘союз, племенное объединение’. В Золотой Орде *дуван* ‘областной центр, крепостца’. Сюда же *диван* ‘предмет мебели’; ‘сборник стихов восточных поэтов’. Восходит к арабскому и иранским языкам.

елбан ‘высокий, гладкий мыс на берегу реки или озера, округлый холм’. «Чаще елбаном называют некрутую безлесную подошву горы...» [СРНГ, 1972, с. 338]. На поймах Оби — «песчаный холм, дюна, грива, образованная речным аллювием, перевеянным ветром». Е.Н. Шипова [Шипова, 1976, с. 131] сближает с тур. *yalman* ‘непроходимое место; острая вершина горы, пик’; однако М.Ф. Розен [Розен, 1970, с. 22—23] указывает на алт. *дьялбан* ‘пологий’.

ендова ‘широкий открытый сосуд для жидкости, преимущественно для напитков’; ‘род древнерусской братины (ковша)’ [ССРЛЯ, 1954, стб. 1263]. В географии: «котловина, яма, степное блюдце, циркообразная вершина оврагов». В верховьях Дона: «озеро правильной округлой формы, круглый залив в расширении реки, озерко-старица, карстовая воронка». В Тамбовской обл.: «овраг». И.Г. Добродомов [Добродомов, 1974, с. 159—164] указывает на монголизм: бур. *хундага*, халха-монг. *хундга* ‘рюмка, бокал’. В русский язык попало через др.-чуваш. *йандав, янтав, янтал*, башк. *яндау* ‘различные виды посуды’ [Добродомов, 1971, с. 156—170].

зажор ‘скопление массы шуги и битого льда, создающее в осенне-зимний период стеснение русла реки на отдельных участках и вызывающее повышение уровня воды’; ‘затор льда на реках’; *зажора* ‘весенний разлив воды в Оренбургской обл.’ М.Фасмер [Фасмер, 1967, т. 2, с. 74] указывает на родство с *жерело, жерло, жрать*. Е.Н. Шипова [Шипова, 1976, с. 138] указывает на чулымское *жор* (*jop*) ‘осенний затор льда’.

кебир, кевир ‘пустыня, солончак, солончаковая пустыня’. Отмечено в словаре И.С. Щукина [Щукин, 1980, с. 190]. Среднеазиатский термин, восходящий к перс. *кевир* ‘солончак’.

кочка ‘небольшое вздутие на земной поверхности, микробугорок’. В диалектах *кочея, кочиво* ‘кочковатое болото’. Много производных: *кочкари, кочкарь, кочкарье, кочня, кочура* и т. д. Среди этимологий есть и тюркская: от *коч* ‘обхватывать’ + аффикс *-ан* ‘то, что охвачено’ [Баскаков, 1979, с. 242]. У М.Фасмера [Фасмер, 1967, т. 2, с. 358] сопоставление с *кочан* или *куча*.

кремль ‘крепость в городе’. Происхождение слова вызывает споры. Среди предложенных этимологий: славянская, балтийская, греческая, но и алтайская: тюрк. *керман*, монг. *керем* (*хэрэм*) ‘крепость, крепостная стена’.

кулак ‘высокий, гладкий и крутой каменистый берег’; ‘одинокий подводный камень близ берега’. Распространено в районе Белого моря. Слово, возможно, восходит к татарско-башк. *кул* ‘рука’ [Дмитриев, 1962, с. 565].

курень ‘временный приют в лесу, в поле; шалаш, землянка’. В прошлом «военный стан запорожских казаков». В тюркские языки слово вошло из монг. *küriyen/güriyen* ‘скопление аилов’. Ср. халха-монг. *хурээ* ‘кайма, ограда, изгородь, монастырь’.

куржа, куржак ‘изморозь, иней, особенно в помещении на окнах, стенах, потолке, когда теплый и влажный воздух соприкасается с холодной поверхностью’; ‘пар, идущий из чела берлоги’; ‘снег на ветвях деревьев’. Сравнивают с *ржа, ржавчина* [Фасмер, 1967, т. 2, с. 425]. Однако Е.Н. Шипова [Шипова, 1976, с. 212] обращает внимание на тур. *kŭršă* ‘твердый замерзший снег, который с трудом тает’; ног. *кырав* ‘иней’, татар. *кырау* ‘заморозки’.

курмыш ‘группа домов, поселок, деревенька в Поволжье’. Ср. тюрк. *кур* в значении ‘строить’. У Н.А. Баскакова [Баскаков, 1979, с. 40]: глагол *qoru* ‘защищать’ + *myš* — аффикс причастия, т. е. ‘защитивший, защищенный’.

кутерга, кутерьга ‘вьюга, сумятица, непогода’. Среди разных этимологий отметим тюркскую: Н.А. Баскаков [Баскаков, 1979, с. 244] указывает на связь с глаголом *köter, kütar* ‘поднимать’. Др.-рус. *котера, котора* ‘спор, ссора’. См. *кутерьма*.

кутерьма ‘суматоха, сумятица’. В географической народной терминологии: «непогода, вьюга, метель». Другие формы — *кутельга, кутельба, кутельма* [СРНГ, 1980, с. 167] — Н.К. Дмитриев считает тюркизмами и отсылает к татар. *көтәрмә* ‘подъем, крыльцо’, ...каз. *көтерме* ‘помощь, для оказания которой всадники с гиканьем скачут со всех сторон’ [Дмитриев, 1962, с. 540]. Н.А. Баскаковым [Баскаков, 1979, с. 244—245] отмечена связь слова *кутерьга* с тюрк. *kütär/köter* ‘поднимать’, откуда и др.-рус. *котера, котора* ‘спор, ссора’.

маяк ‘сигнальная башня на берегу акватории для судов, указательный знак’. Одни авторы считают слово славянским. Ср. укр. *мати* ‘двигать туда и обратно’, польское *majak* ‘мираж, кружной путь’. Другие склоняются к тюрк. *майак, байдак, байрак* ‘знамя’. Н.К. Дмитриев [Дмитриев, 1962, с. 561] относил это слово к тюркизмам, требующим дополнительной аргументации.

мыс ‘скала, утес, участок приподнятой суши, острым углом вдающийся в море, озеро, реку’. Вполне допустимо заимствование из тюркских языков *мыjыс, мыjыз, мыс* ‘рог’ (сообщение И.Г. Доб-

родомова). В русский язык слово вошло сравнительно поздно, не раньше середины XVII в.

овраг ‘глубокое крутосклонное русло, созданное временным потоком на приподнятых равнинах или на склонах ложбин’. Одни этимологи связывают слово с *о* + *враг*, др.-рус. *вир* ‘ключ, стремнина’, другие с чуваш. *вар, варак* ‘овраг’ [Фасмер, 1971, т. 3, с. 115].

пеклик ‘холм, овраг с глинистой почвой на южном склоне’. Встречается в Воронежской обл. Ср. тур. *päklik* ‘крепость, твердость’ [Радлов, 1911, т. 4, с. 1218].

пурга ‘сильный ветер со снегом, метель, снежная вьюга’. В диалектах также «сильный ветер с дождем». Одни этимологи связывают это слово с карельским *purgu*, финским *purku*, мансийским *poarqa* ‘метель’, другие — с тюркским глаголом *пур-, бур-* ‘вихриться, крутить’. Н.К. Дмитриев [Дмитриев, 1962, с. 568] указывает на ойрот. *пурга* ‘буря’ (снежная). Есть и другие общеалтайские параллели: бур. *бурга* ‘падать, порошить’ (о снеге), корейское *нун-пора* ‘метель, снежный буран’, эвенк. *буркас* ‘лютая зима, лютый мороз’, *бурки* ‘пороша, мелкий снег’, *бурга, пурга* ‘пурга, вьюга’.

саган ‘котловина, торфяное болото’. Распространено в Причерноморье. Ср. крым.-татар., тур. *sahan* ‘блюдо, поднос’.

сакма ‘тропа, дорожка; бечевник; брод через болото, следы зверей’. Распространено в Поволжье, Приуралье. Возможно, связано с тюрк. *сокпак, сокмак* ‘дорожка, тропинка’.

табор ‘становище, временный лагерь, стоянка цыган, группы кочующих цыган’. «Тур. *tabur* ‘лагерь, окруженный повозками’; соврем. значение „батальон“. Однако ввиду того, что русское ударение ставится на первом слоге этого слова, естественнее возводить его к венг. *tábor...*, откуда и рум. *tabără*. Отсюда же, вероятно, и пресловутое „цыганский табор“» [Дмитриев, 1962, с. 562]. Обзор других этимологий см. в словаре М.Фасмера [Фасмер, 1973, т. 4, с. 6—7]. Слово отмечено В.В. Радловым [Радлов, 1905, т. 3, стб. 978] в форме *табур* ‘военный обоз, батальон’.

таган ‘железный треножник для котла’. В топонимии: «гора, холм», а в Новосибирской области — «болото, топкое место, зыбун», что может быть связано с татар. *тагин* ‘качели’. Тюркские формы также *тыган, даган*. Первоисточник — греч. *теганон* ‘сковорода с ручкой’.

утуг ‘сочный луг, сенокосное угодье, нередко с применением искусственного орошения и удобрения навозом’. Восходит к тюрк. *от* ‘трава’; бур. *утаг* ‘усадьба с покосом’. Распространено в Восточной Сибири.

учуг ‘частокол, устраиваемый поперек реки для ловли рыбы на протоках Волги’. Из татар. *учуг* ‘нитка, жила, струна’.

шатрище ‘высокий меловой холм шатрообразной формы на склонах долин Средне-Русской возвышенности’. Такой холм, отделенный от водоразделов, часто имеет характер нерезко обособленного останца. Из тюрк. *шатыр, шадыр, чадыр*. Др.-тюрк. форма *čatïr* ‘шатер, палатка’.

шиш ‘островерхий холм, круча, насыпь; каменный столб или каменная куча на вершине’. *Шишки* ‘холмы, образующие живописные холмогорья’ в Белых Горах в Поволжье на юг от Ульяновска. Есть сторонники тюркского происхождения этого слова. Ср. азерб. *шиш* ‘опухоль, остроконечный, пикообразный’. Н.А. Баскаков [Баскаков, 1979, с. 124] в русском слове *шишка* видит глагольную основу *šyš-* ‘опухать, распухать’ и аффикс *-ka*, образующий имена результата и орудия действия.

шишак ‘небольшой округлый останец в долине реки’. Слово распространено в Приднепровье. Ср. др.-рус. *шишакъ* ‘шлем’; каз. *шошак* ‘стог; остроконечный’; кирг. *шишак* ‘опухоль, шишка’. Н.К. Дмитриев [Дмитриев, 1962, с. 552] связывает со словом *шиш*.

юрта ‘переносное войлочное или покрытое шкурами жилище’; ‘дом, кочевой стан’ в Тамбовской обл.; ‘земельный надел, имение, хутор’ на Дону и Кубани. На Тобольском севере ‘селение с деревянными рублеными домами’. Связано с *юрт/юрд* (см. с. 160).

яглая земля ‘тучная, жирная; чернозем’. Одна из этимологических версий отсылает к тюрк. *яг* ‘масло, жир’, крым.-татар. *яг* ‘жирный, маслянистый’ [Шипова, 1976, с. 433]. Добавим: крым.-татар. *яглы* ‘слоеный маслянистый пирог’.

ялан, ялань ‘степь, поляна в лесу’. Слово распространено в Приуралье, Владимирской, Тверской, Тамбовской областях. Ср. тюрк. *jалан(г)* ‘голый, пустой, открытый’ (см. выше *алань, елань*).

ям ‘почтовая станция, где меняли лошадей, дорожный стан’. Это устаревшее слово попало в русский язык из тюрк. *jам* ‘почтовая станция, почтовые лошади’; *jамчы* ‘ямщик’. Однако ДТС его не фиксирует. Видимо, первоисточник — монг. *jam/(д)зам* ‘дорога, путь; охранять дорогу’. «Монгольское слово, означающее почтовую станцию» [Дмитриев, 1962, с. 554], со ссылкой на работу Б.Я. Владимирцова «Общественный строй монголов» [Владимирцов, 1934, с. 119 и 128].

СТРАНСТВУЮЩИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ И НАЗВАНИЯ В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

В тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и частично в корейском и японском языках встречаются сравнимые по форме и семантике географические апеллятивы и названия. Заметим, что наибольшее их количество приходится на тюркско-монгольские языки.

В настоящей работе нет нужды углубляться в дискуссию о наличии или отсутствии единого алтайского праязыка. Этому вопросу посвящена обширная литература. Наша задача иная и частная — показать подвижность некоторой части топонимической лексики (и то не всей), чтобы продемонстрировать не только словоформы, но и семантическую однородность. Последнее особенно важно для топонимики и топонимиста.

Автор далек от мысли, что приведенные близкие тюркско-монголо-тунгусо-маньчжурские топонимические образования дополняют перечень доказательств в пользу гипотезы о едином алтайском праязыке. Для топонимии не так уж существенно, восходят ли они к нему или возникли в результате заимствований в течение многих веков и даже тысячелетий в процессе контактов и взаимовлияний.

О роли монгольского языка как передающей инстанции тюркской лексики в тунгусо-маньчжурскую писал Г.Д. Санжеев: «Что же касается турецких элементов в маньчжурском языке, то они, как проникшие в указанный язык через монгольский и в облике монгольском, рассматриваются как монгольские... Можно было бы a priori полагать, что тюрки имели непосредственное языковое общение с маньчжурами в период своих кочевых империй в Центральной Азии. Но это предположение не имеет под собой оснований потому, что тюркские элементы в маньчжурском языке представлены в облике монгольском и обязательно имеют параллели в монгольском языке» [Санжеев, 1930, с. 601].

Из общей алтайской географической терминологии этот автор выделил такие слова, как *арашан* ‘источник с лечебной водой’; *обо* ‘холм, сопка, куча’; *орон/орун* ‘место’; *йендер/индер/ёндёр* ‘возвышение, высокий’; *курен* ‘двор, курень’; *гола/гол* ‘середина, русло, дорога, долина, река’; *харги* ‘быстрина’; *хошо/хошун* ‘угол, край, удел, мыс, нос горы’; *хотон/хотан* ‘город’ (ср. халха-монг. *хот*); *худчин/худук* ‘колодец’; *байшин(г)* ‘строение’; *шурга/шуруг/шурган* ‘пурга, метель’; *тала* ‘долина, степь’; *тен(г)ин* ‘широкое озеро’ (ср. др.-монг. *тан(г)из* ‘море’); *торок* ‘прах’, тур. *topraq* ‘земля’; *тура* ‘столб, город, здание, шаманское дерево’; *дабага/даба* ‘перевал’.

Нельзя пройти мимо трех крупных публикаций, специально посвященных сравнительным исследованиям алтайских языков, это: 1) «Проблема общности алтайских языков» (1971); 2) «Очерки сравнительной лексикологии в алтайских языках» (1972); 3) «Исследования в области этимологии алтайских языков» (1979). В них систематизирован большой лексический материал и показаны сопоставительные словоформы, в том числе по тем тематическим группам, элементы которых участвуют в образовании географических названий. Прежде всего следует упомянуть статьи Л.В. Дмитриевой о названиях растений [Дмитриева, 1972; 1979] и В.Д. Колесниковой о названиях частей тела в алтайских языках [Колесникова, 1971; 1972]. Известно, какую большую роль играют они в топонимической номинации, употребляясь в переносных значениях: монг. *ама(н)*, эвенк. *амма* ‘рот’, но и ‘ущелье, устье реки’, тюрк. *кол* ‘рука’, но и ‘ущелье, русло, рукав, сторона, ответвление долины’. Наконец, укажу важную для нашей темы большую статью Л.В. Дмитриевой «Этимологии географических апеллятивов в тюркском и других алтайских языках» [Дмитриева, 1984].

Итак, какова же природа общности? Генетическое родство или же несомненные морфологические и лексические параллели можно объяснить проще — многовековым общением алтайцев на широких просторах Сибири и Центральной Азии, что и оказалось причиной многочисленных заимствований. Г.Дёрфер стоит на первой точке зрения: «Общеалтайские слова — праязыковые заимствования, что очень похоже на ситуацию настоящего родства» (цит. по [Тенишев, 1986, с. 22]).

Попытки сопоставления узбекских географических терминов с монгольскими уже имели место в науке. Последняя по времени попытка была предпринята узбекским лингвистом Т.Нафасовым [Нафасов, 1985, с. 76—77], который составил сравнительную таблицу таких слов. Вот некоторые из них (перевод и дополнения монгольскими географическими названиями сделаны нами. — *Э.М.*).

монг. *адаг* ‘конец, устье, низовье, последний’; узб. *адок, азок* ‘конец, самое меньшее’. Топонимы: Адоккишлак, Адокбулак; оз. Адагин-Цаган-Нур в Гоби.

монг. *алаг* ‘пестрый, пегий’; узб. *ола* ‘пестрый, пятнистый, рябой, пегий’. Топонимы: гора Олагтог; оз. Алак-Нур в Монголии;

монг. *баян* ‘богатый, состоятельный’; узб. *бой* ‘бай, богач, богатый, изобилующий чем-либо’. Топонимы: Бойкишлок, Бойкурган; многократно повторяются гора Баянуул, р. Баян-Гол в Монголии;

монг. *булаг* ‘источник, родник’; узб. *булок* — то же. Топонимы: Тошбулок, Булокли, Корабулок; р. Тамцаг-Булаг, г. Алтан-Булаг, р. Хара-Булак;

монг. *бэл* ‘склон, косогор, горное подножие’; основное значение ‘талия’; узб. *бел* ‘поясница, талия, седловина, середина чего-либо’. Топонимы: Кумбел, Белассирт;

монг. *орд(он)* ‘дворец’; узб. *ўрда* ‘орда, ставка хана, столица государства’. Топонимы: Урдалия, Урдалитепа; Кзыл-Орда в Казахстане, Ордабай в Уральской обл., Ордубад в Азербайджане;

монг. *төмөр* ‘железо’; узб. *темир* — то же. Топонимы: Темирчи, Темирхўжа; гора Тумэрбаш в Бурятии;

монг. *тэнгэс* ‘море’; узб. *денгиз* — то же. Оз. Денгизкул;

монг. *хаан* ‘хан, царь, король’; узб. *хон.* Топонимы: Хонкишлок, Хонобад, Хонтепа. Много гор с названием Хан-Уул как отражение культа гор. В Дариганге (Восточная Монголия) потухший вулкан Дзодол-Хан-Хайрхан;

монг. *хар(а)* ‘черный’; узб. *кора* — то же. Топонимы: Корабулок, Корасув, Коратепе; много гидронимов Хар(а)-Гол, оронимов Хар(а)-Уул;

монг. *хөк* ‘синий, зеленый, лазурный’; узб. *кўк* — то же. Топонимы: Куктепа, Кукбулок; оз. Кукунор в Китае, оз. Хух-Гол в Монгольском Алтае, р. Кёке-Мерен в Киргизии;

монг. *хөтөл* ‘перевал, седловина’; узб. *кўтал* ‘перевал, ущелье, холм’. Топонимы: Кутал, Тошкутал. В Восточном Тянь-Шане перевал Котел, ведущий к межгорным котловинам Юлдуз;

монг. *шар* ‘желтый’; узб. *сарык* — то же. Топонимы: Саритепа, Саргамыш; пустыня Шаргаин-Гоби, р. Шар-Мурэн и Шар-Ус, оз. Шарга.

Аналогичную попытку установить параллели между монгольскими и киргизскими географическими терминами предпринял и К.Конкобаев [Конкобаев, 1980, с. 62—68]. Приведем некоторые из них, как будто бесспорные, при этом исключив из предлагаемого списка термины, которые уже упоминались в перечне Т.Нафасова.

Ниже все значения монгольского слова в основном даны по работе В.А. Казакевича «Современная монгольская топонимика» [Казакевич, 1934].

монг. *агуй* ‘яма, пещера’; кирг. *жергуй* ‘глубокая яма, глубокая вымоина’;

монг. *бур* ‘склон, спуск с горы у самого подножия’; кирг. *боор* ‘склон горы’. Примеры: пик Чонг-Боор, перевал и пик Боор-Теке в Ошской обл.;

монг. *добоцок* ‘холм, бугор’; кирг. *дөбөчө* ‘небольшой холм’;

монг. *тэбши* ‘плоская гора с мягкими контурами’, букв. ‘блюдо’; кирг. *тепши* ‘корыто’. Топонимы: р. Тепшисай, гора Тепши, летовка Тепши в Южной Киргизии;

монг. *урцак, орцок* ‘отдельно возвышающаяся вершина, пик посреди равнины’, букв. ‘покинутый, оставленный’; кирг. *урчук* ‘отрог горы, спускающийся узкой полосой’. Топонимы: урочища Кок-Урчук, Кызыл-Урчук;

монг. *уюр* ‘селевой поток в Гоби, разлив реки, наводнение’; кирг. *үйөр* ‘бурный весенний горный поток’;

монг. *хак, хаг* ‘солончак, высохшее солончаковое болото, солончаковая гряда’; кирг. *как* ‘сухой, сушеный; место, лишенное растительности’ [Юдахин, 1965, с. 325];

монг. *хонгил* ‘узкое ущелье, падь’; основное значение ‘впадина, углубление’; кирг. *конгул* ‘небольшое углубление, впадина’;

монг. *шалба, шалбак* ‘пруд, лужа’; кирг. *шалбаа* ‘луг’. В топонимии Киргизии: нп Шалба и Тюрк-Шалба;

монг. *шор* ‘солончак с малым количеством соли’; кирг. *шор, шоро* ‘солончак’. Топонимы: нп Кара-Шоро и Шоробулак.

Большое количество тюркско-монгольских параллелей систематизировано в труде С.Сыдыкова [Сыдыков, 1966], который он так и назвал. Большинство из 500 приведенных слов повторяется в тувинском, хакасском и алтайском языках, наименьшее количество — в узбекском и туркменском (примеры из азербайджанского, татарского, башкирского и ногайского языков не рассматриваются). Срединное положение занимают казахский, киргизский, каракалпакский и уйгурский языки. Автор выделил отдельные группы: «Природа» и «Природные явления» (с. 125—130), «Слова, связанные с жильем и стройкой» (с. 130—131), «Прилагательные» (с. 143—144). Такая структура облегчает задачу сопоставления географических названий на уровне нарицательной лексики как основы для понимания собственных названий. Здесь находим: *арал, жалга, хавцгай (капчагай), босго (босого), алаг (ала), хар (кара), хөх (көк), хуурай (кургак, курук)* и т. д.

Изучая много лет тюркско-монгольские географические названия, автор настоящей работы подметил тождественность топонимических образований. Это обстоятельство позволило составить список «странствующих» топонимических элементов, общих для тюркских и монгольских языков. В настоящем издании они воспроизводятся как бы на двух уровнях: нарицательные географические термины и собственные топонимические образования, когда их удалось выявить. При этом оговорим, что апеллятивная лексика включает и несколько названий растений, участвующих в формировании ландшафтов и соответственно отраженных в топонимии. Тюркские географические названия приводятся в ограниченном количестве, так как они сопровождают нарицательные слова с географическим содержанием в разделе «Семантическая мотивированность и топонимическая позитивность». Автор старался избегать повторений и подробностей в определениях и в перечне географических названий в указанных разделах, не всегда это удавалось в полной мере. Сравнительный метод порою диктовал необходимость повтора.

Некоторые алтайские термины могут быть сравнимы с уральскими (угорскими, самодийскими и др.) и даже с индоевропейскими. Однако их демонстрация лежит уже за пределами нашей темы. Такая попытка

предпринята в некоторых статьях Словаря народных географических терминов [Мурзаев, 1984], материал которого частично, а в некоторых случаях и с дополнениями положен в основу последующего изложения.

Список терминологических и топонимических форм приводится в алфавитном порядке. В первой позиции дается тюркский географический термин.

алан(г) 'открытое место, поляна, плоская ровная местность'. Варианты: *аклан, алы, йаланг, алак, чалан.* Другие значения: 'перелесье, поле, равнина, долина, целина, залежь, луг, степь'. Др.-тюрк. *jalan* 'голый, нагой'. Ср. эвенк. *авлан, аблан, аглан, агла* 'поляна, луг, равнина, редколесье, ровный, гладкий' [Севортян, 1974, т. 1, с. 134—135]; монг. и бур. *аглаг* 'девственный (о лесе), уединенный, отдаленный'. Топонимические примеры многочисленны: Алань в Татарстане; р. Авлан в Якутии, Амурской обл. и в Хабаровском крае; реки Аглан и Аглакан в Эвенкии; оз. Яланкуль в Омской обл., р. Алан-Гол в бас. Селенги.

алма 'яблоня; яблоко'. В тюркско-монгольских языках дерево и его плод обозначаются близкородственными словами *алма* и *алим.* Др.-тюрк. *alma, alïmla* [ДТС, 1969, с. 35—36]; бур. *альма.* Из монгольского языка слово *алим* заимствовано в той же форме в солонском [ТМС, 1975, т. 1, с. 33]. Л.В. Дмитриева пишет: «Вполне вероятно, что название яблока представляет собой не просто древний санскритизм, а общее для ряда языковых групп обозначение. В первом и втором случаях отнесение его к древним пластам тюркской лексики вероятно» [Дмитриева, 1979, с. 162].

ангар(а) 'щель, трещина, ущелье, долина, русло'. Общий алтайский термин: ср. бур. и эвенк. *анга* 'пасть, рот'; кирг. *ангкай* 'быть широко открытым'; якут. *ангар* 'ворота, ущелье'; каз. *ангар* 'расщелина, долина'; бур. *ангай, ангара, ангархай* 'открытый, разинутый, ущелье, промоина'. Из топонимии: р. Ангара, собирающая воду из Байкала, р. Ангарха и нп Арангарха в Монголии, Анга — пр. Лены.

арал 'остров, роща'. Ср. монг. *арал* 'остров'. Интересно указание В.А. Казакевича: «*арал* 'река' в монгольском языке Северного Тибета» [Казакевич, 1934, с. 16]. Эвенк. *арал* 'островок леса в степи' [ТМС, 1975, т. 1, с. 48]. Л.В. Дмитриева [Дмитриева, 1984] видит древнее заимствование из неалтайских языков основы *ар* и аффикса *ал/ыл: арал* означает 'водный или то, что окружено водой, — остров'. Примеры: о-в Арал на Байкале, о-в Цаган-Арал в Бурятии. Повторяются Аралкум, Кумарал, Аралтюбе.

арка 'спина, спинной хребет'; в географии: «возвышенность, горный хребет, задняя сторона горы, теневой склон»; «запад», иногда «север». Ср. монг. *ар*, бур. *ара* 'спина, тыл, север, задняя сторона'; эвенк. *аркан* 'спина, плечо'; эвен. из якут. *арга* 'запад'. Из топонимии: Ара-Моготуй в Бурятии, Архангайский аймак в Монголии, хр. Аркатаг на севере Тибетского нагорья (хр. Пржевальского).

арпа 'ячмень'. Ср. монг. *арвай*, калм. *арва*, бур. *арбай*, маньч. *арфа* 'овес, ячмень' (через посредство монгольского). Л.В. Дмитриева отмечает венг. *arpa* и ставит вопросы о первоисточнике и о древнем тюркском заимствовании из индоевропейских языков [Дмитриева, 1979]. Однако, возможно, что это собственно тюркское образование. Центр Увэр-Хангайского аймака — г. Арбай-Хэрэ 'ячменная пустошь, степь'. Многочисленные тюркские топонимы со словом *арпа* см. на с. 140.

арча 'можжевельник'. Др.-тюрк. *artuč, artïz.* В Монголии и Бурятии *арц(а), арса*, калм. *артс*, тунг.-маньч. *арча, арчан* 'можжевельник, багульник, тальник, хвойный кустарник' [ТМС, 1975, т. 1, с. 52]. В Читинской обл. р. Арсатуй. В хребте Гурбан-Богдо Гобийского Алтая одна из высоких вершин носит название Арц-Богдо-Ул 'можжевеловая священная гора'.

арык 'оросительный канал, оросительная канава'. Одни исследователи находят параллель в перс. *арак, арх*, в венг. *arok* 'канал, канава'. Ср. хеттское *ark* 'разделять землю каналом'. Другие видят начало в дравидийских языках: *аркна, арге* 'рыть, копать' и сравнивают с индоевропейской основой *ar, auer* 'вода, влага' [Дмитриева, 1984].

аул, агыл, авыл 'селение, стойбище, хлев' и т. д. Ср. бур. и монг. *айл* 'аул, селение, юрта, дом, семья, хозяйство, соседи'. Из монгольского языка заимствовано эвенками слово *ajил* 'сосед'. Название нп Баянаул в Казахстане считается монголизмом: Баян-Уул 'богатая гора'.

бадан 'монгольский чай'; в русских говорах: «камнеломка, монгольский чай, грушанка круглолистная, настой которой пьют вместо чая, ясенец» [СРНГ, 1966, с. 38]. Монг. *бадан* 'бадан толстолистный' (Bergenia crassifolia). В.В. Радлов [Радлов, 1911, т. 4, стб. 1517] приводит каз. *бадана* 'корень вроде картофеля'. Ареал бадана — Сибирь и Центральная Азия. И понятно, что географические названия со словом *бадан* характерны для Азии: нп Бадан в Актюбинской обл., хр. Бадан в Восточном Саяне, песчаный массив Бадан-Джарэнг в пустыне Алашань в Китае.

балчуг, балчык 'влажная земля, грязь, глина, болото'. Другие формы: *балшик, палчыг.* Ср. монг. *балчиг* 'болото, трясина'. Отсюда: Большой Балчуг в Красноярском крае. Тюркские топонимы см. выше, с. 127. См. *балык.*

балык, балыг 'город'. Некоторые авторы связывают с *балчык* 'глина', так как жилища строили из глины: «город из глиняных домов». Другие тюркские формы: *балик, балук, палык, палук.* В литературе указывают на связь тюрк. *балык* и монг. *балгас/балгасун* 'город', тунг.-монг. *балаган* 'жилище, бревенчатый дом, шалаш' [ТМС, 1975, т. 1, с. 68]. Но у В.В. Бартольда есть возражения против такого сопоставления: «Происхождение названия Баласагун пока не установлено, предлагавшееся прежде сближение его с монгольским словом *балгасун* 'город' теперь едва ли имеет сторонников... У турок Баласагун

носил также название Куз-улуш... или Куз-орду; название Орду носил также другой город около Баласагуна...» [Бартольд, 1968, т. 5, с. 75].

В другой работе В.В. Бартольда читаем о Каракоруме, ниже которого «находились руины древней (VIII—IX вв.) уйгурской столицы Ордубалык ('Город двора'), руины его назывались в то время Мобалык ('Плохой город'), ныне Хара-Балгасун ('Черный город'). Город, основанный монгольским императором Удэгэем (1229—1241), первоначально также официально назывался Ордубалык; название Каракорум было распространено в народе» [Бартольд, 1965, т. 3, с. 443]. Необходимо обратить внимание на то, что составители сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков также воздержались от сопоставления тюрк. *балык* с монг. *балгас* 'город', бур. *балгаасан* 'овечий хлев' и находят соответствия тунг.-маньч. *балаган* с якут. *балаган* 'жилище, бревенчатый дом' [ТМС, 1975, т. 1, с. 68]. Э.В. Севортян в этимологическом словаре тюркских языков, не давая однозначного ответа на вопрос о сопоставимости тюркских и монгольских слов, указывает на значения «стена, крепость, загородь» и дополняет калмыцкими лексемами *балгад, балгасу(н)* 'город, руины' [Севортян, 1978, т. 2, с. 59].

Появление слова *балаган* в русских говорах Сибири в XVII—начале XVIII в. позволило И.Г. Добродомову [Добродомов, 1980, с. 141—144] считать его заимствованием из тюркских сибирских языков.

Т.Нафасов [Нафасов, 1992, с. 89—90] считает, что термин *балык* уже потерял свою ономастическую функцию. Первоначально он имел значение 'стена, крепость, укрепление', позже 'город', что в общем имеет место во многих языках. Поэтому название известного исторического топонима Бешбалык следует переводить как 'пять крепостей'. У этого автора много примеров, в том числе Балх на севере Афганистана, некогда центр древней Бактрианы. Такое утверждение спорно, оно нуждается в историко-хронологическом обосновании. В.В. Бартольд в своих работах часто упоминает Балх: «Древнейшим известным нам центром иранской культуры, может быть, также иранского государственного строя, были Бактры, нынешний Балх, к югу от Аму-Дарьи» [Бартольд, 1971, т. 7, с. 37]. Из этого следует, что название Балх пришло на смену Бактрам. Однако автор цитаты воздержался от расшифровки таких названий. Более определенно: Илибалык — город на р. Или и развалины Балх на Северном Кавказе.

бархан, парган, барган восходит к тюркскому глаголу *баар* 'идти, ехать, приходить; расти, размножаться и т. д.', см. [Севортян, 1978, т. 2, с. 65]. Ср. калм. *балха* 'подниматься, пучиться, толстеть' и параллельные формы *ман(г)ха, бан(г)ха.* Существительное *ман(г)хан* 'песчаная горка, холм' находится в теснейшей этимологической связи с глаголом *ман(г)ха* [Руднев, 1911]. К этому добавим монг. *манх* 'бархан', др.-монг. *манхан* 'песчаный продолговатый бугор', откуда маньч. *ман(г)кан* 'продолговатый бугор, тянущийся по долине' [ТМС, 1977, т. 2, с. 65]. Русское *бархан* — тюркизм. Из русского в европейских языках: *Barchan, Barkhan, Barkan, Barchane* 'подвижный песчаный бугор (холмик) серповидной формы с выпуклой наветренной стороной и крутой подветренной'. Термин широко используется в литературе по аридным странам.

белтир 'место слияния рек, устье', а также 'мыс, перекресток, скрещение дорог'. Дериваты: *белдир, белчир, пилтир, билир.* Ср. монг. *бэлчир*, бур. *бэлчер, бэлшер* 'слияние рек, перекресток, узел дорог', калм. *белчр* 'устье'. Тунгусо-маньчжурские соответствия не обнаружены. Примеры: гора Белтир-Туу на Алтае и Бэлчир в Читинской обл., р. Бай-Белдир в Туве.

бор 'мел, известь, глина, земля, почва, целина, пыль, осадок'. Варианты: *пар, пура, буор.* Видимо, связано с *бор/боз* 'серый, беловатый'. Ср. монг. *бор* 'пыль, песок', калм. *бор* 'гипс', бур. *бор* 'глина', маньч. *бураки* — то же [Севортян, 1978, т. 2, с. 193, со ссылкой на Г.Рамстедта]. Монг., бур. *бор* 'серый, сивый, простой'; эвенк. *бора* 'серый' [ТМС, 1975, т. 1, с. 96]. Предположительно сюда относятся гидронимы Бурлук на Украине, в Поволжье и Казахстане.

боран/буран 'снежная вьюга, пурга, буря, сильный ветер, гроза, туман'. Тюркские варианты: *бороон, бурхан, поран* и др. Ср. калм. *боран* 'непогода, буря с дождем и снегом', монг. *бороган* 'дождь', совр. халха-монг. *бороон* 'дождь', эвенк. *бурга* 'пурга, вьюга', маньч. *буран* 'буран, метель'. Отмечают связи с итал. и греч. *бора, бореас.* «В общем не исключено, что руническая форма *бора*, как и исходное имя *бор*, выходит за рамки тюркских языков» [Севортян, 1978, т. 2, с. 192].

босага 'дверной косяк, порог'. В топонимии: «сопка, возвышенность с крутыми склонами» в Казахстане, Средней Азии; «уступ на каменной горе» в Якутии. Алт. *босого*, монг. *босго* 'порог'; эвенк. *басурга, босого* 'порог' и эвен. *боросаг* 'северный склон горы', солонское *босог* 'лес', в эвенкийских диалектах *босого* 'запад' [ТМС, 1975, т. 1, с. 76; 97]. Топонимы с *босага* повторяются несколько раз в Казахстане, Средней Азии; гора Босого в Хабаровском крае.

булак, булаг 'родник, источник, ручей'. Те же значения в монгольских языках: калм. *булг*, бур. и халха-монг. *булаг*; эвенк. *болак* заимствовано из монгольского [ТМС, 1975, т. 1, с. 91]. Тюркские топонимы очень часты: нп Улан-Булак, оз. Баян-Булак, р. Сухын-Булак в Бурятии; нп Алтан-Булаг 'золотой родник' — название-символ, связанное с Монгольской народной революцией; р. Тамцаг-Булаг на востоке Монголии.

булун(г) 'угол'. Географические значения: «залив, излучина реки, мыс, сторона». Нетрудно сопоставить бур. *булан* 'угол, залив', халха-монг. *булан(г)* 'угол, кривизна, излучина реки', *усанбулан(г)* 'залив', букв. 'водный угол', *буйдабулан* 'пустынное место, горная падь, ущелье' [Казакевич, 1934, с. 17]; эвенк. *булон* 'угол', *булук* 'лесной островок' [Севортян, 1978, т. 2, с. 262]. Топонимы: р. Булунга в Иркут-

ской обл., нп Булан в Бурятии, р. Булан-Тала в Читинской обл.; нп Булунг и Булун в Якутии; г. Булун-Тохой в Джунгарии.

дабан 'перевал'. «Распространено мнение, что *дабан* и т. д. — заимствование из монг. Однако в таранчинском отмечен глагол *даба-* 'переходить через гору, через горный проход', в уйг. глагол *дава* 'переваливать через гору', из которых прямо выводится *дабан/даван* '(горный) перевал'» [Севортян, 1980, т. 3, с. 112]. В тунг.-маньч. *дава* 'перевалить через гору, переходить (через что-то высокое)'; маньч. *дабаган* 'перевал, волок, горный хребет', нанайское *даба* 'перевалить', орочское *даба* 'перевал'. А.В. Вовин [Вовин, 1986, с. 31—32] указывает на соответствия письм.-монг. *даваган* и эвенк. *дава* с япон. *яма* из праяпон. *дама* 'гора'. Множество названий в оронимии Азии оформлено при помощи приведенного термина: хр. Хамар-Дабан южнее Байкала, пер. Даван на Тянь-Шане в Ошской обл., пер. Дабан через Байкальский хр., пер. Эгин-Дава через Хангайский хр. и т. д. Если принять соображение А.В. Вовина, то в этот ряд следует включить и ороним Фудзияма.

джалга, джилга 'овраг, балка, ложбина, ручей, речка'. Татар. *елга* 'речка, река', а в диалектах *жилга* 'сухой овраг'. Варианты: *жалга, джылга, йылга, илга.* Ср. бур. и халха-монг. *жалга* 'ложбина, овраг, сухое русло', эвенк. *дэлгэ* 'овраг, русло, лог, падь'. В древнетюркском словаре: «qara jalγa геогр. название местности в Средней Азии недалеко от Ферганы, ставшее синонимом глухих мест, глухомани», со ссылкой на Махмуда Кашгарского [ДТС, 1969, с. 424]. В Этимологическом словаре тюркских языков [ЭСТЯ, 1989] большой разброс значений: 'река, река, текущая в овраге, горная река, ручей, поток, овраг, балка, ущелье, узкая каменистая дорога, русло, ложбина, луг'. Авторы этого словаря считают слово заимствованным из монгольского языка. В Бурятии нп на байкальском о-ве Ольхон Еланцы, т. е. *елга ганса* 'одинокая падь'. Местность представляет собой впадину, окруженную горами и распадками [Мельхеев, 1969, с. 126]. В этом же ряду название реки Илга в верховьях Лены. Тюркские топонимы многочисленны. См. выше, с. 120—121.

йер 'земля, место, страна, поверхность' [ДТС, 1969, с. 257]. Каз. и кирг. *жер*, алт. *jep*, узб. *ер*, якут. *сир* — то же. Ср. монг. *ертөнц*, бур. *юртэмсэ* 'мир, вселенная', эвенк. *jэркэ* 'земля, мир, вселенная' [ТМС, 1975, т. 1, с. 355]. Л.В. Дмитриева видит этимологические связи и за пределами тюрко-монгольских языков: фин.-угор. *jirä* 'низменность, глубокая лощина', саам. *jarre* 'маленькая долина', удм. *ер* и коми *йир* 'омут', тибет. *jigrteh* 'мир, вселенная'. «Это позволяет думать о заимствовании из тиб. в монг., тунгусо-маньч. и финно-угор. яз., когда их носители обитали на восточной прародине» [Дмитриева, 1984, § 11]. Поражает амплитуда понятий от «омута» до «вселенной» и ареал от Кольского п-ова до Тибета, что может быть воспринято скептически. Примеры: нп Караери в Азербайджане, Янгиер в Узбекистане, Ер-Балык на Алтае.

йол, йоол 'дорога, направление, судьба', монг. *жол* 'счастье', каз. *жолы* 'счастливый', тув. *чол* 'счастье, удача, доля, судьба', якут. *дол* 'счастье, удача'. Первоначально нечто расчищенное. Ср. рус. *дорога* от *драть* [ЭСТЯ, 1989]. Л.В. Дмитриева сближает и бур. *зол* 'счастье', др.-монг. *жол* 'счастливое путешествие', манс. (из татар.) *jol* 'помощь, содействие, польза', венг. *gualog* 'пешком'. Возможно, заимствование из финно-угорских языков, где праформа *jalka* 'нога' [Дмитриева, 1984, § 13].

каир 'мелкий песок, отмель, мелководье'. Ср. монг. и бур. *хайр* 'мель, галька', *хайрах* 'гравий, щебень, галька'; тунг.-маньч. *кави* 'галька, песок'. Многозначность слова в тюркских языках и топонимические примеры уже были показаны, см. с. 127—128. Видимо, отсюда имя р. Хара, пр. Орхона — гидроним, который монголы не связывают с прилагательным *хар* 'черный'.

кайракан 'божество, дух'. Ср. монг. *хайр* 'любовь, милость, жалость'; тунг.-маньч. *кajре* 'жаль', маньч. *хajракан* — то же. «Совершенно особо в стороне стоит термин *хаерха*, испещряющий все карты Монголии. Дело в том, что слово *хайрхан* нигде не обозначает действительного названия горы и переводится прилагательным „миленький, любезный"» [Казакевич, 1934, с. 8]. Горы Цэнгэл-Хайрхан, Джаргалант-Хайрахан, Умнэ-Хайрахан и Баатар-Хайрахан в Западной Монголии; река и гора Кайракан на Алтае, гора Хайыркан в Туве.

капаг, капга, капыг 'дверь, ворота'. В топонимии: «вход в ущелье, продольное понижение между горами»; *капы* 'узкая щель верховьев оврага'. Темиркапы 'железные ворота' — нередкое название узких или тесных проходов по горным ущельям. А.В. Вовин [Вовин, 1986, с. 31—32] сопоставляет тюрк. *капы* 'дверь', эвенк. *камни* 'ущелье', маньч. *камни* 'ущелье, теснина', др.-япон. *кафи* 'ущелье'. Ср. монг. *хамхи* 'притворять, закрывать дверь'.

капчагай 'ущелье, теснина, каньон'. Ср. бур. *кабсагай, хабсал* 'утес, скала, ущелье', калм. *хавчг,* халха-монг. *хавцал, хавчил* — то же, *хавцай* 'утес, скала'; эвенк. диал. *хапчал* 'теснина, скалы на берегу реки'; нанайское *хапси* 'долина, склон горы'. В ТМС [1975, т. 1, с. 378—379] ряд интересных сопоставлений: *капчи* 'тесный', монг. *хавчаар* 'зажимы для волос', *хавчгар* 'сплюснутый, сжатый с двух сторон', *хавчи* 'сжимать, ущемлять', *хавчур* 'клещи, скрепка'; бур. *хабшу* 'тесный', *хабшуур* 'клещи', *хабшы* 'быть плоским, приплюснутым'. Др.-тюрк. *qap-* 'хватать'. Тюркские географические названия типа Капчагай были перечислены выше.

кара 'сопка, холм, сложенные коренными скалистыми породами, с обнажениями обычно темных цветов' в Казахстане. Слово занимает вторую позицию в географических названиях: Ушкара, Джетыкара, Иманкара и т. д., и обычно не осмысливается местным населением. В монгольской топонимии та же закономерность: Наринхара, Долонхара. В.М. Иллич-Свитыч [1971, т. 1, с. 341] связывает это слово с

кир/кыр и ср. эвенк. *kiragin* ‘косогор, высокий берег’, эвен. *kirgin* ‘возвышенность’. См. *кыр*, с. 220.

карагана ‘кустарник из семейства бобовых’. Ср. бур. и монг. *харгана* — то же. В Бурятии: нп Харгана, р. Наран-Харганата, нп Улан-Харгана, гора Харгана [Кузьмина, 1969, с. 47].

кая ‘скала, утес’. Ср. монг. *хада(н)* ‘скала, утес, скалистая вершина’, совр. халха-монг. *хад*, бур. *хада* ‘гора, скала’; эвенк. *када* ‘надводная скала’, *кадар* ‘скала, утес, гора, горный хребет’; основное значение ‘скала’; эвен. *кадаку* ‘утес, скалистый’; маньч. *хада(н)* ‘скала, утес’; ульчское *кадали* ‘скала, утес’. Тюркские топонимические примеры см. выше. Здесь укажем: р. Када и Кадаликан в Иркутской обл., река и нп Кадала в Бурятии, р. Кадарандя в Магаданской обл., хр. Кодар в Становом нагорье, гора Уланхада в Бурятии, гора Наданхада-Алинь в бас. Уссури; нп Хадай на о. Ольхон на Байкале.

коба, кобы, ков ‘полый, пустой, дуплистый’ [ДТС, 1969, с. 451, 461—462]. В топонимии: «пещера, горная долина, лог, ложбина, овраг, яма». Семантическая характеристика была дана на с. 110. Ср. монг. *хово* ‘сточная канава, лоток’, бур. *хобол* ‘канава, желоб’. Можно сопоставить и с бур. *гоби* ‘сухая степь со скудной растительностью на щебнистых, солончаковых почвах; холмистая степь’, монг. *говь* ‘равнинная или увалистая местность, покрытая редкой полупустынной и пустынной растительностью, часто с каменистой и засоленной почвой, с недостатком воды, имеющейся только в колодцах и редких ключах’. Др.-монг. форма *гоби*. Из монг. и маньч. *гоби* ‘безводная степь’, эвенк. ‘луг’. Слово заимствовано и китайской географической литературой, где противопоставляются песчаная пустыня *шамо* и *гоби*. Гобийский ландшафт формируется на пролювиальном, аллювиальном галечно-щебнистом субстрате, на эродированных или денудированных коренных породах, но не на песках. Азерб. *гобу, гову* ‘небольшая долина, сухое русло, овраг’ корреспондирует с халха-монг. *говил* ‘ложбина, впадина’. Топонимический ряд включает названия пустыни Гоби в Центральной Азии и ее частей: Шаргаин-Гоби, Галбын-Гоби, Номин-Гоби и др., а также Гоби-Алтайский аймак. В Туве нп Хобу-Аксы, где *хобу* ‘степь, поле’, но в тувинском языке есть и заимствование из халха-монг. *говь* ‘полупустыня, пустынная местность’. Ср. семантическое совпадение с рус. *пустыня*.

кол ‘река, речка, проток, рукав реки, лог, ложбина, долина’. Ср. бур. и монг. *гол* ‘река, долина реки’, а в пустыне Гоби иногда «заболоченное озеро, сухое русло, родник», калм. *хол* ‘река’. Другие значения приводит Т.А. Бертагаев: «основа, сердцевина, ось» [Бертагаев, 1980, с. 124—125]. О сопоставимости монг. *гол* и тюрк. *кöл, кӳл* ‘озеро’ см. [Мурзаев, 1964, с. 13] и [Поспелов, 1980, с. 118—120]. Следует сблизить с корейским *коль* ‘долина, ущелье, ложбина’. Л.Р. Концевич [Концевич, 1962, с. 91—92] приводит примеры: Комголь ‘медвежья долина’, Кольме ‘долина + гора’. Сюда же солонское *голо* ‘река, стержень’, маньч. *голо* ‘русло, фарватер реки, долина, дорога, гряда, шов, область’ [ТМС, 1975, т. 1, с. 160]. По данным С.А. Хапаева [Хапаев, 1988], в карачаево-балкарском языке *къол* ‘рука’ употребляется для обозначения притока реки, речки, ущелья. В гидронимии многоводных рек не встречается. Кирг. *кол* ‘русло реки, речная долина’. «Самостоятельно не употребляется, встречается только в географических названиях» [Юдахин, 1965, с. 396]; тур. *кол* ‘рука; рукав платья; рукав реки’. В Татарстане *кул* ‘приток реки, овраг с ручьем, долина, лощина, ложбина’ и речные имена Тирэнкул, Тимеркул, Кармалыкул [Гарипова, 1991]. С.А. Гурулев [Гурулев, 1992] отмечает продуктивность *кул* в образовании географических названий Восточной Сибири в качестве топоформанта и находит параллели в чукотском и корякском языках: *куул, коол, куюл* ‘глубокая речка, старица, тихая заводь’. У него же находим перечень гидронимов с кетскими основами *кул, кулык* — Кульский Станок, залив Куль и бурятскими основами — Буркул, Дондокул и др. Что это? Один гомогенный ряд или гетерогенные образования? Многочисленны гидронимы Баян-Гол, Цаган-Гол, Хара-Гол, Нарин-Гол в Монголии и Бурятии.

кудук ‘колодец’. Ср. бур. и халха-монг. *худаг* ‘колодец’ и солонское *худук* ‘колодец’ как заимствование из монгольского языка [ТМС, 1975, т. 1, с. 425]. Г.Г. Кузьмина [Кузьмина, 1969, с. 50] отметила нп Худаг в Бурятии и оз. Худагтай в Читинской обл.; кол. Ганц-Худаг ‘одинокий, единственный колодец’ в Гобийском Алтае, кол. Цаган-Худаг ‘белый колодец’ и т. д.

кум ‘песок’. Варианты: *гум, кумак*. Ср монг. *хумаг* ‘песчинка, мелкий пылеватый песок, пыль’; *хумгый* ‘пыль’. Тюркские топонимические примеры многочисленны.

курай. Это тюркское слово вошло в русский язык в разных значениях: народное название растений из группы «перекати-поле», василек овечий, ферула, солянки русская и калийная, сорная степная трава, используемая как топливо [СРНГ, 1978, с. 109]. В тюркских языках *курай* ‘сорные солянки’, «перекати-поле», в первую очередь Salsola ruthenica ‘солянка русская’. В киргизском языке слово *куурай* выступает как часть названий многих растений. Можно сравнить с монг. *хуурай* ‘сухой’. Киргизские лексемы *куру, курук, курга* ‘сухой’ лишены долгой гласной. И все же такая параллель напрашивается. Ср. эвенк. *куран, курга* ‘засуха’, *куранак* ‘пустой’, якут. *курäнах* ‘сухой, пустой’ [ТМС, 1975, т. 1, с. 435]; монг. *хуурах* ‘поджаривать, подсушивать’ (например, зерно). Топонимы *Курай* широко распространены в Казахстане, в Алтайском и Красноярском краях в формах Курай, Куралы, Курайлы. В Горном Алтае Курайский хр. и Курайская степь по долине р. Чуя. Якутские гидронимы Куранах повторяются в бас. Олекмы и Омолона. В горах Хэнтэя Монголии в бас. Онона течет р. Хурах-Гол.

курук ‘запретное место, запретное пастбище’. В.В. Бартольд говорит о тюркском слове *курук, курик, гурук* «в смысле заповедного имения государя или династии» [Бартольд, 1965, т. 3, с. 120]. По его

мнению, оно заимствовано монголами, которые кладбище с могилами Чингисхана и его потомков называли *Ихэ курук* 'великий заповедник'. Слово *курук* было частью имен некоторых умерших ханов. В.В. Бартольд считает слово *курук* древнеуйгурским. В современных словарях монгольского языка нет слова *хориг* 'заповедник, заказник', эти понятия передаются словом *цаэтай* 'заповедный' и описательно — *дархан цаэтай газар* 'заповедник', букв. 'неприкосновенная, заповедная земля (местность)', но сохранился глагол *хориглох* 'запрещать'. Ср. азерб. *горуг*, кирг. *корук* 'заповедник'. Т.Нафасов [Нафасов, 1985, с. 76] находит в Узбекистане названия нп Курик, Курикковчин.

кутан 'хутор, хлев, кочевье пастухов на горных пастбищах'. Ср. маньч. *кото(н)* 'город, городская крепостная стена'; эвенк. *котон* 'хлев, скотный двор', что заимствовано из монгольского и якутского языков. Письменно-монг. *хота(н), хотун(н)* 'группа юрт, городская стена', бур. *хото(н)* 'загон, хлев'. Б.Я. Владимирцов пишет: «Ойроты кочевали хотонами (хoton), т. е. аилами, или кочевыми поселками, которые составлялись почти исключительно из близких родичей» [Владимирцов, 1934, с. 170]. Сюда же лексемы: бур. *хото* 'город', халха-монг. *хот* — то же; каз. *котан* 'площадка, расположенная внутри круга, образованного группой юрт'. Эта площадка на ночь служит загоном для овец, почему и само стадо называется *котан мал* [Конкашпаев, 1951, с. 24]. Так же называется и круг на земле как след от убранной юрты. В топонимии: в Читинской обл. оз. Хонгор-Хото; р. Хотон в Хабаровском крае, оз. Хотоннок в Якутии; Улан-Батор-Хото — столица Монголии, городище Хара-Хото в Гоби в мертвой дельте р. Эдзингол.

кыр 'поле, степь, плато, возвышенность, гора, гребень, берег, край'. В халха-монгольском обнаруживаются параллели: *хира* 'низкий горный массив, мелкосопочник, разрушенные и размытые возвышенность, предгорья' (В.А. Казакевич [Казакевич, 1934, с. 27] отмечает локальную отнесенность термина к Восточной Гоби), *хэр/хээр* 'степь, поле' (то же в бурятском языке), употребление последних слов также регионально ограничено. Ср. классическое монг. *кира* 'гребень, возвышенность' и халха-монг. *хяр* 'гребень горы, ободок луки седла'. Нельзя забывать и тунг.-маньч. *кира* — слово, имеющее в этих языках значение 'край, бок, ребро, угол, косогор, холмик, берег, гребень горы, возвышенность, гряда' [ТМС, 1975, т. 1, с. 397]. В Западной Монголии высится высокий горный массив Хархира.

мокур, мукур 'тупой', *мокул* 'комолый, безрогий' [Радлов, 1911, т. 4, с. 2121 и 2173]. Слово часто употребляется для названия маловодных степных рек и речек, которые по выходе из области питания исчезают, пересыхают. В горах так именуют тупиковые ущелья, не имеющие перевалов в своих верховьях. Тунгусо-маньчжурские параллели как будто не отвечают географическому значению: *муку* 'тупиться'; производные значения 'сломаться, тупой, комолый, короткий, беспалый' и др. [ТМС, 1975, т. 1, с. 552—553]. Но монгольские и бурятские семантические параллели точно корреспондируют с тюркскими. Ср. халха-монг. *мухар* 'с тупым концом, комолый, конец, тупик'. Они весьма продуктивны в формировании географических названий, что видно из следующего перечня: нп Мухор-Кондуй на север от Читы; Мухор-Шибирь в Бурятии; ст. Мухор-Шибир Забайкальской ж. д.; Мухар-Нур на р. Уда, выше Улан-Удэ; Мухор-Тала в Бурятии; р. Мухор — пр. Иртыша в горах Семейтау; ст. Мукур на ж. д. Гурьев-Кандагач; р. Мукыр в Талды-Курганской обл.; оз. Мукыр в Павлодарской обл.; гора Мукырадыр в Тургайской ложбине; Мухор-Тархата в Алтайском крае; Мукур в Кокчетавской, Ошской, Семипалатинской областях; р. Мухаргол в Восточной Монголии, пересыхающая и теряющаяся в солончаках; оазис Мукур в Афганистане. Последний топоним связан с этнонимом. Ср. область Мукри-Курдистан в Иране.

муз, мус 'лед', в некоторых случаях 'холод, холодный'. Варианты: *бус, буз, пус*. Ср. калм. *мөсн* и халха-монг. *мөс-(өн)* 'лед', *мөсөнгол* 'горный ледник', букв. 'ледяная река'; эвен. *буксэ* 'лед, наледь, сосулька'.

мӳрэн 'река'. ДТС [ДТС, 1969, с. 354] фиксирует *mürän* (монг. *müren*). Бур. *мӳрэн/мӳрин* 'большая полноводная река; река, впадающая в море'. Однако топонимические примеры говорят о более общем универсальном значении, так как это слово образует гидронимы малых и маловодных рек, а иногда и озер, например гидроним Байкал, который встречается в форме Байгал-Мурэн. Можно ср. маньч. *мукэ* 'вода, жидкость', эвенк. солонское, негидальское *му*, нанайское *муэ*, корейское *мул/мур* 'вода' [ТМС, 1975, т. 1, с. 548—549]. В литературе встречаются формы *морэн, мурин*. Глубокий след в гидронимии Азии: Секиз-Мурэн — район верховья Енисея (гибридный топоним, где *секиз* — тюркское числительное «восемь», т. е. восьмиречье); реки Мурин — пр. Байкала, Куды, Киренги в Восточной Сибири; р. Зун-Мурин в Восточном Саяне; ж.-д. ст. Мурино на берегу Байкала; нивхское имя Амура — Дамур (Большая река), монг. имя Хар-Мурэн (Черная река). Монголы называют Волгу Ижил-Мурэн. В Туве р. Морен; в Киргизии Кёке-Мерен — пр. Нарына. Якуты называют Индигирку Мурулэг. В Монголии: р. Бухэй-Мурэн в Убсунурском аймаке. Мурэн — пр. Керулена в Хэнтэйском аймаке, руч. Мурэн (бас. Чулуту) в Архангельском и Дэльгэр-Мурэн (бас. Селенги) в Хубсугульском аймаке. В Китае: Улан-Мурэн в верховьях Янцзы в Тибете, р. Мулэйхэ в Синьцзяне, р. Карамуран в Куньлуне, р. Газимур в Трехречье и р. Мулинхэ в Северо-Восточном Китае — пр. Уссури. Интересно: «Близ Сызрани в р. Усу впадает речка Муранка» [Барашков, 1973, с. 253].

оба, ова 'жилище, селение, юрта, род, племя, пастбище'. Ср. монг. *obag* 'племя, клан, семья' [Севортян, 1974, т. 1, с. 400—401],

современное халха-монг. *овог/омог* ‘род, фамилия’, бур. *обог/омуг* ‘род, племя’, эвенк. *омук* ‘род’ [ТМС, 1977, т. 2, с. 18].

обо, оба, уба ‘курган, холм, культовая груда камней’. Ср. халха-монг. *обоо* ‘жертвенная куча камней на вершинах почитаемых гор’, а также ‘пограничный знак’ и ‘указатель направления пути на развилках или в лабиринте горных ущелий’. Бур. *обоо* ‘насыпь, курган, сопка, где совершается религиозный обряд’. Река Обогол, нп Обото, гора Цаганобо и Оботу в Бурятии [Кузьмина, 1969, с. 33].

ой ‘яма, низменность, ложбина, долина’; бур. и монг. *ой* ‘лес, роща’, эвенк. *hoj* ‘болото, тундра’. Отсюда имя о-ва Ольхон на Байкале из Ойхон с уменьшительным суффиксом *-хон*.

ӧлӧн(г) ‘трава, осока’. Монг. *ӧлӧн(г)* — то же. Интересное сопоставление со ссылкой на Л.Лигети приводит Е.Койчубаев: «*олан* у монголов, *ӧлӧн* у некоторых тюрков, *улан* у персов означает густая трава» [Койчубаев, 1974, с. 183]. В словаре В.В. Радлова [Радлов, 1893, т. 1, стб. 1246] находим: *ӧлан(г)* ‘сочное растение, растение, трава, луг, степь’ с указанием на чагатайское и таранчинское наречия. Слово сохранилось и в узбекском языке: *ўлан* ‘трава’. Киргизское слово полностью повторяет монг. *ӧлӧн(г)* ‘осока’. Э.В. Севортян [Севортян, 1974, т. 1, с. 527—528] приводит *илен ӧlen, ӱlӧn* и другие формы в значениях ‘трава, ковыль, пырей, осока, сочное растение, сено, болото, луг, пастбище, степь, пустыня’ и сопоставляет с тюрк. *ӧл* ‘мокрый, влажный, быть влажным, сырым’. Таким образом, тюркско-монгольская параллель очевидна. Однако пути заимствования трактуются по-разному. Э.В. Севортян склоняется к тюркскому началу. В топонимии можно указать производные: плоскогорья, реки, нп Оленти, Оленты, Оленди, Уланды в Казахстане [Койчубаев, 1974]; Олендгую в Читинской, Уленкуль в Омской областях, Улень в Красноярском крае. О.Т. Молчанова [Молчанова, 1979, с. 276] указывает на топонимы Алтая: Олонду-Кобы, Олон-Юлар, Олон-Чадыр. В Иране населенные пункты: Османолен, Калеоленг, Оленг. Под вопросом гидроним Улюнгур — большое озеро в Джунгарии. Но определенно нп Оленг-Сала в бас. Вилюя в Якутии из якут. *олёнг* ‘осока, кормовая болотная трава’.

олум/олом ‘брод’ в некоторых тюркских языках. Монг. *олум/олом* ‘переход, переправа, брод’; ср. *оломгӱй* ‘очень глубокий’, букв. ‘нет брода, нет перехода’, *оломтой* ‘неглубокий’, или ‘доступный для брода, проходимый’. Ясны соответствия в тунг.-монг.: *оло-* ‘перейти вброд’, эвенк. диал. *олон* ‘брод, переправа’. Эвен. *олари* — то же, негидальское и маньч. *олом* ‘брод’ [ТМС, 1977, т. 2, с. 15—16]. В словаре Э.В. Севортяна [Севортян, 1974, т. 1, с. 452] апелляция к общеалтайскому глаголу *оло-* (*олу-, улу-*) ‘переходить вброд’. Примеры: р. Олонгро — гидроним повторяется несколько раз в Восточной Сибири, нп Цаган-Олом в Хангае.

отаг ‘шатер, жилище’ [ДТС, 1969, с. 373]. Возводят к корню *от* ‘огонь’. Другие авторы сравнивают с монг. *отог/отог*. Б.Я. Владимирцов пишет: «Монгольское слово *otog*, происходящее от более древней формы *otag*, принадлежит к группе среднеазиатских слов, восходящих к согдийским культурным терминам: в согдийском, одном из иранских языков, распространенном в Средней Азии в течение первого тысячелетия нашей эры, было известно слово *otäk* ‘страна, территория’. Затем слово это в разных формах встречается в тюркских, монгольских и тунгусских наречиях, показывая связь свою с местом, территорией и т. п.» [Владимирцов, 1934, с. 133]. В прошлом оток у монголов «являлся основной социальной и хозяйственной единицей. Каждый монгол обязательно принадлежал к какому-нибудь отоку, входя благодаря этому в определенный круг различных социально-экономических связей и отношений. Очень интересно отметить, что монгольский оток основывался именно на территориальном единстве. Группа аилов, в том или другом количестве кочевавших в пределах определенной территории и пользовавшихся ее угодьями, и образовывала оток... И по происхождению своему слово *otog* тесно связано с территорией, местом для кочевания» [Владимирцов, 1934, с. 132—133]. Однако Э.В. Севортян [Севортян, 1974, т. 1, с. 486—487] считает, что указание на согдийское происхождение вряд ли доказуемо в культурно-историческом, а тем более в лингвистическом плане. Все тюркские формы гомогенны и образованы от глагола *ота-* ‘обогреваться, разжигать дрова, зажигать’ или от глагольного корня *от-* ‘разводить, разжигать костер’. В ТМС [ТМС, 1977, с. 28] указывается, что широко распространенное в тунгусо-маньчжурских языках слово *отог* заимствовано из монгольского в значениях ‘шатер, костер, огнище, огонь, стоянка’.

ӧтӱкен, ӱтӱген ‘родина, священная земля’. Ср. монг. *ӧtügen/etügen* в таком же значении; тув. *ӧдӱген* ‘ровная обширная местность среди гор, где хорошие пастбища’. Североалтайское *ӧдӧгӧн* ‘впадина на склонах гор’, кирг. *ӧтӧк* ‘впадина в горах, плоская местность, защищенная от ветра и удобная для зимовки’; уйг. (оазис Хами в Синьцзяне) *ӧтӓк* ‘впадина среди гор, где собирается скот’; якут. *ӱтӱгӓн* ‘неизвестная даль, страна, земля, бездна’ в мифологии [Татаринцев, 1990, с. 42—48]. Он упоминает местности Одуген, Одуген-Тайга в Туве. Видимо, др.-тюрк. Отукен — это бассейн Верхнего Енисея в Туве и бассейн Селенги в Хангайских горах Монголии — обширная территория, богатая водой, лесами и хорошими пастбищами. Б.И. Татаринцев связывает *ӧтӱкен* с нарицательным кирг. *ӧтӧк*, что перекликается с тофаларским *отукен* ‘ровное удобное место в высоком поясе гор с кормными пастбищами для оленей’. Ср. тюрк. *ӧт* ‘жить, прожить; быть хорошим, замечательным’, *ӧте* ‘очень, весьма, слишком’ со ссылкой на ЭСТЯ [Севортян — ЭСТЯ, 1974]: «...татары жили в местности Утугэн, как называлась горная цепь, постоянно упоминаемая в орхонских надписях (по представлению автора надписей, это была настоящая родина турок) и, по-видимому, соответствующая Хангаю» [Бартольд, т. 2, ч. 1, 1963, с. 499]. Л.П. Пота-

пов [Потапов, 1957, с. 106—117] находит имя священного горного хребта Утуган в верховьях Бийхема в Туве. Утӱгён — шаманское название земли у бурятского и монгольского населения [Антонов, 1971]. Таким образом, Отукен — название местности — связано с монгольским *ötügen/etügen* 'земля-владычица, божество земли'. *Ötüken* название святой горы тюрков и термин *ötüken* 'горы, покрытые тайгой' [Махрипов, 1990, с. 160]. В современной топонимии Тувы горы Одуген, Одуген-Тайга.

сай 'галька, мель, сухое русло, овраг'. Ср. монг. *сайр* 'сухое русло, нижняя часть реки, которая не доносит своих вод до устья, иссякает и оставляет наносы — гальку, дресву, песок в конусах выноса или слепых дельтах; мелководье'. Отсюда тув. *сайыр*. Остается загадкой появление *-р* в конце монгольского слова. В этот же ряд эвенк. *hai* 'перекат, мелководье', орок. *пай* 'мелко, мелкий', ороч. *сау* 'топь, вязкое место' [ТМС, 1977, т. 2, с. 308; 68]. Примеры: р. Сайрта в Читинской обл., р. Дунда-Сайрта в Иркутской обл. и многочисленные топонимы с конечным *-сай* в Средней Азии и Казахстане.

сала 'приток реки, ее рукав; развилина; отрог горы; межгорная ложбина'. Видимо, монголизм в некоторых тюркских языках: ср. халха-монг. *салаа*, бур. *налаа*, калм. *сала* 'ветвь, часть, приток, овраг, рукав реки'. Ср. письменно-монг. *salu-* 'отделяться', *salga-* 'отделять'. ТМС [ТМС, 1977, т. 2, с. 58] включает параллель *салган* 'промежность, шаг, развилина реки, перекресток, развилка (у дерева)'. Реки Зун-Сала и Хойто-Сала в Бурятии.

сандык 'сундук'; в топонимии: «четко выраженная в рельефе котловина, впадина»; *сандык тау* 'отдельная, массивная гора со сглаженным плоским верхом'; *сандыктас* 'гора, камень в форме сундука'. Ср. монг. *сондок* 'небольшой холм из глины с обрывистыми склонами, поросшими сверху кустарником' [Казакевич, 1934, с. 22]. В пустыне Гоби *сондок* 'бугор песка высотой 1—3 м, нанесенный ветром около какого-либо жесткого кустарника — эфедры, селитрянки, саксаула'. Л.Р. Концевич [Концевич, 1962, с. 93] упоминает корейское соответствие *ондок* 'бугор, горка, холм (высокий), берег'. Считают, что тюрк. *сандык* заимствовано из персидского и арабского языков. Указывают на первоисточник в греческом, что оспаривается, см. [Фасмер, 1971, т. 3, с. 803]. Примеры: пески Сандыкли (Сундукли) в Туркменистане, р. Сундук — пр. Урала, возвышенность Сандыктау близ Балхаша, гора Сондук в Читинской обл.

су(у) 'вода, ручей, речка, озерко'. Ср. бур. *унан*; калм. *усы/усун*, монг. *ус* 'вода, речка', *суваг* 'канава, канал', корейское *су* 'вода, река'. «Фонетические изменения типа *ус/су*, как показывают наблюдения, вполне возможны на собственно монголоязычной почве. Например, калм. *ӱсӱн* 'молоко' и монг. *сӱӱ(н)* 'молоко', бур. добайкальское *ӱһэн* 'молоко' и бур. хоринск. *һӱн* 'молоко'. В рукописных картах монголов отмечаются географические названия Цаган усу и Цаган суу. Судя по этим картам, формы *усу* и *суу* сосуществовали» [Очир-

Гаряев, 1983, с. 12]. В ТМС [ТМС, 1977, т. 2, с. 27 и 292] указывается на заимствование из монгольских: в солонском *осо* 'вода'. Ср. маньч. *усу-* 'плыть (по течению реки вниз — о судне)', монг. *усу(н), ус(ан)* 'вода' и якут. *усун* 'плавать, плыть'. Интересно, что Р.Ш. Джарылгасинова [Джарылгасинова, 1962, с. 86] видит в современной корейской топонимии процесс замены термина *су* термином *кан* 'река': Пилюсу ныне Пилюкан. В хакасском языке сохранилась др.-тюрк. форма *суг* 'вода, река'. Однако есть противники сближения тюрк. *су* и монг. *усу(н)* 'вода'. «Нам кажется, что монг. *u-sun* не соотносимо, так как в монгольских языках (прежде всего в среднемонгольском) не зафиксированы формы лексем *usun* с начальным согласным *h*, в связи с чем можно предположить отпадение начального *s* в этих языках» [Дмитриева, 1984]. Ср. *осо* 'вода' в солонском как заимствование из монгольского. Слова *су* и *шу* соответственно в корейском и китайском — 'вода'. С тюрк. *су* связывают и известный сибирский гидроним Минуса (пр. Енисея), хакасский оригинал Минсуг и производные Минусинск, Минусинская котловина. Возможно от *мин* 'тысяча' в смысле 'множество, обилие'. Ср. Минбулак 'много родников, место, богатое родниковыми водами'. Но старые хакасы объясняют Минсуг как 'теплая вода' [Мельхеев, 1986, с. 100]. Бесконечны гидронимы с финалью *-су, -суг, -ус* и т. д. на громадных пространствах Евразии. Конкретные примеры приводились на страницах этой книги. В ТМС [ТМС, 1977, т. 2, с. 27] упоминается р. Осо без локализации.

сырт 'возвышенность, холм, гряда, хребет; высокие платообразные плоские широкие долины в высокогорьях Тянь-Шаня и Памира', 'спина'. Ср. монг. *сэр (сээр)* 'спинной хребет, позвонок', а в переносном смысле 'холм, гряда' [Казакевич, 1934, с. 22].

таг 'гора'. Ср. монг. *таг* 'горный уступ, плато, терраса на крутом горном склоне'; *тогли бургаас* 'горный тальник'; калм. *таг* 'вершина горы'; др.-монг. *таг* 'гора'. Эвенки заимствовали из якут. *тыа* 'лес, тайга' [ТМС, 1977, т. 2, с. 172]. Н.А. Сыромятников [Сыромятников, 1967, с. 117—130] привел ряд японских слов, среди них *take* 'гора', *taka* 'высокий'. Л.В. Дмитриева [Дмитриева, 1984] дополняет: чуваш. *ту*, в диалектах — *тав*; башк. и татар. *тау* 'гора'. Курд. *dax* 'гора' заимствовано из турецкого; кроме того, лазское *dagi* 'гора, лес, камень'. Шугнанское *tax/tag* 'гора'. Рус. сибир. *тай* 'непроходимый, стройный лес'. *Таг*, вероятно, очень древний тюркизм, очень рано заимствованный и в ряд монгольских языков. Термин обычен в оронимии Сибири, Средней и Центральной Азии, Кавказа.

такыр 'место, лишенное растительности, дно голой глинистой котловины'. Др.-тюрк. *tatïr*. Напрашивается сравнение с монг. *хахир* 'твердый, вытоптанный, скудный' (о пастбище); *хахир газар* 'безлесная, бестравная местность (земля)'.

тала, дала 'равнина, степь, поле, сторона'. Ср. халха-монг. *тал* 'степь, равнина, сторона, место'; бур. *тала* 'степь, равнина, поле, открытое место'; эвенк. *талама* 'равнина, ровное место'; маньч. *тала*

'равнина, поле, степь'. Н.А. Сыромятников [Сыромятников, 1967, с. 117] сравнивал с японским *tani*, корейским (когуре) *tan* 'долина'. Примеры: пустыня Бетпакдала в Казахстане; нп Мухортала в Бурятии, р. Талакан в бас. Витима. Сюда же название пустынной равнины Хойту-Нурин-Тала в Гоби, которое открывается на монгольской почве, — «северная озерная равнина».

тарлаг 'поле, нива, пашня, вспаханная под посев земля'. Варианты: *тарик, тарла, тарлау*. Ср. калм. *таран* 'пашня, зерно'; бур. *таря* 'поле, пашня', халха-монг. *тариа(н)* 'хлеб, зерно', *тарилга* 'посев', *тариаланг* 'земледелие, пашня'; эвенк. *тари* 'сеять'. В Монголии дважды повторяются имена сомонов Тариалан, а также Тариат.

тенгри 'небо, бог'. Др.-тюрк. *тӓн(г)ри* то же, *тӓнгри ери* 'земля, божество, гром, погода'. В.И. Абаев [Абаев, 1958, с. 383] приводит следующие параллели: осет. *dyndyr* 'большой'. «Древнее переднеазиатское слово, семантический дериват неба. Ср. шумерское *dingir* 'небо', откуда и тюрк. *tengri* 'небо, бог', чуваш. *tüngrir* 'море' и прочее». В тунг.-маньч. *танара, тэнгэр* 'бог, небо, икона; озеро', венг. *tenger* 'море, многочисленный, бесчисленный'. «Удивительно распространение этого термина — от берегов Африки до нивхов (гиляков) Сахалина и глубокие корни, уходящие во времена шумеров Месопотамии (III тысячелетие до нашей эры). Термин некогда (в дошумерское время) отражал представление о безбрежных просторах песков пустынь, океанской глади, шири небесной, а затем уже обожествление неба, термин трансформировался в понятие бог, божество, нечто священное» [Малолетко, 1992, с. 168]. Этот автор находит в берберских языках *тенери* 'песчаная пустыня', в южноенисейском *тингил* 'высокий'. Глубокий след в топонимии: Хан-Тенгри — вторая вершина Тянь-Шаня (6995 м), оз. Тэнгринур (где монг. *нур* 'озеро') в массиве Богдоул в Восточном Тянь-Шане, большое озеро Тэнгринур на Тибетском нагорье (тибет. Намцо, с тем же значением 'небесное озеро'), пер. Тэнгэрин-Дабан в южной части Восточного Саяна, нп Тенгрик в Цайдамской впадине (провинция Цинхай в Китае). Тянь-Шань также оказался в этом ряду как калька тюрко-монг. Тэнгри-Таг 'небесные, божественные горы'.

тепе, добо 'вершина, бугор, сопка, холм'. Др.-тюрк. *төрӱ* 'темя, макушка, голова, вершина'. В Западной Сибири *тубя*. Ср. бур. *добо* 'холм'; халха-монг. *добо* 'небольшая горка, холм, курган, насыпь', *добок* 'вершина горы, пик' [Казакевич, 1934, с. 18—19]. Эвенк. *дувэ* 'конец предмета, вершина, исток реки'; орочское *дубэ, дуэ* 'конец, острие, мыс'; маньч. *дувэ* 'конец, вершина горы, дерева, устье реки' [ТМС, 1975, т. 1, с. 218]. В Бурятии нп Хатан-Добо и Хухэ-Добо [Кузьмина, 1969, с. 23].

тохой 'локоть'. В географической терминологии: «излучина реки, полуостров, меандра, лука, залив, меандра реки». Из якут. *тогой*, у эвенков *тогоj* 'излучина реки' [ТМС, 1977, т. 2, с. 190]. Соответствует среднеазиатскому *тукай, тугай* 'лес по берегам реки'. Примеры:

гора Булунтохой в Джунгарии, нп и р. Тохой на Алтае, нп Тохой в Бурятии; в Каракалпакии заповедник Бадайтугай.

тура 'укрепленное жилище, крепость' [ДТС, 1969, с. 587]. Ср. бур. *тура* 'дом, здание, город'; халха-монг. *тур, тура* 'крепость, город, цитадель'. «Прибайкальские буряты раньше города Иркутск, Балаганск, Верхнеудинск называли просто Тура, т. е. 'город'. Топонимов Тура много» [Мельхеев, 1969б, с. 97]. Поселок Тура, центр Эвенкии. Название, возможно, отражает тюрк. *тура*, но не исключено и тунг.-маньч. *тур* 'земля, место, местность'.

унгур, ункур 'пещера, провал, яма, каньон'. Ср. монг. *хӧнхӧр* 'впадина, ложбина, низина' (не смешивать с *хонгор* 'светло-рыжий, соловый'); бур. *хӯнхэр* 'овраг, долина, впадина'. Гора Буту-Хунхэр в Бурятии. Вне ряда название Баян-Хонгорского аймака.

чёль, чӧл 'пустыня, заброшенная безводная земля'. Ср. халха-монг. *цӧл* 'пустыня'.

чечек 'цветок'; др.-тюрк. *čačak* 'цветок, соцветие', узб. *чечек*, азерб. *чичак*, алт. и уйг. *чечек*, тур. *čiček* 'цветок', ср. монг. *цэцэг* 'цветок, цветущий'; *цэцэрлэг* 'цветник, сад'; *цэцэрлэх* 'цветник, цветущий'; бур. *сэсэг* 'цветок'. Эвенки заимствовали из монгольского языка слово *чэчэк*, что соответствует письменно-монг. *čečeg*. Топонимические образования, как и следовало ожидать, многочисленны: нп и р. Чичакли в Армении; селения Чичахляр и Чичакли в Азербайджане; нп Чечек на Алтае; Памирская биологическая станция Чечекты. В Бурятии поселок Улан-Сэсэг. Нп Чачак в Югославии на юг от Белграда. В Монголии: город Цэцэрлэг — центр Архангайского аймака, сомон Цэцэрлэг в Хубсугульском аймаке, сомон Цэцэг в Хобдоском аймаке, минеральный источник Цэцэрлигин-Аршан в Дзабханском аймаке, р. Цэцэрлэг — приток р. Тэс в Северо-Западной Монголии. В Китае г. Цицикар (?) на р. Нонни в провинции Хэйлунцзян.

чӳл, чӧл 'камень' (чуваш.). Булгарское *чаллы* 'каменистый, каменный'; тув. *чалым* 'утес'. Ср. бур. *шулуун*; монг. *чуллу* 'камень', *чулуурхаг* 'каменистый'; тунг.-маньч. *дёло* 'камень'; корейское *тол* 'камень'. Весь ряд этимологии сопоставляют с др.-тюрк. *таш* 'камень' [ТМС, 1975, т. 1, с. 263; см. также Корнилов, 1972, с. 65—68]. С булгарским *чаллы* Г.Ф. Саттаров [Саттаров, 1974, с. 71—74] сближает тур. *чал* 'каменистое возвышение', азерб. *чал* 'каменистое место, холм'. Выше были показаны тюркские топонимы, здесь же остановимся на монгольских и тунгусо-маньчжурских. В Бурятии нп Чолутай, гора Улан-Чулун; в Читинской обл. гора Чулун-Толгой; р. Джоло в Хабаровском крае; в Эвенкии р. Дёлочи и Дёлочи-Икэн, река и оз. Дёло в Читинской обл.; в Иркутской обл. и Хабаровском крае р. Дёлокон; р. Дёло в Амурской обл. [Комаров, 1967, с. 35]; р. Чулуут в бас. Селенги.

шор, сор ‘солончак, солонец’. Ср. монг. *шор* ‘солончак с малым количеством соли’; *шорбок* — то же в Гоби, основное значение ‘солоноватый’ [Казакевич, 1934, с. 23].

ял ‘грива, низкая возвышенность’. Др.-тюрк. *jal* ‘грива, загривок’. Ср. халха-монг. *дэл* ‘грива’, а в топонимии: «каменистая возвышенность, горный пик», бур. *дэлсэ(н)* ‘грива’. Песчаный массив Бориг-Дэл-Элс в Котловине Больших озер в Монголии.

ВЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ ТРАНСКРИПЦИИ

Передача тюркских географических названий средствами русской графики, как правило, регулируется соответствующими подразделениями Главного управления геодезии и картографии (ГУГК). Такая организационная форма представляется наиболее целесообразной. Именно картография, начиная со школьной скамьи, прививает навыки и способствует усвоению того или иного топонима в определенной форме.

На первый взгляд не искушенного в этом вопросе человека, казалось бы, простое дело написать нерусское собственное имя, пользуясь средствами русской графики. А в действительности оно оказалось делом сложным. В тюркских языках есть фонемы, не эквивалентные русским. В таких случаях необходимо, насколько это возможно, приблизиться в написании к оригиналу, ограничиваясь рамками русского алфавита. При этом искажения в той или иной степени неизбежны.

Положение осложняется еще традициями, закрепленными в течение многих десятилетий и даже столетий. Достаточно сказать, что все названия столиц тюркоязычных республик по-русски и на языке-оригинале пишутся по-разному: Алма-Ата — Алматы; Ашхабад — Ашгабат; Баку — Бакы; Ташкент — Тошкент; бывший Фрунзе еще в недалеком прошлом — Прунза, так как в киргизском языке звука *ф* нет, и ныне он стал употребляться только в заимствованных словах. Несовпадение с оригиналом наблюдается и в наименованиях центров других республик: Татарстана — Казань, но по-татарски Казан; Каракалпакии — Нукус, но по-каракалпакски Нөкис; Башкирии — Уфа, но по-башкирски Өфө; Чувашии — Чебоксары, но по-чувашски Шупашкар.

Разнонаписание названий одних и тех же географических объектов еще в недалеком прошлом не знало предела. Например, название Каракумы передавалось в восьми формах: Кара-Кум, Кара-Кумы, Кара-кум, Кара-кумы, Кара кум, Кара кумы, Каракум, Каракумы. Туркмены пишут Гарагум. Ныне в русской картографии возобладала модель слитного написания и почему-то в сохранившейся традиционной форме множественного числа, хотя есть форма Кызылкум.

В старой русской картографии сложные географические названия передавались в дефисном написании, при этом второй и третий компоненты писались со строчной буквой: Сыр-дарья, Кашка-булак, Аг-

каялы-баши. Основанием для такого написания служило указание на то, что последующие слова двух-, трехосновного имени собственного суть нарицательные: *дарья* ‘полноводная река’, *булак* ‘источник, ручей’, *кая* ‘скала’, *баш* ‘голова, вершина, начало’. Однако эта точка зрения была оспорена лингвистами, которые в таких случаях считали все нарицательные слова элементами имени собственного и поэтому предложили писать их с прописной буквы: Марал-Баши, Мейдан-Чай, Ял-Оба-Кенд, хотя *чай* ‘река’, *оба* ‘деревня, местожительство’, *кенд* ‘город, селение’.

Но и такой вариант не казался оптимальным. Для написания через дефис отдельных слов сложного названия надо знать семантическую и морфологическую структуру каждого отдельно взятого топонима. А такое знание мало кому доступно. В самом деле, какую конструкцию следует принять в названии Чичаклидаш? Возможны варианты Чичак-ли-даш, Чичак-лидаш, Чичакли-даш. Чтобы передать это имя через дефис, надо знать содержание всех элементов, его слагающих: азерб. *чичак* ‘цветок’ + суффикс *-ли* + *даш* ‘камень’. Показателен пример, приведенный Г.И. Донидзе [Донидзе, 1962, с. 134], с казахским названием Камыстыкӧль (*камыс* ‘камыш’, аффикс *-ты* и *кӧл* ‘озеро’), которое передано как Камыс-Тыкуль и Камыс-Ты-Коль. Все чаще стали склоняться к слитному написанию сложных тюркских географических названий, подобно тому, как это принято в русской или западноевропейской номенклатуре: Волгоград, Ставрополь, Кривожье, Днепропетровск, Стокгольм, Гамбург, Монблан, Монреаль, Копенгаген. Многие китайские названия по-русски тоже пишутся слитно: Нанкин, Шанхай, Тяньцзинь, Бэйшань (традиционное исключение Тянь-Шань). Казалось бы, выход найден. Слитная форма позволяет не задумываться над внутренним содержанием топонима, облегчает труд топографа, картографа, редактора и др. Экономится пространство на карте.

Но и здесь возникли трудности. Тюркские названия бывают трех- и даже четырехосновные. Попробуйте произнести азербайджанское название селения Ашагыимамкулукенд. Неазербайджанцу это совсем непросто. Оно раскрывается так: *ашагы* ‘нижнее’, Имамкулу — личное имя, ‘раб имама, священнослужителя’, *кенд* ‘селение, город’, т. е. ‘нижнее селение Имамкулу’. Такие длинные названия, насчитывающие более четырех-пяти слогов, было решено писать через дефис. Тогда оно выглядит так: Ашагы-Имамкулукенд [Бушуева, 1971, с. 74]. Тоже нелегко! В данном примере первая лексема *ашагы* ‘нижний’ обычно отделяется от основного названия. То же самое видим в русских географических названиях: Нижний Тагил, Нижняя Тунгуска, но Нижнеангарск, Нижневартовск. Г.И. Донидзе считает дефисное или слитное написание оправданным в зависимости от «природы названия» [Донидзе, 1962, с. 135]. Другими словами, надо знать его семантику, которая в ряде случаев остается неизвестной даже специалисту-тюркологу.

С решением передавать сложные тюркские топонимы в слитной форме согласны не все специалисты, занимающиеся вопросами транскрипции в национальных республиках.

Если азербайджанцы, узбеки, туркмены, казахи, татары, башкиры пошли по пути слитного написания географических названий, то киргизы[1], алтайцы, якуты, тувинцы по-прежнему сторонники только дефисного написания всех компонентов топонима, при этом каждый из них должен подаваться с прописной буквы: Кара-Куль, Кочкор-Ата, Сары-Тала, Кара-Булак-Тор, Кара-Башат-Сай; Каинду-Булак, Обо-Ту, Ян-Ыйык-Ту; Хадар-Юрях, Хатынг-Тала, Киси-Ольбут-Кюеле; Демир-Суг, Ак-Даштыг-Коль. В Южной Сибири встречается и слитное написание: Харахая, Холтас, Ташоба, Харахаясаях. Последний четырехсложный топоним раскрывается так: *хара* ‘черный’, *хая* ‘скала’, *сай* ‘мель, галька, овраг’ и аффикс *-ах* [Бушуева—Волостнова, 1968, с. 34]. Эту последнюю конструкцию можно понять как «черная скала в малом овраге».

Чем объяснить подобные разные позиции? Только одним — несогласованностью точек зрения между языковедами отдельных тюркоязычных республик и органами, ведающими вопросами унификации и стандартизации географических названий. А прийти к единому решению совсем непросто. Каждая сторона выдвигает свои предложения и контрпредложения. А казалось бы: почему не собраться специалистам всех тюркоязычных республик, чтобы поспорить, а в результате все же принять какую-то единую рекомендацию по вопросу слитного или раздельного написания. Без унификации многократно увеличиваются трудности в работе авторов, редакторов, корректоров, издателей. Но не только. Читатель часто в тупике. Ему не расскажешь о дискуссиях и разных решениях о слитном или дефисном написании однотипных топонимов: г. Кара-Су в Ошской обл. и р. Карасу, пр. Куры в Азербайджане. И потребитель географических карт в недоумении, он не видит объяснения, почему одноименные реки Сарысу на территории Казахстана подписаны в этой форме, а в горах Киргизстана или Горного Алтая уже Сары-Су. Нельзя не согласиться с А.В. Суперанской, которая справедливо утверждала: «Очевидно, нужны какие-то критерии, исходящие из норм русского языка... Для русского языка все названия этого типа выглядят одинаково, и соответственно желательно их одинаковое письменное оформление, так как для русского совершенно непонятны мотивы, по которым, по сути дела, одинаковые названия пишутся различно» [Суперанская, 1960, с. 61].

Проблема осложняется еще наличием названий железнодорожных станций и отделений связи, закрепленных в официальных документах (списках) с перечнем населенных пунктов, в которых нередки традиционные формы, иногда отличающиеся от национально-нормативных.

[1] В последние годы киргизские специалисты также склоняются к слитному написанию.

Анализируя вопросы транскрипции тюркских топонимов, используемых при составлении карт, Г.И. Донидзе отмечает, что «процент правильно переданных названий населенных пунктов всегда ниже, чем процент правильно переданных названий физико-географических объектов» [Донидзе, 1962, с. 130]. В данном случае правильными считаются те формы, которые предусмотрены соответствующими инструкциями ГУГКа. Почему? Ответ ясен из сказанного: названия селений, городов, железнодорожных станций, пристаней, зафиксированные в официальных документах, оказываются «неподведомственными» органам, ведущим работу по топонимической стандартизации. Отсюда разнобой.

Сложности этим не ограничиваются. Непросто решить и другие, чисто транскрипционные вопросы. Как правильнее графически изображать, а как следствие — и произносить географические названия в языке берущего (в данном случае — русского) из языков дающих (в данном случае — тюркских)?

Еще более сорока лет назад С.Л. Берг писал о порочности транслитерации и даже нецелесообразности передачи по фонемам и настаивал на необходимости транскрипции иноязычного географического названия в целом, исходя из норм русского языка и возможности его орфографии. Картография при всех обстоятельствах должна ограничиваться только средствами русского алфавита. По мнению С.Л. Берга, транскрипция есть «передача звучания и формы иноязычных географических названий посредством и по правилам русской письменности» [Берг, 1955, с. 383]. Об этом говорил и А.А. Реформатский: нужна «передача слов одного языка, взятых во всей полноте их лексической, грамматической, фонетической и графической характеристики, словами другого языка в соответствии с его законами, нормами его лексики, грамматики, фонетики и орфографии, для введения в лексический состав данного языка» [Реформатский, 1960, с. 53].

На этом пути много непоследовательностей. Как быть, например, с отображением долгих гласных, присущих не только тюркским, но и монгольским языкам? В нашей картографии долгота не отмечается. Между тем картографы Монголии настаивают в таких случаях на удвоенных буквах: *оо, уу* и т. д., что в русском чтении уводит в сторону от произношения оригинала. Ср. монг. Улаанбаатар, мы же говорим Ула́н-Ба́тр, редуцируя долгие гласные; традиционная форма, принятая в русском написании, — Улан-Батор.

Можно утверждать, что наша практика игнорирования долгих тюркских и монгольских гласных себя оправдала и в картографии, и в жизни.

«Еще нет единства в передаче гласных переднего ряда *ӧ, ӱ*, гласного заднего ряда *ы*, сочетаний *йы, йи* (*jы, jи*), заднеязычного *нг*, в написании однотипных составных названий и в ряде других случаев» [Донидзе, 1962, с. 132]. Гласная *ӧ* передается русскими *о* и *ё*, гласная

ӱ — русскими *у* и *ю*, согласная *нг* — через *н* и *нг*. Такой разнобой оправдывают сложившейся традицией, которую, по мнению этого автора, фетишизируют. Конечно, он прав, когда предлагает уничтожить существующий разнобой в правилах передачи тюркских названий, который тормозит процесс унификации. Это не значит, что мы полностью должны уходить от традиционных названий, однако чем меньше их останется в нашей номенклатуре, тем лучше. Особенно это касается неправильных по написанию, традиционно малоизвестных, не получивших широкого распространения географических названий. Опыт показывает, что в течение в общем-то короткого времени мы привыкаем к новым формам даже издавна известных старых топонимов. Уже забыты Тифлис и Эривань, ныне все знают Тбилиси и Ереван.

В последние годы в тюркоязычных республиках бывшего Советского Союза происходит ревизия многих географических названий. Появились Татарстан, Башкортостан, Кыргызстан и многие новые имена населенных мест. Возражают против привычных Башкирия, Киргизия, Туркмения. Конечно, право и дело самих народов решать, какие формы названий они предпочитают и выбирают. Но такое очевидное положение вовсе не значит, что новые формы должны быть закреплены как единственные и обязательные в русском употреблении. Мы говорим Литва, а не Летува, Эстония, а не Ээсти, Белоруссия и Беларусь. Но ни литовцы, ни эстонцы, ни белорусы не видят в этом никакой дискриминации, так же, как армяне или грузины, самоназвания государств которых не имеют ничего общего с принятыми у нас и распространенными почти во всем мире. Самоназвания многих стран часто существенно отличаются от широко известных. Примеров тому много: Китай, Финляндия, Германия, Индия и т. д. Финны называют Францию Ranska, Швецию — Ruotsi, а французы Швейцарию — Suisse. В таких фактах нет ничего оскорбительного. Более подробно о топонимах в межнациональных отношениях см. в моей книге [Мурзаев, 1995, с. 205—213].

Какие же выводы можно сделать из этого краткого обзора сложных и противоречивых вопросов передачи тюркских топонимов в русской картографии, литературе? По многим тюркским языкам существуют инструкции по транскрипции, но они — документы ведомственные, имеют ограниченное распространение. К тому же в них получили отражение те разночтения, о которых шла речь выше. Поэтому нужны нормативные словари тюркоязычных географических названий. В таких словарях должны сосуществовать как тюркский оригинал, так и его русский эквивалент. В первую очередь в таких словарях нуждаются сами тюркоязычные республики.

Прежде чем приступить к этим изданиям, повторяю, необходимо проделать определенную работу по разрешению спорных вопросов транскрипции, и начинать ее нужно, видимо, с унификации письменной графики, разной у разных тюркских народов. Об этом специально

писал Н.А. Баскаков: «Установление состава алфавитов и орфографических норм в каждом конкретном языке производилось в конце 20-х гг. без достаточного полного согласования и без общей координации деятельности по созданию новой письменности на русской основе» [Баскаков, 1976, с. 14].

В орфографических правилах тюркских языков можно обнаружить рекомендации о правописании географических названий. Однако такие рекомендации не способствуют их унификации, они противоречивы и малообоснованны. «Настало время позаботиться о разработке и включении в географические своды тюркских языков специальных разделов, посвященных правописанию географических названий» [Донидзе, 1976, с. 257]. Таким образом, дальнейший успех нормализации и унификации русской передачи тюркских географических названий тесно связан с согласованными действиями ученых-тюркологов в самих тюркоязычных республиках. И необходимо стремиться к такому взаимопониманию. В противном случае нельзя рассчитывать на благодарность тех, кто пользуется картами, и читателей как научной, так и художественной литературы. От них будут продолжать поступать справедливые недоуменные вопросы: почему здесь так, а там этак? На них сегодня нет вразумительных ответов. И не будет до тех пор, пока «высокие недоговаривающиеся» стороны не смогут согласовать спорные вопросы унификации. Это практически очень важно. Когда же это совершится?

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Эту книгу можно дополнить новыми соображениями, развить те положения, которые присутствуют в ней, продолжить список примеров, их иллюстрирующих. Не исключены и возражения. Автор будет признателен за отклики коллегам топонимистам и всем, кто интересуется происхождением географических названий — по существу, своеобразным народным творчеством. Его истоки в далеком прошлом, в эпохе становления человеческого общества, оно не прерывалось в течение тысячелетий, отражая динамику исторического развития культуры и цивилизации.

В наши годы процесс номинации географических объектов уже в значительной степени потерял элемент стихийности. Вводятся правила, инструкции и законоположения, ограничивающие случайность, немотивированность, надуманность. Но и в этих условиях народное творчество остается основой, фундаментом новых топонимических образований.

Тема «тюркская топонимика» неисчерпаема. И еще многое нужно сделать в обозримом будущем. Оно порадует новыми исследованиями, новыми публикациями. Работа, подобная этой, всегда может быть продолжена. В науке есть начало, но нет конца. Одна решенная проблема порождает новые и увлекает перспективами открытий. В топонимике тюркоязычных народов еще много непознанного и, как было показано, спорного. Но давно известно: в спорах рождается истина. Топонимия любой страны подобна глубокому колодцу — дна не видно.

СОКРАЩЕНИЯ

Языки и диалекты

авест.	—	авестийский
азерб.	—	азербайджанский
алт.	—	алтайские языки
англ.	—	английский
араб.	—	арабский
арм.	—	армянский
афг.	—	афганский
балк.	—	балкарский
башк.	—	башкирский
болг.	—	болгарский
бур.	—	бурятский
венг.	—	венгерский
гагауз.	—	гагаузский
греч.	—	греческий
диал.	—	диалект
др.	—	древний
др.-евр.	—	древнееврейский
др.-каз.	—	древнеказахский
др.-тюрк.	—	древнетюркский
индоевр.	—	индоевропейские языки
иран.	—	иранские языки
итал.	—	итальянский
каз.	—	казахский
калм.	—	калмыцкий
карач.-балк.	—	карачаево-балкарский
кирг.	—	киргизский
кит.	—	китайский
ккалп.	—	каракалпакский
корейск.	—	корейский
крым.-татар.	—	крымско-татарский
кумык.	—	кумыкский
курд.	—	курдский
лат.	—	латинский
манс.	—	мансийский
маньч.	—	маньчжурский
мар.	—	марийский
мол.	—	молдавский
монг.	—	монгольский, монгольские языки
морд.	—	мордовский
нем.	—	немецкий
н.-каз.	—	новоказахский
ног.	—	ногайский
ойрот.	—	ойротский
орок.	—	орокский
ороч.	—	орочский
осет.	—	осетинский
перс.	—	персидский
рум.	—	румынский
рус.	—	русский
саам.	—	саамский
сиб.-тюрк.	—	сибирско-тюркские языки
скр.	—	санскритский
слав.	—	славянские языки
согд.	—	согдийский
ст.-слав.	—	старославянский
с.-хорв.	—	сербскохорватский
тадж.	—	таджикский
татар.	—	татарский
тибет.	—	тибетский
тув.	—	тувинский
тунг.-маньч.	—	тунгусо-маньчжурские языки
тур.	—	турецкий
туркм.	—	туркменский
тюрк.	—	тюркские языки
угор.	—	угорские языки
удм.	—	удмуртский
узб.	—	узбекский
уйг.	—	уйгурский
укр.	—	украинский
фин.-угор.	—	финно-угорские языки
франц.	—	французский
хакас.	—	хакасский
чуваш.	—	чувашский
чулым.	—	чулымский
шор.	—	шорский
эвен.	—	эвенский
эвенк.	—	эвенкийский
якут.	—	якутский
япон.	—	японский

Библиографические сокращения

ВГ	—	Вопросы географии. Сборники Московского филиала Географического общества СССР
ВГО	—	Всесоюзное географическое общество
ВО	—	Вопросы ономастики
ВЯ	—	Вопросы языкознания
ДТП	—	Диалекты и топонимия Поволжья. Сборники Чувашского государственного университета
ЗВОРАО	—	Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ОВ	—	Ономастика Востока
ОК	—	Ономастика Кавказа
ОП	—	Ономастика Поволжья
ОСА	—	Ономастика Средней Азии
РГО	—	Русское географическое общество
СТ	—	Советская тюркология
ТВ	—	Топонимика Востока
ЭСТЯ	—	Этимологический словарь тюркских языков
ЯТС	—	Языки и топонимия Сибири. Сборники Томского педагогического института

Другие сокращения

бас.	—	бассейн
возв.	—	возвышенность
г.	—	город
кол.	—	колодец
нп	—	населенный пункт
обл.	—	область
о-в	—	остров
оз.	—	озеро
пер.	—	перевал
п-ов	—	полуостров
пр.	—	приток
р.	—	река
р-н	—	район
руч.	—	ручей
рч.	—	речка
ст.	—	станция
стб.	—	столбец
ур.	—	урочище
хр.	—	хребет

ЛИТЕРАТУРА

Абаев, 1958—1989 — *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. М.—Л., 1958. Т. 4. М., 1989.

Абдимуратов, 1965 — *Абдимуратов К.* О названии «Нукус». К истории города. — Вестник Каракалпакского филиала АН УзбССР. Нукус, 1965, № 1.

Абдимуратов, 1970 — *Абдимуратов К.* Почему так названо? Нукус, 1970.

Абдрахманов А.А., 1962 — *Абдрахманов А.А.* Вопросы топонимики Казахстана. — Топонимика Востока. М., 1962.

Абдрахманов А.А., 1965 — *Абдрахманов А.А.* Этимологические исследования — основная задача топонимики. — Територіальні діалекти и власні назвы. Кіев, 1965.

Абдрахманов А., 1975 — *Абдрахманов А.* Топонимика и этимология. А.-А., 1975.

Абдрахманов А., 1979а — *Абдрахманов А.* Этнотопонимы Казахстана, связанные с Алтаем. — Языки и топонимия Алтая. Барнаул, 1979.

Абдрахманов А., 1979б — *Абдрахманов А.* Этнотопонимия Казахстана (из истории исследования). А.-А., 1979.

Абдрахманов М.А., 1965 — *Абдрахманов М.А.* О тюркских топонимах Западной Сибири (топонимы эуштинцев и калмыков). — Ученые записки Томского педагогического института. Т. 22. Томск, 1965.

Абдрахманов—Бонюхов, 1966 — *Абдрахманов М.А., Бонюхов А.А.* Топонимические названия Шории. — ЯТС. Вып. 1. Томск, 1966.

Абрамзон, 1946 — *Абрамзон С.М.* О семантике киргизских этнонимов. — Советская этнография. 1946, № 3.

Агаев, 1984 — *Агаев Г.Д.* Данные этнотопонимии о расселении тюркоязычных племен в Азербайджане. — Этническая ономастика. М., 1984.

Агеева, 1985 — *Агеева Р.А.* Происхождение имен рек и озер. М., 1985.

Айтмуратов, 1985 — *Айтмуратов Д.* Тюркские этнонимы: каракалпак, черные клобуки, черкес, башкурт, кыргыз, уйгур, тюрк, печенег, сак, массагет, скиф. Нукус, 1985.

Алиев, 1975 — *Алиев А.И.* Топонимия западных районов Азербайджана. Автореф. канд. дис. Баку, 1975.

Алиев, 1980 — *Алиев А.И.* Огузские этнонимы в топонимии Азербайджана. — ОК. Орджоникидзе, 1980.

Алтайские этимологии. Л., 1984.

Аникин, 1987 — *Аникин А.Е.* Из этимологических наблюдений над тюркизмами в русских народных говорах Сибири. Новосибирск, 1987.

Антонов, 1971 — *Антонов Н.К.* Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск, 1971.

Аристов, 1896 — *Аристов Н.А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. — Живая старина. СПб., 1896, вып. 3—4.

Асланов, 1976 — *Асланов М.А.* Из топонимии Алазани. — ОК. Махачкала, 1976.

АСПС, 1974; 1978 — Алфавитный список предприятий связи СССР. М., 1974; 1978.

Атаниязов, 1980 — *Атаниязов С.* Толковый словарь географических названий Туркменистана. Аш., 1980.

Атаниязов, 1981 — *Атаниязов С.* Топонимия Туркменистана. Аш., 1981.

Атаниязов—Аширов, 1977 — *Атаниязов С., Аширов К.* К этимологии топонима Нукус. — Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук. 1977, № 1.

Ахундов, 1980 — *Ахундов А.А.* Тюркская топонимия Азербайджана. — ОК. Орджоникидзе, 1980.

Бабур, 1958 — *Бабур З.М.* Бабур-наме. Записки Бабура. Таш., 1958.

Барашков, 1973 — *Барашков В.Ф.* Монголизмы в топонимии Среднего Поволжья. — ОП. Сб. 3. Уфа, 1973.

Бартольд, 1963—1977 — *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. 1—9. М., 1963—1977.

Баскаков, 1958 — *Баскаков Н.А.* Алтайский язык. Введение в изучение алтайского языка и его диалектов. М., 1958.

Баскаков, 1964 — *Баскаков Н.А.* Родо-племенные названия кыпчаков в топонимии Южной Молдавии. — ТВ. Новые исследования. М., 1964.

Баскаков, 1966 — *Баскаков Н.А.* Тюркские языки (Общие сведения и типологическая характеристика). — Тюркские языки. Языки народов СССР. Т 2. М., 1966.

Баскаков, 1969а — *Баскаков Н.А.* Географическая номенклатура Горного Алтая. — ТВ. Исследования и материалы. М., 1969.

Баскаков, 1969б — *Баскаков Н.А.* Принципы избирательности наименования гор у алтайцев Горного Алтая. — Оронимика. М., 1969.

Баскаков, 1974 — *Баскаков Н.А.* Принципы выбора признаков для наименования гор у алтайцев. К проблеме оронимии Горного Алтая. — Исследования по восточной филологии. К семидесятилетию профессора Г.Д. Санжеева. М., 1974.

Баскаков, 1976 — *Баскаков Н.А.* Проблема совершенствования и унификации алфавитов тюркских языков народов СССР. — Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР. А.-А. 1976.

Баскаков, 1977 — *Баскаков Н.А.* Структурные модели тюркских этнонимов и их типологическая классификация. — Onoma. Vol. 21, № 1—2. Leuven (Belgium), 1977.

Баскаков, 1979 — *Баскаков Н.А.* Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.

Баскаков, 1980 — *Баскаков Н.А.* Процессы ареальной интеграции в истории тюркских языков. — СТ. 1980, № 4.

Баскаков, 1981 — *Баскаков Н.А.* Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981.

Баскаков, 1985а — *Баскаков Н.А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985.

Баскаков, 1985б — *Баскаков Н.А.* Этнонимы алтайцев, киргизов, тувинцев и хакасов как источник этногенетических связей. — Ономастика Киргизии. Фрунзе, 1985.

Баскаков, 1985в — *Баскаков Н.А.* Имена собственные гуннов, булгаров, хазаров, сабиров и аваров в исторических источниках. — СТ. 1985, № 4.

Баскаков—Тощакова, 1947 — *Баскаков Н.А., Тощакова Т.М.* Ойротско-русский словарь. М., 1947.

Батманов и др., 1962 — *Батманов И.А., Арагачи З.Б., Бабушкин Г.Ф.* Современная и древняя енисейка. Фрунзе, 1962.

Берг Л.С., 1929 — *Берг Л.С.* Рельеф Туркмении. — Туркмения. Т. 2. Л., 1929.

Берг С.Л., 1955 — *Берг С.Л.* Совещание по вопросам транскрипции географических названий. — Известия ВГО. Т. 87, № 4. Л., 1955.

Бернштам, 1946 — *Бернштам А.Н.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок в VI—VIII веках. Восточно-тюркский каганат и кыргызы. М.—Л., 1946.

Бертагаев, 1980 — *Бертагаев Т.А.* О монгольских и бурятских гидронимах. — ОВ. М., 1980.

Битанова, 1965 — *Битанова А.С.* Глагольные конструкции в казахской топонимии Кустанайской области. — Питання ономастики. Кіев, 1965.

Благова, 1970а — *Благова Г.Ф.* Тюркские средневековые личные женские имена. По материалам Бабур-наме. — Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. Проблемы антропонимики. М., 1970.
Благова, 1970б — *Благова Г.Ф.* Расширение функции антропонимов монг. Чагатай и араб. Осман в тюркских языках. — Антропонимика. М., 1970.
Благова, 1972а — *Благова Г.Ф.* В.В. Радлов и изучение тюркской топонимики в аспекте современных топонимических проблем. — Тюркологический сборник 1971. М., 1972.
Благова, 1972б — *Благова Г.Ф.* Топонимическое использование слов *сарай* и *орду/орда.* — ДТП. Вып. 1. Чебоксары, 1972.
Благова, 1973 — *Благова Г.Ф.* П.М. Мелиоранский и изучение тюркской топонимии. — Тюркологический сборник, 1972. М., 1973.
Бонюхов, 1976 — *Бонюхов А.А.* Семантические отношения компонентов производных топонимов (на примере шорских топонимов). — Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1976.
Боровков, 1935 — *Боровков А.К.* Природа турецкого изафета. — Академия наук СССР академику Н.Я. Марру. М.—Л., 1935.
Брук, 1981; 1986 — *Брук С.И.* Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981. 2-е изд. М., 1986.
Будаев, 1986 — *Будаев И.В.* Об общеалтайском слое в бурятском языке. — Историко-культурные контакты алтайской языковой общности. Тезисы докладов 29-й сессии Постоянной международной алтаистической конференции (PIAC). М., 1986.
Бушаков, 1985 — *Бушаков В.А.* Термины, обозначающие селение и крепость в топонимии Крыма. — СТ. 1985, № 2.
Бушаков, 1989 — *Бушаков В.А.* Семантический анализ крымских топонимов с топоформантами *-сала, -кой, -эли/эль* и с аффиксом *-лар, -лер.* — СТ. 1989, № 2.
Бушуева, 1971 — *Бушуева Е.Н.* Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Азербайджана. М., 1971.
Бушуева—Волостнова, 1968 — *Бушуева Е.Н., Волостнова М.Б.* Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Хакасской автономной области. М., 1968.
Вайнберг, 1962 — *Вайнберг Б.И.* Топонимика как источник по истории туркмен Хорезма. — ТВ. М., 1962.
Василевич, 1971 — *Василевич Г.М.* Некоторые термины ориентации в пространстве в тунгусо-маньчжурских и других алтайских языках. — Проблемы алтайской общности. Л., 1971.
Вахрушев, 1965 — *Вахрушев Г.В.* Значение топонимики в познании недр Башкирии. — Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Л., 1965.
Вендина, 1971 — *Вендина Т.И.* Гидронимы фитонимического и зоонимического происхождения. — Топонимика. Вып. 5. М., 1971.
Вернадский, 1977 — *Вернадский В.И.* Размышления натуралиста. Кн. 2. М., 1974.
Веселовский, 1974 — *Веселовский С.Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
Владимирцов, 1911 — *Владимирцов Б.Я.* Турецкие элементы в монгольском языке. — ЗВОРАО за 1910 г. Т. 20, вып. 2—3. СПб., 1911.
Владимирцов, 1929 — *Владимирцов Б.Я.* Географические имена орхонских надписей, сохранившиеся в монгольском. Доклады АН СССР. Серия В, № 10. Л., 1929.
Владимирцов, 1934 — *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
Вовин, 1986 — *Вовин А.В.* Некоторые японские этимологии. — Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. М., 1986.
Водчак—Попова, 1984 — *Водчак Т.В., Попова В.Н.* Отражение растительного мира в топонимии Казахстана. Тюркская ономастика. А.-А., 1984.

Волкова, 1973 — *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.
Волостнова—Тюрин, 1971 — *Волостнова М.Б., Тюрин С.А.* Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Тувинской АССР. М., 1971.
Волохова и др., 1983 — *Волохова Л.Я., Каземирская Н.И., Королькова Е.Я.* Топонимика Приенисейского юга Средней Сибири. — Природные условия и ресурсы юга Средней Сибири. Красноярск, 1983.
Воробьева, 1977 — *Воробьева И.А.* Топонимика Западной Сибири. Томск, 1977.
Гарипова, 1984 — *Гарипова Ф.Г.* Словарь гидронимов Татарии. Казань, 1984.
Гарипова, 1991 — *Гарипова Ф.Г.* Исследования по гидронимии Татарстана. М., 1991.
Гарипова—Гарипов, 1964 — *Гарипова Н.Д., Гарипов Т.М.* Заметки об иранских элементах в топонимии Башкирии. — ТВ. Новые исследования. М., 1964.
Гафуров, 1968 — *Гафуров А.* Рассказы об именах. Душ., 1968.
Гейбуллаев, 1976 — *Гейбуллаев Г.А.* О кипчакских этнотопонимах в Азербайджане. Доклады АН АзербССР. 1976, № 32/4.
Гейбуллаев, 1983 — *Гейбуллаев Г.А.* К происхождению некоторых гидронимов Азербайджана. — Известия АН АзербССР. Серия истории, филологии и права. 1983, № 2.
Гейбуллаев—Ахундов, 1978 — *Гейбуллаев Г.А., Ахундов А.А.* Опыт классификации ойконимов Азербайджана. — Ученые записки Азербайджанского университета. Серия истории и философии. 1978, № 2.
Гордлевский, 1960 — *Гордлевский В.А.* Избранные сочинения. Т. 1. М., 1960.
Григорьев, 1873 — *Григорьев В.В.* Землеведение К.Риттера. География стран Азии. Восточный, или Китайский, Туркестан. Вып. 2. Дополнения, отдел первый — историко-географический. СПб., 1873.
Григорян, 1975 — *Григорян Э.А.* Словарь местных географических терминов болгарского и македонского языков. Ереван, 1975.
Гриценко, 1966 — *Гриценко К.Ф.* Якутские топонимы на *-лах.* — ЯТС. Вып. 1. Томск, 1966.
Гриценко, 1968 — *Гриценко К.Ф.* Названия рек и озер Якутии. Автореф. канд. дис. Томск, 1968.
Гриценко, 1969 — *Гриценко К.Ф.* К вопросу о притяжательности и определенности в тюркских языках (по материалам якутской топонимии). — Этногенез народов Северной Азии. Новосибирск, 1969.
Гриценко, 1970а — *Гриценко К.Ф.* К вопросу о семантике якутских гидронимов со словом «эбэ». — ЯТС. Вып. 2. Томск, 1970.
Гриценко, 1970б — *Гриценко К.Ф.* Избранные якутские географические термины. — ВГ. Вып. 81. Местные географические термины. М., 1970.
Гриценко, 1974 — *Гриценко К.Ф.* Итоги и задачи изучения топонимики Сибири. — ВО. Вып. 7. Свердловск, 1974.
Гриценко, 1976 — *Гриценко К.Ф.* Глагольные гидронимы в якутском языке. — Языки и топонимия. Вып. 2. Томск, 1976.
Губаева, 1972 — *Губаева С.С.* Одна из особенностей тюркской топонимии. — ДТП. Вып. 1. Чебоксары, 1972.
Губаева, 1983 — *Губаева С.С.* Этнический состав населения Ферганы в конце XIX—начале XX в. (по данным топонимии). Таш., 1983.
Гулямов, 1957 — *Гулямов Я.Г.* История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Таш., 1957.
Гумбольдт, 1915 — *Гумбольдт А.* Центральная Азия. Исследование о цепях гор и по сравнительной климатологии. М., 1915.
Гумилев, 1960 — *Гумилев Л.Н.* Хунну. Срединная Азия в древние времена. М., 1960.
Гурулев, 1982 — *Гурулев С.А.* Что в имени твоем, Байкал? Новосибирск, 1982.
Гурулев, 1986 — *Гурулев С.А.* Иркутск — город вечный. — Сибирь. 1986, № 3.

Гурулев, 1992 — *Гурулев С.А.* Кетоязычная топонимия бассейна Байкала. — Топонимика и межнациональные отношения. М., 1992.
Гусейнзаде, 1971 — *Гусейнзаде А.А.* К этимологии топонима *kušči*. — СТ. 1971, № 6.
Гусейнзаде, 1977 — *Гусейнзаде А.А.* Параллели огузских этнонимов в современной топонимии Азербайджанской ССР. — СТ. 1977, № 4.
Гусейнзаде, 1979 — *Гусейнзаде А.А.* Доогузские топонимы Кавказа. — ВГ, № 110. Топонимика на службе географии. М., 1979.
Даль, 1912—1914 — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. 4-е изд. М., 1912—1914.
Джарылгасинова, 1962 — *Джарылгасинова Р.Ш.* Роль топонимики в изучении ранней этнической истории Кореи. — ТВ. М., 1962.
Дмитриев, 1962 — *Дмитриев Н.К.* Строй тюркских языков. М., 1962.
Дмитриева, 1971 — *Дмитриева Л.В.* Словообразование и некоторые семантические модели, относящиеся к анатомии растений в тюркских языках. — Проблемы алтайской общности. Л., 1971.
Дмитриева, 1972 — *Дмитриева Л.В.* Названия растений в тюркских и других алтайских языках. — Очерки сравнительной лексикологии в алтайских языках. Л., 1972.
Дмитриева, 1979 — *Дмитриева Л.В.* Из этимологии названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. — Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979.
Дмитриева, 1984 — *Дмитриева Л.В.* Этимологии географических апеллятивов в тюркском и других алтайских языках. Л., 1984.
Добродомов, 1971 — *Добродомов И.Г.* Из истории восточноевропейских культурных терминов. — Вопросы русской и чувашской филологии. Вып. 1. Чебоксары, 1971.
Добродомов, 1974 — *Добродомов И.Г.* География и этимология. — ВГ. № 94. Топонимия Центральной России. М., 1974.
Добродомов, 1975 — *Добродомов И.Г.* Булгарские следы на карте. — Русская речь. 1975, № 6.
Добродомов, 1976 — *Добродомов И.Г.* Астрахань. — Русская речь. 1976, № 3.
Добродомов, 1980а — *Добродомов И.Г.* Антропонимы или этнонимы. — ОВ. М., 1980.
Добродомов, 1980б — *Добродомов И.Г.* Еще о слове «балаган». Этимологический этюд. — Русская речь. 1980, № 1.
Добродомов, 1984 — *Добродомов И.Г.* Не «река», а «женщина». — Этническая ономастика. М., 1984.
Добродомов, 1986 — *Добродомов И.Г.* Оскол. — Русская речь. 1986, № 3.
Добродомов, 1992 — *Добродомов И.Г.* Арбат (этимологический этюд). — Топонимика и межнациональные отношения. М., 1992.
Долгих, 1960 — *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.
Донидзе, 1962 — *Донидзе Г.И.* Некоторые вопросы русской передачи тюркоязычных географических названий Советского Союза. — ТВ. М., 1962.
Донидзе, 1964 — *Донидзе Г.И.* Глагольные топонимы в тюркских языках. — ТВ. Новые исследования. М., 1964.
Донидзе, 1972 — *Донидзе Г.И.* О грамматической характеристике тюркских топонимов. — ОП. Вып. 2. Горький, 1972.
Донидзе, 1976 — *Донидзе Г.И.* О правописании географических названий в тюркских языках. — Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР. А.-А., 1976.
Донидзе, 1978 — *Донидзе Г.И.* Отрицание в тюркской топонимии. — ОСА. М., 1978.

Донидзе, 1980 — *Донидзе Г.И.* Об аффиксальном словообразовании в тюркской топонимии. — ОВ. М., 1980.
Донидзе, 1981 — *Донидзе Г.И.* Новый источник по географическим названиям Казахстана. — Сборник научных трудов Центрального ордена «Знак Почета» научно-исследовательского института геодезии, аэрофотосъемки и картографии им. Ф.Н. Красовского. Вып. 230. Прикладная топонимика. Л., 1981.
Дрон, 1992 — *Дрон И.В.* Гагаузские географические названия территории Прутo-Днестровского междуречья. Кишинев, 1992.
ДТС, 1969 — Древнетюркский словарь. Л., 1969.
Дульзон, 1964 — *Дульзон А.П.* Древние топонимы Южной Сибири индоевропейского происхождения. — ТВ. Новые исследования. М., 1964.
Дульзон, 1971 — *Дульзон А.П.* Этнолингвистическая дифференциация тюрков Сибири. — Структура и история тюркских народов. М., 1971.
Дуров, 1929 — *Дуров И.М.* Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья. Остров Соловки. 1929.
Дяченко, 1962 — *Дяченко В.Д.* Про назвы населених пунктів України етнонімічного похождения. — Питання топоніміки та ономастики. Київ, 1962.
Еремеев, 1970 — *Еремеев Д.Е.* К семантике тюркских этнонимов. — Этнонимы. М., 1970.
Еремия, 1982 — *Еремия А.И.* Географические названия рассказывают. Кишинев, 1982.
Жанузаков, 1980 — *Жанузаков Т.* Этюды о казахских этнонимах. — ОСА. Вып. 2. Фрунзе, 1980.
Жевлов, 1984 — *Жевлов М.А.* Топонимия Хакасско-Минусинской котловины. Автореф. канд. дис. А.-А., 1984.
Жучкевич, 1973 — *Жучкевич В.А.* К вопросу о следах обров (аваров) в Белоруссии. — Вестник Белорусского университета. Серия 2. 1973, № 1.
Жучкевич, 1974 — *Жучкевич В.А.* Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974.
Загоровский, 1966 — *Загоровский В.П.* Как возникли названия городов и сел Воронежской области? Воронеж, 1966.
Заходер, 1962 — *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962.
Звегинцев, 1960 — *Звегинцев В.А.* История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960.
Зеленко, 1986 — *Зеленко Л.П.* Хронологическая динамика Причерноморской гидронимии. — Давньоруска ономастична спадщина в східно-слов'янских мовах. Київ, 1986.
Зимин, 1965 — *Зимин Б.И.* Мордовские и татарские названия населенных пунктов Тамбовской обл. — Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Л., 1965.
Иванов, 1981 — *Иванов Вяч.Вс.* Цветовая символика в географических названиях в свете данных типологии (к названию Белоруссии). — Балто-славянские исследования. 1980. М., 1981.
Иллич-Свитыч, 1971—1984 — *Иллич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Сравнительный словарь. Т. 1, 1971. Т. 2, 1976. Т. 3, 1984, М.
Исаев, 1977 — *Исаев Д.* Загадки географических названий. Фрунзе, 1977.
Исследования..., 1979 — Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979.
Исхакова, 1984 — *Исхакова Х.Ф.* Структура составных топонимов (на материале тюркской топонимии Крыма). — Тюркская ономастика. А.-А., 1984.
Ишбердин, 1973 — *Ишбердин Э.Ф.* Этнонимы в топонимии Башкирии. — ОП. Вып. 3. Уфа, 1973.

Кадыраджиев, 1980 — *Кадыраджиев К.С.* К этимологии некоторых кумыкских топонимов. — ОК. Орджоникидзе, 1980.
Казакевич, 1934 — *Казакевич В.А.* Современная монгольская топонимика. — Труды Монгольской комиссии АН СССР. Вып. 13. Л., 1934.
Кайдаров, 1984 — *Кайдаров А.Т.* К историко-лингвистической характеристике этнонима *канглы*. — Тюркская ономастика. А.-А., 1984.
Караев, 1969 — *Караев С.* Опыт изучения топонимии Узбекистана. Автореф. канд. дис. Таш., 1969.
Караев, 1975 — *Караев С.* География этнотопонимов Узбекистана. — Actes du XI-e Congrès international des sciences onomastiques. Т. 2. София, 1975.
Караев, 1985 — *Караев С.* Древнетюркские топонимы Средней Азии. — СТ. 1985, № 6.
Караев, 1991 — *Караев С.К.* Топонимия Узбекистана. Социологический аспект. Таш., 1991.
Кармышева Б.Х., 1976 — *Кармышева Б.Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным). М., 1976.
Кармышева Дж., 1950 — *Кармышева Дж.* К классификации и транскрипции на русский язык составных географических названий Средней Азии. — Известия АН УзбССР. Вып. 5. Таш., 1950.
Карпенко, 1980 — *Карпенко Ю.А.* Признаки молодости топонимической системы. — Перспективы славянской ономастики. М., 1980.
Карпенко, 1985 — *Карпенко Ю.А.* Названия звездного неба. 2-е изд. М., 1985.
Кенесбаев, 1954 — *Кенесбаев С.К.* О некоторых особенностях фразеологических единиц в казахском языке. — Известия АН КазССР, 1954, № 135. Серия филологии и искусствоведения. Вып. 1—2.
Кенесбаев—Джанузаков, 1976 — *Кенесбаев С.К., Джанузаков Т.Д.* О лексических пластах ономастики казахского языка. — СТ. 1976, № 3.
Киекбаев, 1956 — *Киекбаев Д.Г.* Вопросы башкирской топонимики. — Ученые записки Башкирского педагогического института. Вып. 8. Серия филологическая, № 2. Уфа, 1956.
Клоусон, 1969 — *Клоусон Дж.* Лексико-статистическая оценка алтайской теории. — ВЯ. 1969, № 5.
Кляшторный, 1951 — *Кляшторный С.Г.* Кянгюйская этнотопонимика в орхонских текстах. — Советская этнография. 1951, № 3.
Кляшторный, 1964 — *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
Козин, 1935 — *Козин С.А.* Гесериада. Сказание о милостивом Гесер Мергень-хане. М.—Л., 1935.
Козлов, 1947 — *Козлов П.К.* Монголия и Кам. Трехлетнее путешествие по Монголии и Тибету (1899—1901). М., 1947.
Койчубаев, 1965 — *Койчубаев Е.* Нецветовая сущность топонимических компонентов *ак, кара, көк, сары*. — Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Л., 1965.
Койчубаев, 1969 — *Койчубаев Е.* О семантике ведущих имен числительных в фразеологических оборотах, этнических и топонимических образованиях казахского языка. — Исследования по тюркологии. А.-А., 1969.
Койчубаев, 1974 — *Койчубаев Е.* Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. А.-А., 1974.
Коков, 1974 — *Коков Дж.Н.* Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974.
Коков—Шахмурзаев, 1970 — *Коков Дж.Н., Шахмурзаев С.О.* Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970.
Колесникова, 1971 — *Колесникова В.Д.* О названии частей тела в алтайских языках. — Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.

Колесникова, 1972 — *Колесникова В.Д.* Названия частей тела человека в алтайских языках. — Очерки сравнительной лексикологии в алтайских языках. Л., 1972.
Комаров, 1964 — *Комаров Ф.К.* Словарь русской транскрипции терминов и слов, встречающихся в географических названиях Якутской АССР. М., 1964.
Комаров, 1967 — *Комаров Ф.К.* Словарь русской транскрипции эвенкийских и эвенских терминов и слов, встречающихся в географических названиях Сибири и Дальнего Востока. М., 1967.
Конкашпаев, 1951 — *Конкашпаев Г.К.* Казахские народные географические термины. — Известия АН КазССР, № 99. Серия географическая, вып. 3. А.-А., 1951.
Конкашпаев, 1963 — *Конкашпаев Г.К.* Словарь казахских географических названий. А.-А., 1963.
Конкашпаев, 1968 — *Конкашпаев Г.К.* Малоустойчивость местных топонимов в Казахстане. — Материалы 22-й конференции профессорско-преподавательского состава Казахского педагогического института. А.-А., 1968.
Конкашпаев, 1969 — *Конкашпаев Г.К.* Цветовые слова в тюркских топонимах. — Географические науки. А.-А., 1969.
Конкобаев, 1980 — *Конкобаев К.* Топонимия Южной Киргизии. Фрунзе, 1980.
Кононов, 1954 — *Кононов А.Н.* О семантике *кара* и *ак* в тюркской географической терминологии. — Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР. Вып. 5, 1954.
Кононов, 1958 — *Кононов А.Н.* «Родословная туркмен». Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.—Л., 1958.
Кононов, 1978 — *Кононов А.Н.* Способы и термины определения стран света у тюркских народов. — Тюркологический сборник. 1974. М., 1978.
Концевич, 1962 — *Концевич Л.Р.* К вопросу о современных собственных корейских географических названиях. — ТВ. М., 1962.
Коня и др., 1962 — *Коня И., Драгомериску Ш., Няму Г.* Тилеорманский лес и река Телеорман. — ВГ, № 58. Географические названия. М., 1962.
Корнилов, 1972 — *Корнилов Г.Е.* О некоторых топонимах на территории Украины и Поволжья, связанных с понятием «камень». — Советское финно-угроведение. 1972, № 1.
Котвич, 1962 — *Котвич В.* Исследование по алтайским языкам. М., 1962.
Крачковский, 1957 — *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения. Т. 4. М.—Л., 1957.
Кудайбергенов, 1980 — *Кудайбергенов С.* Числительные в составе киргизских топонимов. — ОСА. Вып 2. Фрунзе, 1980.
Кузьмина, 1969 — *Кузьмина Г.Г.* Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в бурятских географических названиях. М., 1969.
Лезина, 1985 — *Лезина И.Н.* Тюркские топонимы Крыма. — Ономастика Киргизии. Фрунзе, 1985.
Лезина—Суперанская, 1984 — *Лезина И.Н., Суперанская А.В.* Об этнотопонимах Крыма. — Тюркская ономастика. А.-А., 1984.
Лезина—Суперанская, 1994 — *Лезина И.Н., Суперанская А.В.* Ономастика. Словарь-справочник тюркских родо-племенных названий. М., 1994.
Маковец, 1974 — *Маковец Н.А. Семь, седьмой* в русских пословицах и поговорках. — Русская речь. 1974, № 2.
Малинская—Шабат, 1976; 1978; 1984 — *Малинская Б.А., Шабат М.Ц.* Ономастика. Указатель литературы, изданной в СССР с 1918 по 1980 г. М., 1976; 1978; 1984.
Маллицкий, 1945 — *Маллицкий Н.Г.* О некоторых географических названиях, имеющих отношение к Средней Азии. — Известия ВГО. Л., 1945, № 5.
Малов, 1952 — *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952.
Малов, 1957 — *Малов С.Е.* Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика. А.-А., 1957.
Малолетко, 1992 — *Малолетко А.М.* Палеотопонимика. Томск, 1992.

Мамедова, 1984 — *Мамедова Х.И.* О составлении карты некоторых ойконимических формантов АзербССР. — Известия АН АзербССР. Серия наук о Земле. 1984, № 6.
Манас, 1981 — Манас. Кн. 3-я. Фрунзе, 1981.
Матвеев, 1980 — *Матвеев А.К.* Географические названия Урала. Свердловск, 1980.
Матвеев, 1984 — *Матвеев А.К.* От Пай-Хоя до Мугоджар. Названия уральских хребтов и гор. Свердловск, 1984.
Матвеев, 1985 — *Матвеев А.К.* Топонимия Урала. Свердловск, 1985.
Матвеев, 1986 — *Матвеев А.К.* Методы топонимических исследований. Свердловск, 1986.
Махмуд Кашгарский, 1967 — *Махмуд Кашгарский.* Девону лугот ит-тўрк. Индекс. Таш., 1967.
Махрипов, 1984 — *Махрипов В.И.* Дивану лугат-ит-тюрк и вопросы тюркской топонимики. Тюркская ономастика. А.-А., 1984.
Махрипов, 1990 — *Махрипов В.И.* Древнетюркская ономастика. А.-А., 1990.
Мельхеев, 1958 — *Мельхеев М.Н.* Местные географические термины Восточной Сибири. — Труды Иркутского университета. Т. 24. Серия географическая, вып. 1, 1958.
Мельхеев, 1969а — *Мельхеев М.Н.* Географические названия Восточной Сибири. Иркутская и Читинская области. Иркутск, 1969.
Мельхеев, 1969б — *Мельхеев М.Н.* Топонимика Бурятии. История, система и происхождение географических названий. Улан-Удэ, 1969.
Мельхеев, 1974 — *Мельхеев М.Н.* Карта расселения и перемещения бурятских родоплеменных групп по данным топо- и этнонимики. — Этнографический сборник. Вып. 6. Улан-Удэ, 1974.
Мельхеев, 1976 — *Мельхеев М.Н.* Топо-этно-антропонимические связи в ономастике. — Ономастика Бурятии — Труды института общественных наук Бурятского филиала АН СССР. Вып 26. Улан-Удэ, 1976.
Мельхеев, 1986 — *Мельхеев М.Н.* Географические названия Приенисейской Сибири. Иркутск, 1986.
Мехралиев, 1973 — *Мехралиев Э.К.* Сущность и локальные изменения терминов *кара* и *аг* (*ак, ах*) в географических названиях. — Материалы научной конференции, посвященной изучению топонимии Азербайджана. Баку, 1973.
Мехралиев, 1992 — *Мехралиев Э.К.* Географические термины в топонимии Азербайджана. История топонимических исследований. — Труды Института географии АН Азербайджана. Баку, 1992.
Миков, 1943 — *Миков В.* Происходъ и значение на имената на нашите градове, села, реки, планины и места. София, 1943.
Моллазаде, 1978 — *Моллазаде С.М.* Топонимия северных районов Азербайджана. Автореф. докт. дис. Баку, 1978.
Моллова, 1974 — *Моллова М.Р.* Ономастические исследования о «базар и басар». — СТ. 1974, № 6.
Молчанова, 1976а — *Молчанова О.Т.* Числительные и счетные слова в алтайских топонимах. — Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1976.
Молчанова, 1976б — *Молчанова О.Т.* Географический термин *булак* в топонимии. — ОП, № 4. Саранск, 1976.
Молчанова, 1979 — *Молчанова О.Т.* Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979.
Молчанова, 1982 — *Молчанова О.Т.* Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая. Саратов, 1982.
Молчанова, 1985а — *Молчанова О.Т.* Прилагательные семантических полей «черный цвет» и «белый цвет» в ономастиконе алтайцев. — СТ. 1985, № 3.

Молчанова, 1985б — *Молчанова О.Т.* Образование топонимов, выражающих отношение противопоставленности. — Ономастика Киргизии. Фрунзе, 1985.
Морозова, 1966 — *Морозова М.Н.* Сопоставительное изучение топонимии Калужской и Тамбовской областей. — ВГ, № 70. Изучение географических названий. М., 1966.
Муминов, 1969а — *Муминов М.Т.* Материалы по этимологии тюркских топонимов Тюменского и Ялуторовского районов Тюменской области. — Ученые записки Уральского университета, № 80. Серия филологическая, вып. 8. Свердловск, 1969.
Муминов, 1969б — *Муминов М.Т.* Об особенностях употребления географических терминов в тюркской топонимике Тюменской обл. — Ученые записки Уральского университета, № 80. Серия филологическая, вып. 8. Свердловск, 1969.
Мурзаев, 1939 — *Мурзаев Э.М.* К географической терминологии туркмен. — Известия ВГО. 1939, т. 71, вып. 5.
Мурзаев, 1940 — *Мурзаев Э.М.* К географической терминологии и номенклатуре киргизов Тянь-Шаня. — Известия ВГО. 1940, т. 72, вып. 3.
Мурзаев, 1957 — *Мурзаев Э.М.* Средняя Азия. Физико-географический очерк. М., 1957.
Мурзаев, 1964 — *Мурзаев Э.М.* Центрально-азиатские топонимические миниатюры. — ТВ. Новые исследования. М., 1964.
Мурзаев, 1974 — *Мурзаев Э.М.* Очерки топонимики. М., 1974.
Мурзаев, 1984 — *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984.
Мурзаев, 1995 — *Мурзаев Э.М.* Топонимика и география. М., 1995.
Мурзаев—Умурзаков, 1974 — *Мурзаев Э.М., Умурзаков С.У.* Гидронимы Иссык-Куль и Байкал. — Известия АН СССР. Серия географическая. 1974, № 6.
Мусаев, 1984 — *Мусаев К.М.* Лексикология тюркских языков. М., 1984.
Мухамедова, 1971 — *Мухамедова З.Б.* Огузско-туркменские этнонимы. — СТ. 1971, № 1.
Мухамедова, 1973 — *Мухамедова З.Б.* Опыт исследования числительных в историческом плане. — Исследования по истории туркменского языка. Аш., 1973.
Наделяев, 1961 — *Наделяев В.М.* (выступление на совещании). — Вопросы методов изучения истории тюркских народов. Аш., 1961.
Найимов, 1984 — *Найимов С.Н.* Ойконимы Бухарской области. Автореф. канд. дис., Таш., 1984.
Народы Кавказа, 1960 — Народы Кавказа. Этнографические очерки. Т. 1. М., 1960.
Народы Сибири, 1956 — Народы Сибири. Этнографические очерки. М.—Л., 1956.
Народы Средней Азии и Казахстана, 1962—1963 — Народы Средней Азии и Казахстана. Этнографические очерки. Т. 1, 1962. Т. 2, 1963. М.
Нафасов, 1968 — *Нафасов Т.* Топонимы Кашкадарьинской области. Автореф. канд. дис. Таш., 1968.
Нафасов, 1985 — *Нафасов Т.* Этнолингвистический анализ топонимии Южного Узбекистана. Таш., 1985.
Нафасов, 1989 — *Нафасов Т.* Общетюркский *терак — терек — дерек* в гидронимии СССР. — Вторая республиканская конференция по ономастике (Тбилиси, 1987). Тб., 1989.
Нафасов, 1992 — *Нафасов Т.* Азиатско-Поволжский ойконимический ареал *балик — балык.* — Ономастика Поволжья. М., 1992.
Немет, 1969 — *Немет Ю.* Два кипчакских географических названия в Венгрии. — Исследования по тюркологии. А.-А., 1969.
Нестеров, 1980 — *Нестеров В.А.* Над картой Чувашии. Историко-топонимические заметки. Чебоксары, 1980.
Никонов, 1962 — *Никонов В.А.* Славянский топонимический тип. — ВГ. № 58. Географические названия. М., 1962.

Никонов, 1966 — *Никонов В.А.* Краткий топонимический словарь. М., 1966.
Никонов, 1974 — *Никонов В.А.* Имя и общество. М., 1974.
Новикова, 1979 — *Новикова К.А.* Иноязычные элементы в тунгусо-маньчжурской лексике, относящейся к животному миру. — Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979.
Номинханов, 1962а — *Номинханов Ц.Д.* Названия частей тела человека в тюрко-монгольских языках. — Записки Калмыцкого института языка, литературы и истории. Вып. 2. Элиста, 1962.
Номинханов, 1962б — *Номинханов Ц.Д.* Монгольские элементы в этнонимике и топонимике Узбекской ССР. — Записки Калмыцкого института языка, литературы и истории. Вып. 2. Элиста, 1962.
Нуриев, 1983 — *Нуриев Э.Б.* Исследование названий населенных пунктов южного склона Большого Кавказа (междуречье Мазымчай-Геокчай). Автореф. канд. дис. Баку, 1983.
Нуриев, 1989 — *Нуриев Э.Б.* Топонимия Щеки-Закатальской зоны Азербайджанской ССР. Баку, 1989.
Ондар, 1984 — *Ондар Б.К.* Гидронимия Тувы. Автореф. канд. дис. А.-А., 1984.
Орузбаева, 1964 — *Орузбаева В.А.* Словообразование в киргизском языке. Фрунзе, 1964.
Отін, 1977 — *Отін Е.С.* Гідроніми східної України. Київ, 1977.
Отин, 1979 — *Отин Е.С.* Непереоформленные личные имена в гидронимии Дона. — Восточно-славянская ономастика. Исследования и материалы. М., 1979.
ОУ, 1987 — Ономастика Узбекистана. Таш., 1987.
Очерки..., 1972 — Очерки сравнительной лексикологии в алтайских языках. Л., 1972.
Очир-Гаряев, 1983 — *Очир-Гаряев В.Э.* Географические термины в наречиях монгольских языков. Автореф. канд. дис. Элиста, 1983.
Пекарский, 1930 — *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. Вып. 13. Л., 1930.
Петров, 1980 — *Петров К.И.* Тюркские средневековые этнотопонимы от числительного «семь». К происхождению топонима Джетысуу-Семиречье. — ОСА. Вып. 2. Фрунзе, 1980.
Поливанов, 1927 — *Поливанов Е.Д.* О происхождении названия Ташкент. — В.В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели. Таш, 1927.
Попов А.И., 1973 — *Попов А.И.* Названия народов СССР. Л., 1973.
Попов А.И., 1981 — *Попов А.И.* Следы времен минувших. Л., 1981.
Попов В.Л., 1930 — *Попов В.Л.* Очерки поездки по горной системе Алтая. Географический очерк (путевые заметки). — Записки Западно-Сибирского отделения РГО. 1903, кн. 30.
Попова, 1969 — *Попова В.Н.* Гидронимические термины Павлодарской обл. — ТВ. Исследования и материалы. М., 1969.
Попова, 1994 — *Попова В.Н.* Ономастика. Словарь географических названий Казахстана. Павлодарская область. М., 1994.
Поспелов, 1980 — *Поспелов Е.М.* Гидронимические ареалы Центральной Азии. — ОВ. М., 1980.
Потанин, 1864 — *Потанин Г.Н.* Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении. — Этнографический сборник. Вып. 6. СПб., 1864.
Потапов, 1957 — *Потапов Л.* Новые данные о древнетюркском Отукан. — Советское востоковедение. 1957, № 1.
Проблема..., 1971 — Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.
Радлов, 1880 — *Радлов В.В.* Средняя Зеравшанская долина. — Записки РГО по отделению этнографии. Вып. 6. СПб., 1880.
Радлов, 1893—1911 — *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1, 1893. Т. 2, 1899. Т. 3, 1905. Т. 4, 1911. СПб.
Радлов, 1989 — *Радлов В.В.* Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989.

Рассадин, 1986 — *Рассадин В.И.* Роль контактов в образовании тюрко-монгольской языковой общности. — Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. Тезисы докладов на 29-й сессии постоянной алтаистической конференции. М., 1986.
Рассудова, 1978 — *Рассудова Р.Я.* Термин «ходжа» в топонимии Средней Азии. — ОСА. М., 1978.
Рассудова, 1980 — *Рассудова Р.Я.* Топонимия и история заселения. — Ономастика Средней Азии. Фрунзе, 1980.
Реформатский, 1960 — *Реформатский А.А.* О подаче и передаче географических названий на русских картах. — Транскрипция географических названий. Труды совещания, состоявшегося 28—31 января 1959 г. М., 1960.
Розен, 1970 — *Розен М.Ф.* Словарь географических терминов Западной Сибири. Л., 1970.
Розен, 1974 — *Розен М.Ф.* Горные хребты Алтая и история их названий. — Географическая среда и географические названия. Л., 1974.
Розен—Малолетко, 1986 — *Розен М.Ф., Малолетко А.М.* Географические термины Западной Сибири. Томск, 1986.
Розенфельд, 1940 — *Розенфельд А.З.* Название *лянгар* в топонимике Таджикистана. — Известия ВГО. Т. 72. 1940, № 6.
Розенфельд, 1951 — *Розенфельд А.З.* Qala (кала) — тип укрепленного иранского поселения. — Советская этнография. 1951, № 1.
Романова, 1964 — *Романова Г.Я.* О названии Китай-города в Москве. — Ученые записки Московского областного педагогического института. 1964, т. 148. Русский язык, вып. 10.
Россия..., 1901 — Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 6. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. СПб., 1901.
Руднев, 1911 — *Руднев А.Д.* Материалы по говорам Восточной Монголии. СПб., 1911.
Рыгдылон, 1955 — *Рыгдылон Э.Р.* О названиях Байкал и Ангара. — Известия АН СССР. Серия географическая. 1955, № 5.
Савина, 1971 — *Савина В.И.* Словарь географических терминов и других слов, формирующих топонимию Ирана. М., 1971.
Савина, 1980 — *Савина В.И.* Этнонимы в топонимии Ирана. — ОВ. М., 1980.
Савинов, 1986 — *Савинов Д.Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1986.
Самсонов, 1981 — *Самсонов Н.Г.* К истории ойконимов Якутии. — ДТП. Чебоксары, 1981.
Санжеев, 1930 — *Санжеев Г.Д.* Маньчжуро-монгольские языковые параллели. — Известия АН СССР. Серия гуманитарных наук, серия VII. 1930, № 8—9.
Сатимбеков, 1969 — *Сатимбеков Р.* Новые данные о прошлом фауны Казахстана. — Материалы 22-й научной конференции Казахского педагогического института. А.-А., 1969.
Сатимбеков, 1970 — *Сатимбеков Р.* Пути восстановления былого ареала исчезнувших животных методом топонимики. — Природа, ее охрана и рациональное использование. Иркутск, 1970.
Сатимбеков, 1981 — *Сатимбеков Р.* Древние заповедники Средней Азии и Казахстана. — Известия ВГО. Т. 113. 1981, № 3.
Сатимбеков, 1982 — *Сатимбеков Р.* Топонимические свидетельства изменения ареалов некоторых млекопитающих Казахстана. — Известия АН СССР. Серия географическая. 1982, № 3.
Саттаров, 1974 — *Саттаров Г.Ф.* К этимологии топонима Набережные Челны. — СТ. 1974, № 3.
Саттаров, 1975 — *Саттаров Г.Ф.* Антропотопонимия Татарской АССР. Автореф. докт. дис. Казань, 1975.

Саттаров, 1977 — *Саттаров Г.Ф.* Этнонимы в топонимии и антропонимии Татарии. — Исследования по татарскому языку. Казань, 1977.
Саттаров, 1979 — *Саттаров Г.Ф.* Названия населенных пунктов в Татарии, производные от древних тюрко-татарских личных имен. — СТ. 1979, № 2.
Саттаров, 1980 — *Саттаров Г.Ф.* Этнотопонимы Татарии. — СТ. 1980, № 1.
Саттаров—Сиряева, 1971 — *Саттаров Г.Ф., Сиряева А.М.* Деятельность И.А. Износкова по изучению татарских топонимов. — ОП. Материалы 2-й Поволжской конференции по ономастике. Горький, 1971.
Севортян, 1962 — *Севортян Э.В.* О тюркских элементах в Русском этимологическом словаре М.Фасмера. — Лексикографический сборник. М., 1962.
Севортян, 1966 — *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1966.
Севортян, 1974—1980 — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Т. 1. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. 1974. Т. 2. Буква Б, 1978. Т. 3. Буквы В, Г, Д, 1980. М. См. также ЭСТЯ, 1989.
Сейидов, 1973 — *Сейидов М.* Некоторые замечания о происхождении этнонимов Агтоюнлу и Гарагоюнлу. — Материалы научной конференции, посвященной изучению топонимии Азербайджана. Баку, 1973.
Семенов, 1873 — *Семенов П.П.* Географо-статистический словарь Российской империи. Т. 4. СПб., 1873.
Серошевский, 1896 — *Серошевский В.Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. СПб., 1896.
Синор, 1986 — *Синор Д.* Пролегомены к 29-й сессии PIAC. — Узбекский язык и литература. 1986, № 2.
Скворцов, 1973—1976 — *Скворцов М.И.* Древние титулы в чувашской ономастике. — ДТП. 1973, вып. 2, 1975, вып. 3; 1976, вып. 4. Чебоксары.
Скворцов, 1977 — *Скворцов М.И.* Этнические названия в чувашской топонимике и антропотопонимике. — ДТП. 1977, вып. 5.
Слободинская, 1989 — *Слободинская Т.Ф.* Географические названия Оренбургской области. Краткий топонимический словарь. Орск, 1989.
Словарь..., 1976 — Словарь названий орографических объектов СССР. М., 1976.
Словнік, 1979 — Словнік гідронімів України. Кіев, 1979.
Срезневский, 1893—1903 — *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893—1903.
СРНГ, 1965—1995 — Словарь русских народных говоров. М., 1965—1995 [издание не окончено, вышли тома 1—29: Аа — (спритчиться)].
ССРЛЯ, 1950—1965 — Словарь современного русского литературного языка. М., 1950—1965 (17 томов).
СТБ, 1980 — Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа, 1980.
Стеблева, 1972 — *Стеблева И.В.* К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы. — Тюркологический сборник. 1971. М., 1972.
Страбон, 1879 — *Страбон.* География в семнадцати книгах. М., 1879.
Стрижак, 1967 — *Стрижак О.С.* Назви річок Запоріжжя і Херсонщини. Кіев, 1967.
Субаева, 1961 — *Субаева Р.Х.* О названиях рек и озер Среднего Поволжья. — Известия Казанского филиала АН СССР. Серия энергетики и водного хозяйства. 1961, вып. 3.
Суперанская, 1960 — *Суперанская А.В.* Вопросы орфографии географических названий.—Транскрипция географических названий. Труды совещания, состоявшегося 28—31 января 1959 г. М., 1960.
Суперанская, 1969 — *Суперанская А.В.* Гидронимия Крыма и Северо-Западного Кавказа. — Ономастика. М., 1969.
Суперанская, 1985 — *Суперанская А.В.* Генотопонимия Крыма. — Melanges Skok. Jugoslavenska Akademija Znanosti i umjetnosti. Zagreb, 1985.

Сыдыков, 1966 — *Сыдыков С.* Тюрко-монгольские параллели. — Источники формирования тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири. Фрунзе, 1966.
Сыромятников, 1967 — *Сыромятников Н.А.* Об урало-алтайском слое древнеяпонского языка. — Народы Азии и Африки. 1967, № 2.
Сюльбэ, 1985 — *Сюльбэ Б.* Топонимика Якутии. Якутск, 1985.
Тадыкин, 1990 — *Тадыкин В.Н.* О некоторых топонимах Горного Алтая. — Проблемы этимологии тюркских языков. А.-А., 1990.
Татаринцев, 1990 — *Татаринцев Б.И.* О происхождении слова Отукан. — СТ. 1990, № 2.
Тенишев, 1986 — *Тенишев Э.Р.* Основные лингвистические направления в алтаистике. — Узбекский язык и литература. 1986, № 4.
Титова, 1960 — *Титова А.С.* Словарь транскрипции терминов и слов, часто встречающихся в географических названиях Казахской ССР. М., 1960.
ТМС, 1975—1977 — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 1, 1975. Т. 2, 1977.
Толстов, 1947 — *Толстов С.П.* Города гузов (историко-этнографические этюды). — Советская этнография. 1947, № 3.
Толстов, 1948 — *Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948.
Толстов, 1961 — *Толстов С.П.* Приаральские скифы и Хорезм. К истории заселения и освоения древней дельты Сырдарьи. — Советская этнография. 1961, № 4.
Толстов, 1962 — *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
Топоров, 1962 — *Топоров В.Н.* О некоторых проблемах изучения древнеиндийской топонимии. — ТВ. М., 1962.
Туйчиев, 1980а — *Туйчиев У.* Отражение этнонимов в топонимии Булунгурского района. — ОСА. Вып. 2. Фрунзе, 1980.
Туйчиев, 1980б — *Туйчиев У.* Этнотопонимы и этническая география Джамбайского района. — ОСА. Вып. 2. Фрунзе, 1980.
Туманович, 1926 — *Туманович О.Б.* Туркменистан и туркмены. Материалы к изучению истории и этнографии. Ашхабад—Полторацк, 1926.
Убрятова, 1950 — *Убрятова Е.И.* Исследования по синтаксису якутского языка. М.—Л., 1950.
Умурзаков, 1959 — *Умурзаков С.* Очерки по истории географических открытий и исследований Киргизии. Фрунзе, 1959.
Умурзаков, 1965 — *Умурзаков С.* О киргизских географических терминах, обозначающих «перевал». — Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Л., 1965.
Умурзаков, 1968 — *Умурзаков С.* К этимологии названия Джеты-Огуз. — Вопросы киргизской терминологии. Фрунзе, 1968.
Умурзаков, 1978 — *Умурзаков С.* К исторической топонимии Киргизии. — ОСА. М., 1978.
Умурзаков, 1985 — *Умурзаков С.* Этимологические заметки о некоторых топонимах Киргизии: Адыр-Тер, Ак-Бууру, Узген, Токмок. — Ономастика Киргизии. Фрунзе, 1985.
Умурзаков и др., 1988 — *Умурзаков С.У., Кешикбаев А.А., Махрина Л.И., Эшенкулов Т., Рыскулова Б.* Словарь географических названий Киргизской ССР. Фрунзе, 1988.
УРС, 1959 — Узбекско-русский словарь. М., 1959.
Фасмер, 1964—1973 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1964—1973.
Фоменко, 1970 — *Фоменко В.Г.* О подмосковных топонимах Коломна и Кашира. — Топонимика. Вып. 4. М., 1970.
Фомин, 1982 — *Фомин А.А.* Тюркские названия некоторых озер Челябинской обл. — ВО. Свердловск, 1982.

Хаджилаев, 1970 — *Хаджилаев Х.-М.К.* Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970.
Хайдаков, 1964 — *Хайдаков С.М.* Глагол в лакских топонимах. — ТВ. Новые исследования. М., 1964.
Халимов, 1966 — *Халимов Р.Х.* Топонимика восточной (горной) части бассейна реки Кашкадарьи. — Географический сборник. Казань, 1966.
Ханмагомедов, 1976 — *Ханмагомедов Х.М.* Тюркские этнонимы в топонимии Дагестана. — ОК. Махачкала, 1976.
Хапаев, 1981 — *Хапаев С.А.* Очерки природы Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1981.
Хапаев, 1988 — *Хапаев С.А.* О карачаево-балкарских географических терминах. — Некоторые вопросы социолингвистики и топонимии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1988.
Хасанов, 1962 — *Хасанов Х.Х.* Ценный источник по топонимии Средней Азии. ТВ. М., 1962.
Хасанов, 1964 — *Хасанов Х.Х.* Ученые путешественники. Таш., 1964.
Хасанов, 1972 — *Хасанов Х.* Беруни и топонимика. — Беруни и гуманитарные науки. Таш., 1972.
Хашимов, 1966 — *Хашимов Ж.А.* Топонимика Нуратинских гор. — Географический сборник. Казань, 1966.
Хисамтдинова, 1984 — *Хисамтдинова Ф.Г.* Этнотопонимы и этническая география северо-западной Башкирии XVII—XVIII вв. — Исследования по исторической этнографии Башкирии. Уфа, 1984.
Шакуров, 1986 — *Шакуров Р.З.* По следам географических названий. Топонимия бассейна реки Демы. Уфа, 1986.
Шипова, 1976 — *Шипова Е.Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. А.-А., 1976.
Щербак, 1966 — *Щербак А.М.* О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. — ВЯ. 1966, № 5.
Щербак, 1968 — *Щербак А.М.* Содержание урало-алтайской гипотезы; ее обоснование и оценка. — Известия АН АзербССР. Серия литературы, языка и искусства. 1968, № 1.
Щукин, 1980 — *Щукин И.С.* Четырехъязычный энциклопедический словарь по физической географии. М., 1980.
ЭСТЯ, 1989 — Этимологический словарь тюркских языков. Буквы Ж — Й. М., 1989. См. также Севортян, 1974—1980.
Югай, 1961 — *Югай Р.Л.* О географическом изучении пустыни Кызылкум в связи с ее топонимикой. — Известия Узбекского филиала Географического общества СССР. Т. 5, 1961.
Юдахин, 1965 — *Юдахин К.К.* Киргизско-русский словарь. М., 1965.
Юдин, 1983 — *Юдин В.П.* Орды Белая, Синяя, Серая, Золотая. — Казахстан и Средняя Азия в XVI—XVIII вв. А.-А., 1983.
Юзбашев, 1966 — *Юзбашев Р.* Азербайджанские географические термины (исследование). Баку, 1966.
Юзбашев, 1969 — *Юзбашев Р.* Топонимика Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР. — Известия АН АзербССР. Серия наук о Земле. 1969, № 2.
Юсупов, 1952 — *Юсупов Ф.А.* Из материалов к ботаническому словарю тюркских названий растений. — Известия ВГО. Т. 84, 1952, № 2.
Ященко, 1974а — *Ященко А.И.* Гидронимический словарь Посемья. — Проблемы ономастики. Вологда, 1974.
Ященко, 1974б — *Ященко А.И.* Языковая принадлежность топонимии и микротопонимии Курской области. — ВГ. № 94. Топонимия Центральной России. М., 1974.
Bárczi, 1968 — *Bárczi Géza.* A magyar szókincs eredete. Budapest, 1968.

Farquhar и др., 1967 — *Farquhar D.M., Jarring G., Norin E.* Index of Geographical Names. — Sven Hedin Central Asia Atlas. Memoir on Maps. Vol. 2. Stockholm, 1967.
Jarring, 1961 — *Jarring G.* Some Notes on Central Asian Turkic Place Names. — Bulletin of the Geological Institutions the University of Uppsala. Vol. 40, 1961.
Jarring, 1964 — *Jarring G.* An Eastern Turki-English Dialect Dictionary. Lund, 1964.
Le Coq, 1922 — *Le Coq A.* Ostturkische Namenliste mit Erklarungsversuch. — In S.Hedin Southern Tibet. Vol. 9, № 2. Stockholm, 1922.
Raquett, 1928 — *Raquett G.* Nägra turkiska geografiska namn in Centralasien. — Sydsvensk geografisk arbok. Lund, 1928.
Scheinhardt, 1979 — *Scheinhardt H.* Typen türkichen Ortnamen Beiträge zur Namenforschung. — Neue folge № 15. Heidelberg, 1979.
Stewart, 1975 — *Stewart G.R.* Names on the Globe. N.Y., 1975.
Vambery, 1891 — *Vambery H.* Die geographische Nomenklatur Zentralasiens. — Petermanns Mitteilungen. Bd 37. Gotha, 1891.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
Из классического наследия 7
Ареалы и возраст 16
Закономерности номинации 39
Структура названий 80
Семантическая мотивированность и топонимическая позитивность 104
Физико-географические апеллятивы в топонимии 106
Этнокультурные апеллятивы в топонимии 151
Историко-культурные апеллятивы в топонимии 159
Этнотопонимия 168
Антропотопонимия 191
Русская географическая лексика тюркского происхождения 203
Странствующие географические термины и названия в алтайских языках 208
Вечные вопросы транскрипции 229
Вместо заключения 235
Сокращения 236
Литература 238

Научное издание

Мурзаев Эдуард Макарович

ТЮРКСКИЕ
ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ
НАЗВАНИЯ

Редактор *М.И. Карпова*
Художник *Б.Л. Резников*
Художественный редактор *Э.Л. Эрман*
Технический редактор *О.В. Аредова*
Корректоры *Е.В. Карюкина, И.И. Чернышева*
Компьютерные набор и верстка *М.П. Горшенкова*

ЛР 020910 от 02.09.94
ИБ № 16434

Сдано в набор 16.01.96
Подписано к печати 25.07.96
Формат 60 × $90^{1}/_{16}$. Бум. офсетная
Печать офсетная. Усл.п.л. 16,0
Усл.кр.-отт. 16,4. Уч.-изд.л. 18,2
Тираж 500 экз. Изд. № 6925
Зак. № 163. "С" — 1

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

91(56) Э7
М-91

Мы не знаем. Но они знают
Камни знают. Даже знают
деревья. И помнят.
Помнят, кто назвал горы
и реки.
Кто сложил бывшие
города. Кто имя дал
незапамятным странам.
Неведомые нам слова.
Все они полны смысла.

Николай Рерих

Э. М. Мурзаев

ТЮРКСКИЕ географические НАЗВАНИЯ

Овидий знал наречья скифов
В стране, где властвует зима,
Но это был не труд сизифов,
А подвиг пленного ума.
И я, не избежав изгнанья,
Пытаясь скрасить горький век,
Собрал и объяснил названья
Гиперборейских гор и рек.
И, озарен незримым светом,
Я был пред вечностью склонен,
Уподобляя самоцветам
Слова исчезнувших племен.

Сергей Марков